

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

II

ОСЕТИНСКИЙ, ЯГНОБСКИЙ
И ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ ЛЕНИНГРАД
1953

**Ответственный редактор
И. И. ЗАРУБИН**

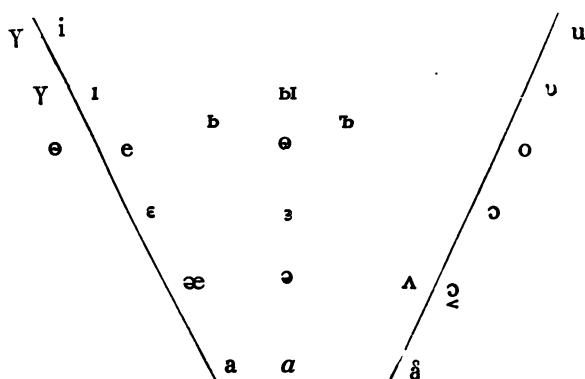
ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске продолжается публикация очерков по фонетике иранских языков. Общие задачи и методы исследования были изложены в предисловии к I выпуску, включающему в себя очерки по фонетике белуджского, курдского, татского и талышского языков. В настоящем выпуске представлены очерки по осетинскому, я gnобскому и памирским языкам: шугнано-рушанскому, язгулямскому, ваханскому, ишкашимскому.

Работа по сбору материала проводилась в 1948—1950 гг. в Таджикистане (я gnобский язык и памирские языки) и в Северной Осетии (осетинский язык). Каждый очерк, как и в первом выпуске, состоит из предваряющих сведений о задачах и условиях исследования и из описания вокализма и консонантизма данного языка. Детализация и объем каждого очерка зависят от различных задач, поставленных предшествующими исследованиями. К очеркам (за исключением осетинского языка как письменного) приложены тексты в транскрипции, отражающей фонемный состав слов, а также образцы текстов в детализированной транскрипции, отражающей варианты фонем. К осетинскому языку приложены кимограммы, к ваханскому — палатограммы согласных.

Транскрипция и классификационные принципы при описании фонем применяются те же, что и в первом выпуске. Транскрипция, отражающая фонемный состав слова без обозначения вариантов фонем, дается курсивом. Транскрипция, употребляемая при описании фонем с обозначениями их вариантов, дается прямым шрифтом в елочках. При определении качества гласных используется таблица в 6 ступеней подъема с соответствующими знаками, употребляемыми в работе.

Классификационная таблица гласных

Дополнительные знаки**Для гласных**

- ¬(o) сужение
- ¬(o) расширение
- ¬(ā) назализация
- ¬(ā) долгота
- ¬(ī) краткость
- ¬(ou) дифтонгичность
- ¬(i) неслоговой гласный

Для согласных

- ¬(d) ретрофлексная артикуляция
- ¬(d') палатализация
- ¬(l) веляризация
- ¬(t^č) придыхательность
- ¬(d) оглушение
- ✓ (č) среднеязычная артикуляция
(второго фокуса)
- ¬(k) среднеязычная артикуляция

Общие

- ¬(o -) продвижение вперед
 - ¬(i -) продвижение назад
 - ¬(ʌ°) огубленность
 - ¬(xúbaθ) ударение
-

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Состав фонем осетинского языка, как гласных, так и согласных, был довольно точно установлен еще Вс. Миллером и опубликован в его „Осетинских этюдах“.¹ Исследование Вс. Миллера, несмотря на отсутствие соответствующей терминологии, которой в то время не существовало, по существу своему характеризуется фонологическим подходом.

Исправляя и дополняя Шегрена, Вс. Миллер предельно совершенствует его транскрипцию, устранив обременяющие ее лишние знаки, отражавшие у Шегрена различные варианты фонем, а не фонемы, правильно определяет состав звуков (фонем) и грани между ними и в результате создает вполне фонологическую транскрипцию, которая и сейчас не требует больших исправлений. При описании звуков Вс. Миллер пользуется последними достижениями фонетики того времени, в частности при определении гласных он использует таблицу Сиверса, что придает его определениям большую точность. Правда, Вс. Миллер не дает описания звуков (фонем) в их вариантах, напротив того, различие в звучании иногда даже им отрицается, что, впрочем, вполне естественно в дофонологическом исследовании. В самом деле, если бы пришлось признать различие в звучании, то пришлось бы признать наличие разных звуков и обозначать их различными знаками, чего не мог делать Вс. Миллер, который хорошо понимал, что для осетин в этих случаях никаких разных звуков нет. Поэтому, чтобы сохранить единство звука (его фонемность), Вс. Миллер и не мог говорить о различных его звучаниях, да может быть и замечать их, раз он научился воспринимать этот звук фонологически. Но это сказалось отрицательно на описании некоторых звуков, в частности на описании весьма мутабильного осетинского гласного *ь*, который определяется Вс. Миллером как звук качественно постоянный. Так, он пишет: „Звук, выражаемый этой буквой (‘),² представлялся Шегрену крайне неуловимым. Он слышался ему то как беглый *e*, то как *i*, то как немецкий *ö* и *ü*, то, наконец, близким к русскому *ы*...“. И далее: „Насколько мы можем положиться на наш слух и на свидетельство

¹ Вс. Миллер. Осетинские этюды. Ученые записки Московского университета, вып. II, 1882.

² Транскрипция Миллера.

самых осетин, в настоящее время г, без различия тех случаев, на которые указывает Шегрен, звучит всюду одинаково и ближе всего к русскому ы... Вероятно звук, выражаемый буквой г, имел прежде различные оттенки... Но в настоящее время оттенки эти так незначительны и трудноуловимы, что различать их отдельными буквами нет никакой возможности". Таким образом, для выявления диапазона гласных фонем больше материала можно почерпнуть из работы Шегрена, транскрипция которого являлась фонетической и отражала слышимые им варианты. Впрочем, в одном случае при очень резком изменении звучания Вс. Миллер отмечает вариант фонемы ё: „Заметим, что после j ё приближается к открытому e, так что можно колебаться, писать ли jёу (просо) или jey, jё (его) или je; мы пишем в этих случаях ё, так как все же гласный в этих словах ближе к a, чем к e”¹.

Тщательно разбирая вопрос о количественных взаимоотношениях гласных, Вс. Миллер приходит к выводу, что долготы, отмечаемые Шегреном, возникают исключительно под влиянием ударения для всех гласных, за исключением i и у, „в которых действительно различается количество даже неразвитым слухом“. Вс. Миллер различает долгие ю и ё и краткие у и i. Однако различие это главным образом междиалектное. Иронский диалект имеет только долгое ё, дигорский только краткое, причем они словарно не соответствуют друг другу: ир. ё || диг. ё, ир. ю || диг. у, а дигорским кратким i и у соответствует иронское г (тоже всегда краткое). При таком положении едва ли можно было бы говорить о различении долгих и кратких у и i в осетинском. Однако Вс. Миллер находит, кроме того, противоположение краткого и долгого у также и внутри одного диалекта — иронского. Его примеры: хўр ‘солнце’ и хур ‘щебень’, хўд ‘шапка’ и худ ‘сшитый’, ѹрс ‘белый’ и урс ‘жеребец’, рўхс ‘свет’ и хуск ‘сухой’. К трактовке последнего вопроса никто из исследователей специально больше не возвращался. Однако в современной осетинской графике миллеровское краткое у отражено через уы: хуыд ‘сшитый’, уырс ‘жеребец’, хуыр ‘щебень’, хуыскъ ‘сухой’ и т. д. — и определяется в учебниках как дифтонг. Между тем, Вс. Миллер ничего похожего на дифтонг здесь не слышал, но весьма показателен его разбор (на стр. 41) грузинской транскрипции Ялгузидзе (в текстах, изданных последним в 1820 г.): „Если после гортанных в иронском следует краткое у, например: кул, хууау, хуэдэр — Ялгузидзе употребляет для выражения этого гласного рядом две грузинские буквы: ѹ(w) и i: кўід, хўіцау, хўіэдэр, Гўірцii. Так как трудно думать, что эти слова звучат действительно так, как их пишет Ялгузидзе, нужно предположить, что через ѹi он хотел выразить краткое у, в отличие от долгого, которое он выражает грузинским u(y)“. При таком свидетельстве Ялгузидзе для начала XIX в. и при современной графике

¹ Вс. Миллер, ук. соч., стр. 7—8.

(хуыр и т. д.) следует думать, что Вс. Миллер ошибся в своем слуховом восприятии.

Помимо этого вопроса, неясной оставалась, собственно, и вся система количественных взаимоотношений гласных: Вс. Миллер довольно определенно сказал об отсутствии долгих и кратких пар (*ö—o, a—ā, ī—ī, ä—ā*), но ничего почти не сказал о количественных взаимоотношениях качественно различающихся фонем. У него есть, правда, отдельные замечания насчет того, что *e* всегда долгий звук, *i* и *ä* всегда кратки (впрочем, не отрицается возможность удлинения *ä* под ударением). Остальные гласные (*a* и *o*), повидимому, могут быть и долгими (под ударением) и краткими. Ясно, что такое изложение лишь только ставит вопрос о количественной характеристики гласных, а не разрешает его.

Решение этой задачи значительно продвинул вперед В. И. Абаев, разделивший осетинские гласные на две группы: сильные и слабые. Последняя формулировка этого положения представлена в грамматическом очерке к его „Русско-осетинскому словарю“ (М., 1950). Сильные гласные отражают исторически долгие и представлены в иронском диалекте фонемами *a*, *u*, *o*¹ (сюда же относится и иронское новообразование — фонема *e*). Слабые гласные отражают исторически краткие звуки и представлены в иронском фонемами *ы* и *æ*. В дигорском диалекте группу сильных составляют *e*, *a*, *o*, группу слабых *и*, *æ*, *u*. Деление гласных на сильные и слабые имеет не только исторический смысл, но имеет и в современном языке реальную почву. Именно: слабые гласные в противоположность сильным могут подвергаться редукции, стяжению и выпадению, а также служить протетическим звуком перед группой согласных. Большое значение имеет различие сильных и слабых гласных для ударения, которое как раз зависит от характера гласного.

Однако оставалось неясным, в какой мере подкреплено это деление гласных противоположением их по долготе. Иными словами, оставалось неясным — различаются ли обе группы гласных по долготе, и если различаются, то как и в какой степени. Для решения этого вопроса нужно было провести детальное фонетическое исследование.

Ниже излагаются результаты такого исследования, касающегося также некоторых вопросов осетинского консонантизма. Сбор материалов проводился весной 1950 г. в Северной Осетии по данным как иронского, так и дигорского диалектов. Для определения длительности гласных и качества согласных при исследовании применялся кимограф.

По иронскому диалекту привлекались материалы селений: Ардон, Алагир, Кадгарон, Дзуарикау, Синдзикуа и Дзильги. При этом представители Кадгарона (преподаватель Педагогического института К. Гутиев) и Синдзикуа (аспирант С. Марзоев) могут скорее считаться пред-

¹ Знаки современной осетинской орфографии.

ставителями литературного языка, чем своего говора. Впрочем, каких бы то ни было существенных расхождений в фонетике всех указанных пунктов и литературного языка не наблюдается. Система вокализма всюду одинакова, имеются лишь незначительные колебания по произношению фонемы *э* и в некоторых случаях различное словарное распределение фонем *ъ* и *э*. Также несколько колеблется по говорам использование протетического *ъ*. В остальном данные всех указанных пунктов совпадают, так что иронская фонетика в пределах привлекаемых материалов представляется единой. Поэтому в дальнейшем изложение основывается на всех данных, отклонения же от общей нормы для того или другого пункта каждый раз оговариваются.

По дигорскому диалекту привлекались материалы из селений Дурдур, Лескен и Новоурух. Для него в области вокализма, насколько можно судить по имеющимся данным, также характерно единство и общность.

Для удобства пользования ниже приводятся соответствия гласных знаков транскрипции очерка, транскрипции Вс. Миллера и современной осетинской графики.

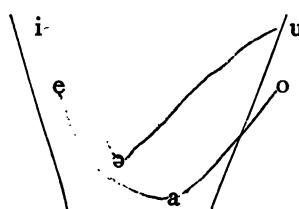
Транскрипция очерка	Транскрипция Миллера	Орфография
а	а	а
э	ä	æ
е	е	е
	I (иронск.)	
i	i (дигорск.)	и
u	ü (иронск.)	у
	у (дигорск.)	
о	o	о
ъ	r	ы

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Дигорский диалект

Дигорский диалект в основе своей насчитывает шесть гласных фонем, которые могут быть представлены в следующей таблице:

Сильные гласные *e*, *a*, *o* характеризуются большой качественной устойчивостью. Гласный *e* — узкого образования, примерно на 4-й ступени подъема. Фонема *a* — гласный нижнего подъема смешанного ряда, образуется примерно там же, где русское ударенное *a* между твердыми, но более продвинуто назад, так что дает несколько более задний тип звучания, чем русское *a*. Фонема *o* — очень узкий гласный, образуется обычно между 4-й и 5-й ступенями подъема (варианты «*о*» и «*ö*»), а в положении перед носовыми может становиться еще уже вплоть до «*ü*» (5-й подъем), так что на русский слух иногда может восприниматься как *u*.

Все три гласные являются напряженными, полнозвучными и длительными. Особенno хорошо уловима на слух длительность *a* в исходе слова: «*к’öftä*» ‘сделал’. Гласные *i* и *o* в исходе слова встречаются мало, но и в других положениях при отчетливой речи их протяженность хорошо слышна. Все три фонемы соответствуют, как известно, историческим долгим: *e* — долгому *ē* (< древнего *ai*), *o* — долгому *ō* (< древнего *au*), *a* — долгому *ā*. Слуховые впечатления (напряженность и протяженность гласных) говорят о том, что осетинские сильные гласные сохранили в себе качества долгих гласных.

Слабые гласные *i*, *ə*, *u* характеризуются большой качественной изменяемостью. Каждая из фонем имеет широкий диапазон.

Диапазон фонемы *i* колеблется от верхней до почти 4-й ступени подъема. Основной тип ее звучания — открытое *i* (вариант «*i*») или очень закрытое *e* (вариант «*ë*»). Примеры:¹ «*fəŋz*» ‘нос’, «*səŋzı k’otəri xuzən*» (*singi k’otəri xuzən*) ‘подобно колючему кусту’, «*əxsər*» ‘молоко’, «*rayastä çopı xəfçə mōsi ləyz fəzi*» (*rayazta woni хассэ mosi liyz fəzi*) ‘поиграл с ними на ровной площадке гумна’. Вариант «*ë*» чаще встречается в закрытых слогах перед сонантами *r*, *l*, *m*, *n* или перед уувярными, а также в исходе слова. Для остальных положений более характерен вариант «*i*». Узкий вариант («*i*» или «*î*») нормален для открытых слогов, особенно в соседстве со щелевыми, а также после смычных, смягчающихся перед *i*. Всегда очень узким является *i* в соседстве со среднеязычным *y*, которое часто появляется перед *i* в начале слова. Примеры: «*k’lasi astəñç*» (*k’lasi astəw*) ‘посреди класса’, «*sk’ap’i bvnmtə*» (*sk’appi bunmtə*) ‘под шкаф’, «*yibəl*» (*ibəl*) ‘о нем’, «*yisləwðtəl*» (*isləwðtəy*) ‘встал’, «*fəzzigən bon*» (*fəzzigon bon*) ‘осенний день’, «*fidə*» ‘отец’, «*deng’iz*» ‘море’, ‘океан’, «*yizāyun*» (*izayun*) ‘оставаться’, «*c’iñpə*» (*ciyunə*) ‘радость’, «*ficcag*» (*ficcag*) ‘первый’.

В характеристику фонемы *ə*, как она давалась до сих пор, следует внести некоторое уточнение. Это — гласный не переднего ряда, а смешанного, и лишь отдельные его варианты продвигаются до переднего ряда. Основной тип образования *ə* — смешанный гласный 2-го

¹ Примеры в синтагмах как для дигорского, так и для иронского диалектов взяты из школьных хрестоматий.

подъема снизу, несколько продвинутый вперед (смещенно-передний тип), как изображено на таблице. По качеству он иногда может быть сближен с неударенным русским *a* рядом с твердыми согласными: «*əkná*», «*ətcá*» ('окнá', 'отдá'), но осетинское *ə* более переднее и более протяженное (ср. близкую характеристику *ə* в „Грамматическом очерке осетинского языка“ В. И. Абаева, приложенном к его „Осетинско-русскому словарю“, стр. 549). Примеры: «*ləg*’человек’, «*fəd*’след’, «*fullər*’больше’, «*adəmí bá ɣudí dər nə k'odtā*’а о людях даже и не думал’. В зависимости от влияния соседних согласных и положения в слове *ə* может быть более закрытым и более открытым. Более закрыто *ə* в закрытых слогах в соседстве со смычными, особенно перед сонантами *l*, *m*, *n*, *r*, где оно может артикулироваться несколько выше второго подъема: «*p̥olbəl*’на полу’, «*căldər*’несколько’, «*fəlmən rəwən*’мягкое место’, «*cəbəl*’о чем’, «*k̥axbəl*’на ноги’. Более открыто *ə* — в открытых слогах, а также в закрытых в соседстве со щелевыми, особенно увулярными, расширяющими *ə*: «*būpmə*’под’, ‘вниз’, «*əməc*’союз соединительный’, «*ya-çmə xə-stəg*’близ селения’. В соседстве с увулярными и губо-губным *w* является при этом и более задним: «*ya-ç*’село’, «*ba-x*’лошадь’. В многосложных словах при сильном сокращении *ə* может давать закрытый вариант заднего ряда («*λ*»): «*islawtəy*’встал’. В соседстве с губными в более кратких своих вариантах *ə* может слегка огубляться: «*isləwtej*’встал’, «*əstə'ç*’посреди’. Все эти варианты не являются обязательными и при отчетливом произношении восстанавливаются в основной вариант «*ə*».

Перед среднеязычным согласным *u* *ə* сильно продвигается вперед, приближаясь к типу передних «*æ*» или «*ɛ*»: «*rācudej* || *rācudəx*’прошел’, «*cārdəy* || *cārdəy*’жил’, «*fəndəgəj* u^j*yustəj*’с дороги слышалось’ и т. д.

Таким образом, качественный диапазон фонемы *ə* колеблется по подъему — от почти нижнего (вариант «*ə*, *ɛ*») до 3-го (вариант «*ə*»); по ряду — от заднего, несколько продвинутого вперед (вариант «*λ*») до переднего (вариант «*æ*, *ɛ*»).

Фонема *u* — огубленный гласный заднего ряда, колеблющийся по подъему от верхней до 5-й ступени и несколько ниже, т. е. его диапазон несколько уже, чем диапазон *i*, которое может расширяться вплоть до 4-го подъема. Основной тип звучания — открытое «*ç*», характерное почти для всех фонетических положений при отчетливой речи. Примеры: «*syvçg*’короткий’, «*bçqun*’ползти’, «*bçdqur*’поле’, «*ystur*’большой’, «*xustey*’спал’. При обычной речи в закрытых слогах перед смычными и особенно перед сонантами *n*, *m*, *l*, *n*, *w*, а также в соседстве с увулярными *u* нормально расширяется (вариант «*u*»): «*sk̥ap'i būpmə*’под шкаф’, «*som-som k'odtā*’(sum-sum kodta) ‘сопел’, «*çuzun wärstā xussun*’‘еж любил спать’, «*düktag*’второй’, «*uēwgwurdər*’сплошь’, «*ustur roxs st̥alut'ə*’(ustur roxs st̥alutə) ‘крупные светлые звезды’. В открытых же слогах *u* остается и при быстром темпе речи более узким: «*svvələnqđə*’

uzunəy rāyewwārs əncə ‘ребята отошли от ежа’, *«rācudəy cāldər bōnə»* ‘прошло несколько дней’, *«uzun fəppəfsgūney əmə əndəmə būrun rāydəttə»* ‘еж осмелел и начал выползать наружу’.

Все три гласные — ненапряженные, произносимые на сильном выдохе и поэтому обычно шумные. Все они оставляют впечатление более краткого звучания, чем сильные гласные. В отдельных положениях, особенно в неударенных закрытых слогах и в безударном исходе слова, они могут быть очень краткими: *«d^uwwə ərtəvgə cəstɪ»* ‘два блестящих глаза’, *«ə bāxə fārsmə»* ‘рядом со своей лошадью’, *«ə fəstag k^uaxtəbəl»* ‘на задние ноги’.

В результате, при сравнении обеих групп гласных, слуховое впечатление говорит о их не только качественном, но и количественном противоположении. Существенно, что слабые гласные *i* и *u* в широких своих вариантах (вариант «ё» и «ю») могут сближаться или даже совпадать качественно с соответствующими сильными *e* и *o*, особенно при быстрой речи. Тогда различие в длительности выступает как доминирующий признак. Качественное сближение, а иногда и совпадение могут наблюдаться и для фонемы *ə* (в открытых задних ее вариантах) с фонемой *a*. Разбор соотношения обеих групп гласных по длительности будет дан ниже, в специальном разделе.

Седьмая фонема *i*. До настоящего времени в существующей литературе для дигорского вокализма отмечались только указанные шесть фонем. Эти шесть фонем действительно составляют основу дигорского вокализма. Однако, кроме них, с несомненностью выделяется седьмая фонема — сильное (или долгое) *i*, противополагающееся слабому (или краткому) *i*. Заслуга выявления этой фонемы принадлежит студенту Восточного факультета Ленинградского Государственного университета М. Исаеву, посвятившему ее исследованию свою дипломную работу.¹ Поэтому здесь можно ограничиться лишь указанием на ее наличие и на ограниченность ее употребления. В словах иранского происхождения она употребляется, повидимому, исключительно в положении перед *n* (*əxsīnə* ‘хозяйка’, *su'zərinə* ‘золото’), соответствуя этимологическому *ē* (< древнего *ai*). В заимствемых словах (в частности в русских) может употребляться в любых фонетических положениях. Таким образом, хотя эта фонема имеет очень узкий круг применения, она все же не представляет собой чисто традиционного, отходящего явления, поскольку она активизируется и развивается употреблением ее во вновь заимствемых словах (*masīnə*, *gips* и т. д.).

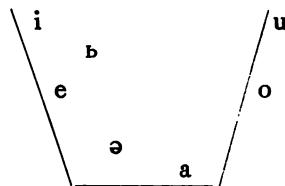
Таким образом, в системе дигорского вокализма имеем противоположение фонемы *i* двум сильным гласным переднего ряда *e* и *ə*, причем с ними обоими она качественно может совпадать (диапазон *i* по подъему колеблется в пределах диапазона *i* и *e*). Выходит, что краткость всегда фонологически важна для *i*, а это уже, еще до детального рассмотре-

¹ В настоящее время работа М. Исаева печатается в „Трудах Института языко-знания“, № 4.

ния количественного взаимоотношения всех гласных, непосредственно подводит к пониманию „сильных“ и „слабых“ дигорских гласных как долгих и кратких.

Иронский диалект

Иронский вокализм, насчитывающий семь фонем, может быть представлен в следующей таблице:

К группе сильных относятся пять фонем: *a, i, u, o, e*; к группе слабых — две фонемы: *ə* и *b*. Иронско-дигорские соответствия гласных известны.¹ Здесь приводятся схематично лишь главные соответствия с добавлением в схему дигорского *i*.

Дигорские	Иронские
Сильные	<i>i</i> (историческ. <i>ē</i> < <i>ai</i>)
	<i>e</i>
	<i>o</i> (историческ. <i>ō</i> < <i>au</i>)
	<i>a</i> (историческ. <i>ā</i>)
Слабые	<i>ə</i> (историческ. <i>a</i>)
	<i>i</i> (историческ. <i>i, ī</i> и <i>u, ū</i>)
	<i>u</i>

Таким образом: 1) семь дигорских гласных отражены пятью иронскими; различающиеся в дигорском фонемы *i, u* совпали в иронском в одной фонеме *b* (дигорские *fida* 'отец', *bun* 'основание' соответствуют иронским *fbd*, *bvn*). Одной фонемой *i* представлены в иронском дигорские *i* и *e* (диг. *din* 'религия', *met* 'снег' || ир. *din*, *mit*). 2) В большинстве случаев наблюдается качественное расхождение соответствующих друг другу гласных: совпадают в звучании, если не считать дигорского *i*, только две фонемы: *a* и *ə*. 3) Соотношение сильных и слабых сохраняется: сильные соответствуют сильным, слабые — слабым.

Иронское *o* — позднего образования. Исторически оно соответствует, во-первых, долгому *ā* перед носовыми (*zopn* 'знать', *pot* 'имя'), совпадая

¹ В. И. Абаев. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов. Осетинский язык и фольклор, I. Изд. Акад. Наук СССР, 1949, стр. 364 и сл.

в этих случаях с дигорским *o*, которое в этом положении тоже продолжает *ā* (диг. *zonip*, *nom*); во-вторых, старому сочетанию *xʷa*, которое в дигорском сохранилось (ир. *xordta* || диг. *xʷardta* 'он ел'); в-третьих, как живой процесс оно возникает из стяжения группы *əwə* (*nəwəg* > *pog* 'новый'). Кроме того, *o* используется в заимствованных словах, где оно также совпадает с дигорским *o* (ир. и диг.: *kolxoz*, *gorət*).

Иронское *e* — тоже позднего образования. В осетинских словах оно возникает из стяжения группы *ə(y)ə*: *dələyə* > *dəle* 'внизу', *fembəld yembəltty* (<*fæ-aembəld yə əmbəltty*) 'встретился со своими товарищами', *negas* (<*nə agas*) 'мы все' и т. д., а также используется в заимствованных словах.

Сильные гласные *a*, *i*, *u*, *o*, *e*. Качественно иронские гласные *a* и *e* совпадают с дигорскими.

Гласный *o* несколько шире дигорского, не сужается до варианта «*u*» даже перед носовыми и образуется обычно на 4-й ступени подъема. На русский слух хорошо узнается как *o*. Гласный *i* колеблется по подъему от узкого «*ü*» верхнего подъема до довольно открытого, между верхней и 5-й ступенями подъема (вариант «*ii*» и даже «*u*»). Широкие его варианты появляются в быстрой речи в соседстве с сонантами *t*, *n*, *r*, *l* и увулярными. Примеры:¹ «*štər ruxš št̥ alət̥æ_-*» (*st̥br ruxs st̥ albt̥ə*) 'крупные светлые звезды', «*baxte_furdtə_-ta*» (*bəxt̥b furdt̥t̥bə*) 'фырканье лошадей', «*m̥v̥š_- laj̥z fəžl_-l*» (*m̥usb ləj̥z fəžyb*) 'на ровной площадке гумна', «*pъqqus št̥e_-*» (*pъqqus st̥b*) 'замолчали', «*wärzta fədk_-v̥t̥ə əmə əngušt̥ə*» (*warzta fədk_-v̥t̥ə əmə əngušt̥ə*) 'он любил яблоки и орехи'. Именно благодаря широкому диапазону *i* иронское *o* не сужается так сильно, как в дигорском, иначе обе фонемы могли бы смешиваться. В дигорском же фонеме *o* противостоит не сильный, а слабый гласный (*u*), который, совпав с *o* по качеству, хорошо отличается от него краткостью.

Фонема *i* — тоже не всегда самого верхнего подъема, часто она более открытого типа, образуясь между верхним и 5-м подъемом. Расширяется *i* обычно в исходе слова, а также в соседстве со смычными и увулярными согласными. Узкие варианты *i* характерны в соседстве со щелевыми, особенно среднеязычной артикуляции, а также в открытых слогах. Примеры: «*d̥v̥wwə_- ərtivgə_- səšt̥_-*» (*d̥yw̥wə ərtivgə cəst̥b*) 'два блестящих глаза', «*fəndagey qʷošt̥is*» (*fəndagəy qubst̥is*) 'с дороги слышалось', «*m̥it̥_- ənəkəron bəd̥bər*» (*m̥it̥ ənəkəron bəd̥bər*) 'снежная бескрайняя равнина', «*ta_-na_- uaxi əyvəšt̥a...*» (*tənə uaxi ayvəsta*) 'вот он потянулся...', «*st̥əl šqil kōd̥t̥a yinnə*» (*st̥əl šqil kod̥ta innə*) 'затем поднял другое (ухо)', «*šišt̥ol*» 'подняли', «*axžyŋ*» 'перейти'. При четком произношении широкие варианты *i* восстанавливаются в узкий вариант.

¹ В фонологической записи для равнинных иронских «*ъ*» и «*ž*» приняты, как и в орфографии, знаки *s* и *z*, поскольку эти фонемы в ряде иронских говоров произносятся «*s*»- и «*z*»-образно.

По слуховому впечатлению, иронские сильные гласные несколько менее напряженны и несколько менее длительны, чем в дигорском. Их полнозвучие несколько стерто и долгота их слышится не так хорошо, как в дигорском, особенно при более быстром темпе речи. Все же их большая напряженность и длительность по сравнению со слабыми гласными, особенно с *ь*, хорошо распознается. При более отчетливом произношении долгота их всегда слышна отчетливо.

Слабые гласные э и ё. Фонема *э* несколько отличается от дигорского *э* своим диапазоном. Она более продвинута вперед и более открыта, приближаясь по звучанию то к «æ», то к «а» (тип «æ-» или «ə-»). Закрытых вариантов типа «Э» или «ʌ», которые встречаются в дигорском, иронское *э* не имеет. В более задних своих вариантах (в соседстве с увулярными, а иногда также в неударном исходе слова) оно тоже более открыто, близко сходясь по качеству с фонемой *а*. Перед согласным *y*, как и в дигорском, имеет постоянный, сильно продвинутый вперед или передний вариант «æ(-)» или «ε(-)». Большая его открытость объясняется, повидимому, его противоположением фонеме *ь*, артикулирующейся в том же ряду и имеющей иногда довольно открытые варианты. Примеры на выявление *э*: «lə-g» ‘человек’, «fə-d» ‘след’, «әпәкәron» ‘бескрайний’, «afəlgəsъd» ‘посмотрел’, «arxaštā i:k'ola-mə» ‘принес в школу’, «sa:tæ-» ‘глаза’, «tə-na-» ‘бот’, «bəxtə» ‘кони’, «qa:mta vvaxs» ‘близ селения’, «la:yz» ‘ровный’, šəvərədta uə qüs:tə uə ga:y» ‘положил на спину свои уши’. По словам, в разной степени наблюдается тенденция к редукции *э*. Так, в Алагире имеем: «fəmərdəm» ‘в разные стороны’, «rba:dł̩s» ‘он сел’, «fələwwbəd» ‘остановился’, «x:rdmə si:stoy» ‘подняли вверх’, «f'lə k'v ərsaxşon» (*fjelə k'v ərcaxxon*) ‘но если я поймаю’. Такую же, если не большую, неустойчивость проявило *э* в произношении представителя селения Эильги (близ Беслана): «s:vərədta» ‘он положил’, «məpə» ‘бот’, «f'l'mən rān» ‘мягкое место’, «k'askə-yə-» ‘глядя...’.

Фонема *ь* имеет очень широкий диапазон звучания. Обычно образуется в том же ряду, что и гласный *э*, т. е. в смешанном, продвинутом вперед, между 5-й и 4-й ступенью подъема (вариант «ъ»). При быстрой речи может восприниматься на русский слух как *i* или *e* (в зависимости от степени открытости) неясной окраски. В соседстве с согласными среднеязычной артикуляции всегда имеет более переднее образование (варианты: «ъ-», ɪ-, ɛ-») и нормально ассоциируется в русском восприятии с *и* или *e*. Рядом с увулярными и *w* может продвигаться назад (вариант «ъ»). В закрытых слогах между смычными, особенно перед сонантами *t*, *n*, *l*, *r*, рядом с увулярными и в ударенном исходе может расширяться вплоть до 3-й ступени подъема (варианты: «ə», ε-»). В соседстве с губными, особенно рядом с губо-губным *w*, может слегка огубляться и тогда напоминает *o* или *u* неясной окраски. Примеры на выявление фонемы *ь*: «u:ç fəzzl-gon bon...» (*iw fəzzbgon*

bon) 'одним осенним днем...', «*wužē-n x⁰uššē-d še-nzjē-n k⁰riyē x⁰užē-n*» (*иъзъп хиъссыд сынжъп к⁰ориу хиъзэн*) 'еж лежал, как колючий шарик', «... съм-съм этэ хът-хът к⁰дт^ā» '...сопел и фыркал', «... хүдъп rāydьd^ātoy» '... начали смеяться', «... š⁰k⁰app⁰ bən^āt^ā» (*sk⁰appъ bъn^āt^ā*) '... под шкаф', «... k⁰axt^āly» '... на ноги', «уæ alfəmb^āla^j yiw⁰ld^ād^ā w^ād m^āt^ā ənæk'eron b^ād^ār» (*yæ alfəmb^ālay yiw⁰wld^ād^ā w^ād m^āt^ā ənæk'eron b^ād^ār*) 'вокруг него все было снежной бескрайней равниной', «... žē-nđe-štē-št^āyr št^āalbt^ā» (*zъndbstъ stъr st^āalbt^ā*) '... виднелись крупные звезды', «... fəlləw⁰b^ād fənda^je-rāž» (*fəlləwaw⁰d fənda^jraz*) '... остановился перед дорогой'.

Фонема ь сильнее редуцируется в открытых слогах, чем э: «... уæ s⁰byr k⁰axt^āly» 'на своих коротких ногах', «s⁰velləd^āt^ā» 'дети', «s⁰dəridt^ār» 'все, что'. В соседстве со смычными и увулярными может расширяться, давая редуцированный тип «э»: «... ax⁰urgəniñəg^āt^ā x⁰ži-n^āt^ā d^ār» (*ахиургəниñəg^āt^ā хъзын^āt^ā d^ār*) '... также сумки учеников', «d⁰vər» 'двойной' (*dъvər*).

Наблюдается также факультативное появление сильно редуцированного ь между или перед двумя согласными: «s⁰k⁰ap⁰» 'шкаф', «s⁰št^āyr št^āalbt^ā» 'крупные звезды', «s⁰qil k⁰ōd^āt^ā» 'поднял', «ž⁰gor^ān» 'бежать'.

Однако редукция ь и появление его между согласными (или перед группой согласных) не очень широко распространены в рассматриваемых равнинных селениях. Оба эти явления несколько чаще наблюдаются в Алагире: «ž⁰məgon» 'зимой', «ž⁰štyr» 'большой', «ž⁰štaeu» 'потом', «x⁰erd^ām^ā žiš^ādo^u» 'подняли вверх' и т. д. Благодаря тому что корневое (не вставочное) ь может редуцироваться, роль обоих ь начинает отождествляться как слогообразующего гласного призвука. Отсюда становится возможным переход корневого ь в начальный призвук: «ž⁰pnary>žnary» 'дорогой'.

Кроме того, поскольку в Алагире (а еще в большей степени у представителя из Зильги) э тоже может редуцироваться, то иногда наблюдается его смешение с ь (обычно перед *t*, *r*, *n*, *l* или увулярным, где э сильнее редуцируется): *ərtt^āvt^āa* || *ьrtt^āvt^āa* 'сверкал', *alfəmb^ālay* || *alft^āmb^ālay* 'вокруг', *ərxasta* || *ьrxasta* 'принес', *əx'syr* || *ьx⁰syr* 'молоко'.

Таким образом, если для дигорских слабых гласных редукция не характерна, то в иронском диалекте наблюдается тенденция к их редукции (особенно для фонемы ь), развитая в разной степени по говорам. Фонема э может сильно сокращаться только в определенных фонетических положениях (это обычно — закрытый первый слог перед сонантами *r*, *l*, *t*, *n* и увулярными). А так как большая краткость и привычная редукция являются характерной чертой, в первую очередь для фонемы ь, то тем самым редуцировавшееся э отожествляется с ней, иначе говоря, переходит в фонему ь. Следовательно, в иронском диалекте существуют предпосылки для расщепления э на две фонемы: в какой-то части слов, редуцируясь, оно может перейти в ь. В положениях же,

неблагоприятных для редукции (а таких положений — подавляющее большинство), э противополагается в четко, не только качеством, но и большей своей протяженностью. В результате в тех говорах, где происходит частичный переход э в ь, за э закрепляются четкие и более протяженные его варианты, что ведет к сближению э с сильными гласными.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Дигорский диалект

Записи на кимографе по длительности гласных проводились в г. Дзауджику у двух лиц: Цаллаева из селения Дурдур, студента Педагогического института, и Гатагова из селения Новоурух, аспиранта Североосетинского научно-исследовательского института. Данные Цаллаева обозначаются буквой Ц., данные Гатагова — буквой Г. Приведенные цифры указывают среднюю длительность, в скобках обозначено число измерений, из которых выведена средняя. Длительность гласных дается в $\sigma = 0.01$ сек. Выделяемые положения по влиянию согласных обозначаются арабскими цифрами.

Долгие (сильные) гласные е, а, о

В односложном слове перед одним согласным

1) Перед щелевыми и г	2) Перед смычными
тип: des, boz	тип: met, sag
Ц.	Г.
е 23.4 (8)	22.1 (22)
а —	—
о 24.8 (17)	21.3 (9)
Ц.	Г.
е 21.4 (6)	19.8 (11)
а 22.3 (10)	19.4 (18)
о 24.1 (6)	19.8 (8)

Расхождения между данными обоих дикторов небольшие: Ц. дает несколько более длительные варианты. Из цифр видно, что длительность всех трех гласных одинакова. Несколько большая протяженность о в произношении Ц. необязательна, что можно видеть из сравнения с данными Г., в произношении которого о не длиннее других гласных. Смычные несколько сокращают гласный. В силу малых расхождений, приведенные данные представляется возможным суммировать. Тогда имеем для всей группы гласных:

Средняя длительность	1) 23.0 (56)	2) 20.7 (58)
Типовая длительность ¹	25—19	23—18
Крайние отклонения	30—19	27—16

¹ Типовая длительность устанавливается путем подсчета числа произнесений, падающих на каждую единицу длительности. Отрезок длительности, на котором концентрируется главная масса произнесений, выделяется как типовая длительность.

В односложном слове перед двумя согласными

Г.

2) тип: *gapp*

Средняя длительность	21.2(19)
Типовая длительность	24—20
Крайние отклонения	24—18

Как видно, в этом положении гласные не короче, чем в предшествующем.

Поскольку, как отмечалось, данные обоих дикторов близки и длительность всех трех гласных одинакова, то и в дальнейшем для простоты изложения данные суммируются.

В открытом первом слоге двусложного слова

Словарное ударение в осетинском языке очень слабое, и трудно бывает определить ударенные и неударенные слоги. На длительность гласного большее влияние оказывает характер второго гласного в слове. Именно: если в обоих слогах гласные одной группы (*baba* 'дед', *bəgəg* 'ясный'), то более длительным оказывается гласный второго слога, несущего на себе легкое ударение. Если в слове гласные разной группы (*medəg* 'внутри', *mesin* 'пахтанье'), то гласный будет более кратким при втором сильном гласном и более длительным при втором слабом гласном. Поэтому в дальнейшем будут различаться два положения: при втором сильном гласном и при втором слабом гласном, соответственно обозначаемые римскими цифрами I и II.

I. Перед сильным гласным
1) тип: *baba*, *bes⁵o*

Средняя длительность	16.3 (42)
Типовая длительность	18—14
Крайние отклонения	22—14

II. Перед слабым гласным
1) тип: *goguz*, *medəg*

19.2 (53)
21—16
24—14

Как видно из цифр, длительность гласных несколько короче, чем в односложном слове, особенно в положении перед сильным гласным.

В открытом слоге в исходе

I

1) тип: *dada*

Средняя длительность	21.4 (15)
Типовая длительность	22—18
Крайние отклонения	27—15

Выходит, что исходные гласные более длительны и почти достигают долготы, характерной для односложного слова.

В закрытом первом слоге

II

2) тип: *gorrəy*

Средняя длительность	16.2 (14)
Типовая длительность	18—16
Крайние отклонения	19—13

В этом положении длительность гласных несколько короче, чем в соответствующем открытом слоге.

В закрытом втором слоге

I

II

1) тип: *goban*,
*gak^əon*1) тип: *dus^əar*,
iʒa g

Средняя длительность	18.1 (22)	21.1 (9)
Типовая длительность	21—17	24—18
Крайние отклонения	21—13	24—18

Как и для открытых слогов, гласные второго слога оказываются более протяженными.

В результате, из приведенных цифр выявляется очень малый количественный диапазон сильных гласных. Под влиянием различных фонетических условий в произношении двух разных дикторов длительность рассмотренных гласных меняется мало. В односложном слове их нормальная длительность колеблется в пределах 25—18 с, в двусложном обычно в пределах 22—16 с. Засвидетельствованные пределы отклонений от нормы тоже не велики: в односложном слове 30—16 с, в двусложном — 27—13 с. Такая длительность гласных с общим типовым диапазоном в 25—16 с достаточна для того, чтобы сохранялась их напряженность (полнозвучность). Поэтому их вполне можно определить как долгие гласные. Однако длительность в 16 с является границей перехода к менее напряженной, вялой артикуляции. При такой длительности гласные уже не так полнозвучны. Кроме того, в одном фонетическом положении (в неударенном первом слоге двусложного слова) рассмотренные гласные могут сокращаться нормально и до 14 с. Существенно также, что дигорские долгие имеют малые пределы удлиняемости: нормально не свыше 25 с. Таким образом, сохраняя еще все существенное, что характерно для долгих, они уже имеют тенденцию к утере долготы.

Краткие (слабые) гласные ə, i, u

Поскольку оба диктора и для этой группы гласных дают весьма близкие друг к другу результаты, то их данные также суммируются. Гласные i и u имеют одинаковую длительность, и данные по ним

также объединяются. Гласный э несколько отличается своей длительностью, поэтому при изложении выделяется особо.

ФОНЕМА э

В односложном слове

	1) тип: <i>dəs</i>	2) тип: <i>cəg</i>	3) тип: <i>gəpp</i>
Средняя длительность	15.4 (14)	13.5 (21)	13.0 (7)
Типовая длительность	18—14	16—12	15—12
Крайние отклонения	19—11	16—12	15—10

Существенно отметить, что типовая длительность э вплотную сближается с типовой длительностью долгих гласных (типовая длительность которых в 1-м положении 25—19 с, во 2-м 23—18 с). В отклонениях от нормы возможны и совпадения длительности э (в вариантах его максимальной длительности) с длительностью долгих гласных (в вариантах их минимальной длительности).

В открытом первом слоге двусложного слова

	I	II	
	1) тип: <i>gəräx</i> , <i>lət^{so}</i>	1) тип: <i>gəbu</i> , <i>bərəg</i>	2) тип: <i>səkər</i> , <i>gəməx</i>
Средняя длительность	9.1 (7)	12.0 (30)	7.7 (6)
Типовая длительность	11—8	13—11	10—6
Крайние отклонения	11—8	15—8	10—6

В этом положении типовая длительность э четко отличается от типовой длительности долгих (типовая длительность долгих в аналогичных положениях равна: II—21—16 с, I—18—14—с). Особенно сильно э сокращается и тем самым наиболее резко отстоит по длительности от долгих гласных, в положении II, 2 (в соседстве с глухими согласными или сонантами *t*, *n*, *l*). Это еще больше усиливает второй слог по сравнению с положением II, 1.

В открытом слоге в исходе слова

	I	II
	1) тип: <i>berə</i>	1) тип: <i>durə</i>
Средняя длительность	14.3 (19)	15.4 (14)
Типовая длительность	16—10	17—14
Крайние отклонения	21—10	17—12

Характерно, что в исходе слова э сильно удлиняется. Его типовая длительность вплотную сближается с типовой длительностью долгих, равной в этом положении 22—18 с. Даже после долгих гласный э не обязательно ослабляется и сокращается, а может сохранять свою длительность.

В закрытом первом слоге

II

2) тип: *gəppəy*

Средняя длительность	11.4 (7)
Типовая длительность	14—10
Крайние отклонения	14—8

В этом положении пределы типовой длительности э и долгих гласных близки (типовая длит. долгих = 18—16 с), даже при не вполне аналогичном положении (долгие даны в этом положении при неравных гласных: *gorrэy*).

В закрытом втором слоге

1

三

1) тип: *medəg*, *berəy*

2) тип: *nigəd*, *gəbər*

Средняя длительность	9,4(10)	11,1(19)
Типовая длительность	11—7	14—10
Крайние отклонения	14—6	14—7

Выходит в результате, что в ряде фонетических положений длительность э и долгих гласных может сближаться и даже совпадать. Постоянную и более резкую грань по отношению к долгим э сохраняет только в слабых слогах: либо при втором долгом гласном в слове (исключая исход слова, где э даже в этом условии не ослабевает), либо в начальном слоге в соседстве с глухими и перед сонантами, сокращающими и поэтому ослабляющими э.

ФОНЕМЫ і, ї

В односложном слове

1) Между звонкими

2) Рядом с глухими

тип: *bid*, *bun*

тип: *nix, fus*

Средняя длительность	12.3 (54)	9.9 (30)
Типовая длительность	14—10	12—9
Крайние отклонения	17—9	14—7

Гласные *i* и *и* заметно короче э. Типовая их длительность совпадает с типовой длительностью лишь частично (на отрезке 12—14σ), засвидетельствованные крайние отклонения — для э 11σ, для *i*, и 7σ. Меньшая абсолютная длительность *i* и *и* сказывается и на ином их выявлении в речи: *i* и *и* больше подвергаются влиянию глухих в односложном слове, чем э. Для э в этом положении сильнее сказывается влияние смычных или щелевых (смычные сокращают, щелевые удлиняют э). От долгих гласных *i* и *и* по своей длительности отличаются очень резко.

В первом открытом слоге двусложного слова

	I	II
1) тип: <i>duc^aar</i>		1) тип: <i>giriz, budur</i>
Средняя длительность	6.3 (18)	8.6 (54)
Типовая длительность	8—4	11—7
Крайние отклонения	8—4	16—4

В открытом слоге в исходе

	I	II
1) тип: <i>gagu</i>		1) тип: <i>gədi, gəbu</i>
Средняя длительность	13.3 (6)	13.4 (27)
Типовая длительность	—	17—11
Крайние отклонения	19—10	19—9

В исходе слова, как и э, гласные *i* и *ü* могут сильно растягиваться приближаясь по длительности к долгим гласным (типовая длительность которых в этом положении = 22—18), и не ослабевают даже в положении после долгого.

В первом закрытом слоге

	I	II
2) тип: <i>zikkä</i>		2) тип: <i>guppəy</i>
Средняя длительность	5.2 (4)	6.2 (10)
Типовая длительность	—	8—5
Крайние отклонения	8—5	8—5

Во втором закрытом слоге

	I	II
1) тип: <i>mesin, goguz</i>		1) тип: <i>giriz, gubur</i>
Средняя длительность	8.1 (23)	11.1 (36)
Типовая длительность	11—6	14—8
Крайние отклонения	12—4	15—7

Выводы

В результате рассмотрения всех приведенных данных можно выделить следующие основные черты количественного взаимоотношения дигорских гласных.

Гласные *a, e, o* являются долгими, противополагаясь кратким *ə, i, ü*. Долгие характеризуются большой протяженностью и напряженностью звучания. Диапазон количественной изменяемости небольшой: 25—14 б.

Краткие, имея широкий качественный диапазон, могут совпадать по качеству с соответствующими долгими, особенно *и* и *i*. Поэтому противоположение по долготе и краткости является актуальным для дигорского диалекта. Вместе с тем в диалекте наблюдаются черты, говорящие об изменении системы противоположения по долготе и краткости.

Во-первых, долгие могут сокращаться до 14σ, длительность же, начиная с 16σ и ниже, уже не характерна для типичных долгих, так как при такой длительности они теряют напряженность и полнозвучие.

Во-вторых, дигорские краткие в количественном отношении не однородны: гласный *ə* выделяется своей большей протяженностью. Диапазон его нормальной длительности в зависимости от фонетических условий колеблется между 18—10σ. Диапазон же кратких *i* и *u* — между 14—4σ. В большинстве фонетических положений длительность *ə* либо сближается с длительностью долгих, либо даже частично совпадает (в отклонениях от типовой длительности). Поэтому резкого количественного противоположения между *ə* и долгими гласными нет. Два других же кратких гласных почти всегда имеют малую протяженность, в двусложных словах длительность в 9—6σ для них нормальна и обычна. Если же 2-й слог слова содержит долгий гласный, то *i* и *u* могут сокращаться и до 4σ. А длительность в 9—4σ характерна уже для гласных редуцированного типа. Следовательно, дигорские гласные *i* и *u* смещаются к типу редуцированных гласных.

Таким образом, *ə* сближается с долгими (в кратких их вариантах), а *i* и *u* тяготеют к типу редуцированных. В конечном итоге, такой процесс должен дать при естественном своем течении полное количественное совпадение долгих с гласным *ə*, при дальнейшем общем сокращении абсолютной длительности долгих и дальнейшей редукции кратких *i* и *u*.

В тех фонетических положениях, где *ə* сильно сокращается (в двусложных словах при втором долгом гласном, а также в соседстве с глухими и перед сонантами) и где оно совпадает в своем выявлении с *и* и *i*, резко отделяясь от долгих, существуют предпосылки для совпадения *ə* с *и* и *i* при условии дальнейшей редукции последних, т. е. для частичного перехода *ə* в редуцированный гласный.

Совпадение в иронском диалекте этимологических *и* и *i* в одну редуцированную фонему ь и случаи перехода *ə* в ь в отдельных иронских говорах в названных фонетических положениях, о чем уже говорилось в предшествующем разделе, следует рассматривать именно как дальнейшее движение системы вокализма в указанном направлении. Поэтому для иронского вокализма ожидается большее схождение долгих с фонемой *ə* по длительности и большая краткость ь по сравнению с дигорскими *i* и *u*, что и подтверждается цифровыми данными, излагаемыми в следующем разделе.

Иронский диалект

Записи на кимографе производились в Дзауджикуа у трех лиц: Марзоева из селения Синдзикуа (аспирант Североосетинского научно-исследовательского института), Гутиева из селения Кадгарон (преподаватель Педагогического института) и Хадарцева из селения Дзуарикау (студент Педагогического института). Данные того или иного диктора обозначаются начальной буквой его фамилии. Отсутствие буквы означает, что данные всех трех дикторов суммированы.

Сильные гласные *i*, *e*, *a*, *o*, *u*

В односложном слове

1) Перед звонкими и щелевыми¹

тип: *dis*

M.	Г.	X.
i a) 24.8 (10)	a) 17.8 (18)	19.6 (21)
i b) 24.6 (14)	b) 19.8 (7)	
	b) 19.1 (16)	

2) Перед смычными

тип: *mit*

M.	Г.	X.
a) 20.8 (2)	a) 17.5 (1)	17.4 (1)
b) 22.1 (2)	—	
	b) 17.5 (4)	

Поскольку разновременные записи у одного и того же лица не дают больших расхождений, то в дальнейшем изложении их результаты суммируются. При суммировании имеем:

1) тип: *dis*, *fag*

M.	Г.	X.
i 24.7 (24)	18.7 (41)	19.6 (21)
e 26.3 (11)	19.6 (28)	19.7 (8)
a 25.0 (23)	20.1 (31)	21.3 (13)
o 23.0 (20)	20.9 (23)	19.6 (15)
u 28.1 (9)	19.6 (37)	19.7 (17)

2) тип: *mit*, *cot*

M.	Г.	X.
21.4 (4)	17.5 (5)	17.4 (1)
—	—	—
—	—	—
22.0 (6)	18.0 (6)	15.7 (5)
—	—	—

Произношение Марзоева дает максимально долгие варианты в результате подчеркнуто четкого произношения.² Гутиев же и Хадарцев дают типичное произношение для обычного темпа речи, их данные близки и могут быть суммированы. Как видно по приведенным цифрам, длительность всех пяти гласных одинакова, так что данные по ним тоже можно суммировать, как и будет делаться в дальнейшем. В результате для всей рассматриваемой группы гласных с приведением типовой длительности и крайних отклонений имеем:

¹ Буквы перед цифрами средней длительности означают разновременные записи, произведенные от одного и того же лица.

² Кроме того, Марзоев — представитель селения Синдзикуа, подверженного влиянию дигорского диалекта, что могло сказаться в частности и на длительности гласных.

	Г. Х.		М.	
Средняя длительность	1) 19.7 (236)	2) 16.9 (17)	1) 24.9 (87)	2) 21.8 (10)
Типовая длительность	21—17	20—14	27—23	24—19
Крайние отклонения	27—15	21—14	31—19	26—15

Выходит, что при подчеркнуто отчетливом произношении рассматриваемые гласные могут значительно растягиваться. Но существенно, что нормально их длительность, даже в благоприятных условиях (между звонкими и щелевыми), лежит в пределах 21—17 с, являясь короче длительности соответствующих дигорских гласных на 4 с. В положении перед глухим смычным иронские гласные могут сокращаться еще сильнее — нормально до 14 с.

В открытом первом слоге двусложного слова

	I		II	
	Г. Х.	M.	Г. Х.	M.
Средняя длительность	13.9 (43)	17.8 (20)	16.1 (70)	20.1 (34)
Типовая длительность	17—11	19—13	19—12	21—17
Крайние отклонения	19—9	27—12	21—10	27—15

В этом положении при почти одинаковых пределах максимальной длительности диапазон сокращаемости иронских гласных тоже значительно шире, чем дигорских, которые в этом положении не сокращаются ниже 14 с. Существенно, что даже произношение М. дает большее сокращение, чем наблюдалось для дигорских гласных.

В открытом слоге в исходе

	I	
	Г. Х.	M.
Средняя длительность	20.7 (25)	22.6 (12)
Типовая длительность	23—16	27—16
Крайние отклонения	27—16	31—16

В этом положении гласные имеют наибольшую длительность и более устойчивы, не сокращаясь ниже 16 с.

В первом закрытом слоге¹

I

2) тип: *gorrey*²

Средняя длительность	14.2 (37)
Типовая длительность	18—12
Крайние отклонения	19—8

Здесь имеем примерно тот же диапазон типовой длительности, как и для соответствующего открытого слога, лишь с несколько большей устойчивостью (в открытом слоге предел типовой длительности — 11 с).

Во втором закрытом слоге

I

II

1) тип: *didin*,
gak^əon 2) тип: *dyc^əar*,
b^əgon

Средняя длительность	13.2 (23)	18.8 (33)
Типовая длительность	17—12	21—16
Крайние отклонения	21—10	27—12

Выявление гласных в этом положении примерно такое же, как в первом закрытом слоге: заметно выявляется большая длительность в словах со вторым слабым гласным. Характерно, что если вторым гласным является э, сильный гласный растягивается меньше, чем при втором ь. Так, в слове *zəbiq* средняя длительность и равна 17.0 с (6), в то время как с предшествующим ь длительность сильных гласных равна 19.4 с (27). В положении после глухих при втором гласном э сильные могут сокращаться еще больше; так, в слове *zəkkor* имеем среднюю длительность о в 13.7 с (11) с типовой длительностью в 18—12 с. Значит, при неблагоприятных условиях сильные гласные могут быть сравнительно краткими и при предшествующем слабом гласном (э). Это возможное сокращение относится ко всем сильным гласным, за исключением а, которое всегда остается устойчивым. В сочетании с другими сильными гласными оно оказывается сильнее их и преодолевает их влияние. Так, в словах *dudaq*, *gurrap* а сохраняет длительность, а и ослабевает. Для а в этих словах имеем среднюю длительность в 19.0 с (15).

В результате все приведенные данные по длительности иронских сильных гласных показывают, что они имеют существенные отличия от диго́рских, поскольку они значительно больше способны к сокращению. Если для диго́рских сильных (долгих) гласных пределом сокращаемости является

¹ В этом положении данные всех трех дикторов близки, что позволяет их суммировать.

² Поскольку иронское э резче отличается от ь и ближе сходится с сильными гласными, то и по влиянию на второй гласный в слове оно иногда приравнивается к сильным гласным.

ся 14σ, то для иронских — 11σ. Их длительность в 16—11σ нормальна для двусложных слов при втором сильном гласном. А такая длительность уже не характерна для типа долгих. Даже в условиях, благоприятных для сохранения длительности (в односложных словах или в двусложных словах при втором слабом гласном), они могут сокращаться до 14σ. При отчетливом же произношении они могут значительно растягиваться: предел их максимальной длительности может быть не ниже, чем для дигорских долгих. В результате иронские сильные гласные имеют больший диапазон длительности в каждом фонетическом положении за счет их большей сокращаемости. Так, для первого закрытого слога при втором сильном гласном длительность в 12 и 18σ одинаково типична. А большой диапазон длительности в одном и том же фонетическом положении означает уже известное фонологическое безразличие к длительности, более долгие варианты постепенно становятся лишь функцией отчетливого произношения.

Все эти черты не позволяют уже относить рассмотренные иронские гласные к типу долгих: они значительно дальше продвинулись по пути утери своей долготы по сравнению с дигорскими. Если дигорские долгие только в одном положении могут сокращаться до 14σ, утрачивая напряженность (в открытом первом слоге при втором долгом гласном), то иронские сильные гласные лишь в части фонетических положений выявляются как долгие (в односложных словах и в двусложных словах при втором слабом гласном в условии звонкого согласного окружения, а также в исходе слова). Следует оговориться, что гласный *a* выделяется своей устойчивостью, выявляясь в большинстве фонетических положений как долгий.

Слабые гласные ə, ь

Оба гласные выявляются в речи различно, поэтому рассматриваются раздельно.

ФОНЕМА ə

Все три диктора дают очень близкие результаты. Так, в односложном слове в положении перед смычными имеем: М. 14.5(24), Г. 14.5(31), Х. 14.0(12); в положении перед щелевыми: М. 16.3(17), Г. 14.6(21), Х. 15.5(12). Поэтому все данные суммируются.

В односложном слове

1) Перед щелевыми
типа: <i>dəs</i> | 2) Перед смычными
типа: <i>tət</i> , <i>gən</i> |
|---------------------------------------|--|

Средняя длительность	15.6 (50)	14.5 (67)
Типовая длительность	18—14	16—13
Крайние отклонения	20—11	21—11

Существенно, что типовая длительность э на отрезке в 2—3 с может совпадать с типовой длительностью сильных гласных (типовая длительность которых для 1-го положения равна 21—17 с, для 2-го—20—14 с), т. е. э может быть не только равно сильным гласным, но может в отдельных случаях превышать их длительность. Если же учитывать отклонения от типовой длительности, совпадения возможны на протяжении 7—8 с (зарегистрированная минимальная длительность сильных для 1-го положения 15 с, для 2-го—14 с).

В открытом первом слоге двусложного слова

Словарное ударение в иронском диалекте развито сильнее, чем в дигорском; при сочетании в слове двух слабых гласных гласный второго слога получает ударение. Таким образом, в первом слоге слабый гласный всегда безударен. Поэтому для длительности слабого гласного первого слога второй гласный безразличен.

1) Между звонкими	2) Рядом с глухими и перед сонантами
-------------------	---

	тип: <i>зэвиg</i> , <i>бэгиv</i>	тип: <i>зэгүйт</i> , <i>сэлькк</i>
Средняя длительность	11.7 (20)	8.5 (23)
Типовая длительность	13—9	10—7
Крайние отклонения	15—9	13—3

Существенно, что в этом положении сильное влияние на э оказывают глухие согласные и сонанты (*n*, *l*, *t* и *r* после глухого), сокращая его. Между звонкими типовая длительность э на отрезке в Зт совпадает с типовой длительностью сильных гласных, равной в этом положении 17—11 с. Рядом же с глухими и перед сонантами она четко отличается от длительности сильных гласных, их совпадение возможно только в отклонениях от нормы.

В закрытом первом слоге

2) тип: *бэтиp*, *зэkkor*

Средняя длительность	9.1 (33)
Типовая длительность	12—7
Крайние отклонения	12—7

В приведенных словах типовая длительность э лишь частично совпадает с типовой длительностью сильных гласных, равной в этом положении 18—12 с. В общем, если принять во внимание малое сокращающее влияние полуглухого (непридыхательного) *t* и приравнять его к звонкому, то э в первом закрытом слоге между звонкими оказывается несколько короче, чем в открытом, и больше отличается по длительности от сильных гласных.

В закрытом втором слоге

	I	II
1) тип: <i>birəγ, midəg</i>		1) тип: <i>dъtəg, dъccəg</i>
Средняя длительность	10.0 (28)	12.4 (23)
Типовая длительность	11—7	14—10
Крайние отклонения	16—7	17—10

Гласный э при первом сильном гласном во втором закрытом слоге дает картину, близкую к первому слогу; он является довольно кратким и заметно отличается по длительности от сильных гласных, совпадения с которыми для него в пределах нормы, в отличие от предшествующего положения, не наблюдается. При этом э в приведенных примерах дано в звонком согласном окружении. Соседний же глухой еще больше сокращает э, отделяя его еще больше от возможного совпадения по длительности с сильными гласными. Так, для э в слове *gorat* имеем среднюю длительность в 9.1 σ (13) с возможным удлинением всего лишь до 11 σ. Гласный э после слабого гласного заметно устойчивее, но поскольку сильные гласные в аналогичном положении также устойчивы, совпадения их типовой длительности тоже не происходит.

В результате, все изложенное показывает, что э в большинстве фонетических положений сливается по длительности с сильными гласными; количественное их противоположение уже значительно стерто и поддерживается лишь сохранившейся способностью сильных растягиваться. Резко отличается от сильных гласных э лишь в слабых слогах в соседстве с глухими и перед сонантами *n*, *t*, *l*, *r*. Слабые слоги для э — это любой первый слог и исходный закрытый слог при сильном гласном первого слога. В исходе слова для э данных нет, но исход слова вообще является сильной позицией для кратких. Несомненно, что в исходе слова иронское э также не должно противополагаться по длительности сильным гласным.

ФОНЕМА Ъ

В односложном слове

1) тип: <i>dъs</i>	2) тип: <i>cъd</i>
Средняя длительность	11.6 (41)
Типовая длительность	13—9
Крайние отклонения	15—6

Гласный ъ по своей длительности резко отличается от сильных гласных и заметно расходится с гласным э, совпадая с ним в типовой длительности лишь на отрезке в 1 σ (типовая длительность э для 1-го положения равна 18—14 σ, для 2-го 16—13 σ). По сравнению с дигоискими краткими и и i, фонема ъ имеет больший диапазон:

сокращаемости: общий диапазон типовой длительности дигорских *и* и *i* в односложном слове равен 14—9 с, а иронского *ь* 13—7 с.

В открытом первом слоге двусложного слова

1) Между звонкими
типа: <i>bьdьg</i> , <i>bьgол</i> | 2) После глухого
типа: <i>cьbьg</i> , <i>cьgаг</i> |
|--|---|

Средняя длительность	5.8 (37)	4.8 (20)
Типовая длительность	9—4	7—3
Крайние отклонения	9—3	9—2

В положении между звонкими гласный *ь* совпадает в своей длительности с *э* только на отрезке в 1 с (типовая длительность *э* 13—9 с, крайние отклонения 15—9 с). В положении после глухого совпадения обоих гласных более часты — при совпадении их типовой длительности тоже на отрезке в 1 с (типовая длительность *э* = 10—7 с), значительно увеличиваются случаи их совпадения в отклонениях от типовой длительности, возможные на отрезке в 7 с (засвидетельствованный предел сокращения *э* — 3 с).

Сравнительно с дигорскими краткими *и* и *i*, иронское *ь* заметно короче (особенно для 1-го положения): типовая длительность дигорских *и* и *i* равна для 1-го положения 11—7 с, с крайними отклонениями 16—4 с, для 2-го положения 8—4 с.

В закрытом первом слоге

- 2) тип: *gъssы*

Средняя длительность	5.1 (32)
Типовая длительность	7—4
Крайние отклонения	7—3

Длительность *ь* и его отношение к *э* в общем такое же, как в аналогичном открытом слоге.

В закрытом втором слоге

I II

1) тип: <i>babьz</i> ,	1) тип: <i>bьdьg</i> ,
<i>dомъп</i> , <i>беськк</i>	<i>съгъп</i>

Средняя длительность	7.9 (50)	10.3 (26)
Типовая длительность	10—6	11—8
Крайние отклонения	12—2	15—7

Гласный *ь* несколько устойчивее, чем в первых слогах (открытом и закрытом), имея типовую длительность в положении I до 10 с. В этом положении он почти целиком совпадает с типовой длительностью *э*, равной 11—7 с. В положении II *ь* совпадает с длительностью *э* лишь

частично, на протяжении 2σ (типовая длительность э здесь равна 13—10σ).

В итоге гласный ь характеризуется малой абсолютной длительностью для большинства фонетических положений. Обычная его длительность ниже 10σ. Растигиваться (максимум его нормальной длительности 13σ) выше 10σ он может только: 1) в односложных словах перед щелевыми, при этом только после звонкого; перед смычными даже в односложном слове длительность в 10σ и ниже для него более обычна, 2) в ударенном слоге двусложного слова (которым может быть только исходный слог после слабого гласного), где он может растигиваться, однако не выше 11σ.

В первых слогах двусложного слова он нормально может редуцироваться до 4—3σ. Таким образом, иронское ь весьма близко к типу редуцированных гласных.

В большинстве фонетических положений ь по своей длительности сильно расходится с э. Совпадение длительности обоих гласных происходит лишь в слабых для э положениях, где оно максимально сокращается (в слабых неударенных слогах в соседстве с глухими и перед сонантами).

Общие выводы

Дигорский и иронский диалекты представляют собой две ступени одной системы вокализма. Дигорский вокализм, представляющий более раннюю ступень, характеризуется сохранением долгих и кратких гласных. Противоположение по долготе и краткости актуально для диалекта, поскольку краткие и и i позиционно могут совпадать по качеству с долгими е и о. Вместе с тем в дигорском диалекте наблюдаются и признаки изменения существующей системы. Долгие могут в некоторых положениях сильно сокращаться (до 14σ), теряя полнозвучность и напряженность. Краткие i и u, постоянно имея малую абсолютную длительность, приближаются к типу редуцированных гласных. Фонема э является более протяженной и в большинстве фонетических положений приближается по длительности к долгим гласным, расходясь с гласными и и i. Таким образом, в дигорском диалекте наблюдаются предпосылки (и частичная их реализация) для превращения долгих в недолгие („простые“) при совпадении их в длительности с фонемой э и для превращения кратких и и i в редуцированные.

В иронском диалекте реализация этих предпосылок зашла значительно дальше. Диапазон сокращаемости гласных, соответствующих дигорским долгим, значительно увеличился (они могут сокращаться уже до 11σ). В результате этого частичное совпадение их с гласным э по длительности стало нормой для ряда фонетических положений, и их различие в длительности сводится по существу лишь к сохранив-

шейся способности бывших долгих значительно растягиваться. Длительность же гласного *ъ* еще более сократилась по сравнению с соответствующими ему дигорскими краткими *и* и *и*, в результате чего гласный *ъ* резче отошел по длительности от *э* и еще больше приблизился к типу редуцированных гласных. Таким образом, для иронского диалекта уже нельзя говорить о долгих и кратких; его вокализм совсем близок к переходу в новый тип количественного противоположения гласных: к противоположению простых и редуцированных (или сильных и слабых), при окончательном слиянии в одну группу бывших долгих и бывшего краткого *а*.

Сводные цифры типовой длительности гласных дигорского и иронского диалектов

		Сильные гласные диг. <i>е, а, о</i> ирон. <i>и, е, а, о, и</i>		Слабые гласные			
				<i>э</i>		диг. <i>и, и. Иронск.</i> <i>ъ</i>	
		I	II	I	II	I	II
В односложном слове	дигорский	25—19	23—18	18—14	16—12	14—10	12—9
	иронский	21—17	20—14	18—14	16—13	13—9	11—7
В открытом первом слоге	дигорский	21—16	18—14	13—11	10—6	11—7	8—4
	иронский	19—12	17—11	13—9	10—7	9—4	7—3
В открытом слоге в исходе	дигорский	22—18	—	17—14	16—10	17—11	16—10
	иронский	23—16	—	—	—	—	—
В закрытом первом слоге	дигорский	18—16	—	—	14—10	8—5	6—5
	иронский	18—12	—	—	12—7	—	7—4
В закрытом втором слоге	дигорский	24—18	21—17	14—10	11—7	14—8	10—6
	иронский	21—16	17—12	14—10	11—7	11—8	10—6

Примечание. Под цифрой I приводятся данные фонетического положения, удлиняющего гласный (при втором слабом гласном, а также в звонком или щелевом согласном окружении). Под цифрой II — данные фонетического положения, сокращающего гласный (при втором сильном гласном, а также в глухом или смычном согласном окружении).

Наличие кратких или редуцированных вариантов э в определенных фонетических положениях (длительность ниже 9 σ) создает предпосылки для перехода э в этих вариантах в фонему ь.

Повидимому, аналогичный путь развития количественной стороны вокализма прошел курдский язык, где в настоящее время представлен законченный тип противоположения простых и редуцированных при слиянии по длительности бывшего краткого а с бывшими долгими, с параллельным превращением бывших кратких и и i в редуцированные, а также с частичным переходом этимологического краткого а в редуцированную фонему ь (см. 1-й выпуск „Очерков“).

Для более наглядного представления о количественных взаимоотношениях осетинских гласных приводятся сводные цифры их типовой длительности по обоим диалектам (стр. 33).

КОНСОНАНТИЗМ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Состав фонем и общая характеристика осетинского консонантизма по обоим диалектам достаточно известны (см., например, таблицу и описание согласных в „Грамматическом очерке осетинского языка“ В. И. Абаева, приложенном к его „Русско-осетинскому словарю“). Различия в консонантизме обоих диалектов, подробно изложенные В. И. Абаевым в „Очерке расхождений иронского и дигорского диалектов“,¹ незначительны и относятся главным образом к различному словарному использованию тех или иных фонем. Суммировать данные по осетинскому консонантизму, известные из литературы, можно следующим образом.

Состав фонем

Губные: b, p, p^{*}, f, v, w, т

Переднеязычные: d, t, t^{*}, s, z, n, r, л

Африкаты: ж, с, с^{*}
ј, Ѣ, Ѣ*

Среднеязычные: у

Заднеязычные: г, к, к^{*}

Увулярные: զ, ҳ, ՚

В дигорском диалекте не представлены как самостоятельные фонемы африкаты: ѡ, Ѣ и Ѣ*. Иронские ѡ, Ѣ и Ѣ* возникли перед передними гласными из палатализованных г, к и к*, которые в дигорском диалекте сохраняются (ир. karcъ || диг. karki род. падеж от kark ‘курица’). Звуки Ѣ, Ѣ* и ѡ могут возникать в дигорском (по говорам) из палата-

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 376 и сл.

лизованных *s*, *s^č* и *ž* перед гласными переднего ряда («*círaγ*» <*ciray*>), что не свойственно иронскому диалекту. Однако эти дигорские «*č*, *č^č* и *j*» фонологически не значимы и не являются самостоятельными фонемами. В остальном состав фонем обоих диалектов совпадает. Следует отметить только меньшее распространение в дигорском диалекте увулярного *q*. В частности, дигорский диалект сохраняет начальное *y*, заменившееся в иронском фонемой *q* (диг. *yos* || ир. *qus* 'ухо').

Общей характерной чертой осетинского консонантизма является наличие смычно-гортанных и в связи с этим противоположение трех рядов согласных: звонких, глухих и смычно-гортанных. Глухие обязательно придыхательны, и поэтому непридыхательные глухие других языков (например русского) передаются обычно в осетинском смычно-гортанными. Следовательно, отсутствие придыхательности для глухих оказывается более существенным, чем отсутствие гортанной смычки для смычно-гортанных. Однако Г. Ахвlediani отметил весьма существенный факт, исследование которого развил в дальнейшем В. И. Абаев.¹ Оказывается, глухие смычные после глухих щелевых, а также при их удвоении (геминации) обычно теряют придыхательность, а поскольку придыхательность обязательна для глухих смычных, то тем самым они превращаются в новую фонему, создавая четвертый ряд смычных — глухие непридыхательные. Существуют даже пары слов, противополагающиеся исключительно звуками *t'* и *t*: *xəst'ь* 'в долгах' и *xəst'ь* 'на войне', *st'ərgən* 'гнать (вверх)' и *stərgən* 'лизать'. Однако В. И. Абаев все же колебается в признании смычных четвертого ряда полноценными фонемами и не включает их в дальнейшем в таблицу согласных фонем.

Второй характерной чертой всего осетинского консонантизма, отличающей его от других иранских языков, является совпадение в одной фонеме этимологических *š* и *s* и аналогично — *ž* и *z*. В обоих диалектах эти фонемы обозначаются соответственно буквами *s* и *z* (в современной графике *с* и *з*), но их звучание, как можно судить по описаниям, весьма расходится по говорам. Для дигорского диалекта Шегрен определял их как «*š*» и «*ž*» перед передними гласными, в остальных позициях как «*s*» и «*z*». Но Вс. Миллер определяет шегреновские «*š*» и «*ž*» не как чистые «*š*» и «*ž*», а как звуки, средние между «*š—s*» и «*ž—z*». Оба исследователя для иронского диалекта отмечают только звуки «*s*» и «*z*». Между тем, В. И. Абаев для литературного языка (основанного на иронском диалекте) определяет орфографические *с* и *з* именно как звуки, средние между «*s—š*» и «*z—ž*». Следовательно, и этот вопрос осетинского консонантизма нуждается в доследовании.

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 512—517.

Ниже излагаются результаты проведенных наблюдений, которые могут пополнить имеющиеся в литературе сведения по осетинскому консонантизму.¹

СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Из 28 перечисленных согласных осетинского языка 15 являются смычными, входящими в систему трехрядного противоположения: звонкий—глухой—смычно-гортанный, составляя однотипную по противоположению и наибольшую по числу группу согласных. Три из них являются губными (*b*, *p*, *p^c*), три — переднеязычными (*d*, *t*, *t^c*), шесть — переднеязычными аффрикатами (однофокусные *z*, *s*, *s^c* и двухфокусные *ž*, *č*, *č^c*), три — заднеязычными (*g*, *k*, *k^c*). Представляется важным точно установить, на чем основано противоположение указанных трех рядов, и в связи с этим выяснить фонологическую роль так называемого четвертого ряда согласных (глухих непридыхательных).

Фонетическая природа осетинских смычно-гортанных в общем ясна еще со времени описания их Вс. Миллером. Это обычные для кавказских языков глухие смычные, сопровождающиеся параллельным основной смычке смыканием голосовых связок, прекращающим дальнейший доступ воздушной струи. Следовательно, по физиологической своей природе (при сомкнутых голосовых связках) смычно-гортанные могут быть только глухими. Отмеченная Вс. Миллером в своем собственном произношении смычно-гортанных пауза между взрывом согласного и началом гласного, отнесенная им целиком на счет еще не вполне усвоенной им артикуляции, в действительности существует всегда и является обязательной для смычно-гортанного согласного. У природных кавказцев она может быть лишь максимально краткой, а у обучающегося этому звуку иноязычного человека, естественно, бывает утрированной. Дело в том, что взрыв обеих смычек происходит не одновременно: размыкание голосовых связок на какую-то долю секунды (нормально на 3—4 сотых секунды) отстает от взрыва смычки в полости рта. А поскольку весь или почти весь воздух, накопленный в полости рта, расходуется в момент взрыва, то за ним на протяжении 3—4 сотых секунды действительно следует почти бесшумная пауза, делящаяся до момента раскрытия голосовых связок, т. е. до начала следующего гласного. На кимограмме (рис. 1) видно резкое падение воздушности после взрыва смычно-гортанного вплоть до нулевой линии,² т. е. до абсолютного беззвучия. Это отста-

¹ Вышедшая в 1949 г. работа Е. Гендерсон (E. Henderson. A Phonetic Study of Western Ossetic (Digoron). Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XIII, p. 1, 1949), специально посвященная фонетике дигорского диалекта, не дает чего-либо существенно нового по сравнению с работами Вс. Миллера, В. И. Абаева и Г. Ахвледiani.

² Линия, прочерчиваемая первом при абсолютной паузе.

вание в размыкании голосовых связок физиологически лишает смычно-гортанные согласные возможности быть приыхательными. Возможно провести известную аналогию между приыхательными и смычно-гортанными: для обоих типов артикуляции взрыв не означает конца согласного, и гласный не начинается сразу за взрывом. Но у приыхательных взрыв переходит в приыхание (шум выходящей струи воздуха), а у смычно-гортанных — в паузу. Поскольку смычно-гортанный физиологически, по природе своей артикуляции, не может быть ни звонким, ни приыхательным,

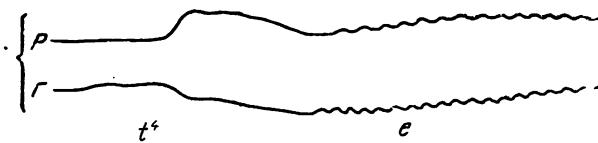

Рис. 1.
Смычногортанный $t^{\text{с}}$ в слове $t^{\text{с}}\text{e}$ (слова $t^{\text{с}}\text{ера}$)

равно как не может меняться по силе артикуляции, то он имеет минимальное количество фонетических вариантов. Можно сказать, что это наиболее постоянный в своих фонетических свойствах тип согласных.

Для того чтобы несмычно-гортанный глухой других языков был воспринят фонологически осетинами как смычно-гортанный, необходимы следующие условия: 1) следующий гласный не должен начинаться одновременно со взрывом или непосредственно за взрывом, 2) при наличии этого

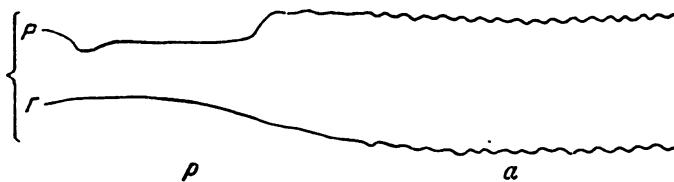

Рис. 2.
Глухой приыхательный r в слове $t^{\text{с}}\text{ера}$ (слова $t^{\text{с}}\text{ера}$)

условия промежуток между взрывом согласного и началом гласного должен быть максимально бесшумным. Малая шумность (при падающей воздушности после взрыва) обычна для несильных глухих смычных, встречающихся как частые варианты, например, в русском языке. Поэтому в осетинском языке нередко русские глухие смычные передаются смычно-гортанными. (Ср. на кинограмме, рис. 3, артикуляцию русского глухого смычного при резко падающей воздушности после взрыва с артикуляцией осетинского смычно-гортанного; ср. также обе артикуляции с артикуляцией осетинского глухого приыхательного при сильной воздушности (приыхательности) после взрыва на рис. 2).

Фонетическая природа глухих приыхательных тоже представляется вполне ясной. Это — всегда глухой сильный смычный, имею-

щий после взрыва до начала гласного приыхание, т. е. шумный выдох воздуха (рис. 2). Длительность приыхания может быть разной—от очень краткой в 2—3 с до довольно долгой в 8—9 с. Наиболее обычна длительность в 4—6 с. Такой тип артикуляции постоянен в положении перед гласным в начале слова, между гласными в середине слова и после гласного в исходе слова («*t'ar*» ‘мрак’, «*p'es*’ ‘печь’ «*t'er'a*’ ‘мелкая рыба’, «*mit'* ‘снег’). Такая же артикуляция нормальна и для положения глухого смычного после сонорных согласных: «*ərt'əx*’ ‘роса’, «*fəlt'ərd*’ ‘испытанный’, «*xwark'orəg*’ (диг.) ‘просиящий помохи хлебом’. Т. е. глухие приыхательные после сонорных согласных выявляются так же, как после гласных. Правда, после сонорных, особенно после *r* (наиболее шумного из сонорных), приыхательность глухих смычных может ослабевать, но более четкое произношение восстанавливает сильную приыхатель-

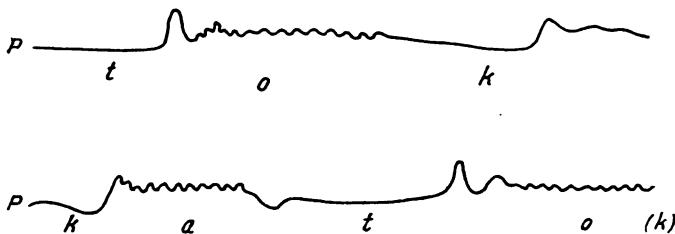

Рис. 3.

1. Русское *t* в слове *tok* (ток). 2. Русское *t* в слове *katok* (каток)

ность. В положении после шумных согласных приыхательные смычные нормально теряют приыхательность. Это может происходить не только после глухих щелевых, на что указывали В. И. Абаев и Г. Ахвlediani, но и после любого шумного согласного. Утеря приыхательности глухими смычными после шумных согласных — общая тенденция в осетинском языке. Однако эта тенденция не всегда реализуется; приыхательность может сохраняться (во всяком случае при отчетливом произношении), если стечение согласных возникло в результате живого сложения слов, исходные формы которых еще живо ощущаются. Так, имеем: «*f'ədk'ond* || *f'ədkond*» ‘дурно сложенный’, «*f'ədk'oy* || *f'ədkou*» ‘дурная молва’, «*xəržkond* || *xəržk'ond*» ‘хорошо сложенный’. Нужно отметить, что в диорском диалекте приыхательность более устойчива, чем в иронском, и в случаях, аналогичных приведенным, всегда сохраняется: «*fudk'ond*», «*xwəržk'ond*» и т. д. Далее, приыхательность сохраняется также при наличии противополагающегося парного слова, например: «*st'ərgyp*’ ‘гнать (вверх)’ и «*stərgyp*’ ‘лизать’. Обязательно теряют приыхание геминированные глухие смычные: «*əmbəlttə*’ ‘товарищи’. Лишенный приыхательности вариант смычного глухого фонетически может быть охарактеризован следующим образом. Это глухой, сравнительно слабый смычный согласный, за взрывом которого непосредст-

венно без всякого промежутка следует гласный без падения воздушности (рис. 4). Начало гласного может совпадать даже с самим моментом взрыва, т. е. в момент взрыва исходит уже звучащий поток воздуха. Такая артикуляция далека от артикуляции рассмотренного выше смычно-гортанного, для которого существенным моментом является пауза между взрывом согласного и следующим гласным, и поэтому рассматриваемый вариант не сближается фонетически со смычно-гортанными и не может быть отожествлен с ним фонологически. Но, с другой стороны, такая артикуляция сильно отличается и от артикуляции придыхательных, для которых существенным моментом является шумный промежуток между взрывом согласного и началом гласного (рис. 2).

В описание фонетической природы осетинских звонких смычных следует внести существенное дополнение. Вс. Миллер мельком, и притом не в основном описании осетинских звуков, а в главе

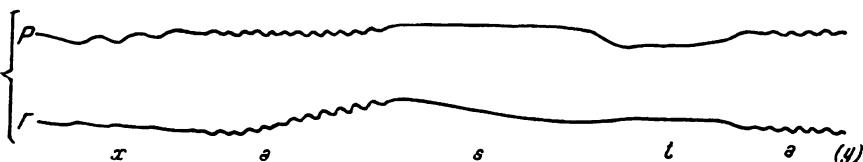

Рис. 4.

Непридыхательный вариант глухого *t* в слове *xəstəy* (с войны)

о диалектах, отмечает следующее (стр. 42): „У осетин *mediae*, *z*, *d*, *b* иногда произносятся без участия голоса, т. е. беззвучно (*tonlos*), как у швейцарцев, которые, по словам Сиверса, отличают слоги *ra* и *ba*, *ta* и *da* более сильным напором при *r* и *t* и более слабым при *b* и *d*, причем эти звуки равно беззвучны“. Но это замечание Вс. Миллера осталось неразвитым, и в дальнейшем осетинские *b*, *d*, *g*, *ž*, *z* определялись просто как звонкие.

Между тем эти согласные действительно являются неполнозвонками. Они всегда и, повидимому, обязательно полнозвонки только в положении между гласными, а также после сонорных и звонких щелевых согласных перед гласными: «*тәхәдәг*» ‘я сам’, «*харъыз*’ ‘арбуз’, «*әрдәг*’ ‘половина’, «*түйдон*’ ‘военный’ (диг.). В остальных же положениях: в начале слова, в середине слова перед согласными и после согласных (исключая сонанты и звонкие щелевые), а также в исходе слова, они либо постоянно, либо факультативно, либо полностью, либо наполовину глухие. В начале слова при отчетливом произношении они могут быть целиком звонкими, но нормально в этом положении они либо только звонкоконечны, либо полностью безголосы. В соседстве со звонкими смычными оба звонкие (если это не геминаты) могут быть полнозвонкими: «*fьdgul*’ ‘соперник’, «*sogdonə*’ ‘сарай для дров’ (диг.); при отчетливом произношении, но могут быть и безголосыми («*fьdgul*», «*sogdənə*») и т. д. При геминации звонкие смычные обязательно безголосы:

«*qæd̥dag*» 'лесной' и т. д. Нормально безголосы они также рядом с глухими согласными: «*bæxgæš*» 'конюх', «*cæxđon*» 'солонка', «*pixđor*» 'угловой камень' (диг.), «*artzəšt'* 'очаг', «*fьđk'ond*» 'дурно сложенный', «*fьđxor*» 'плотоядный', «*mîqħəžar*» 'внутренняя часть дома'. В этом положении лишь при нарочито отчетливом произношении они могут стать звонкоконечными или звонконачальными. В исходе слова после гласного они либо звонконачальны, либо, при более нечетком произношении, полностью глухие: «*mækəd̥eg*» 'я сам', «*k"yđ*» 'как', «*bъđ*» 'связка' и т. д. Указанные варианты артикуляции звонких смысловых можно видеть на приложенных в конце очерка кимограммах (№№ 26—50).

Безголосый вариант звонкого смыслового фонетически представляет собой глухой, сравнительно слабый смысловой, за взрывом которого непосредственно следует гласный без падения воздушности (рис. 5). Этот вариант полностью совпадает с непридыхательным вариантом

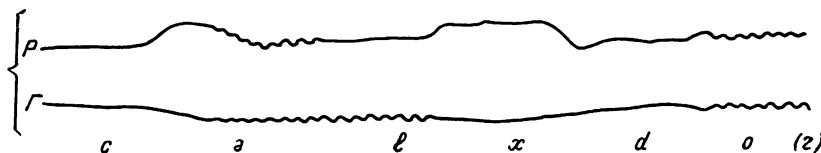

Рис. 5.
Глухой вариант *d* в слове *cəlxđor*.

глухих смысловых согласных. Сравнение артикуляции этих вариантов обоего ряда фонем на кимограммах (№№ 17—25 и 35—44) наглядно показывает полное их тожество. Существенно, что этот совпадающий для обеих фонем вариант возникает в одних и тех же фонетических условиях: в соседстве с глухими согласными и при геминации. Нет никакой разницы при обычном стиле речи в артикуляции и акустическом восприятии звуков *t* и *d* в словах *bæxđon* 'конюшня' и *bæxtərəg* 'возчик', *pъxđur* 'препятствие' и *tъxđon* 'связка', 'клубок', или звуков *k* и *g* в словах *cæsgom* 'лицо' и *xərzkond* 'хорошо сложенный', *fьdgənəg* 'злодей' и *fьdkoy* 'дурная молва'. Во всех случаях это тожественные согласные, которые можно было бы фонетически обозначить или как безголосые звонкие: «*d̥*, *g̥*» и т. д., или как глухие непридыхательные: «*t*, *k*» и т. д. («*bæxđərəg*, *pъxđur*, *tъxđon*, *cæsgom*» или «*bæxtərəg*, *fьxton*» и т. д.). Разница между ними в отдельных случаях может выявляться лишь при отчетливой речи, когда этимологический состав слова еще хорошо ощущается: так, в слове «*pъxđur*» 'угловой камень' или «*cəlxđur*» (камень для подкладывания под колесо на спуске) «*d̥*» при более отчетливом произношении может стать звонкоконечным. С другой стороны, в таких словах, как «*fьdgond*» 'дурно сложенный', «*xərgđond*» 'хорошо сложенный', «*g̥*» при более отчетливой речи может восстанавливаться в «*k'*». В очень большом числе случаев при забвении этимологического состава слова, а также в не-

составных словах, где данное сочетание согласных неразложимо (например: *fəstəg* 'задний', 'последний', *stərɒn* 'лизать' и т. д.), неприыхательный вариант глухих смычных, совпадая фонетически с возникающим в аналогичном положении безголосым вариантом звонких смычных, отожествляется с последними и фонологически, иначе говоря, приыхательные глухие переходят в указанных фонетических позициях в фонологический ряд звонких. Такой переход во многих случаях (в сложных словах) узаконен орфографией. Так, имеем: *bæxgæs* < *bæx + kæs* 'конюх', *artdʒæst* < *art + cæst* 'очаг' (при *syrxhæst* < *sərx + cæst* 'красноглазый', где оба компонента слова осмысяются раздельно), *usçur* < *us + kur* 'жених', *çæsgom* 'лицо' (< *cæst + kom*), *lægðyx* < *læg + tъx* 'человечья сила' и т. д.

Таким образом, четвертый ряд смычных раскрывается как один из главных вариантов осетинских звонких согласных, характеризуемых своей неполнозвонкостью. Этот вариант возникает не только в соседстве с глухими согласными, но и в начале слова. Поэтому про фонологический ряд осетинских звонких скорее можно сказать, что они озвончаются под влиянием гласных и сонантов, чем сказать, что они оглушаются под влиянием глухих согласных. Их безголосый вариант в начале слова показывает их неполнозвонкую фонетическую природу. Существенно, что безголосые варианты звонких вовсе не замечаются самими осетинами и не воспринимаются как чем-то отличающиеся от полнозвонких. Поэтому фонологически существенным для осетинских звонких в первую очередь является отсутствие приыхания и начало следующего гласного непосредственно вслед за взрывом или одновременно со взрывом согласного. Звонкость же — сопровождающий признак, который закрепился как постоянный лишь в благоприятных фонетических условиях — в интервокальном положении. В связи с этим понятными становятся случаи передачи осетинами русских глухих смычных звонками. Русские глухие, весьма мутабильные по артикуляции, иногда могут иметь и звонкий взрыв (гласный начинается одновременно со взрывом; см. на рис. 4 артикуляцию *k* в слове *каток*); такой вариант русского глухого и может быть отожествлен осетинами со своим звонким (*bulk^əon* 'полковник', *kabuska* 'капуста' и др.). Таким образом, термин „звуковые согласные“ для осетинского языка следует принимать только как условное обозначение фонологического ряда, всегда имея в виду, что звонкость для них фонологически не всегда обязательна. Главное противоположение между звонкими и глухими смычными идет по линии „приыхательность — неприыхательность“. Естественно, что, теряя в определенных фонетических позициях приыхательность, смычные глухие тем самым попадают в фонологический ряд звонких. Такой процесс перехода глухих в звонкие в тех же самых условиях и при той же фонетической природе звонких согласных наблюдается и в других иранских языках Кавказа, в частности в боль-

шинстве татских говоров. То же самое наблюдается и в талышском языке, где звонкие также неполнозвонки.¹

Впрочем, в настоящее время в осетинском языке есть предпосылки, которые не только могут задержать наблюдающийся процесс перехода глухих придыхательных в фонологический ряд звонких, но и изменить его направление. Во-первых, весьма большую роль играет орфография при теперешней массовой грамотности, и письменный облик слова весьма успешно конкурирует с произносительной тенденцией при тех условиях, когда эта тенденция (к утере глухими смычными придыхательности) не стала еще фонетическим законом. Этимологическое написание через *t*, *p* и т. д. непридыхательных вариантов глухих смычных постоянно возвращает говорящего к их связи с фонемами *t*, *p* и т. д., что может привести либо к преодолению фонетической тенденции и закреплению придыхательности в любом фонетическом положении, либо к расширению фонетического диапазона глухих смычных, для которых фонологически существенным моментом станет только их глухость. Но последнее возможно лишь при условии параллельного изменения фонетического облика звонких смычных, т. е. превращения их в полнозвонкие согласные. А такое движение осетинских звонких к полнозвонности действительно имеется. Возможно, что не малую роль здесь играет влияние русского языка, но у равнинных осетин, во всяком случае у молодежи, начинают побеждать полнозвонкие варианты звонких. В начальной позиции отчетливое произношение всегда дает полнозвонкий вариант, который у отдельных представителей закрепляется в любом стиле речи. Далее, при отчетливом произношении даже в весьма неблагоприятных позициях (в соседстве с глухими) звонкие могут частично озвончаться, становясь, смотря по положению, либо звонкоконечными, либо звонконачальными. Все это говорит о том, что основным признаком звонких (выявляющимся в отчетливом произношении) начинает становиться именно звонкость. Таким образом, вполне возможным кажется дальнейшее движение не по линии перехода глухих придыхательных в звонкие в указанных фонетических позициях, а по линии изменения фонетического облика обоих рядов согласных с превращением звонких в полнозвонкие, а придыхательных в простые глухие, для которых придыхание станет лишь сопровождающим признаком.

ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ *s* (*š*), *z* (*ž*)

Существующие описания осетинских фонем, обозначаемых в орфографии буквами *s* и *z*, как уже говорилось, отмечают три варианта произношения: 1) переднеязычные, совпадающие с русскими: для иронского

¹ См. „Очерки“, вып. I.

диалекта во всех положениях, а для дигорского — в положении не перед передними гласными (Шегрен, Вс. Миллер); 2) средние между русскими *s*—*ш* и *z*—*ж*: для дигорского диалекта — перед передними гласными (Вс. Миллер), для иронского диалекта Северной Осетии — во всех положениях (В. И. Абаев); 3) „чистые“ *ш* и *ж* для дигорских перед передними гласными (Шегрен). Картина, как видно, очень пестрая, но из нее выделяются два существенных момента. Шегрен и Вс. Миллер слышали у равнинных иронцев только „чистые“, равные русским, *s* и *z*. Нечто похожее на *š* и *ž* они слышали только у дигорцев как фонетические варианты *s* и *z*. В. И. Абаев, напротив, вовсе не находит в иронском „чистого“ *s* и *z*, а слышит нечто похожее на *š* и *ž*, но не равное *š* и *ž*. Несомненно, здесь нельзя говорить о слуховых ошибках. Очевидно, мы имеем дело с весьма мутабильными согласными, артикуляция которых менялась не только по словам, но и во времени. Для того чтобы выявить весь их произносительный диапазон и ход их фонетических изменений, необходимо проследить их звучание и их артикуляторные тенденции для всех говоров, что остается задачей дальнейшего исследования. Настоящий же очерк, основанный на ограниченном материале, вносит лишь некоторые дополнительные сведения.

Проведенные наблюдения еще больше усложняют существующие описания. В произношении равнинных иронцев (диапазон наблюдений: Дзауджикау—Ардон—Алагир) рассматриваемые согласные несомненно принадлежат к типу «š» и «ž», т. е. являются двухфокусными. От русских *ш* и *ж* они несколько отличаются своим вторым продвинутым вперед фокусом, что акустически придает им мягкость. Однако эта мягкость незначительна и меньше, чем у таджикского, персидского, или, из европейских языков, — английского *š*. Осетинские «š» и «ž» на русский слух могут быть восприняты только как *ш* и *ж* и ни в коем случае как *s* и *z*. Выходит, что за последние 70 лет, прошедшие со времени свидетельства Вс. Миллера, артикуляция этой фонемы на данной территории резко изменилась. В. И. Абаев в статье „150 лет жизни одного языка“¹, указывая на три существенных фонетических изменения в иронском диалекте (переход палатализованных *k*, *g*, *k'* в *č*, *j*, *č'*, переход начального *ə* в *ъ* и переход начального *ү* в *q*), заключает: „Все вместе создает впечатление интенсивной фонетической жизни иронского диалекта за последние 150 лет“. К этому следует добавить и изменение «*s*, *z*» в «*š*, *ž*», что связано с другим фонетическим изменением на этой же территории, о котором будет сказано ниже.

Для дигорского диалекта по произношению двух его представителей (из селений Дурдур и Лескен) отмечено следующее. У представителя из Дурдуря во всех фонетических положениях рассматриваемые фонемы являются обычными переднеязычными круглощелевыми «s» и «z»,

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 509—511.

такими же, как русские с и з. У представителя из Лескена (селение на границе с Кабардой) во всех фонетических положениях слышатся „шепелявые“ мягкие «s» и «z». Такими же „шепелявыми“ он передает и русские с и з в своей русской речи. При этом оба осведомителя не замечают различия в своем произношении. Для селения Лескен имеется и другое свидетельство, не совпадающее с первым. Студент Ленинградского университета М. Исаев, родом из Лескена, дает то произношение, которое отмечал для дигорцев Шегрен: всюду обычное «s», но перед гласными переднего ряда «ž» (двухфокусное со вторым средним фокусом, несколько мягче иронского). Повидимому, такой же тип артикуляции отмечает для своего дигорского осведомителя Е. Гендерсон в упомянутой работе, употребляя для обозначения s перед передними гласными знак ſ. Однако фонетического описания этого звука она не дает.

„Шепелявые“ s и z первого представителя из Лескена могут быть определены артикуляторно как среднеязычные однофокусные круглощелевые согласные, т. е. как среднеязычные «š» и «ž». Они сильно продвинуты вперед и артикулируются более передней частью языка сравнительно с немецким среднеязычным (ich-laut) или с русским й — примерно против или чуть выше альвеол.

Наконец, следует разобрать указания В. И. Абаева относительно иронского диалекта, данные в статье „О языке южных осетин“:¹ „Нужно заметить, что во всех почти иронских говорах нет ни зубных s и z, ни палатальных š и ž, а есть промежуточные между ними характерные передненебные сibilанты š и ž“. Нельзя сомневаться в том, что приведенная характеристика соответствует фактам, но она не совпадает с данной выше характеристикой соответствующих звуков ардонско-алагирского круга. Следовательно, ардонско-алагирский тип произношения (двухфокусные «š» и «ž») не распространяется на весь иронский диалект северных осетин, а какая-то часть его — может быть большая — имеет иной тип произношения. По приведенному В. И. Абаевым описанию он ближе всего подходит к дигорскому „шепелявому“ варианту, т. е. к типу среднеязычных «š» и «ž»; об этом достаточно четко говорит определение их как „передненёбных“ (т. е. щель образуется против передней части нёба, следовательно — средней частью языка). Такой тип артикуляции характерен для произношения самого В. И. Абаева, родина которого — горная Осетия. В его произношении s и z можно определить следующим образом: это среднеязычные щелевые, но не продвинутые вперед, в отличие от дигорских „шепелявых“, а образующиеся именно средней частью языка при круглой щели, отчего они и дают впечатление «s»-или «š»-образного, а не «х»-образного звучания (как при немецком плоскощёловом ich-laut). Поскольку образование круглой щели средней

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 498.

частью языка несколько затруднено (средняя часть языка не так гибка и подвижна, как кончик языка), то при артикуляции в виде поддержки может принимать участие и передняя часть языка, что уже создает двухфокусность артикуляции. В результате этого, элемент «š»-образности, который слышится и при чистом среднеязычном, еще более усиливается. И если дигорские «š» и «ž», артикулируемые почти передней частью языка (на грани между передней и средней частью языка), дают лишь впечатление мягких и шепелявых, то рассматриваемый тип артикуляции воспринимается на русский слух как очень мягкое *ш*.

Таким образом, возникает известная картина артикуляторного диапазона рассматриваемых фонем, а сравнение приведенных фактов может указать и пути их изменений по говорам. Все имеющиеся факты, а также более ранние свидетельства подводят к следующей реконструкции. Кажется несомненным, что для обоих диалектов еще в недавнее время среднеязычная артикуляция согласных не давала самостоятельного фонологического ряда, а являлась вариантом артикуляцией для переднеязычных и заднеязычных перед передними гласными. Для дигорского диалекта это состояние сохраняется до сих пор. Так, в дигорском в настоящее время наблюдается сильное смягчение задних смычных и переднеязычных аффрикатов перед гласными переднего ряда, доходящее до среднеязычной артикуляции: «g'et'en» 'парусина', «k'izg» 'девушка', «cɪ||sɪ» 'что' и т. д. Известно, что иронские фонемы č, ĥ и č' возникли именно из таких мягких вариантов (ир. cъzg || диг. kizg). Следовательно, для иронского диалекта в прошлом мы должны предполагать аналогичное состояние в отношении среднеязычной артикуляции, какое имеем сейчас в дигорском. В этот общий ряд палатальных вариантов в дигорском попадает и среднеязычная артикуляция *s* и *z* (варианты «š» и «ž»), которую отметил для дигорского диалекта Вс. Миллер, определяя дигорские *s* и *z* перед передними гласными как „*средние звуки между с-ши и э-жи*“, которую слышал также Шегрен, но воспринимал как š и ž, и которая сохранилась, как мы видели, в дигорском до сих пор.

Несомненно, что такое же выявление фонем *s* и *z* (со среднеязычным вариантом перед передними гласными) было типично и для иронского диалекта в тот период, когда и для него среднеязычная артикуляция являлась вариантом. Если предположить обратное, т. е. что для иронских *s* и *z* было характерно единообразное их звучание во всех позициях, то тогда невозможно будет объяснить позднейшие их расхождения в звучании по говорам (отмеченные Шегреном и Вс. Миллером для равнинных осетин «s» и «z» и современные «š, ž» и «š, ž»). Предположить, как это склонен сделать В. И. Абаев, что Шегрен и Вс. Миллер просто не заметили специфики иронских *s* и *z*, невозможно, так как среднеязычные «š» и «ž» невозможно не заметить русским слухом и отожествить их с *s* и *z*. Кроме того, Вс. Миллер хорошо

Слышал аналогичные среднеязычные «š» и «ž» в дигорском, определяя их акустически как средние между с и з, которые слышал также Шегрен, сближая их акустически с ш и ж, а не с и з. Остается только один вывод: во времена Шегрена и Вс. Миллера равнинные осетины действительно произносили обычные, неотличимые от русских, с и з (которые, может быть, и сохранились еще в некоторых местах).

В тот период, когда в иронском диалекте с переходом среднеязычных вариантов задних смычных в самостоятельные фонемы ($k, g, k' > \check{c}, j, \check{s}$) среднеязычная артикуляция приобрела фонологическое значение, диапазон переднеязычных согласных соответственно изменился. Переднеязычные аффрикаты (с и з) перестали палатализоваться перед гласными переднего ряда, так как, продвигаясь к среднеязычной артикуляции, они могли попасть в новый фонологический ряд и смешаться с фонемами \check{c} и j ; отсутствие палатальных вариантов /с и з/ отличает, между прочим, современный иронский от дигорского. Фонемы с и з при возникшей фонологизации среднеязычной артикуляции тоже не могли сохранять прежние варианты без опасности расщепления каждой из них на две фонемы ($s > s$ и \check{s} , $z > z$ и \check{z}). Но перед ними, в отличие от переднеязычных аффрикат, было два пути произносительной унификации: либо в сторону среднеязычной артикуляции, со включением их в фонологический ряд среднеязычных при утере переднеязычных вариантов, либо в сторону переднеязычной артикуляции с утерей среднеязычных вариантов. Как показывают факты, иронский диалект использовал оба эти пути: в одних говорах победили переднеязычные варианты (свидетельство Шегрена и Вс. Миллера для равнинных осетин), в других — среднеязычные. Начало подобного же процесса можно наблюдать теперь и для дигорского диалекта, где звук « \check{c} » начинает восприниматься фонологически (по крайней мере в заимствованных словах), что ведет к выделению вариантного среднеязычного « \check{c} » (вариант фонемы с перед передними гласными) в самостоятельную фонему, в результате чего начинается произносительная унификация остальных согласных, имеющих среднеязычные варианты. В частности, варианты заднеязычных перед передними гласными в дигорском не чисто среднеязычные, а продвинуты назад; при отчетливом же произношении они вообще остаются задними и только слегка палатализуются. В отношении же фонем с и з произносительная унификация в некоторых говорах уже закончилась почти совсем, дав переднеязычные « s » и « z » во всех положениях, и только при небрежном произношении перед передними гласными спорадически могут появляться „шепелявые“ их варианты (у осведомителя из Дурдурга). И, напротив, в отдельных случаях наблюдаются всегда „шепелявые“ с и з (осведомитель из Лескена), но, как уже говорилось, — это не чистые среднеязычные, а сильно продвинутые вперед, акустически сближаемые с с и з, так что намечающаяся унификация в дигорском ориентируется на переднеязычную артикуляцию.

Можно ли найти те фонетические предпосылки, которые в одних иронских говорах привели к распространению среднеязычных вариантов *s* и *z* («š» и «ž» > «š» и «ž»), а в других — переднеязычных? Эти предпосылки могут быть найдены в артикуляции аффрикатов *s* и *z*. Дело в том, что у иронских *s* и *z* щелевой элемент довольно сильный, и поэтому они склонны к спирантизации (по крайней мере, это наблюдается в ряде говоров), т. е. к «sx»- и «zx»-образному звучанию или к полному переходу в *s* и *z*. Еще Вс. Миллер отмечал для высокогорного селения Нар случаи полного перехода *s* и *z* («zag» вместо «žag» ‘полный’, «səus» вместо «cəus’ ты идешь’), а В. И. Абаев отмечает эту тенденцию как одну из главных черт всего туальского (высокогорного) говора. Естественно, что в таких говорах, где активизировалась спирантизация *s* и *z*, во избежание смешения с ними, унификация фонем *s* и *z* пошла по среднеязычному типу. В тех же говорах, где *s* и *z* были более устойчивы, победил переднеязычный вариант как чаще употребляемый. Именно там, где Шегрен и Вс. Миллер отмечали чистые переднеязычные *s* и *z* (у равнинных иронцев), аффрикаты *s* и *z* являлись более устойчивыми. Оба исследователя вовсе не отмечали для равнинных иронцев признаков спирантизации обоих аффрикат.

В результате, как будто получается довольно ясная картина разобранных фонетических переходов. Однако большая трудность заключается в следующем. Описание фонем *s*, *z* и *c*, *ž*, данное Шегреном и Вс. Миллером, совершенно не соответствует современному произношению равнинных иронцев (по крайней мере для Ардона, Алагира, Бесланы и Эльхотово). Здесь мы находим, во-первых, постоянные двухфокусные *š* и *ž* вместо *s* и *z*, во-вторых, *s* и *z* вместо *c* и *ž* почти во всех фонетических положениях. Аффрикатная артикуляция последних двух фонем сохраняется только после смычных согласных и при геминации, если не считать несколько искусственного, книжного произношения, т. е. мы здесь находим в развитом виде то, что отмечалось раньше лишь для горных районов. К тому же у современных равнинных иронцев процесс изменения фонем *s* и *z* пошел еще дальше, окончательно сменив двухфокусными *š* и *ž* среднеязычные *s* и *z*, которые в настоящее время еще характерны, повидимому, для туальского говора.

Надо предполагать, что тип артикуляции *s*, *z* и *c*, *ž* был характерен для сравнительно небольшой округи и что основная масса иронцев имела другой тип — *š*, *ž* и *s* (<*c*), *z* (<*ž*), который при интенсивном общении населения распространился и на эту округу. Во всяком случае, для дальнейшего исследования необходимо будет проследить фонетическое выявление фонем *s*, *z*, *c* и *ž* по всем иронским говорам, а также привлечь имеющиеся данные по переселению осетин за последние 80—70 лет.

ОГУБЛЕННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Следующий существенный пункт осетинского консонантизма, нуждающийся в исследовании, — это вопрос об огубленных согласных, не ставившийся до сих пор в литературе. В дигорском диалекте имеем такие сочетания, как $x^w\acute{a}$ и $x^w\acute{a}$, восходящие к этимологическим $x^w\acute{a}$ и $x^w\acute{\bar{a}}$: $x^w\acute{a}r$ ‘хлеб’ (‘зерно’), $x^w\acute{a}yip$ ‘колотить’, ‘стучать’, $t\acute{a}x^w\acute{e}\acute{d}\acute{e}g$ ‘я сам’, $x^w\acute{e}\acute{r}\acute{a}$ ‘сестра’, $x^w\acute{e}\acute{r}un$ ‘есть’ и т. д. Вопрос заключается в следующем — имеем ли мы здесь сочетание трех фонем: $x + w +$ гласный, или сочетание двух фонем: огубленного x (« x^w ») + гласный. Дело в том, что осетинское w очень сонорно, а в положении после согласных (а также в исходе слова) оно всегда фонетически равно неслоговому u (« \acute{u} »), так что в таких словах, как *dwar* ‘дверь’, фонетически имеем дифтонг «*duar*». Звучание слова $x^w\acute{a}r$ тоже дает впечатление дифтонга и может быть воспринято как «*xцаг*». В орфографии оба случая обозначаются одинаково: *xuar* и *duar*. Исследователи применяют тоже одинаковое обозначение (так, у Вс. Миллера: *x^war* и *d^war*).

Помимо этимологии, а также соответствия осетинского x^w огубленному x^o в родственном осетинском ягнобском языке (ягнобские: x^oar ‘ешь’, x^or ‘сестра’, x^oy ‘колоти’, x^oat ‘сам’), поставить этот вопрос заставляет и следующее соображение. В иронском диалекте дигорским $x^w\acute{a}$ и $x^w\acute{a}$ соответствуют закономерно *x^wa* и *x^wo*: диг. $x^w\acute{a}r$ || ир. *xog*, диг. $x^w\acute{e}\acute{r}un$ || ир. *x^wəlyp* и т. д. Между тем, сочетание w с другими согласными не различается в обоих диалектах. Например: ир. и диг. *dwar* ‘дверь’, ир. *twas* и диг. *twasə* ‘шило’ и т. д. Отсюда несомненно, что в какой-то период в осетинском языке сочетания типа $x^w\acute{a}$ и *dwa* были фонетически и фонологически различными явлениями, раз они дали по говорам разные результаты. Но отсюда возможно, что это различие сохраняется в дигорском и до сих пор.

Во всяком случае, при дальнейшем исследовании необходимо будет детально исследовать звучание и артикуляцию обоих типов сочетаний ($x^w\acute{a}$ и *dwa*), что до сих пор не сделано. Акустические впечатления говорят об их фонетическом различии, которое заключается в следующем. 1) В сочетаниях типа *dwar* слышится настоящий дифтонг с сильным первым элементом («*duar*»); в сочетаниях с *x* — первый элемент более слабый и краткий («*x^war*»). А такая дифтонгичность нормальна при предшествующем огубленном согласном, следовательно, фонологическое сочетание $x^w\acute{a}$ должно дать именно звучание «*x^wa*». 2) При сочетании типа *dwa* гласный не меняет своего качества, сохраняя свое постоянное звучание («*duar*»). В сочетании же $x^w\acute{a}, x^w\acute{e}$ гласный меняется, получая легкую огубленность. Более заметно меняется *a*, которое приближается к «*о*»-образному звучанию, особенно при более быстрой речи («*x^wəg*»). В этом нетрудно усмотреть начальный этап того пути, который привел в иронском к переходу бывшего $x^w\acute{a}$ в *x^wo*.

Однако этих наблюдений еще не вполне достаточно для выяснения вопроса. Необходимо будет в дальнейшем изыскать более объективные критерии и разобраться в вопросе четче, тем более что аналогичный и тоже спорный в трактовке факт имеет место в курдском языке. Одним из таких объективных критериев может явиться сравнение долготы дифтонга «*ца*» в сочетании типа *dwa* и предполагаемого простого *a* в сочетании *x^wa*. Если во втором случае действительно имеет место сочетание *x^w+a*, а не *x+w+a*, то его гласный элемент должен быть короче, чем в сочетании *dwa* (дифтонг нормально должен быть длиннее простого гласного). Напротив, такие сочетания, как *x^wa* и *xa*, должны дать одинаковую длительность гласного.

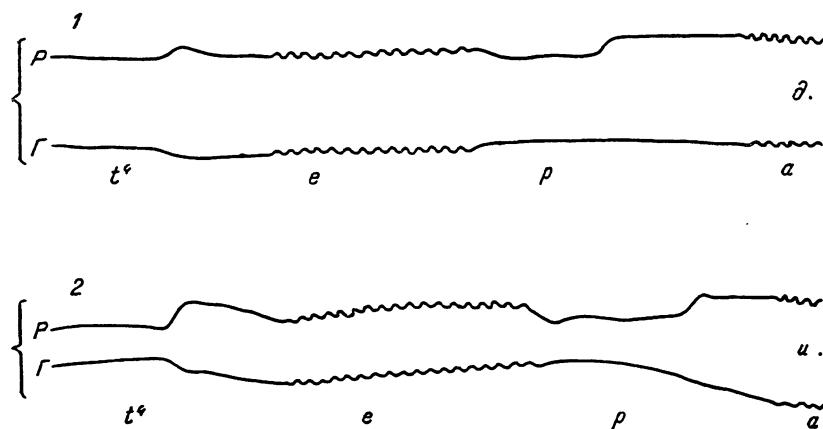
Тот же самый вопрос в дигоиском относится и к заднеязычным смычным *k,g* и *k^w*, сочетающимся с губной работой и соответствующим простым согласным. Например: диг. *k^war* || ир. *k^word* 'группа', диг. *əfçəgk^watə* || ир. *əfçəgkot* 'воротник', диг. *ig^wəs* || ир. *ıgəs* 'спон'.

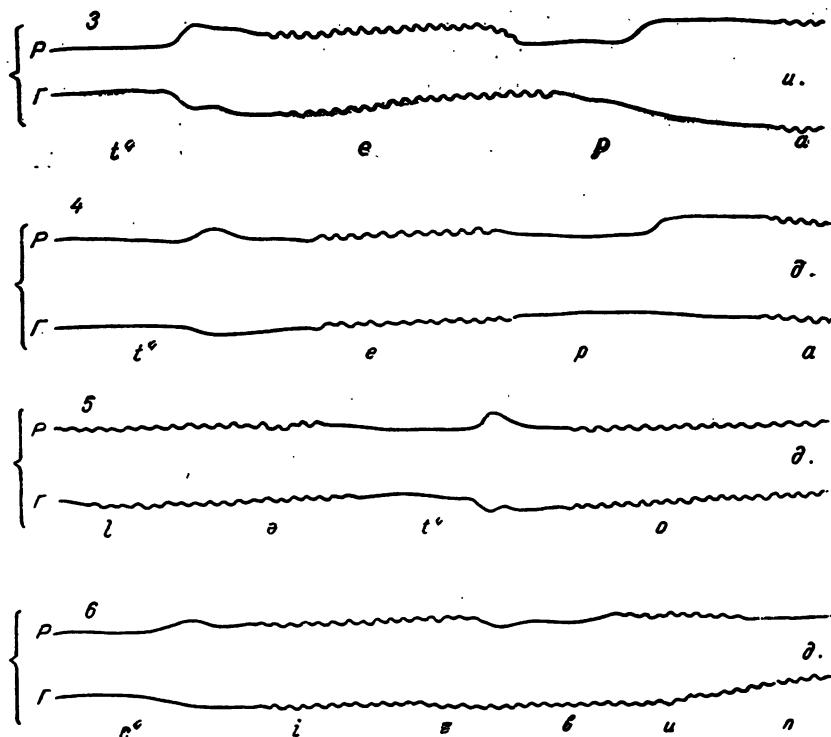
В связи с этим следует рассмотреть и артикуляцию иронских заднеязычных *k* и *g* перед *ь*. Орфографически это сочетание изображается как *куы* и *гуы*. Фонетически слышится дифтонгоид с изменением качества *ь* в направлении к «*и*», так что часто слышится не «*k^wyd*», а «*k^wud*», что и заставило Вс. Миллера находить в этих случаях краткое *и*. Следует определить, имеет ли здесь место дифтонг *иъ*, или остатки огубленного ряда согласных, сохранившегося только в одной фонетической позиции — перед *ь*?

КИМОГРАММЫ ОСЕТИНСКИХ СОГЛАСНЫХ

Буквы *P* и *Г* означают соответственно ротовую и гортанную кривые. Буквы *и* и *и* с правой стороны кривых означают соответственно иронский и дигоискый диалект.

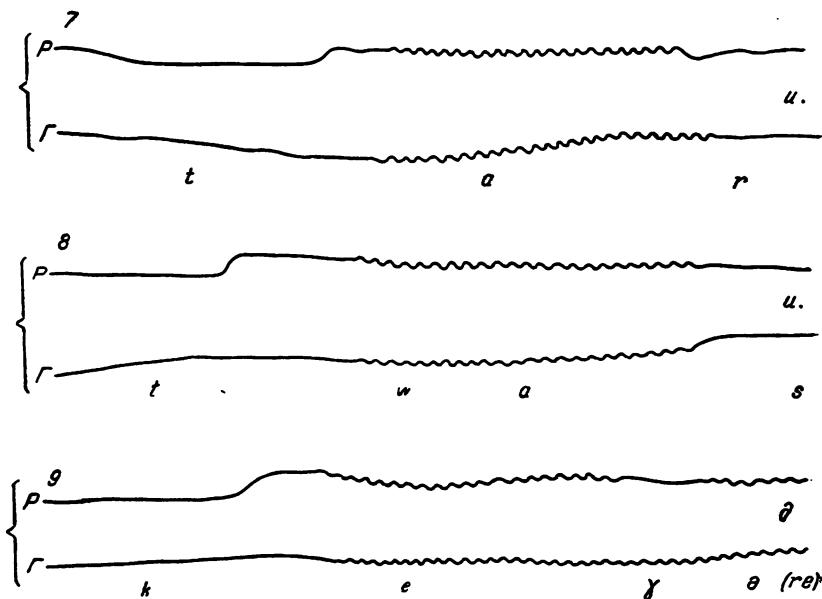
Смычногортанные

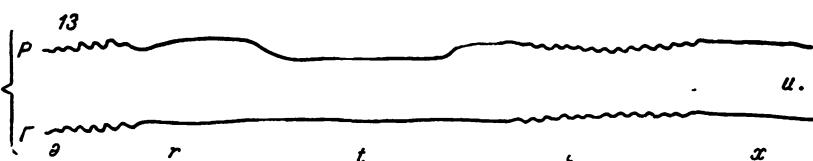
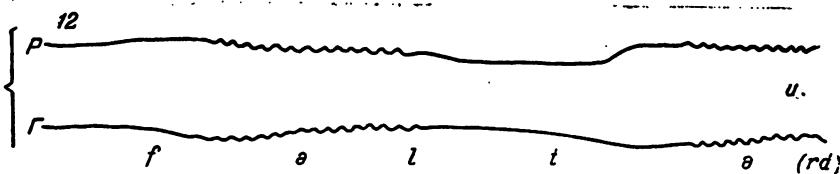
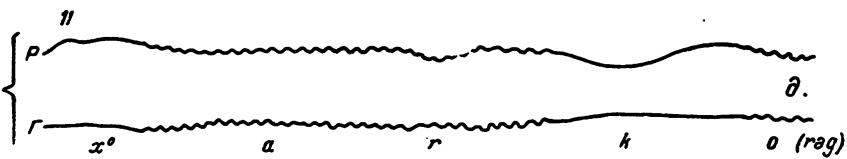
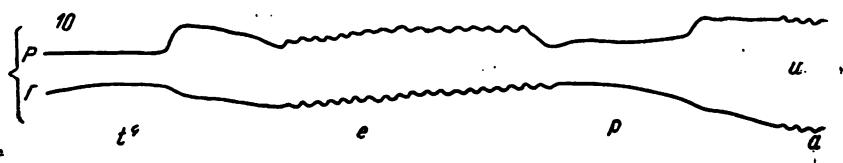

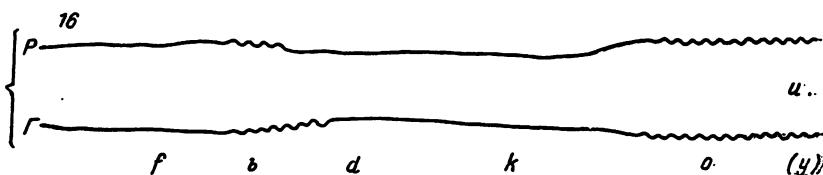
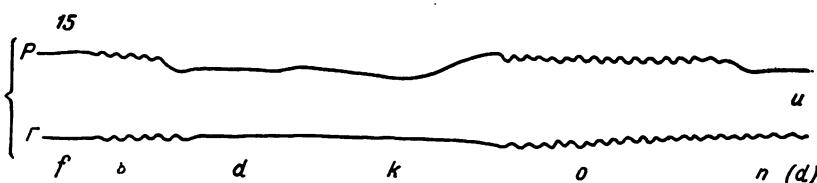
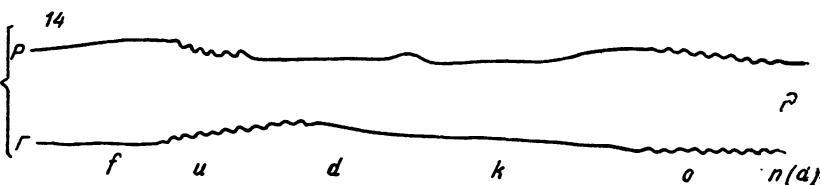
Глухие смычные

В начале слова, между гласными и после сонантов

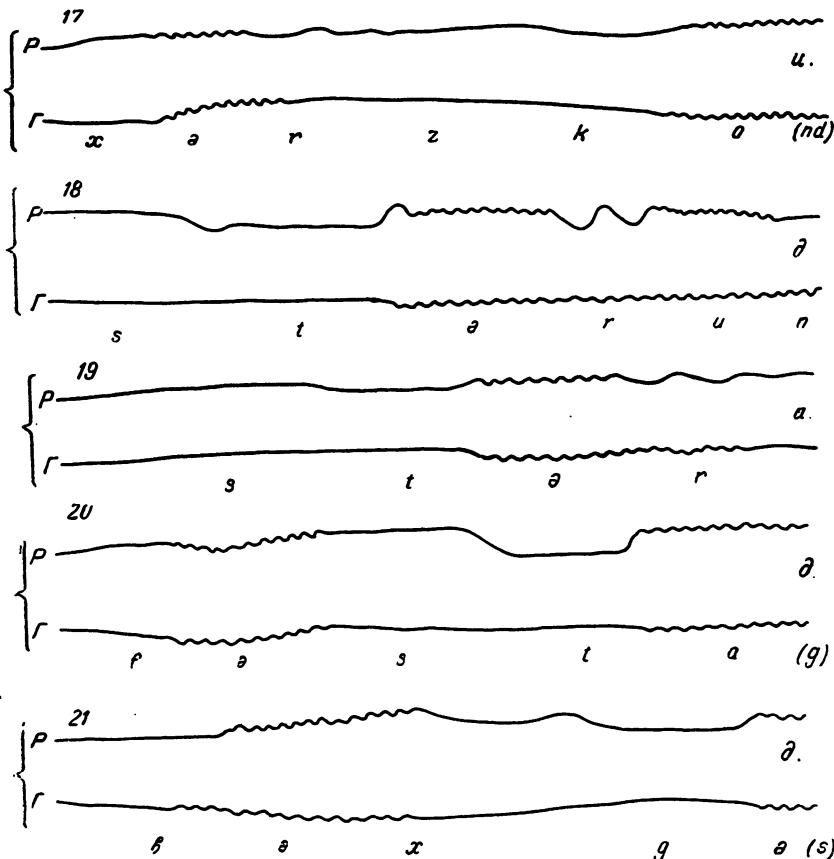

После звонких шумных

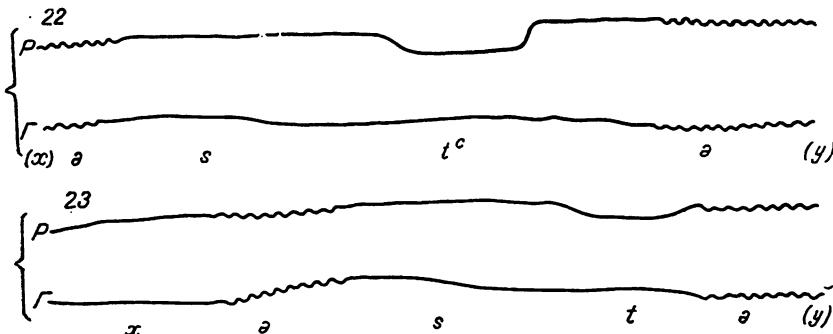

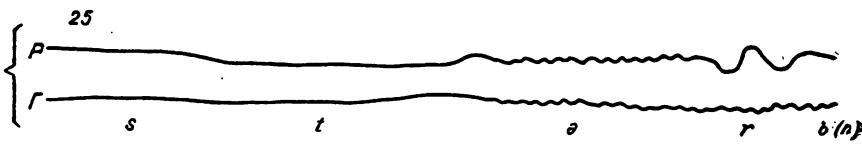
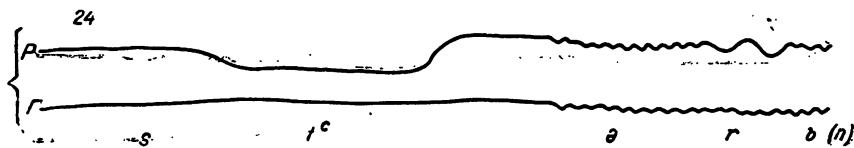
После глухих щелевых

Различающиеся пары в иронском диалекте после глухих щелевых

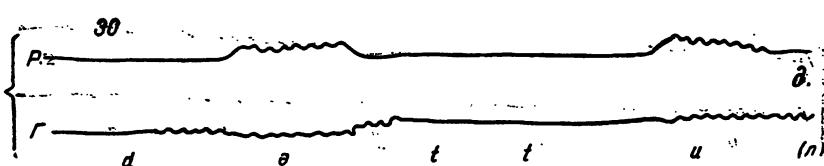
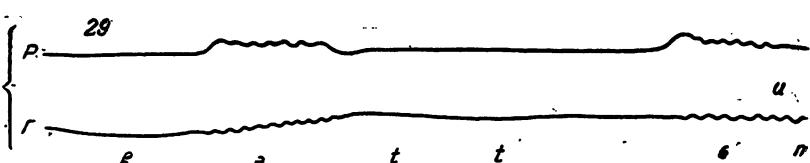
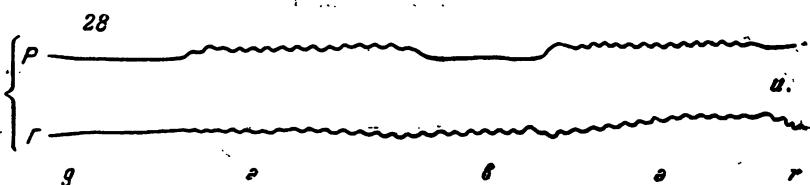
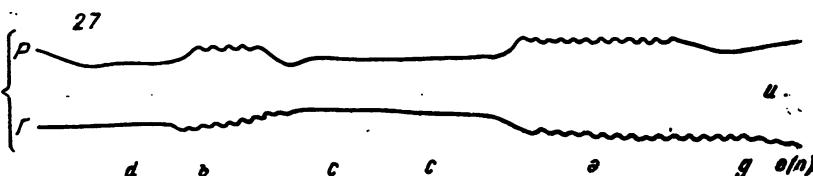
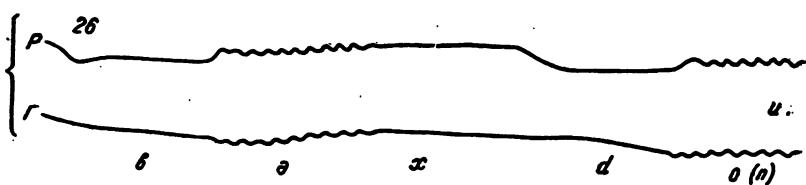
хæстæй ‘из-за долгов’ и *хæстæй* ‘с войны’; *стæрын* ‘гнать вверх’ и *стæрын* ‘лизать’. Фонологически: *xæstæy* («хæст‘эу») ‘из-за долгов’, *xæstæy* («хæст‘эу») ‘с войны’ и *stærpn* («ст‘эрпн») ‘гнать вверх’, *sdærpn* («ст‘эрпн») ‘лизать’.

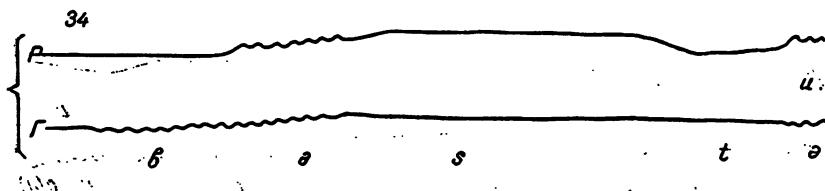
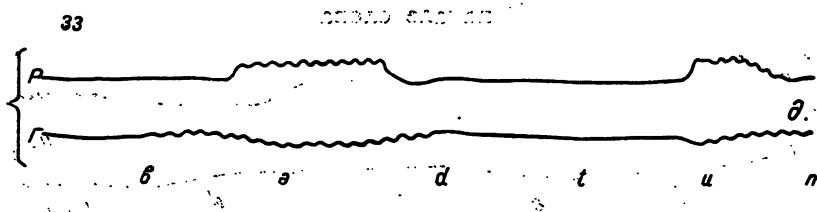
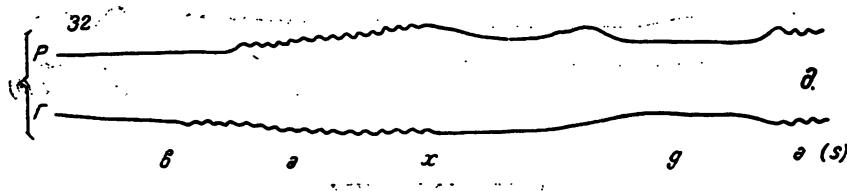
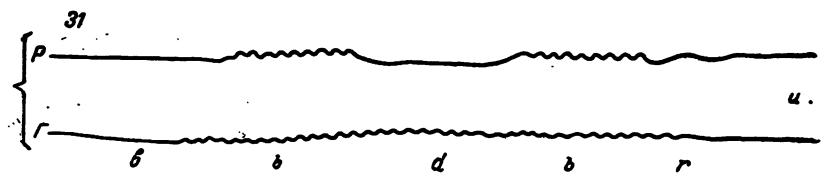

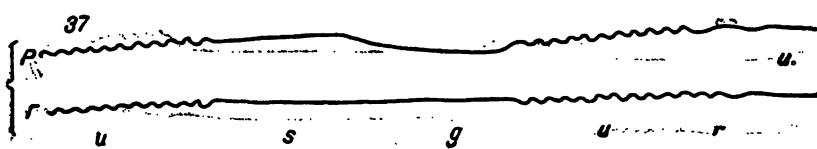
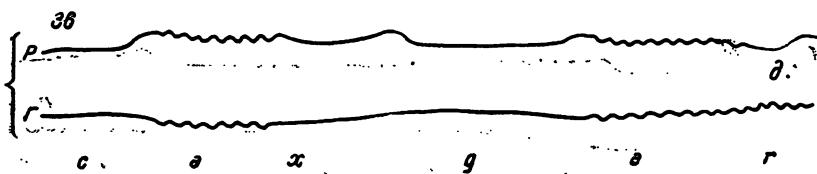
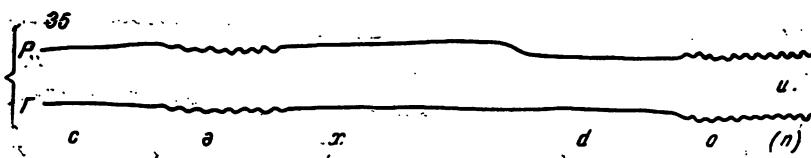
Смычные звонки

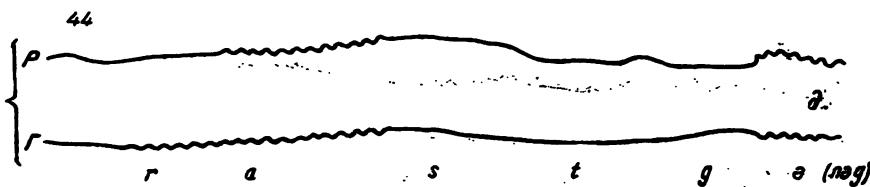
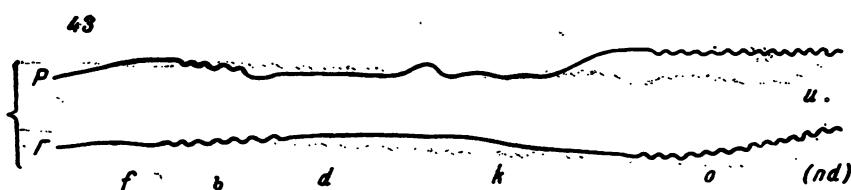
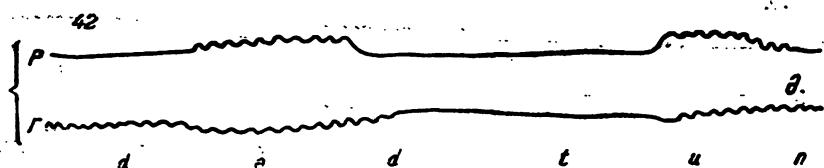
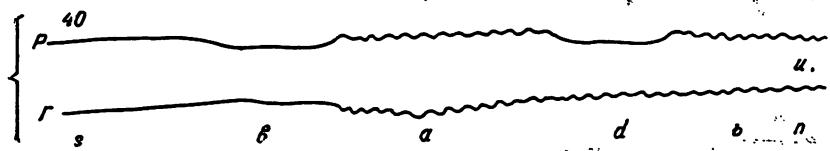
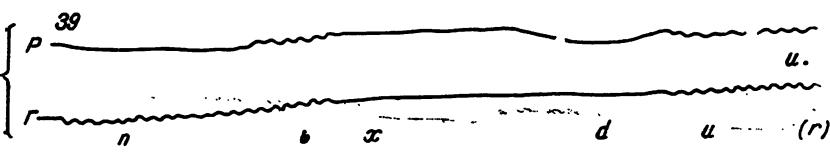
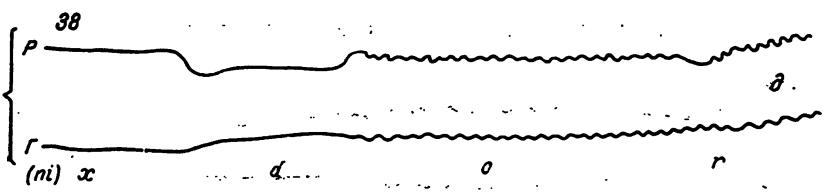
В начале слова

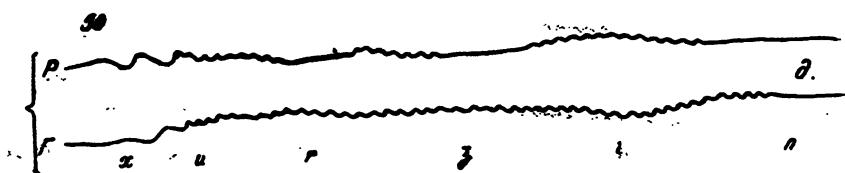
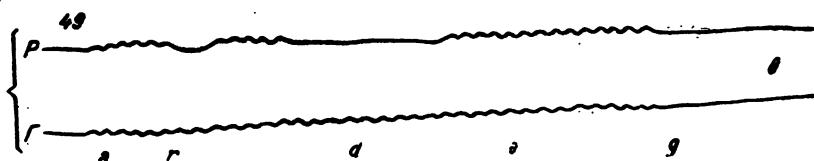
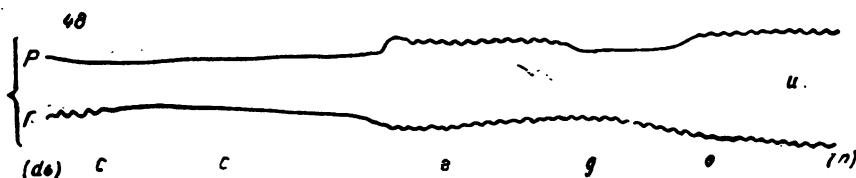
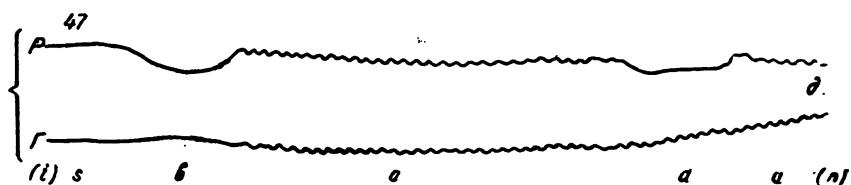
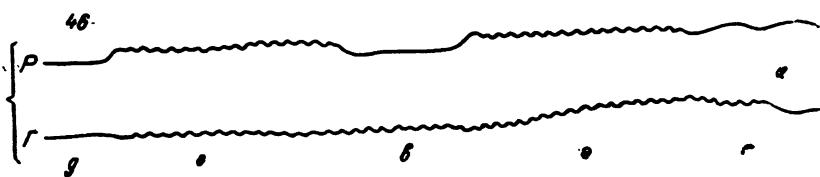
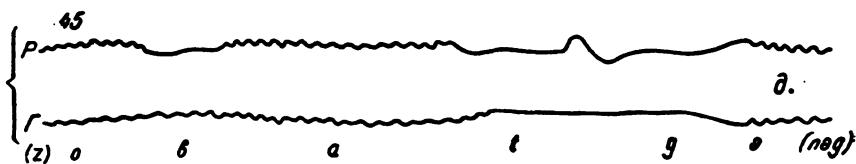

Рядом с глухими

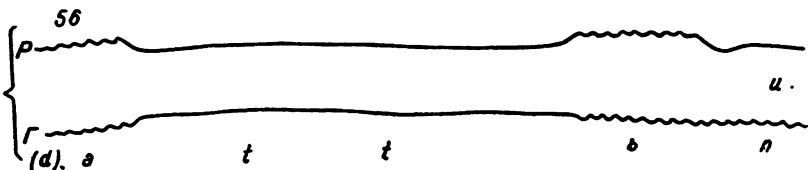
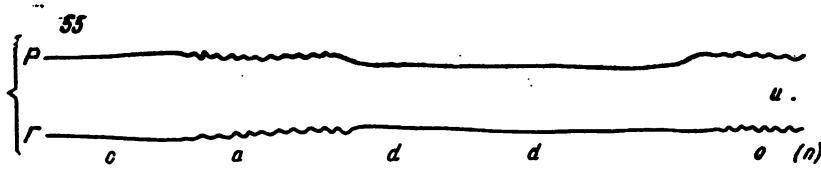
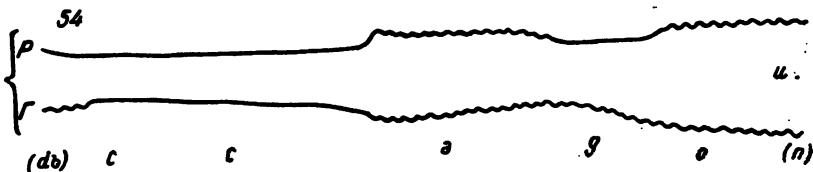
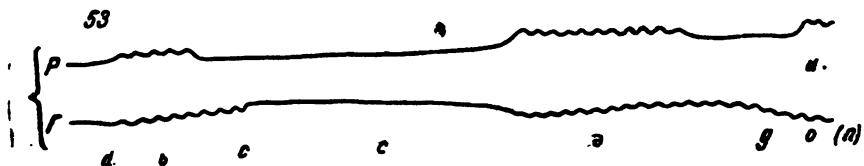
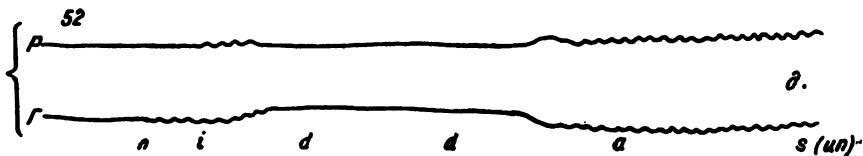
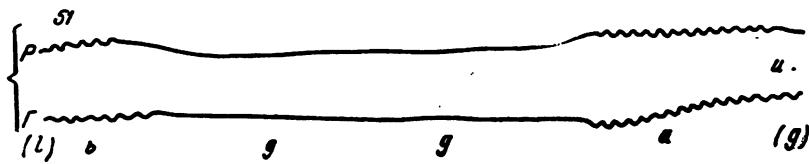

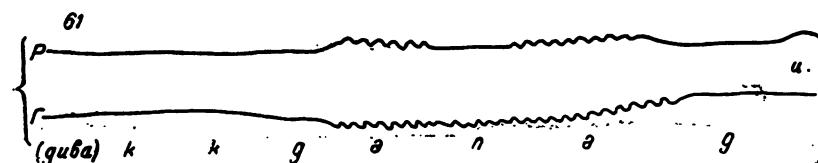
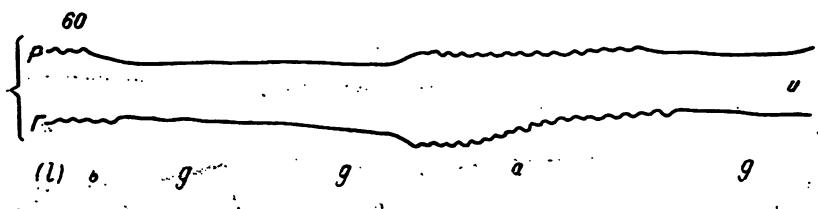
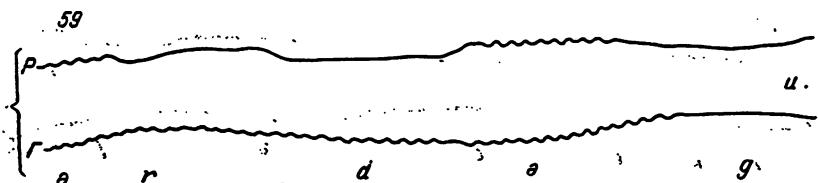
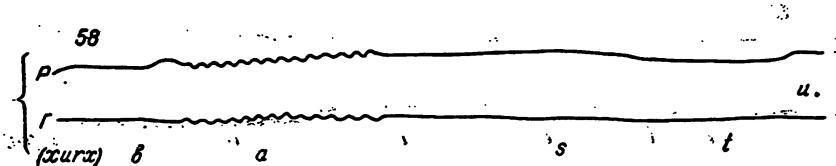
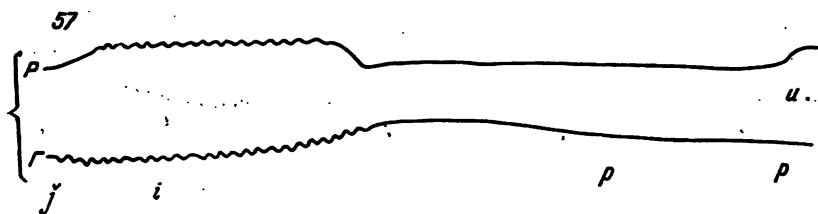
Между гласными и после сонорных

Геминаты

Смычные глухие и звонкие в исходе слова

ягнобский язык

Хотя первые сведения по ягнобскому языку, представляющему собой сохранившийся диалект согдийского языка, появились еще во второй половине XIX в., он до сих пор остается мало изученным. Опубликованных материалов по ягнобскому языку очень немного: краткая сводка В. Гейгера, составленная по неизданным материалам К. Г. Залемана с приложением одной сказки;¹ три сказки и один небольшой текст этнографического содержания, изданные Г. Юнкером,² и одна сказка, опубликованная С. И. Климчицким.³ По части фонетики эти работы далеко не достаточны. Описания звуков нет вовсе, а в области вокализма остается неясным и состав фонем. Правда, С. И. Климчицкий в своей статье, представляющей последнюю по времени работу по ягнобскому языку, выделяет семь гласных (*i*, *ī*, *ē*, *a*, *ā*, *ī*, *u*), называя их фонемами, однако какого-либо обоснования этому не дает. Выделение же долгих и кратких, если этому не дано обоснования, иногда вызывает сомнение, поскольку такое выделение, возникшее под влиянием этимологий и ставшее традиционным для многих исследователей, часто не соответствует действительности. Тот же С. И. Климчицкий, выделяя для ваханского языка долгие и краткие гласные, доводит число гласных фонем до 13, в то время как в этом языке всего 6 гласных фонем и вовсе нет кратких и долгих пар.

Кроме указанных 7 гласных, С. И. Климчицкий отмечает еще *ī* и *ī*, которые определяет как передние варианты фонем *ī* и *u*. О фонетических условиях возникновения этих вариантов ничего не сказано. В кратком отчете об экспедиции в Ягноб, помещенном в том же томе „Трудов таджикистанской базы“ (стр. 137—139), он пишет: „Собран обширный материал по фонетике ягнобского языка, что даст возможность сделать более подробное фонетическое описание ягнобского языка, чем это имело место до сего времени“. Однако такого фонетического описания или каких-либо других материалов, собранных им, в свет так и не

¹ W. Geiger. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, Abt. 2. Strassburg, 1901.

² H. Junker. Drei Erzählungen auf Yaγnābī. Heidelberg, 1914; он же. Jaghnābī Studien, Abh. der ph.-hist. Klasse d. Sächsischen Akad. der Wissenschaften, Bd. XLI, № 11, Leipzig, 1930.

³ С. И. Климчицкий. Ягнобская сказка. Труды Таджикистанской базы Академии Наук СССР, IX, М.—Л., 1940.

вышло. Не опубликованы также материалы, собранные М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой, равно как и материалы последней экспедиции на Ягноб М. Н. Боголюбова и К. К. Курдоева, состоявшейся в 1947 г.

При таком положении к изучению фонетики ягнобского языка, особенно к определению его гласных фонем, приходилось подходить заново, так как твердых опорных пунктов в этом отношении дано не было. Таким образом, основная задача данного исследования была по необходимости узкая — точнее определить состав фонем ягнобского языка и дать их хотя бы минимальное фонетическое описание. Детальное же изучение фонетики ягнобского языка может быть осуществлено лишь вместе с более детальным изучением всего языка.

Основная масса ягнобцев, по подсчетам Климчицкого — численностью свыше 2000 человек, живет в верховьях Зеравшана в долине реки Ягноб. Все опубликованные до сих пор сведения по ягнобскому языку получены от этих ягнобцев. В их речи исследователи выделяют 2 главных говора — восточный и западный. Главным различием между обоими говорами являются соответствия: *t* || *s* (в западном говоре *tēi* 'день', в восточном *tēs*, а у Юнкера даже *tēθ*) и *aɪ* || *ē* (в западном *waɪ̯* 'трава', *piraɪ̯* основа глагола 'убегать', в восточном соответственно *wēš*, *pirēž*).

Настоящий же очерк основан на материалах, собранных у ягнобцев, живущих на южном склоне Гиссарского хребта в Варзобском районе, до сих пор исследованию не подвергавшихся. Их язык заметно не отличается от языка ягнобцев долины Ягноба и относится по указанным признакам к западной его разновидности. Работы по сбору материалов были по необходимости кратковременными и проводились в течение нескольких дней в сентябре 1949 г.

Поскольку в данном очерке впервые даются сведения о языке варзобских ягнобцев, кажется полезным, помимо приложенных текстов, которых по краткости пребывания удалось записать очень мало, дать также список слов, записанных изолированно (в этот список не включены слова, совпадающие с таджикскими и по значению и по звучанию, например: *bozor* 'базар', *oşa* 'мать' и т. д.). Не лишним, как кажется, будет и приложение некоторых грамматических сведений (служебные морфемы, спряжение глагола), поскольку они могут дать известный материал для сравнения с речью ягнобцев долины Ягноба.

В Варзобском районе ягнобский язык представлен в пяти кишлаках. Один из них (Харангони Дара) находится близко к Сталинабаду, в сельсовете Айни, в долине реки Харангон, в 15—16 км от варзобской дороги. По расспросным сведениям, язык этого кишлака, оторванного от общения с другими ягнобцами, сильно перемешан с таджикским языком.

Другой кишлак (Куртепа) расположен в верховьях Варзоба (сельсовет Зидди) и тоже значительно отдален от общения с другими ягнобдами Варзобского района.

Остальные три кишлака входят в состав сельсовета Варзоби Боло и расположены по течению р. Тагоб, впадающей в Варзоб примерно в 45 км от Сталинабада: один (Обисафед) находится в верховье Тагоба, на расстоянии 50—55 км от устья, два других — самый крупный ягнобский кишлак Кухистон (44 дома) и маленький кишлак Зуман (10 домов), находящихся друг от друга на расстоянии 1.5 км и составляющих один колхоз (им. Микояна), — расположены в среднем течении реки Тагоб, примерно в 20 км от ее впадения в Варзоб. Оба эти кишлака составляют около половины всего ягнобского населения Варзобского района, насчитывающего 600—700 человек. Работа производилась в кишлаке Кухистон.

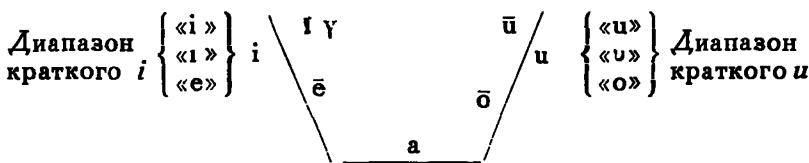
Кишлак Кухистон расположен в 12—13 км (по реке) или в 6—7 км (через перевал) от Тагобстроя, связанного со Сталинабадом автомобильной дорогой. В кишлаке имеется начальная школа (4 класса), обучение в которой ведется на таджикском языке. Школьные учителя — таджики. Таджикский язык вообще оказывает на ягнобский язык сильное влияние. Все ягнобское население сплошь двуязычно и владеет таджикским языком, как родным. Помимо постоянного общения с соседними таджикскими кишлаками, и внутри кишлака общение с таджиками не прерывается, поскольку в кишлаке встречаются смешанные ягнобско-таджикские семьи. В присутствии таджиков ягнобцы в разговоре легко переходят на таджикский язык. Однако между собой в домашней обстановке ягнобцы всегда говорят по-ягнобски, так что даже в смешанных семьях (мать — таджичка) дети сначала научаются ягнобскому языку и уже позже таджикскому. В результате и проживающие в кишлаке таджики (в том числе и учителя) в той или иной степени научаются ягнобскому языку.

Влияние таджикского языка сказывается в первую очередь на словарном запасе: в настоящее время в ягнобском языке не меньше половины словарного запаса (исключая глаголы) — общие с таджикским языком. Заметные колебания под влиянием таджикского языка наблюдаются и в фонетике. В частности, это касается консонантизма (наличие верхнефарингальных *χ* и *h*), а также использования долготы в вокализме, фонологическая значимость которой стирается для части ягнобцев, превращаясь в функцию ударения. Так, для одних ягнобцев имеем четкое различие *aúr* 'он нашел' и *aír* 'он ушел', для других уже оказывается возможным удлинение ударенного *i* в слове *aír*. Впрочем, это наблюдается далеко не во всех случаях, и долгота остается существенной, а не остаточной или исчезающей чертой ягнобского вокализма. Для младшего поколения отмечена замена переднего огубленного *ü*: *xúr* > *xír* 'солнце'.

В дальнейшем излагается фонетическая система, представленная средним поколением. Запись приложенных текстов произведена по произношению Одинаева Курбана 40 лет.

ВОКАЛИЗМ

Наиболее характерным для ягнобского вокализма является различие долгих и кратких гласных. Всего вокализм насчитывает 8 фонем, из которых 5 долгих: *ī, ē, ū, ū, ū* и 3 кратких: *a, i, u*. Вокализм может быть представлен в следующей таблице:

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ *ī, ē, ū, ū, ū*

Долгие характеризуются своей устойчивостью как в качественном, так и количественном отношении. Существенным является тот факт, что долгие гласные сравнительно редко встречаются в неударенном положении. Как правило, ударение в слове падает на долгий гласный. Так, например, имеем различное ударение в одной и той же форме глаголов с кратким и долгим корневым гласным: *anīdōr* 'они сели', но *akunōr* 'они сделали' и *akišōr* 'они посеяли', *uðw nīdīm* 'давай сядем' и *uðw tīrīm* 'давай пойдем'. В результате этого, колебания в длительности долгих гласных незначительны.

С качественной стороны долгие тоже в общем устойчивы. Диапазон фонемы *ī* очень узок: она образуется на верхнем подъеме (<*rīs*> 'борода', <*rīg*> 'старый', <*tīr*> 'стрела') и может лишь незначительно расширяться между смычными: <*tīk*> 'снова'. Фонема *ī* монофтонгична, однако под влиянием окружающих согласных звучание ее может быть неоднородно: после смычного начало *ī* может быть несколько шире конца (<*tīs*> 'войди'), после щелевого, напротив, начало *ī* несколько уже конца (<*fi'k*> 'плечо'). Но и эти колебания *ī* очень незначительны.

Фонема *ē* имеет несколько более широкий диапазон. Основной ее вариант — узкое <*e*> (4-го подъема): <*sēb*> 'яблоко', <*rēp*> 'открой'. Под влиянием щелевых со среднеязычной артикуляцией, а также носовых, *ē* может заметно сужаться до варианта <*ē*>: <*s̄er*> 'лев', <*mēt*> 'день', <*wēn*> 'посмотри'. При отчетливом произношении <*e*> восстанавливается в основной вариант: <*mēt, wēn*>. Обращает на себя внимание редкое употребление фонемы <*e*> по большей части сна встречается в таджик-

ских словах, причем и в них в ряде случаев таджикскому *e* соответствует фонема *i*: *bíva* 'вдова', *ríša* || *rēšá* 'корень', *tíša* || *tēšá* 'тесак'. Неударенное *ě* не в таджикских словах не засвидетельствовано вовсе. Также не засвидетельствовано *ě* в исходе слова.

Фонема *ü* — узкий гласный заднего ряда верхнего подъема, качественно устойчив и каких-либо заметных вариантов не имеет. В неударенном положении *ü* засвидетельствовано только в таджикских словах: *rübá* 'лиса', *mükí* род обуви.

Фонема *ö* наиболее употребительна из всех долгих гласных, часто встречается в неударенном положении (поскольку входит в состав ряда глагольных морфем) и имеет более широкий диапазон, колеблясь от открытого *o* («э») таджикского типа, образующегося на 3-й ступени подъема и являющегося основным вариантом, до закрытого *o* («о») на 4-й ступени подъема, встречающегося по преимуществу в ударенных закрытых слогах. У отдельных лиц фонема *o* может сужаться еще больше, вплоть до варианта «ö» или «ü», т. е. артикулироваться выше 4-го подъема: *rut* 'дорога', *dirut* 'серп'. Такое узкое звучание закономерно появляется в положении перед носовыми, где даже возможно дублетное произношение *ö* и *ü* (*pirönt* || *pirünt*).

Фонема *û* — огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема, ни в каких фонетических положениях заметно не расширяется. В отчетливом произношении его звучание однородно, при менее отчетливом дифтонгично, к концу звучания огубленность ослабевает, так что возникает дифтонгоид *û'*: *dû'm* 'хвост', *dû'd* 'дым', *xû'r* 'солнце'. В неударенном положении фонема *û* не засвидетельствована.

Примеры употребления долгих гласных

Фонема <i>i</i>	<i>wēn</i> смотри	Фонема <i>ü</i>
<i>tik</i> снова	<i>mēt</i> день	<i>xüd</i> шапка
<i>rit</i> лицо	<i>saféd</i> белый	<i>büd</i> запах
<i>tir</i> стрела	<i>nēki</i> однако	<i>ŷüs</i> ухо
<i>pîr</i> старый	<i>sēb</i> яблоко	<i>ŷüta</i> сын
<i>vîr</i> ищи	<i>sēr</i> сытый	<i>rüp</i> жни
<i>tîs</i> войди	<i>têšá</i> топор	<i>arîpîm</i> я жал
<i>fik</i> плечи		<i>rübç</i> веник
<i>nîd</i> сядь		<i>zǖr</i> сильный
<i>ÿ</i> шей		
<i>zîn</i> седло		
<i>vîta</i> веревка		
<i>bíva</i> вдова		
<i>tîrma</i> осень		
Фонема <i>ě</i>		
<i>rēn</i> открои		

<i>dūyāš</i>	слышать	<i>vyt</i>	вы станьте
<i>rūbá</i>	лиса	<i>vyci</i>	он станет
<i>sitár</i>	баран		Фонема <i>ö</i>
<i>ür</i>	принеси	<i>tifōr</i>	четыре
<i>düst</i>	друг	<i>ruwóp</i>	ягненок
<i>kūcā</i>	улица	<i>akišōr</i>	они посеяли
	Фонема <i>ü</i>	<i>anídōr</i>	они сели
<i>dýd</i>	дым	<i>dönb</i>	умный
<i>dým</i>	хвост	<i>mox</i>	мы
<i>angýr</i>	виноград	<i>vörza</i>	чашка (тадж. <i>tabaq</i>)
<i>kabýd</i>	синий	<i>yóta</i>	мясо
<i>dýr</i>	далекий	<i>röt</i>	дорога
<i>tyt</i>	тутовое дерево	<i>dödö</i>	отец
<i>kýrta</i>	рубашка	<i>mötö</i>	бабка
<i>mýš</i>	мышь	<i>diröt</i>	серп
<i>xýr</i>	солнце	<i>börgöñi</i>	чекмень

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ а, i, u

В группе кратких гласных фонема *a* выделяется своей устойчивостью: она мало сокращается, вовсе не редуцируется и отчетливо звучит во всех фонетических положениях. В ударенном положении в соседстве с сонантами она может заметно растягиваться («*ŷār*» 'гора', «*vänt*» 'заяжи'), однако не до такой степени, которая характерна для долгих гласных. Таким образом, с количественной стороны фонема *a* занимает как бы промежуточное положение между долгими и краткими гласными, чему способствует тот факт, что она не имеет противополагающейся ей долгой пары и ее растяжение не влечет за собой возможности ее смешения с одной из долгих гласных. Включение фонемы *a* в группу кратких, а не долгих, диктуется следующими ее свойствами.

1. Случай растяжения *a* обусловлены фонетическим положением и интонацией. Так, например, случаев растяжения *a* между смычными вовсе не наблюдается (*kat* 'дом').

2. Растяжение *a* в благоприятных фонетических положениях не достигает длительности долгих гласных в том же положении.

3. В неударенных слогах фонема *a* встречается так же часто, как и в ударенных, причем ее длительность в неударенных слогах значительно короче длительности долгих: «*dödö*» 'отец', но «*kabýd*» 'синий'.

4. Ударение в словах с фонемой *a* в корневой морфеме подчиняется той же закономерности, что и с краткими *i*, *u*, т. е. при наличии в слове долгого гласного ударение переходит на него. Так, имеем: *adawōr* 'они побежали', *asanōr* 'они поднялись' при *awéñōr* 'они увидели', *atísōr* 'они вошли'.

С качественной стороны фонема *a* представляет собой передний гласный нижнего подъема таджикского типа («а»). В положении рядом с увулярными она продвигается назад до нейтрального ряда, совпадая с русским *a* между твердыми (вариант «а»): «*χag*» 'холм', «*χag*» 'осел'. При сочетании противоположных влияний (согласный со среднеязычной артикуляцией + увулярный) побеждает передняя артикуляция, поэтому в слове *jaх* 'вставай!' имеем звучание «*јах*», а не «*јох*», а иногда даже «*јаҳ*» и «*јех*». Однако сильное продвижение вперед и вверх мало характерно для фонемы *a* и возникает только в аффектированной речи, как в приведенном примере. Сочетание *a+у* или *a+i* не дает сильного продвижения *a* вперед, оно сохраняет здесь основной вариант своего звучания: «*póda(y)i*» 'нога' (косв. падеж). В общем качественно *a* довольно устойчиво, и диапазон его колеблется от «*а*» до «*а*». Примеры употребления фонемы *a*:

<i>ax</i>	он	<i>ašt</i>	восемь
<i>námta</i>	кошма	<i>das</i>	десять
<i>dára</i>	живот	<i>náxna</i>	ноготь
<i>χúrda</i>	глаза	<i>mákša</i>	тленок
<i>xišap</i>	ночь	<i>warf</i>	снег
<i>ark</i>	дело	<i>wayš</i>	трава
<i>rax</i>	рот	<i>yawš</i>	ячмень
<i>tifar</i>	дай	<i>γayk</i>	дочь
<i>tiray</i>	три	<i>árka</i>	спина

Фонемы *i* и *ı* выявляются в речи аналогично друг другу. Общие их свойства следующие.

1. Они сильно сокращаются в неударенных слогах, особенно в открытых, доходя до редукции: «*v'ród*» 'брат', «*x'šap*» 'ночь', «*x'sift*» 'молоко', «*s'tür*» 'баран', «*ş"tur*» 'верблюд', «*ş"tök*» 'вы', «*r"wón*» 'ягненок'. Однако такое сильное сокращение *i* и *ı* характерно только в тех слогах, на которые никогда не падает ударение. В тех слогах, где краткий гласный может быть и ударным и безударным (в зависимости от формы слова), сильного сокращения безударных *i*, *ı* не происходит: «*aký-póğ*», но не «*ak"nóğ*» 'они сделали' (при наличии ударенного *i* в *akýn* 'он сделал'), «*vów tirim*», но не «*vów t'rim*» 'давай пойдем' (при наличии ударенного *i* в *tírum* 'пойду-ка я').

2. В ударенных положениях длительность *i* и *ı* значительно короче длительности долгих гласных: «*tír*» 'иди' и «*t'ıg*» 'стрела', «*χüd*» 'тюбетейка' и «*kut*» 'собака'. Растигиваться ударенные *i* и *ı*, в противоположность фонеме *a*, не могут без того, чтобы не слиться с соответствующим долгим гласным. У отдельных лиц, как уже говорилось, такое растяжение в отдельных словах может наблюдаться, благодаря чему грань между долгими и краткими фонемами стирается. Так, имеем иногда одинаковое произношение ударного гласного в словах: «*auğ* 'он

нашел' и *atír* 'он ушел' (фонетически «avír» и «atír») рядом с обычно различающимся произношением других лиц: *avír* и *atir* (фонетически «avír» и «atér»).

3. Качественный диапазон обеих фонем весьма широк.

Фонема *i* колеблется от гласного верхнего подъема (вариант *‘i’*) до открытого *‘e’*. Закрытый *‘i’*-образный вариант фонемы *i* характерен для открытых слогов рядом со щелевыми: *‘viród’* 'брат', *‘sitúr’* 'баран', а также для закрытых слогов в соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией (*š*, *ž*, *k*, *g*): *‘kiš’* 'посей', *‘iš’* 'этот'.

Наиболее часто встречающийся вариант фонемы *i* — закрытое краткое *‘e’*, которое характерно: а) для всех закрытых безударных слогов и для закрытых ударных слогов рядом со смычными и сонантами: *‘spíréd’* 'спи', *‘tér’* 'иди', *‘amér’* 'он умер', *‘péž’* 'выйди', *‘waxén’* 'кровь', *‘áxtet’* 'они'; б) для всех слогов, закрытых двумя согласными: *‘níðuméšt’* 'я сяду', *‘xišéft’* 'молоко'; в) для открытых слогов рядом с увулярными: *‘ȝeréft’* 'увзнайте', *‘qezéq’* 'удивительный', *‘xéšáp’* 'ночь' (в последнем слове следующее *‘š’* несколько сужает *‘e’*). *‘e’*-образное произношение *i* распространяется и на остальные открытые слоги при более небрежном произношении: *‘néréd’* 'спи', *‘xéšáp’* 'молоко' и т. д. При подчеркнутом отчетливом произношении во всех случаях имеет место более узкое, *‘i’*-образное звучание: *‘nipid’* 'спи', *‘niž’* 'выйди', *‘waxín’* 'кровь' и т. д.

Более открытый вариант *e* (*‘e’* и даже *‘e’*) возникает в исходе слова как в безударном, так и в ударном положении: *‘áxtetę’* 'их', *‘áwe’* 'его' (губо-губное *w* расширяет гласную), *‘avé’* 'он стал', *‘asinóę’* 'ты вымыл' (*u* сужает гласную). После щелевых в этом положении, как в последних примерах, фонема *i* до степени *‘e’* и *‘e’* не расширяется, а остается в пределах вариантов *‘e’* или *‘i’*, а иногда и *‘ü’* (после *y*): *‘tangáyı || tangáyi’* 'танга' (косв. падеж), *‘hissę’* 'часть' (косв. падеж) и т. д.

Фонема *u* по подъему имеет тоже широкий, но несколько уже, чем *i*, диапазон, колебляясь от верхнего *‘u’* до закрытого *‘o’*. Наиболее частым и обычным является вариант 5-го подъема *‘u’*. Аналогично фонеме *i*, узкий, *‘u’*-образный вариант более характерен для открытых слогов и рядом со щелевыми; более широкий, *‘o’*-образный вариант более характерен для закрытых слогов и рядом со смычными. Например: *‘akunórg’* 'они сделали', *‘akún’* 'он сделал', *‘vuzz’* 'коза', *‘šútóh’* 'вы', *‘uxš’* 'шесть'.

При более отчетливом произношении фонема *u*, как и *i*, дает более узкое звучание во всех положениях: *‘uxš’* 'шесть', *‘urk’* 'волк', *‘ruf’* 'деньги', *‘kuł’* 'собака'; при небрежном — более широкое: *‘uxš*, *urk* и т. д.

Наиболее широкий вариант фонемы *u* — закрытое краткое *‘o’* — возникает перед носовыми: *‘vírom’* 'я найду', *‘rəgbónþoméšt’* 'я продам', *‘rop’* 'полный'. В исходе фонема *u* почти не встречается.

В отличие от фонемы *i*, фонема *u* может заметно колебаться по признаку ряда. Будучи при отчетливом произношении гласным заднего ряда, она при более быстрой речи во всех фонетических положениях, исключая соседства с увулярными согласными, может заметно продвигаться вперед: «*ku-t*» 'собака', «*akv-p*» 'он сделал', «*u-gk*» 'волк', «*ši-tv-g*» 'верблюд'. Кроме того, более передний или более задний характер фонемы *u* определяется также индивидуальными навыками говорящего.

Примеры употребления фонем *i* и *u*:

Фонема <i>i</i>		Фонема <i>u</i>	
<i>vir</i>	муж	<i>kut</i>	собака
<i>tir</i>	иди	<i>rip</i>	полный
<i>niž</i>	выйди	<i>vuz</i>	коза
<i>izm</i>	древа	<i>uxš</i>	шесть
<i>nipid</i>	сли	<i>irk</i>	волк
<i>yirif</i>	узнай	<i>yúrda</i>	глаза
<i>waxín</i>	кровь	<i>čišwán</i>	котел
<i>xišar</i>	ночь	<i>čimčá</i>	ложка
<i>xišift</i>	молоко	<i>akún</i>	он сделал
<i>nípsa</i>	гребень	<i>gúdar</i>	пройди
<i>áxtit</i>	они	<i>rušbón</i>	ягненок
<i>áxtiti</i>	их	<i>purs</i>	спроси
<i>qišqúl</i>	чашка	<i>pul</i>	деньги
<i>dirót</i>	серп	<i>tu</i>	ты
<i>zivók</i>	язык	<i>du</i>	два

ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЯ КРАТКИХ *i* И *u* СООТВЕТСТВУЮЩИМ ДОЛГИМ ПАРАМ (*í*, *é*, И *ú*, *ö*)

Фонемы *i* и *u*, имея широкий диапазон, противополагаются двум долгим фонемам каждая. Фонема *i*—долгим *í* и *ē*, фонема *u*—долгим *ú* и *ö*. В отдельных случаях, при сильном продвижении вперед, фонема *u* противополагается также длительностью фонеме *ü*, сближаясь с ней качественно. В общем, картина противоположения ягнобских кратких своим долгим парам близка к описанным в 1-м выпуске „Очерков“ белуджским противоположениям: они противополагаются долгим по двум признакам—количеству и качеству: *i* в слове *tir* 'иди' отличается от *í* в слове *titr* 'стрела' не только длительностью, но и качеством («*tér*» и «*titr*»). В приведенном случае фонема *i* качественно более близка к фонеме *ē*. Аналогичную картину имеем с фонемой *u*: *u* в слове *irk* 'волк' отличается от *ú* в слове *úr* 'при-

неси' не только долготой, но и качеством («*vrk*» и «*īg*»), сближаясь качественно с фонемой *ō*. Полное качественное совпадение и с фонемой *ō* может происходить в положении перед носовыми «*rīgōntōmēšt*» (фонологически *pirōntumist* 'я продам'), где обе фонемы *ō* и *i* различаются уже только количеством. Таким образом, фонемы *i* и *u* качественно сближаются то с одной, то с другой из своих долгих пар, и количественный признак для них фонологически существен.

Важно отметить в противоположении ягнобских долгих и кратких тот факт, что это противоположение в значительной мере ограничено ударенным положением: безударенные долгие гласные встречаются редко (за исключением *ō*). Благодаря этому долгота гласных связывается с ударением, в чем заложены предпосылки превращения фонологической долготы гласных в функцию ударения. Начало этого процесса можно наблюдать, как уже говорилось, у некоторых представителей говора, когда в отдельных словах или формах слова ударенные краткие растягиваются, совпадая с соответствующими долгими: *atīr* < *atir* 'он ушел', при четком сохранении краткого *i* в повелительном наклонении: *tir* 'иди', поскольку это слово противополагается слову *tīr* со значением 'стрела'.

Фонема *a*, не сближаясь качественно ни с одним долгим гласным, может в отдельных случаях растягиваться, приближаясь к длительности долгих.

Эта некоторая обособленность фонемы *a* от группы долгих и кратких представляет лишнюю предпосылку возможного разложения системы количественных отношений в ягнобском языке. Включение фонемы *a* в группу кратких диктуется общими с ними чертами выявления фонемы *a* в потоке речи, перечисленными при ее описании.

Восемь рассмотренных ягнобских гласных довольно отчетливо продолжают восьмифонемную систему вокализма среднеиранского периода, сохраняя и число фонем и противоположение по длительности. Однако вместе с тем в ягнобском вокализме наблюдаются существенные изменения в качестве некоторых фонем, а также связанные с этим некоторые перебои в исторических соответствиях. Основные же линии исторических соответствий устанавливаются довольно ясно: фонема *ī* соответствует исторически долгому *i* и частично *ē*, фонема *ē* — долгому *ē*, фонема *ū* — долгому *ō*, фонема *ū* — долгому *ī*, фонема *ō* — долгому *ā*. Краткие гласные *a*, *u*, *i* нормально продолжают исторически краткие *a*, *u*, *i*.

КОНСОНАНТИЗМ

Ягнобский консонантизм близок к таджикскому и может быть представлен в следующей таблице.

		Губо-губные	Губо-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Уvularные	Верхнефaryнгальные	Нижнефaryнгальные
Сонанты	Шумные	жесткие аффрикаты	p b	t d	k g	q			
	Щелевые	однофокусные двуфокусные	f v s z š ž		x x ^o γ (h ɛ)		h		
		w		y					
	Носовые	m	n						
	Боковые		l						
	Дрожащие		r						

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

Существенные отличия ягнобского консонантизма от таджикского следующие.

1. Ягнобский язык различает два губных щелевых согласных как самостоятельные фонемы: губо-зубное *v* и губо-губное *w*. Обе фонемы встречаются в одинаковых же фонетических положениях и строго различаются говорящими. Примеры: *waxín* 'кровь' и *võrga* 'чашка', *warf* 'снег' и *viz* 'коза', *awür* 'он принес' и *avðr* 'они стали', *áwi* 'его' и *avi* 'он стал', *šawl* 'идите' и *aud* 'семь'.

Фонема *w* позиционно может быть и круглощелевой (рядом с огубленными гласными и в конце слова) и плоскощелевой (рядом с неогубленными гласными): «*yow*» 'корова', «*awür*» 'он принес', «*yaw*» 'ячмень', «*ścwán*» 'котел', «*warf*» 'снег', «*saðí*» 'овца', «*dafíst*» 'бежишь', «*áfi*» 'его'. После *ö* в исходе слова фонема *w* может чрезвычайно ослабляться, превращаясь в слабый неслоговой гласный и создавая дифтонгoid «*o*»: «*vo*» 'иди сюда', «*yo*» 'корова'.

Губо-зубная фонема *v* в исходе слова и перед глухими согласными не встречается. Попадая в эти положения, она оглушается, превращаясь в *f*. Например: *yirívumist* 'знаю', но *yirif* 'узнай' и *yirift* 'узнайте'.

2. Ягнобский язык сохранил как самостоятельную фонему огубление *x^o*. Примеры: *x^oar* 'ешь', *x^oor* 'сестра', *x^oou* 'молоти', *x^oat* 'ты сам'.

Противоположение x^o фонеме x несомненно, поскольку последняя встречается в тех же фонетических положениях: *xar* 'осел', *xor* 'колючка', *xoy* 'он был'.

3. Существенным отличием в консонантизме от окружающего таджикского говора является обязательное сохранение фонемы *b* в поствокальном положении даже в общих с таджиками словах: *seb*, но не *sev* 'яблоко', *kabyd*, но не *kauyd* 'синий', *podabón*, но не *podavóbn* 'пастух', *tabár*, но не *tavar* 'топор'.

4. Ягнобский язык в отличие от таджикского имеет более широкое употребление фонемы *ž*: *žúta* 'сын', *žoy* 'читай', *žaw* 'пей', *níž* 'выходи', *pírayž* 'убегай'. При этом замена *ž* фонемой *j* вовсе не допускается.

5. Фонетически фонема *ž* и ее глухая пара *š* также несколько отличаются от таджикских, будучи более мягкими: их среднеязычный фокус выражен более отчетливо. Сильная мягкость ягнобских *š* и *ž* (фонетически «*š*» и «*ž*») сохраняется во всех положениях, несколько ослабляясь лишь под влиянием увулярных: «*žoy*» 'читай', «*žúta*» 'сын', «*xísáp*» 'ночь', «*ší*» 'шай', «*šumóx*» 'вы', «*ixš*» 'шесть'. Соответственно, несколько более мягкими, чем в таджикском, являются и корреспондирующие фонемам *š* и *ž* двухфокусные аффрикаты *č* и *j*: «*čam*» 'собрание', «*judó*» 'отдельный', «*víči*» 'он станет', «*čí*» исходный предлог.

6. Фонемы *k* и *g* в исходе после гласных переднего ряда могут сильно продвигаться вперед вплоть до среднеязычной артикуляции: «*fík*» 'плечо', «*kaxík*» 'всякий', «*tičk*» 'снова', «*šarík*» 'друг'.

7. Звонкие согласные перед глухими оглушаются сильнее, чем в окружающем таджикском говоре, причем в ряде случаев наблюдается полное оглушение с переходом звонкого в глухую пару: «*xüdš* || *xüts*» 'его шапка', *a(h)tš* < *ahdš* 'его обещание'. В остальном фонологических и фонетических отличий от консонантизма окружающего таджикского говора (варзобского)¹ не наблюдается.

Верхнефарингальные фонемы *χ* и *h* ягнобцы употребляют в такой же степени и в тех же самых словах, что и окружающие таджики: *hisob* 'счет', *hiss* 'часть', *hosil* 'урожай', *χilm* 'наука', *χid* 'праздник', *muχalim* 'учитель' и т. д., с тем же возможным опусканием *χ*, которое характерно для варзобских таджиков.

ТЕКСТЫ

1

Фонологическая запись²

Nasridín i xüd čí bozór uxš tangá(y)i axirín. kaxík woxúrd-š(|| ts) avi, č-áwi apursóšt: „xüd čof pul axiríni?“. Nasridfn í-pi-š jawób atifár, dú(y)i-pi-š jawób atifár, tiráyi-pi-š jawób atifár, aγór: „háma(y)i-pi jawób tifarúm,

¹ О котором см.: Фонетика таджикского языка. М. — Л., 1949.

² В фонологической записи долготы обозначаются только над *č* и *ū*.

ziq vumišt“. ax xūd-š či sar-š anós, bozóri-sa adáw, fayród akún: „e odámt! daraw-darawí maydóni-sa šawt (|| iyóka jam vyt)! kattóti šumóx-pi árk-šínt ast!“ odámt hámaš iyóka maydóni jam avór, áni šáhri hičuxs na apiráxs. Nasridín balandí(y)i sári asán, fayród akún: „e odámt, γirift, nihiš xūd man uxš tangáy(i) axirínim“.

Детализованная запись

Nasredín i xūd či bōzōr uxš taŋgáyę axirín, kaxek wəxvurtš(|| tč) avé čábe apursóšt: „xūd ččf pyl axeríne?“ Nasredín i peš jawob atefár, du-yę peš jawob atefár, t'rāyepes̄ jawob atifár, aγór: „hámay'pe jawob tifaróm, zeq vəmest“ ax xūts(|| xūdš || xūtč) če sárš anós, bōzōrl̄-sa adáw, fajrōd akún: „ē odámt, daraw-darawé majdónesa ša't (iyóka jam vyt), kattóte šumóxpre árkšint ast“. ődámt hámaš maydónę (iyóka) jam avör, áne ša're ḥecúxs na apéráxs. Nasridín balandíyę sáre asán, fayrōd akún: „ē odámt, γerést, nehés xūd man uxš taŋgáyę axerínen“.

Насреддин купил на базаре шапку за шесть танга. Всякий, кто с ним встречался, у него спрашивал: „За сколько купил шапку?“. Насреддин одному ответил, другому ответил, третьему ответил, — видит: если я всем буду отвечать, — замучаюсь. Он снял шапку с головы, побежал на базар, закричал: „Эй, люди! Быстрее идите на площадь (собирайтесь в одно место), у начальников к вам дело есть“. Все люди на площадь (в одно место) собирались, так что в городе никого больше не осталось. Насреддин взобрался на возвышенность и возгласил: „Эй, люди, знайте! Эту шапку я купил за шесть танга“.

2

Фонологическая запись

Nasridín xap šutúri-š pináyšta-š-xast. ax vaadá atifár: „agar vírum-š, i tangá(y)-pi pirúntumišt-iš“. šutúri avír. Nasridín či xap ahtš pušaymón avi. ax i pišáki avír, šutúri káma(y)-š avánt, fayród akún avów: „šutúri i tangái-pi piróntumišt, pišáki sad tangái-pi piróntumišt“, néki či hamdigári-šínt jidó na akún. odámt jam avór, šutúri arzóni víaki xotír-š qiziq-šínt atifár, nékin pišák qimát xoy, — na-š axirinošt.

Детализированная запись

Nasredín xap šütü-riš pinájštašxast. ax vaadá atifár: „agár vírum's, i tangá(y)-pe peróntomištis“. šütüre avír. Nasreddín če xap ahtš(|| tč) pušaymón avé. ax i pišák'e avír, šütü-ri káma(y)'s avánt fajrōd akú-n, avó: „šütü-ri i tangái-pi piróntomešt, pišák'e sad tangá(y)-piróntomešt“, néki če hamdigáre-šínt jidó na akvn. ődámt jam avör šütü-re arzóni víaki xotír-š qezl-qśint atifár, nékin pišák qimát xoj, naš axerinošt.

Насреддин потерял своего верблюда. Он дал обещание: „Если его найду, продам за одну тангу“. Верблюда он нашел. Насреддин в своем обещании раскаялся. Он нашел кошку, привязал на шею верблюду, закричал, сказал: „Продаю верблюда за одну тангу, кошку продаю за сто танга“, но друг от друга их не отделил. Люди собрались. Дешевизна верблюда их удивила, но кошка была дорогая, и они не покупали.

3

Фонологическая запись

dehqón xírsi-pi šarfík avór. yála akišór. tírma hósíl-š his akunór. hísi káraki wáxti dehqón yála(y)i sár-š anós, xírs yála(y)i ríša-š anós. dehqón, zamistón buhór avi, yála(y)i non axºár, néki xírs či divaznokí(y)i qaríb amír. tík buhór avów, šalyám akišór, šalyám arás. hísi káraki wáxti xírs či sár-š anós, dehqón či ríša-š anós.

Детализованная запись

dehqón xé-rsépi šarfík avór. yála ak'isór. tírma hósíl-š hes akunór, héssé káraké wáxté dehqón yálaye sár-š anós, xí-rs yálaye ríša-š anós. dehqón zamistón buhór avé, yálaye nón axºár, néki xí-rs či děvaznokíyé qaríb amér. tík buhór avó, šalyám akišór, šalyám arás. wáxté héssé kárake xírs či sár-š anós, dehqón če ríša-š anós.

Крестьянин и медведь подружились, посеяли пшеницу. Осенью поделили урожай. Во время дележа крестьянин взял верхи пшеницы, медведь взял корни пшеницы. Крестьянин зиму до весны ел пшеничный хлеб, а медведь чуть не умер с голода. Снова пришла весна. Они посеяли репу. Репа поспела. Во время дележа медведь взял верхи, а крестьянин получил корни.

4

Фонологическая запись

i odám kúčai-nut agúdarišt. či sitám-š i owoz aduyúš. iš owóz yoš podabóni owóz xoy. podabón dásti sári-sa adawišt, iyóči nišón atifarišt. odám ayór: dásti sári du úrki dawák-šint ast: i-š očá-š, i-š žúta-š xoy. úrki žúta-š i kuštagí ruwóní(|| ruwūni) či pódá-š axišój árka(y)i sári-sa-š apartów, rít-o-rít adawišt, očá-š č-áwi sitám adawišt. úrkti awénor, odam podabóni-pi č-áwtiti dým adawóšt. áxtit fayród akunór. owoz aduyúšor, kolxzozčít kút(t)i-pi-šint dákki asanór, katta urk kút(t)i odámti-pi awén, dono(y)i akun: či žúta(y)i árka-š ruwúni anós, xápi árkai-š apartów. urkt čaqqón adawór, či nazár-šint γoib avór.

Детализованная запись

i ūdám k'účainu-t agú-darešt. česetáms: i ūwóz aduyúš. iš ūwóz yōš pōdabóni ūwóz xóy. pōdabón dašt sári-sa adawíst, ūyóčí nišón atʃarišt. ūdám aγ̄r: dásťe sáre du-ú-rkə adawéšt(|| dawak-šínt ast), iš ūčáš, iš ūžútaš xóy. ú-rkí ūžútaš i kuštagí ruwóně čí pôdaš axíšőj, árkay' sárisaš apartów, rítörít adawéšt, ūčáš čáwe sítám adawišt. ú-rkte awéñör, ūdám pōdabónepę čáwtete dy'm adawéšt. axtet fajrőd akunóř. ūwóz adu-γúšőr, kšlxózčít kú-ttēpešínt dáwkə asanóř. kattá ú-rkə kú-tti ūdámtepı awéñ, dōnöyí akú-n: čí ūžútayı árkaš ruwúne anōs, xápi árka's apartów. ú-rkt čaqqón adawéř, čí nazáršínt γžéř avéř.

Один человек проходил по улице. Сзади он услышал какой-то крик. Этот крик был крик молодого пастуха. Пастух бежал вверх по полю и на что-то показывал. Человек увидел: по полю бегут два волка, один из них была мать, другой — волчонок. Волчонок, закусив за ногу, закинул на спину убитого ягненка и бежал впереди. Его мать бежала за ним. Увидев волков, человек вместе с пастухом побежали вслед за ними; они стали кричать. Услышав крик, подоспели колхозники вместе со своими собаками. Старая волчица, увидев собак и людей, скривила: она сняла ягненка со спины волчонка и перекинула к себе на спину. Волки быстро побежали и скрылись из глаз.

СПИСОК СЛОВ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

ИМЕНА

Существительные, прилагательные и наречия¹

<i>angyr</i>	виноград	<i>divaznokí</i>	голод
<i>ark</i>	дело	<i>dodó</i>	отец
<i>úrka</i>	спина	<i>dork</i>	дерево
<i>awóka</i>	там	<i>düst</i>	друг
<i>bíva</i>	вдова	<i>dyd</i>	дым
<i>boroní</i>	чекмень	<i>dým</i>	хвост
<i>būd</i>	запах	<i>dýr</i>	далеко
<i>čumčá</i>	ложка	<i>fík</i>	плечо
<i>čuwán</i>	котел	<i>γála</i>	пшеница
<i>dára</i>	живот	<i>γayk</i>	дочь, девушка
<i>díndak</i>	зубы	<i>γar</i>	гора
<i>diráw</i>	волосы	<i>γow</i>	корова
<i>dirót</i>	серп	<i>γýrda</i>	глаза

¹ В список не включены слова, совпадающие по звучанию и значению с таджикскими.

<i>γūš</i>	ухо	<i>ruwōp</i>	ягненок
<i>idōka</i>	здесь	<i>rūbč</i>	венник
<i>inč</i>	жена	<i>sančak</i>	козленок
<i>izm</i>	дрова	<i>sawčī</i>	овца (матка)
<i>kabýd</i>	синий	<i>sitýr</i>	баран, овца
<i>kálla</i>	кувшин	<i>tim</i>	тоже, также
<i>kat</i>	дом	<i>tik</i>	снова
<i>kat(t)a</i>	большой	<i>tir</i>	стрела
<i>kut</i>	собака	<i>tírma</i>	осень
<i>kýča</i>	улица	<i>týt</i>	тутовое дерево
<i>kúsar</i>	крыша	<i>urk</i>	волк
<i>kýrta</i>	платье	<i>van</i>	длинный
<i>mákša</i>	теленок	<i>vir</i>	муж
<i>met</i>	день	<i>vírod</i>	брат
<i>mükčí</i>	обувь	<i>vítā</i>	веревка
<i>mórti</i>	мужчина	<i>vórza</i>	чашка (тадж. tabaq)
<i>nays</i>	нос	<i>vuz</i>	коза, ковел
<i>námta</i>	кошма	<i>wayš</i>	трава
<i>náxna</i>	ноготь	<i>warf</i>	снег
<i>néki(n)</i>	однако	<i>waxín</i>	кровь
<i>nípša</i>	гребень	<i>xap</i>	свой
<i>níma</i>	половина	<i>xišap</i>	ночь
<i>or</i>	вода	<i>xišlft</i>	молоко
<i>pašná</i>	подошва	<i>xok</i>	мякина
<i>pír</i>	старый	<i>xüd</i>	шапка
<i>rip</i>	полный	<i>xýr</i>	солнце
<i>qišqúl</i>	чашка (тадж. kosa)	<i>xºor</i>	сестра
<i>qušqúr</i>	баран (самец)	<i>yaw</i>	ячмень
<i>rax</i>	рот	<i>yóta</i>	мясо
<i>raxšín</i>	рассвет, свет, день	<i>ziván</i>	уполовник
<i>ríša</i>	корень	<i>zivók</i>	язык
<i>rit</i>	лицо	<i>zür</i>	сильный
<i>rot</i>	дорога	<i>žúta</i>	сын, мальчик

Числительные

<i>i</i>	один	<i>uxš</i> шесть
<i>du</i>	два	<i>avd</i> семь
<i>tiray</i>	три	<i>ašt</i> восемь
<i>tifór</i>	четыре	<i>paw</i> девять
<i>panj</i>	пять	<i>das</i> десять

Местоимения**Личные**

Прямой падеж Косвенный падеж

<i>man</i>	я	<i>man</i>
<i>tu</i>	ты	<i>taw</i>
<i>ax</i>	он	<i>áwi</i>
<i>tox</i>	мы	<i>tox</i>
<i>šitbx</i>	вы	<i>šitbx</i>
<i>áxtit</i>	они	<i>áwtiti</i>

Возвратные

<i>x'átim</i>	я сам
<i>x'at</i>	ты сам
<i>x'atš(x'ač)</i>	он сам

Прочие

<i>iš</i>	этот
<i>nihis</i>	именно этот
<i>kaxik</i>	всякий
<i>hičíxs</i>	никто
<i>igóč</i>	что-то

Служебные именные морфемы

- t показатель множественного числа
- i показатель косвенного падежа
- či исходный предлог
či *sítam* 'свали', č-áwi 'от него' (< či áwi)
- pi послелог адресата и совместности действия
- sa послелог направления
- niči послелог направления внутрь и прохождения через: *odám kúčai-niči agúdaristi* 'человек шел по улице'
- sári послелог направления вверх, на поверхность
balandíyi sári asán он поднялся на возвышение.

ГЛАГОЛЫ**Глагольные основы**

<i>daw</i>	бежать	<i>yiriv(f)</i>	знать
<i>duγíš</i>	слышать	<i>yor</i>	смотреть
<i>gudár</i>	проходить	<i>Jax</i>	вставать

<i>kiš</i>	сеять	<i>san</i>	подниматься, идти вверх
<i>kun</i>	делать	<i>sinóy</i>	мыть
<i>kuš</i>	убивать	<i>šaw</i>	идти
<i>mir</i>	умирать	<i>ší</i>	шить
<i>nipíd</i>	спать	<i>tir</i>	уходить
<i>nipíš</i>	писать	<i>tifár</i>	давать
<i>niž</i>	выходить	<i>tís</i>	входить
<i>níd</i>	сидеть	<i>úr</i>	приносить
<i>nos</i>	брать, получать	<i>vant</i>	заязывать, привязывать
<i>rēn</i>	открывать	<i>var</i>	уносить
<i>pináyš</i>	терять	<i>vi</i>	стать, сделаться
<i>piráyž</i>	убегать	<i>vír</i>	находить
<i>piráxs</i>	оставаться	<i>vow</i>	приходить
<i>pirón̄t</i>	продавать	<i>vow</i>	говорить
<i>purs</i>	спрашивать	<i>wēn</i>	видеть
<i>puxs</i>	зреть	<i>xirín</i>	покупать
<i>puxsón</i>	варить	<i>xišóy</i>	кусать, хватать зубами
<i>rūp</i>	жать (траву, хлеб)	<i>xºar</i>	есть
<i>rant</i>	подметать	<i>xºou</i>	молотить
<i>ras</i>	достигать, доходить, поспевать	<i>žaw</i>	пить, хлебать
		<i>žoy</i>	учиться, читать

Прошедшее причастие

Основа	Причастие
<i>tir</i> уходить	<i>tórtā</i>
<i>nos</i> брать	<i>nóta</i>
<i>var</i> уносить	<i>vúrtā</i>
<i>xºar</i> есть	<i>xºórtā</i>
<i>mir</i> умирать	<i>múrtā</i>
<i>kun</i> делать	<i>kárta</i>
<i>vi</i> стать	<i>vúúa</i>
<i>šaw</i> идти	<i>šáwtā</i>
<i>níd</i> сидеть	<i>nísta</i>
<i>wen</i> видеть	<i>wéta</i>
<i>úr</i> приносить	<i>úxtā</i>

Спряжение (*níd* 'сидеть')

Аорист (желательное) Настоящее-будущее

<i>tan</i>	<i>nídum</i>	<i>nídumišt</i>
<i>tu</i>	<i>níd</i>	<i>nidišt</i>
<i>ax</i>	<i>nídot</i>	<i>nídsi</i> (<i>níci</i>)

<i>tox</i>	<i>nídim</i>	<i>nídimišt</i>
<i>šumóx</i>	<i>nít</i>	<i>nítis̄t</i>
<i>áxtit</i>	<i>nídant</i>	<i>nídošt</i>

Прошедшее простое**Прошедшее длительное**

<i>man</i>	<i>anídim</i>	<i>anídimišt</i>
<i>tu</i>	<i>anídi</i>	<i>anídišt</i>
<i>ax</i>	<i>aníd</i>	<i>anídišt</i>
<i>tox</i>	<i>anídimox</i>	<i>anídimišt</i>
<i>šumóx</i>	<i>anítl</i>	<i>anítišt</i>
<i>áxtit</i>	<i>anídor</i>	<i>anídošt</i>

Отлагательное имя действия**Основа****Отлагательное имя**

<i>rūp</i> жать	<i>rýpak</i> жатва
<i>vi</i> стать, быть	<i>víak</i> бытие
<i>tír</i> уходить	<i>tírak</i> уход, отъезд
<i>kun</i> делать	<i>kárak</i> делание

ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ

Принятое в иранистике название „памирские языки“ объединяет территориально близкие восточноиранские языки Припамирья. К памирским языкам относят: шугнано-рушанскую языковую группу, язгулямский язык, ваханский язык и ишкашимский язык, которые все (за исключением отдельных их диалектов) представлены на территории Советского Союза в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. К памирским языкам относят также и мундженский язык (Гирсон, Моргеншерн), однако не все исследователи разделяют это мнение безоговорочно (Готио, И. И. Зарубин). Общность памирских языков в области фонетики больше всего сказывается в консонантизме. Наличие так называемых межзубных ϑ и δ и заднеязычных щелевых χ и ψ как самостоятельных фонем составляет общую черту памирских языков, за исключением ишкашимского.¹ Впрочем, одновременно со сходством в консонантизме, каждый из языков имеет и существенные расхождения в нем, так что каждый язык имеет свою собственную систему консонантизма. Что касается вокализма, то здесь какую-либо общность между отдельными памирскими языками установить трудно. Системы их вокализма весьма различны, а соответствия гласных между языками, как и исторические их соответствия, еще не установлены. Памирские языки, как известно, вообще еще очень мало изучены, и требуется дальнейшее их всестороннее изучение, чтобы для них могли быть установлены исторические соответствия фонем и соответствия их между собой. Поэтому настоящие очерки в основном ограничиваются изложением современного состояния их фонетических систем: более или менее полно устанавливаются соответствия гласных лишь внутри шугнано-рушанской языковой группы.

В „Очерках“ представлена фонетика всех перечисленных языков: 1) шугнано-рушанской языковой группы, 2) язгулямского языка, 3) ваханского языка и 4) ишкашимского языка.

Работы по сбору материалов проводились осенью 1948 и 1949 гг., в г. Сталинабаде. Осведомителями были памирцы — студенты Сталинабадского педагогического института, Учительского института и Университета, обычно I курса, только что приехавшие с мест. Задачи исследования и более детальная характеристика условий работы излагаются при каждом отдельном очерке.

¹ А также мундженского, если его включать в памирские языки.

ШУГНАНО-РУШАНСКАЯ ГРУППА

Шугнано-рушанская языковая группа представляет собой известное языковое единство и состоит из следующих разновидностей: шугнанской, рушанской, хуфской, бартангской, орошорской и сарыкольской.¹

Последняя разновидность не представлена на территории Советского Союза (сарыкольцы живут в Синьцзянской провинции Китая), поэтому она не отражена в очерках. Шугнанцы, рушанцы (и примыкающие к ним по языку хуфцы), бартангцы и орошорцы, общей численностью в 25—30 тысяч человек, составляют главную массу нетаджикского населения Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, при этом больше половины из них составляют шугнанцы, которые занимают административно 2 района, в то время как рушанцы (с хуфцами) и бартангцы (с орошорцами) — лишь по одному району. Языковая близость между этими разновидностями такова, что взаимопонимание может быть достигнуто без большого труда. В этом смысле их язык может быть назван единым. Однако общего названия, которое объединяло бы между собой шугнанцев, рушанцев, хуфцев, бартангцев и орошорцев, нет; общего языка, который выработался бы на основе этих разновидностей или одной из них и которому эти разновидности подчинялись бы как диалекты, — тоже нет: все разновидности равноправны, и лишь шугнанцы выделяются своей большей численностью и большей экономической значимостью.

Однако какой-либо заметной ориентации на шугнанскую речь не наблюдается, так как объединение всех памирских народностей идет по пути слияния с таджиками.

Эти отдельные языковые разновидности в дальнейшем для удобства изложения будут называться диалектами, но с той оговоркой, что они самостоятельны и не подчинены какому-либо общему языку.

Предшествовавшие исследования уделяли больше всего внимания шугнанскому диалекту как более распространенному и более доступному, в результате чего он оказался наиболее изученным. Фонемный состав шугнанской речи был совершенно точно установлен И. И. За-

¹ Выделяемая исследователями баджуйская разновидность настолько близка к шугнанской, что может быть определена как ее говор.

рубиным,¹ так что задачей исследования явилась лишь более детальная характеристика фонем. Для остальных же диалектов состав вокализма оставался не вполне ясным или вовсе неизвестным (хуфский диалект) и подлежал установлению.² Это и явилось главной задачей исследования. В области рушанского и бартангского консонантизма подлежали выяснению роль и характер палатализации смычных *k* и *g*. Кроме того, в консонантизме всех диалектов существенно было определить фонетическую природу заднеязычных *χ* и *ȝ*, характерных почти для всех памирских языков, акустически не равных русским заднеязычным щелевым, а имеющих некое *ш*- и *ж*-образное звучание.

Основной сбор материала проводился в Сталинабаде в 1948 и 1949 гг., где была исследована фонетика трех диалектов: шугнанского, рушанского и бартангского. Осведомителями были студенты, обычно 1-го курса, только что приехавшие с мест. Шугнанцев и рушанцев среди студентов было много, так что всегда имелась возможность осуществить нужный контроль. Для всех диалектов выбирались осведомители, представляющие основной (непереходный, несмешанный) говор: для шугнанского — из Хорога и близлежащих к нему селений; для рушанского — из центральных крупных селений — Дерзута и Барушана; для бартангского — из селения Равмид (в нижнем течении Бартанга). В 1951 г. во время поездки в Хорог по изучению шугнано-рушанской языковой группы фонетический материал по бартангскому диалекту был проверен и пополнен данными из селений Сипондж и Басид (в среднем течении Бартанга), представляющих тот же основной бартангский говор, а кроме того, были собраны материалы по фонетике хуфского диалекта. Осведомителями в г. Хороге были учащиеся педучилища и старших классов средней школы.

Для определения длительности гласных по шугнанскому и рушанскому диалектам были произведены записи на кимографе.

Буквы *ш*, *р*, *х*, *б* в приводимых примерах обозначают соответственно: шугнанский, рушанский, хуфский и бартангский диалекты.

ВОКАЛИЗМ

Характерной объединяющей чертой вокализма всей шугнано-рушанской группы является противоположение долгих и кратких гласных. Однако, имея общую основу, вокализм отдельных диалектов имеет и существенные расхождения между собой. Во всей группе выявляются

¹ Изложен в курсе по шугнанскому языку, читанном И. И. Зарубиным в Ленинградском Государственном университете в 1937—1938 гг., фонологическая трактовка звуков шугнанской речи отражена также в его транскрипции (см. шугнанский текст: Two Yazghulami Texts, Bulletin of the School of the Oriental Studies, vol. VIII, London, 1936).

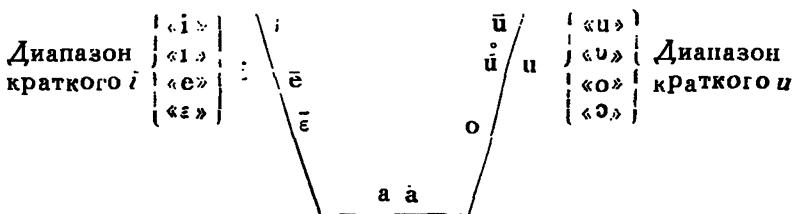
² См. об этом в последней по времени работе: И. И. Зарубин. Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.—Л., 1937, стр. 4—5.

4 различных системы вокализма: 1) шугнанская, 2) рушанская, 3) хуфская и 4) бартангская. Орошорский вокализм совпадает с бартангским. Вокализм шугнанского поддиалекта Баджу совпадает с шугнанским.

ШУГНАНСКИЙ ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Шугнанский вокализм насчитывает 10 фонем, 7 из которых долгие (*i*, *ē*, *ɛ*, *ā*, *ō*, *ū*, *ă*) и 3 краткие (*a*, *i*, *u*). Краткие *i* и *u*, имея широкий качественный диапазон, противополагаются всем долгим своего ряда. Вокализм может быть представлен в следующей таблице.

Долгие гласные

Долгие гласные характеризуются большой качественной устойчивостью и напряженностью. Произносятся они при сравнительно малой воздушности (силе выдоха), что при напряженности органов речи обуславливает чистоту или бесшумность их звучания. Поэтому акустически они могут быть определены как гласные полнозвучные. Будучи долгими и полнозвучными, они качественно мало изменчивы и мало подвергаются влиянию различных фонетических положений даже в быстрой речи. В полном же стиле речи вообще очень редко можно отметить для них заметные оттенки или варианты.

С количественной стороны долгие гласные более изменчивы и имеют довольно широкий диапазон. Положением, наиболее способствующим их сокращению, являются закрытые слоги. Однако даже наиболее краткие варианты долгих гласных нормально не снижаются ниже 16—14σ, а такая длительность еще достаточна для сохранения гласными их долготы и полнозвучности. При отчетливом произношении все долгие гласные во всех фонетических положениях очень сильно растягиваются, — до 28—30σ. Более детальная количественная характеристика гласных (как долгих, так и кратких) дается в специальном разделе.

Каждый долгий гласный в отдельности может быть охарактеризован с качественной стороны следующим образом.

Фонема *i* — всегда очень узкий, образующийся на верхней ступени подъема, монофтонгический гласный переднего ряда, неогубленный: «*śid*»

‘дом’, «qatír» ‘вместе’, «síg» ‘тленок’, «yíw» ‘один’. Не расширяется сколько-нибудь заметно и не отодвигается назад даже в соседстве с увулярными: «xír» ‘солнце’, «qín» ‘трудный’, «táríx» ‘история’. Примеры на употребление фонемы *i*: *yíw* ‘один’, *píng* ‘пять’, *asíd* ‘этот год’, *xír* ‘солнце’, *cíd* ‘дом’, *žíz* ‘древа’, *kíl* ‘голова’, *tír* ‘верх’, *žír* ‘камень’, *rizíñ* ‘дочь’, *ħabíz* ‘ветка’, *wíz* ‘груз’, *píc* ‘лицо’, *fíript* ‘достиг’, *xír* ‘ест’, *níst* ‘сидит’, *vírt* ‘несет’, *naħtíz* ‘выходит’, *qíwd* ‘зовет’, *wížívá* ‘вернулся’. В заимствованных словах: *qaríb* ‘близко’, *daqiqá* ‘минута’, *táríx* ‘история’, *mualím* ‘учитель’, *tálím* ‘воспитание’, *qín* ‘трудный’, *kíñó* ‘кино’, *qrím* ‘Крым’, *peducíliš* ‘педучилище’.

В исходе слова фонема *i* почти вовсе не встречается. Отмечена только в одном, заимствованном из таджикского языка слове — *sí* ‘тридцать’. Долгое *i*, попадая в исход слова, всегда становится кратким гласным переднего ряда: *ti* < *tír* ‘верх’, *-andi* < *-andír* послелог места, *qatí* < *qatír* ‘вместе’, *-di* < **-dír* суффикс сравнительной степени (*katadí* ‘старший’). Также и в заимствованных словах ударенное исходное *i* или этимологически долгое *i* передается в шугнанском кратким гласным: *qðzí* ‘судья’, *tifli* ‘детство’, *tangi* ‘теснота’, *badi* ‘ зло’, *zörgi* ‘мольба’, *aħqðɔ:wori* ‘пропитание’. Если в такого рода словах встречается долгое *i*, то это говорит лишь об усвоенной данным лицом таджикской манере произношения.

Фонема *ē* — чрезвычайно узкого образования: ее диапазон по подъему колеблется от 4-й до 5-й ступени, т. е. до так называемого открытого *i*. При этом для обычного — разговорного — стиля речи характерны именно узкие «i»-образные варианты: «mēð || m̥íð» ‘день’, «yēw || yíw» ‘охота’, «rēd || r̥íd» ‘он остался’, «xéz || xíz» послелог направления («tar tamá-xíz» ‘к вам’). Особенно сильно сужается *ē* в положении перед носовыми согласными, где в обычном стиле речи нормальным является именно вариант «i»: «tőjdíñ» (фонологически *tóydén*) ‘они пошли’, «gardíñt» ‘повернул’, «v̥írðaríñ» (фонологически *virðaréñ*) ‘братья’, «šagíñ» ‘телята’. Поэтому на русский слух без надлежащей тренировки шугнансское *ē* может быть смешано с фонемой *i*. При отчетливом произношении *ē* более открыто и колеблется по подъему от «ē» до «ē»: «mēð || m̥íð», «rēd || r̥íd», «xéz || xíz», «šagéñ», «v̥írðaréñ» и т. д.

Примеры на употребление фонемы *ē*: *rēx* ‘впереди’, *wēd* ‘ива’, *sēr* ‘сытый’, *dēw* ‘див’, *dék* ‘котел’, *wēv*, *dēv*, *mēv* косв. падежи указат. местоим. множ. числа, *ȝēw* ‘охота’, *čēmt* ‘хочет’, *yēł* ‘открытый’, *tiðēn* ‘посреди’, *avéñ* ‘ради’, ‘для’, *ħéħá* ‘стекло’, *tēð* ‘день’, *rimēd* ‘приказывает’, *dēd* ‘бросается’, ‘попадает’. В заимствованных словах: *rēxtá* ‘пролитый’, *sē* ‘три’, *xēl* ‘сорт’, ‘вид’, *safēd* ‘белый’, *ferma* ‘ферма’, *sēlsauēt* ‘сельсовет’, *mētr* ‘метр’.

Во многих случаях *ē* возникло из стяжения *ay* > *ē* как в своих, так и в заимствованных словах: *mēdūn* (|| тадж. *maydon*) ‘площадь’,

nēzä (|| тадж. *naugə*) 'копье', *qēcī* (|| тадж. *qaycī*) 'ножницы', *wērūn* (|| тадж. *wayron*) 'разрушенный', *rimēd* (|| б. *rimāyd*) 'приказывает', *dēd* (|| б. *dayd*) 'бросается', 'попадает'. Сочетание *ay* в шугнанском встречается вообще очень редко, сохраняясь по преимуществу в заимствованных словах в начале слова: *ayb* 'изъян', 'вина', *ay cīdōw* 'гнать', *Aydār* имя собственное. Случаи сохранения *ay* в середине слова редки и относятся, повидимому, к словам более позднего заимствования: *sayl* 'прогулка', *bayt* 'стихи'.

Фонема *ē* возникает, кроме того, при стяжении наиболее употребительных слов: *dēp* < *diyēp* 'бросаются', 'попадают'. При этом обе формы существуют параллельно: *dēp* || *diyēp* 'попадают', *dēp* || *dādēp* 'дают', *dēt* || *dādēt* 'дайте', *zēt* || *zēzēt* 'возьмите'.

В исходе слова *ē* хотя и может произноситься, но почти не встречается. Засвидетельствованы лишь два случая *ē* в исходе: *ħittpē* 'завтра', *šambē* (|| *šambī*) 'суббота'.

Фонема *ē* — открытый, образующийся на 3-й ступени подъема монофтонгичный гласный переднего ряда, неогубленный. Вполне совпадает по подъему с широким вариантом русского *e* между твердыми согласными (*ueh*, *shef*): «*sēr* 'умолот', «*tēr* 'черный'. Сколько-нибудь заметных качественных колебаний не наблюдается. Примеры на употребление фонемы *ē*: *tēr* 'черный', *mēst* 'луна', *dēt* наст. основа глагола 'иметь', *rēyd* прош. основа глагола 'следить', *cēd* 'нож', *cērtōw* 'пахать', *nēz* 'нос', *tēxīōw* 'тесать', *tēzdōw* 'цедить', *ħēvdōw* 'спать', *ħēwdōw* 'зажигать', *nēddōw* 'сажать', *xērtōw* 'кормить (скот)', *wēb* 'канал', *xēr* 'племянник', *bēb* 'силок', *vērz* 'кобыла', *nibēs* 'внучка', *γēv* 'рот', *kīħērs* 'сорока'.

В заимствованных словах (из таджикского) через *ē* передается, повидимому, только то *e*, которое находится в соседстве с увулярными и фарингальными: *fēy* 'бритва', *fēl* (тадж. *fe'l* || *feɛl*) 'характер', *bēx* 'корень'. Рядом с увулярными *ē* возникает также из стяжения *ay*: *xēr* (|| тадж. *xaug*) 'добро', *šēx* (|| тадж. *šayx*) 'шайх'; *ē* может возникать также из стяжения *i + a*: *tiħdōgētā* < *tiħdōgī-atā* 'однажды', *sārakēd* < *sāraki-að* 'утром'.

В исходе слова фонема *ē* не встречается вовсе: попадая в исход в сокращенных формах слова, *ē* аналогично *ī* сокращается в *i*: *zēz* > *zi* 'возьми'. С другой стороны, наблюдаются случаи развития фонемы *ē* в исходе слова из широких вариантов краткого гласного переднего ряда, о чем подробнее будет сказано при описании последнего.

Все рассмотренные долгие гласные переднего ряда (*ī*, *ē*, *ī*) в начале слова всегда йотируются: *yīw* 'один', *yīdōw* 'молоть', *yēd* 'мост', *yēdand* 'тут', 'там', *yēnak* 'зеркало', *yērūn* (|| *ayrūn*) 'удивленный', *yēt* 'открытый', *yēdōw* 'нести', *yēð* 'гнездо'.

Фонема *ā* — гласный нижнего подъема нейтрального (смешанного) ряда, неогубленный. Язык при произношении *a* плоско лежит на дне полости рта, как и при артикуляции русского ударенного *a* между твердыми согласными (в словах: *дам*, *сад*), с которым шугнанское *ā* вполне

совпадает по качеству, отличаясь, однако, длительностью и напряженностью. Какого-либо заметного продвижения шугнанского *ā* назад или вообще каких-либо заметных качественных его изменений не наблюдается.

Примеры употребления фонемы *ā*: *maš* 'мы', *ðād* наст. основа глагола 'давать', *pān* 'мать', *tāt* 'отец', *tā* отрицание при глаголе (*tā luu* 'не говори'), *bat* 'мучная каша', *cān* 'ружье', *cāx* 'горькая', *xāy* 'сладкая', *wāj* 'долг', *vāx* 'веревка', *yāc* 'девушка', *čāy* 'кто', *yā* 'она', 'та', *ŷāy* 'галка', *kā*, *kād* 'где', 'куда', *dām* 'спина', *tāpłōw* 'топтать', *xār* наст. основа глагола 'есть', *tāz* наст. основа глагола 'тащить', *ŷāw* наст. основа глагола 'гореть', *vār* наст. основа глагола 'приносить', *sāw* наст. основа глагола 'итти'. В заимствованных словах: *yāt* 'горе', *kāt* 'мало', *gāp* 'слово', *bās* 'хватит', 'достаточно', *gārt* 'теплый', *rāng* 'вид', 'образ', *qārz* 'долг', *mārt* 'март'. Совершенно закономерно *ā* возникает в заимствованных словах в результате заменительной долготы на месте не произносимых шугнанцами фарингальных: *fām* (<*fahm*) 'пойми', *rabār* (<*rahbar*) 'вождь', *tāqūl* (<*taξqul*) 'приемлемый', *tākāt* (<*mahkat*) 'крепкий', *tālūm* (<*taξlum*) 'известный', *āwōl* (<*ahwol*) 'положение', *ād* (<*ahd*) 'договор', *ād* (<*hadd*) 'граница'.

Закономерное позиционное растяжение *a* в *ā* наблюдается в абсолютном исходе. Можно сказать, что всякое конечное «*a*» в именах является долгим как в заимствованных, так и в своих словах: *yīdā* 'парень', *gārdā* 'лепешка', *tiŋdā* 'труп', *kōsā* 'чашка', *kičā* 'улица', *kurtā* 'платье', *tālā* 'здание', *riχtā* 'склон горы', *yīlā* 'большой'. Однако если во фразе за исходным *ā* не следуют паузы, то оно нормально произносится как краткое: *gārdā-yut zōxt* 'я взял лепешку', *tar wi tālā-yi yat* 'он подошел к тому зданию'. В таких случаях, как *yīdā yat* 'пришел один парень', т. е. когда пауза после *a* возможна, но не обязательна, употребление *a* или *ā* (*yīdā* || *yīdā*) зависит от четкости произношения. При более четкой паузе преобладает долгое *ā*: *yī yīdā* *yat*. В абсолютном же исходе во фразе, т. е. при заключительной паузе, *ā* в именах всегда долгое: *čīxt-i didi : arām yik-ý yīdā* 'он посмотрел, а там тот самый парень'.

Однако, наряду с этой тенденцией к растяжению конечного *a*, вполне сохраняет свою силу общая закономерность, характерная для шугнанских долгих гласных, о которой уже говорилось при описании *ī* и *ē*: при отпадении конечного согласного долгий гласный, попадая в конец слова, становится кратким. Так, для *ā* имеем: *sa* < *sāw* 'иди', *da* < *ðād* 'дай'.

В ряде слов, к которым относятся главным образом частицы и наречные слова, краткое *a* в исходе сохраняется и никогда не растягивается: *yigá* 'другой', *agá* 'если', *idá* 'вот', 'вон', *-ta* энклитическая модальная частица.

Фонема *ō* — открытый огубленный гласный заднего ряда, образующийся на 3-й ступени подъема («*ɔ*»), близкий к таджикскому *o*, но от-

личающийся от него большей длительностью. Качественно очень устойчив и не меняется сколько-нибудь заметно под влиянием различных фонетических условий даже в быстрой речи. /

Примеры употребления фонемы *ö*: *viröd* 'брат', *vö* 'снова', *tööč* 'миска', *öörg* 'палка', *röö* 'нога', *pirö* 'перед', *dööd* 'отец', *böö* 'дед', *xöö* 'рог', *zööw* 'корова', *rööy* наст. основа глагола 'стеречь', *zööd* прош. основа глагола 'рождать', *cöör* 'муж', *rööv* 'стрела', 'пуля', *tööyz* 'голод', *tööv* 'клюка', 'посох', *tööv* 'раз', *xööj* 'страх', *rööst* 'красная', *rööc* 'очередь', 'смена', *pööv* 'горло', *zööxt* 'он взял', *nööst-am* 'мы сели', *xöövd* 'он заснул', *xööj* 'шесть', *pööw* 'девять', *zöörd* 'сердце', *öt* 'видимый'. В заимствованных словах: *cööu* 'чай', *cöörpö* 'скот', *cöorböy* 'сад', *gööw* 'крупный рогатый скот', *düönd* 'знающий', *cöördä* 'четырнадцать', *tööl* 'имущество', *özir* 'сейчас', *ösöq* 'влюбленный', *röö* 'нога', *qöö* 'сухой', *döskä* 'классная доска', *sööfir* 'шофер', *köötsamöl* 'комсомол', *köötuñist* 'коммунист'.

В положении перед носовыми согласными *p* и *t* фонема *ö* не встречается вовсе, закономерно давая в этом положении фонему *ü*: *jüöp* < *jööp* 'душа', *büöp* < *bööp* 'борода', *χüöm* < *xöötm* 'вечер' и т. д. Во всех остальных положениях фонема *ö* употребляется одинаково часто, в том числе в исходе и в начале слова.

Фонема *ö* может возникать в речи из стяжения фонем *u* + *a*: *tööv* || *tü-aöv* 'ты' (с усилительной частицей), *xööv* || *xü-aöv* 'себя' (с той же усилительной частицей), *xöötmák* || *xi amák* 'свой дядя', *töötmák* || *ti amák* 'мой дядя' и т. д.

Фонема *ü* — закрытый огубленный гласный заднего продвинутого вперед ряда, образующийся между 4-й и 5-й ступенями подъема (от «ö» до «ü»). На русский слух чаще сближается с *u*, чем с *ö*. Более открытый вариант (чуть выше 4-й ступени подъема «ö») встречается в закрытых слогах в соседстве с увулярными согласными и *r*: «*üöü*» 'ухо', «*köör*» 'слепой'. Обычное же его звучание более узкое (5-й подъем или чуть ниже, вариант «ü»): «*ravü-p*» 'идущий', «*tarü-*» 'там', «*üü-d*» 'здесь', «*jü-p*» 'душа'. Степень продвинутости вперед незначительна, в соседстве с увулярными продвижения вперед может не быть вовсе: «*üöü*» 'ухо'.

В большинстве случаев фонема *ü* представляет собой шугнанское новообразование: 1) из *ö* перед носовыми: *jüöp* 'душа', *düötmán* 'пола', *düömööd* 'зять', *püönd* 'дорога', *ayrüöp* 'удивленный', *küötm* 'нёбо' и т. д.; эти случаи как раз и представляют собой основное употребление фонемы *ü*; 2) из дифтонгичных сочетаний *aw* и *aw*: *süöd* < *säwd* 'идет', *nüöd* < *näwd* 'плачет', *wüöp* < *waawp* 'шерсть', *püöbaí* < *pawbat* 'очередь' и др.; 3) в заимствованных словах из *ü* рядом с увулярными и фарингальными: *tüölät* (< *muhlat*) ' срок', *tüömat* (< *tuhmat*) 'клевета'. Фонема *ü* употребляется также в междометиях и звукоподражательных словах: -*ü* в вопросительно-эмоциональная частица, *üög-üög* призывающая кличка телят, *üssä* призывающая кличка коров и быков, *wüär-wüär* призывающая кличка

верблюдов, *xǖt-xǖt* призывная кличка ослов, *füqqást* 'хрюканье', *bǖy:* *bǖyd* 'мычать', *wǖy:* *wǖyd* 'реветь'.

Случаев старого употребления фонемы *ǖ* (из исторического *ö* <*au*) сравнительно мало. Ниже приводятся все остальные засвидетельствованные случаи употребления *ǖ*: *kǖr* 'слепой', *virǖy* 'бровь', *ǖñ* 'ухо', *rǖb:* *rǖvd* основы глагола 'мести', 'сгребать', *rǖz* 'отверстие в крыше', *rǖpc* 'лиса', *pǖstín* 'меховой', *bǖy* 'запах', *dǖz* наст. основа глагола 'доить', *jǖj* 'кипенье', *dǖv* наст. основа глагола 'собирать, срывать', *kǖjz* 'отверстие', 'дыра', *mǖráx* 'насекомое', *rǖl* 'мячик', *tǖym* 'семя', *vǖr* 'бурый', *bǖd* 'уток', *ǖk* 'очень высокий', *dǖr* 'корзина для зерна (на мельнице)', *ǖk* 'колыбель', *ǖt* 'нырянье', 'погружение', *ǖz* 'орех', *sǖg* 'сказка', *gǖr* 'могила', *gǖy* 'мяч', *Xǖf* 'Хуф' (название местности), *hǟj* 'полка', *tarǖd* 'груша', *kilǖl* 'комок', *kilǖx* 'глыба', *kiskǖl* 'деревянная миска', *sitǖr* 'крупный рогатый скот'.

Фонема *ǖ* может употребляться во всех фонетических положениях, но в исходе встречается редко: *tarǖ* 'здесь'.

Фонема *ǖ* — очень узкий гласный заднего ряда, образующийся на верхней ступени подъема, огубленный. Качественно очень устойчив, не изменяется сколько-нибудь заметно ни в каких положениях. Примеры на употребление фонемы *ǖ*: *sǖr* 'свадьба', *üsnc* 'смех', *ǖd* 'тутовое дерево', *hǟz* 'ветер', *hǟvd* 'молоко', *xiðm* 'сон', *wǖs* 'балка', *hǟrn* 'ворона', *bǖn* 'горсть муки', *ǖy* 'пестрый', *vǖyd* 'длинный', *cǖrd* 'кривой', *mǖrgák* 'муравей', *kǖsä* 'безбородый', *dǖs* 'немного', *vǖd* 'принес', *xið* 'съел', *tǖyd* 'ушел', *vǖst* 'завязал', *nǖst* 'сел'. В заимствованных словах: *çǖb* 'дерево' (материал), *çǖriñ* 'пастух', *gǖxwör* 'серьги', *pǖl* 'денеги', *rǖ* 'лицо', *rǖz* 'день', *ruyxátl* 'список', *sǖrát* 'портрет', *sǖxtá* 'подгорелый', *tǖti* 'попугай', *tǖp* 'пушка', *hǟp* 'кровь', *gǖská* 'ручка (для письма)', *sǖd* 'суд'.

В исходе слова фонема *ǖ* встречается чрезвычайно редко и почти исключительно в заимствованных словах: *kǖ* 'гора', *rǖ* 'лицо', *jöđǖ* 'колдовство', *Bajǖ* 'Баджу' (название селения). В шугнанских словах, попадая в исход слова, *ǖ* нормально переходит в и краткое: *di* || *çǖd* 'сделал', *xi* || *xið* 'съел', *vi* || *vǖd* 'принес'.

В начале слова *ǖ* без предшествующего *w* не встречено: *wǖs* 'балка', *wǖvd* 'семь'.

В результате в группе долгих гласных можно выделить следующие особенности:

1) Фонемы *i*, *ɛ*, *a*, *ö*, *ǖ* не имеют заметных качественных вариантов и во всех фонетических положениях звучат одинаково. Фонемы *ç* и *ȫ* имеют колебания в звучании по степени открытости и могут быть слегка дифтонгоидными. Фонема *ǖ* отличается от всех других фонем способностью изменяться по признаку ряда: нормально она слегка продвинута вперед.

2) Фонемы *i*, *ɛ*, *ɛ̄*, *ǖ*, *ǖ̄* в исходе слова или вовсе не встречаются (*i*, *ɛ*), или встречаются очень редко, в единичных случаях (*ɛ̄*, *ǖ*, *ǖ̄*). Для

Фонемы *ō* положение в исходе слова обычно. Фонема *ā* отличается от других фонем своим чрезвычайно широким распространением на исход слова: всякое краткое *a* (в именах) переходит в этом положении в долгое.

3) Гласные переднего ряда *i*, *ē*, *ē* и гласный заднего ряда *ī* не встречены в начале слова — первые без предшествующего *y*, *ī* — без предшествующего *w*. Перед начальным *ā* может развиваться «*h*» («^bād» 'граница'), но это мало характерно для *ā*, которое к тому же редко употребляется в начале слова.

4) Фонема *ō* отличается сравнительной ограниченностью своего употребления: она встречается главным образом в положении перед носовыми, где она возникла из фонемы *ō*.

Краткие гласные

Все краткие гласные (*a*, *i*, *u*) характеризуются более шумным звучанием (в положении между глухими при сильном сокращении они могут целиком оглушаться) и большой качественной изменчивостью под влиянием различных фонетических условий, что особенно характерно для кратких переднего и заднего ряда. Их диапазон по подъему весьма широк, и обозначение их посредством букв *i* и *u* является условным, так как они могли бы обозначаться и буквами *e* и *o*. Диапазон кратких гласных с количественной стороны тоже весьма широк, и они могут быть в неударных слогах довольно краткими. Однако редукция для них мало характерна и наблюдается лишь иногда для фонем *i* и *u* в наиболее благоприятных для редукции положениях (например перед *r*: *v(i)rod* 'брать'). Для *a* очень сильного сокращения вовсе не наблюдается.

Краткий переднего ряда (*i*) колеблется по степени подъема от закрытого «*i*» до открытого «*e*». В зависимости от положения в слове он меняется по степени подъема следующим образом: в открытом слоге он наиболее узок, «*i*»-образного типа: «*siyṓ* 'черный', «*dīcṓr* 'встреча'; в закрытых слогах — более открыт, «*e*»-образного типа: «*mēs* 'также', «*rēd* 'отец', «*kēxt* 'делает'; в абсолютном исходе — наиболее открытого типа: «*saw̥ vō na yadē* 'пойдешь — назад не вернешься'. Кроме положения в слове, на качество гласного влияют также окружающие согласные. Из них наиболее заметное расширяющее влияние оказывают увулярные *x*, *γ*, *q*, а также согласные *w* и *r*; наиболее сужающее — среднеязычный *y* и другие согласные со среднеязычной артикуляцией (*š*, *ž*, *č*, *j*): «*rēzīn* 'дочь', «*wēnd* 'у него', «*wēxen* 'кровь', «*siyṓ* 'черный', «*čisum* 'смотрю', «*vīðū-m* 'потолок'. Крайние варианты фонемы («*i*» и «*e*») дают особенно контрастное впечатление, встречаясь в пределах одного и того же слова или синтагмы: «*dīdī*» союз подчинительный (фонологически *didi*), «*dī dē*» 'побей его' (фонологически *di di!*).

К характеристике широкого варианта фонемы *i* («*e*») в абсолютном исходе необходимо добавить еще следующие черты: 1) попадая в абсолютный исход, передний краткий гласный под ударением не только-

расширяется, но и может заметно удлиняться, приближаясь к длительности долгих гласных; 2) в односложных словах исходный ударенный вариант «е» характеризуется резким и мгновенным обрывом артикуляции, а поскольку она происходит на сильной воздушной струе (краткие ударные гласные весьма энергичны), то за резко оборвавшимся гласным следует безголосый шум — приыхание: «d^{e-h}» 'ударь', «z^{e-h}» 'возьми'. В этих случаях заметного удлинения «е» не происходит.

В двусложных словах, где, как правило, приыхание не появляется и где вариант «е» может заметно удлиняться («sawjē» 'бедро'), возникают фонетические предпосылки для отожествления этого варианта с долгой фонемой ē. Это отожествление и может происходить в тех словах, за которыми, как правило, в речи следует пауза и которые не принимают или редко принимают суффиксы, — иначе говоря, в тех словах, в которых исходное i всегда или почти всегда в речи будет находиться перед паузой. Такой случай представляет собой слово *didi* — союз подчинительный, всегда требующий после себя большей или меньшей паузы и не осложняемый какими-либо суффиксами. В этом слове широкий, удлиняемый и не сопровождающийся приыханием вариант «ē» является постоянным. Естественно, что он ассоциируется с фонемой «ē», и в настоящее время, по крайней мере в произношении молодежи, фонологический состав этого слова чаще определяется не как *didi*, а как *didē*. В других словах, когда отсутствие паузы или суффиксальное наращение изменяет звучание исходного варианта («sawjē» 'бедро', но с суффиксом: «sawjí-yę»), о переходе переднего краткого в фонему говорить нельзя, так как вариант «е» этого слова имеет постоянную фонологическую связь с вариантом «i». Поэтому и в абсолютном исходе в таких словах, как «sawjē» (другие случаи этого же типа: «qozē» 'судья', «badē» ' зло' и т. д.), наряду с частым звуковым совпадением варианта «е» с фонемой ē, может быть при более отчетливом произношении сохранено фонетическое расхождение с ней. Более энергичного произношения варианта «е», сопровождающегося хотя бы легким приыханием, или меньшего его удлинения, или некоторого его сужения уже достаточно для различия обеих фонем. Но всякий раз, когда эти различительные фонетические черты исчезают, можно говорить о звуковом совпадении исходного i с фонемой ē. В этом живом процессе схождения двух фонем можно видеть некоторую аналогию с русскими звонками в исходе, которые то полностью отожествляются со своей глухой парой, то при подчеркнутом произношении могут восстанавливать звонкость, хотя бы частично, то в определенных категориях слов никогда не теряют звонкости (например в словах иностранного происхождения: «код», но не «кот»). В обоих языках в этих случаях наблюдается определенный фонетический процесс, разно реализуемый в разных категориях слов, в зависимости от их значения и употребления.

Примеры на употребление фонемы *i*: *siz* 'иголка', *pid* 'отец', *zimād* 'земля', *ziv* 'язык', *wixin* 'кровь', *virūj* 'бровь', *tirák* 'свежий', 'новый', *virōd* 'брать', *birūj* 'береста', *cirōw* 'светильник', *sipin* 'железо', *čidir* 'сажа', *tiká* 'рваный', *yid* 'тот', *di*, *mi*, *wi* — косвенный падеж указательных местоимений мужского рода, *dis* 'так', *divi* 'дверь', *pirō* 'вперед', *pis* 'вслед', 'за', *zibō* 'сзади', *pisén* 'точильный камень', *piš* 'кошка', 'кот', *pirx* 'иней', *žinij* 'снег', *xisúr* 'свекор', 'тестя', *xidir* 'старший', *xist* 'мокрый', *vidōw* 'быть', *sidōw* 'итти', *ħidōw* 'слышать', *nivistōw* 'писать'; настоящие основы глаголов: *čis* 'смотреть', *virí* 'находить', *win* 'видеть', *ris* 'оставаться', *nið* 'сидеть', *ki(n)* 'делать'. В заимствованных словах: *bisyōr* 'очень', *dinyōd* 'мир', *diráxt* 'дерево', *fikr* 'мысль', *kirm* 'червяк', *kitōb* 'книга', *qislōq* 'кишлак', *sinf* 'класс', *rōzi* 'довольный', *tilsi* 'детство', *qini* 'трудность', *tū'i* 'попугай', *sinfí* 'классовый', *kilō* 'килограмм', *rōuz* 'поезд', *pirögūl* 'прогул', *lōcik* 'летчик', *səntabir* 'сентябрь', *institüt* 'институт', *ödix* 'отдых'.

Фонема *i* закономерно возникает из долгих переднего ряда *ī*, *ē*, *ē* в исходе слова: *tir>ti* 'верх', *andir>andi* 'внутри', *zēz>zī* 'возьми'. С этим связан обычный исход глагольных основ настоящего времени на краткое *i*: *ribi* при *ribidōw* 'класть', *rimi* при *rimedōw* 'приказывать', *ti* при *tidōw* 'итти', *di* при *deidōw* 'бить' и т. д. То же при передаче заимствованных слов: *šambe>šambi* 'суббота', «*tutí*» > *tutí* 'попугай', «*rozí*» > *rōzi* 'довольный'.

Краткий заднего ряда (*u*) по своему выявлению аналогичен краткой фонеме переднего ряда и имеет такой же широкий диапазон по подъему: от закрытого «и» до открытого «э». Изменение *u* по степени открытости зависит от тех же фонетических условий, что и изменение фонемы *i*: наиболее узкий «и»-образный вариант *u* встречается в открытых слогах («*čcuáp*» 'чугун', «*sútum*» 'я ушел'), более открытый «о»-образный — в закрытых слогах («*sot*» 'ушел', «*ros*» 'сын'), наиболее открытый — в абсолютном исходе («*χo*» 'съел', «*čo*» 'сделал'). Наиболее расширяющее влияние из согласных оказывают те же фонемы *x*, *q*, *ʔ*, *w*, *r*: «*xu čid*» 'свой дом', «*məqχ*» 'курица', «*borj*» 'угол', «*voq*» 'бугор', «*χo*» 'съел', «*χo*» — союз соединительный.

В соседстве с другими согласными (особенно щелевыми) в аналогичных фонетических положениях *u* звучит заметно уже: «*tu čid*» 'мой дом', «*χuχ*» 'легкие', «*ħust*» 'рука', «*syst*» 'слабый', «*čuχ*» 'петух', «*čo*» 'сделал', «*vo*» 'принес'.

Наиболее открытый, исходный вариант фонемы *u* («о») в отличие от исходного открытого варианта фонемы *i* («э») встречается сравнительно редко, поскольку слов с исходом на *u* вообще мало, а особенно тех, которые могут стоять в конце синтагмы или фразы, т. е. перед паузой. Это обычно сокращенные формы глаголов (*ču<čud*), т. е. слова односложные. В односложных же словах, как мы видели при описании *i*, исходный краткий нормально характеризуется резким обрывом

гласной артикуляции, переходящей в приыхание («^{со^h}» 'сделал'), т. е. сохраняет фонетические различия с соответствующим долгим гласным *ō*. В результате для фонемы *u* не наблюдается в отличие от фонемы *i* заметной тенденции к переходу в соответствующий долгий гласный в исходе слова. Существенно в этом отношении также и то обстоятельство, что долгое *ō* в исходе встречается часто, так что расширение и удлинение *u* могло бы привести в ряде случаев к смешению слов (*či* 'сделал' противостоит *čō* 'колодец', *ti* 'принес' противостоит *tō* 'опять'). Этого препятствия не существует для развития исходного *i* в фонему *ē*, поскольку последняя вовсе не встречается в исходе слова. Пределы открытости *u* по сравнению с *i* тоже несколько уже: степени открытого «*э*» оно достигает только в особо благоприятных условиях — после увулярных: «*x̥*» 'съел', «*x̥ɔ*» союз соединительный.¹

Примеры на употребление фонемы *u*: *bic* 'козел', *bil* 'дно', *čust* 'крепко', 'прочно', *čiupan* 'чугун', *đid* 'дым', *đit* 'хвост', *fuk* 'весь', *guj* 'козленок', *zul* 'маленький', *ris* 'сын', *kud* 'собака', *kurúk* 'квичка', *kut* 'короткий', *nig* 'сегодня', *surb* 'олово', *tužá* 'дорожные припасы' *tužr* 'кислый', *ħitnē* 'завтра', *uiz* 'ярмо', *žurn* 'круглый', *wuz* 'я', *tu* 'ты', *uı* 'он', *xibař* 'сам', *xi* 'свой', *ti* 'мой'; прошедшие основы глаголов: *kužt* 'резать', *vud* 'быть', *ħid* 'слышать', *rid* 'гнить', *sut* 'итти'. В заимствованных словах: *duum* 'второй', *suwáit* 'третий', *gufraigú* 'разговор', *duzd* 'вор', *gurg* 'волк', *jumá* 'пятница', *lōzít* 'нужно', *muallim* 'учитель', *mudir* 'заведующий', *tuuít* 'важный', *quwát* 'сила', *surx* 'красный', *suwól* 'вопрос', *žurnal* 'журнал', *fakuliéť* 'факультет', *nuyábr* 'ноябрь'.

Фонема *u* закономерно возникает в исходе из долгого *ī* в сокращенных формах слова: *xi* < *xūg* 'съел', *uu* < *uūd* 'нашел' и др. Но таких слов сравнительно мало. Фонемы *ī* и *ō* при отпадении конечного согласного не сокращаются в *u*: *tarūd* > *tarū* 'там', *pirōd* > *pirō* 'перед'. Конечное ударное *u* заимствованных слов тоже передается через *ī*: *ōrzī* 'желание', *jōdā* 'колдовство'. Таким образом, фонема *u* отличается от *i* значительно меньшим употреблением в исходе слова.

Оба рассмотренные краткие гласные как переднего, так и заднего ряда, имея очень широкий диапазон по подъему, по признаку ряда почти вовсе не меняются. Можно наблюдать лишь легкое продвижение *i* назад в соседстве с увулярными («*qí-šlōq*»), которое при более отчетливом произношении устраняется. Так же не характерно продвижение вперед для фонемы *u*.

¹ Последнее слово представляет исключительно благоприятный случай для развития *u* в *ō*. Будучи энклитическим, союз *xi* не несет на себе словарного ударения, благодаря чему *u* не имеет здесь придыхательного варианта («*ø^h*»). В то же время союз *xi* требует за собой паузы, что дает для *u* постоянный открытый вариант («*ø*»). В результате при быстрой речи здесь возможно смешение *u* с *ō*: *xi* || *xō*. Однако при отчетливом произношении *u* всегда восстанавливается.

В неударенном открытом слоге перед *r*, если предшествующий согласный не звонкий смычный, и после *w*, если последующий согласный — звонкий щелевой, фонемы *i* и *u* могут редуцироваться вплоть до исчезновения: *v(i)rōd* 'брат', *u(i)zün* 'узнай', *k(u)ruk* 'квочка'. При отчетливом произношении звучание гласного всегда восстанавливается. Случаи подобной редукции чаще встречаются для гласного *i* (хотя и для него они редки), для гласного же *u* они единичны. В положении между глухими в неударенном открытом слоге в быстрой речи оба гласные могут полностью оглушаться.

Краткий гласный нижнего подъема (*a*) — обычно нейтрального (смешанного) ряда (вариант «*a*»), как русское ударенное *a* между твердыми (*сам*, *дар*). Диапазон качественных изменений сравнительно неширок — *a* может лишь незначительно продвигаться вперед до варианта «*a*» под влиянием согласных среднеязычной артикуляции: «*paу*» 'нет', «*уак*» 'один', «*уат*» 'этот', «*yat*» пришел, причем продвижение это не обязательно и при отчетливой речи устраивается. Еще более устойчиво *a* по признаку подъема: оно может несколько сужаться лишь при сильном сокращении в быстрой речи, давая впечатление краткого гласного смешанного ряда («*э*»): «*iktərwi*» 'к тому', «*kɔrtušká*» 'картофель'. При более отчетливой речи всегда восстанавливается основной вариант «*a*».

Таким образом, по основным качественным признакам — подъему, ряду и отсутствию огубленности — фонема *a* нормально совпадает со своей долгой парой *ā*. Дополнительные качественные свойства кратких гласных — большая их шумность при более сильной воздушной струе и характерная обрывистость конца их звучания — не обязательны и проявляются не во всех фонетических положениях. В результате, главным звукоразделом между *a* и *ā* является длительность.

Противоположение же по признаку длительности, о чём уже говорилось в связи с фонемами *i* и *u*, значительно ослабляется в положении абсолютного исхода, где краткие гласные удлиняются и где поэтому они могут совпасть с качественно близким долгим гласным.

Для фонемы *i* эта возможность реализуется лишь частично (*i* > *ē*), для фонемы *u* почти вовсе не реализуется. В этом наряду с другими препятствующими факторами, о которых уже говорилось при описании этих фонем, значительную роль играет также следующее обстоятельство. Исходные *i* и *u* имеют широкий диапазон по подъему и могут меняться по степени открытости в зависимости от влияния предшествующего согласного, характера последующей паузы и стиля речи, так что в каждом отдельном случае они могут и не совпадать по качеству с соответствующим долгим гласным. Так, для *i* даже перед заключительной паузой вариант «*е*» не обязателен: всегда возможно его сужение, случаи же расширения и до степени «*э*» (т. е. до степени подъема фонемы *ā*) вообще единичны.

Для фонемы же *a* этого задерживающего фактора, т. е. постоянной возможности качественных колебаний, не существует, поскольку она в исходе качественно устойчива и равна фонеме *ā*. Поэтому при удлинении *a* в исходе, что сопровождается и утерей обрывистости конца его звучания, оно по звучанию совпадает с фонемой *ā*. Это приводит к слиянию фонем *a* и *ā* в исходе. В результате во всех именах, которые могут замыкать синтагму или фразу, т. е. в подавляющем большинстве имен, имеем долгое *ā*: *darā* 'долина', *čaχtā* 'ручей', *rūyā* 'сторона', *gardā* 'лепешка', *yidā* 'парень', *tixā* 'дорожные припасы', *bačgalā* 'ребята', *kattā* 'большой', *ōsta-ōstā* 'медленно', *tōqā* 'в одиночку', *yullā* 'большой' и т. д. Долгое *ā* закрепляется в этих словах настолько, что может переноситься уже и на те случаи, когда данное слово употреблено не перед паузой: *yullā paxčēt* 'большой горный козел', *tōqā-tōqā* 'в одиночку', *ōstā-ōstā* 'медленно', хотя в этих случаях возможно и параллельное произношение с кратким *a*: *yulla paxčēt*, *tōqā-tōqā*, *ōstā-ōstā*.

В случае осложнения слова суффиксом чаще произносится краткое *a*: *gardāyi zōxt* 'он взял лепешку', *yulladi* 'старший'. Впрочем, и в этих случаях, если на *a* сохраняется ударение, возможно его долгое произношение: *gardāyi zōxt* 'он взял лепешку'.

Сохраняется краткое *a* в исходе главным образом в тех словах, которые не могут замыкать синтагмы или фразы, т. е. которые не употребляются перед паузой: в служебных словах, в частицах, в наречиях. Например: *-ia* модально-усилительная частица, *sa* союз подчинительный, *agá* 'если', *digá* (|| *yigá*) 'снова', 'другой', *idá* 'вот', 'вон' и др.

Аналогично другим кратким гласным *a* может возникать в исходе из соответствующего долгого в сокращенных формах слова, обычно в сокращенных формах повелительного наклонения глаголов: *sa* < *sāw* 'иди', *va* < *vār* 'отнеси', *da* < *dād* 'дай', *xa* < *xār* 'ешь', *ta* *na* < *tā* *nāw* 'не плачь'.

В тех случаях, когда *a* в исходе слова сохраняется, оно четко противополагается долгому *ā* и уже не может растягиваться. Таким образом, сохранившееся в исходе краткое *a*, поскольку оно всегда противополагается долгому *ā*, не имеет колебаний также и по длительности, всегда будучи кратким гласным, в отличие от фонем *i* и *u*, для которых в исходе слова характерна тенденция к растяжению.

Примеры употребления фонемы *a*: *vaz* 'коза', *čaχ* 'курица', *ħas* 'вода', *uax* 'сестра', *xaχ* 'жесткий', 'твёрдый', *vard* 'оба', *dar* 'далекий', *kaū* 'кривой', *kaš* 'горячий', *lavz* 'слово', *cauōr* 'четыре', *kaxdū* 'женщина', *lašak* 'рожь', *kanab* 'конопля', *waχt* 'восемь', *tabōr* 'полдень', *tata* 'вы', *wat*, *dat*, *tat* указат. местоим. косв. пад. ж. рода, *yad*: *yał* основы глагола 'приходит', *žaq*: *žaqł* основы глагола 'жать', 'давить', *haу* настоящая основа глагола 'молотить', *dak* наст. основа глагола 'лизать'. В заимствованных словах: *barq* 'молния', *čand* 'несколько', *dars* 'урок',

dast 'рука', *faq* 'разница', *maalum* 'известный', *mualim* 'учитель', *maktab* 'школа', *qand* 'сахар', *zabün* 'язык', *yanvar* 'январь', *gazet* 'газета', *kalxos* 'колхоз', *kartušká* 'картофель'.

Для всех трех кратких в начале слова характерен часто возникающий в речи соответствующий согласный приступ: перед *i* может возникать «у», перед *u* — «w» и перед *a* — «h»: «^har || ar» 'каждый', «^halow || alow» 'огонь', «^hamo || amo» 'однако', «^haram» 'там (внизу)', «^haray» 'три', «^wurus || urus» 'русский', «^wuzbak || uzbak» 'узбек', «^wix || ix» 'сознание', 'мысль', «yidá || idá» 'вот', 'вон', «yik || ik» усиливательный префикс, «yi || i» 'один', «yidörá || idörá» 'учреждение', 'контора'. Однако, поскольку звуки «у» и «w» в других случаях в шугнанском языке фонемны, то появление или отсутствие их в начале слова тоже не всегда безразлично и начинает связываться с определенным словом. Так, для *i* и *u* выделяется группа слов, где «у» и «w» нормально не возникают. Это по преимуществу заимствованные слова: *ilm* 'наука', *išq* 'любовь', *ijró* 'выполнение', *insōf* 'справедливость', *izzát* 'уважение' и т. д. Для *a*: *ukimat* 'правительство', *ukm* 'приказ', *imr(i)* 'жизнь', *imed* 'надежда'.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе произведена в один прием 20 сентября 1949 г. по произношению студента Сталинабадского педагогического института Джавариева, родом из селения Поршиев.

Цифры, обозначающие длительность гласных в сг, даются в порядке, принятом в „Очерках“: в первой строке столбца дается средняя длительность, в скобках указывается число измерений, из которых выведена цифра средней длительности; во второй строке дается диапазон типовой (нормальной) длительности; в третьей строке даются засвидетельствованные в записи пределы длительности (крайние отклонения от типовой длительности).

По влиянию согласных выделяются два основных положения: 1) положение, благоприятное для сохранения длительности; сюда входят следующие комбинации согласного окружения: звонкий — звонкий, звонкий — глухой щелевой; 2) положение, сокращающее длительность гласного: глухой — глухой, глухой смычный — звонкий смычный. Оба выделенные положения соответственно обозначаются арабскими цифрами 1 и 2.

В это общее деление в нужных случаях вводятся уточнения. Так, для долгих гласных сочетание сонантов *l*, *m*, *n* + глухой (*tēd*) дает 1-е положение, для кратких же гласных (*mis*) — 2-е, поскольку сонанты *l*, *m*, *n* на долгие не влияют, но краткие заметно сокращают.

В односложном слове**Перед одним согласным****Долгие гласные**1) Тип: *bəd*, *χəb*, *zɪr*, *sɪr*, *sər*, *dəd*, *sər*, *dūs*, *mūn*, *būn*, *sūd*, *bōγ*, *dōd*

<i>ə</i>	<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>ɛ</i>
23.4 (15)	21.2 (6)	23.4 (8)	23.4 (21)
25—21	24—20	25—22	26—22
28—21	24—18	27—20	27—20
<i>ɪ</i>	<i>ʊ</i>	<i>ɔ</i>	
21.0 (26)	22.7 (15)	25.2 (6)	
23—19	25—20	28—25	
26—18	27—18	28—20	

2) Тип: *tət*, *pɪc*, *dək*, *γək*, *pəd*¹

<i>ə</i>	<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>ɪ</i>	<i>ʊ</i>	<i>ɔ</i>
20.5 (4)	18.0 (13)	18.6 (8)	19.3 (6)	22.3 (10)	
—	19—16	20—17	—	24—19	
23—19	22—16	21—17	23—16	28—19	

Краткие гласные1) Тип: *dag*, *vad*, *ziv*, *sir*, *vud*, *χud*

<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
13.3 (8)	13.4 (12)	14.3 (10)
14—12	15—12	15—14
15—12	16—10	17—12

2) Тип: *χac*, *sat*, *sit*, *mis*, *čit*, *puc*, *suf*, *kut*

<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
10.6 (13)	9.7 (16)	9.6 (11)
12—10	11—9	11—8
12—9	12—8	11—8

Перед двумя согласными**Долгие гласные**1) Тип: *dāχt*, *kānd*, *tīzd*, *mēst*, *rēdj*, *cūnd*, *vūst*, *χūvd*, *zōχt*, *χōvd*

<i>ə</i>	<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>ɛ</i>
22.6 (13)	20.6 (4)	21.0 (6)	18.8 (5)
25—22	22—20	25—20	20—19
25—19	22—19	25—17	20—17

¹ Для *ə* и *ɪ* данных нет.

<i>ü</i>	<i>ǖ</i>	<i>ö</i>
21.3 (10)	22.5 (5)	20.5 (7)
24—20	24—22	22—20
26—17	26—17	22—17

2) Тип: *pěxt*, *pěxč*, *čōst*

<i>ē</i>	<i>ē̄</i>	<i>ō</i>
21.4 (4)	17.9 (4)	18.5 (4)
22—19	—	—
22—19	21—16	19—17

Краткие гласные

1) Тип: *zimc*, *dust*

<i>i</i>	<i>u</i>
13.2 (4)	12.3 (4)
—	—
15—11	14—10

2) Тип: *rixt*, *kixt*

<i>i</i>
11.8 (11)
14—10
15—8

Как видно из приведенных цифр, в односложных словах во всех фонетических положениях противоположение долгих и кратких гласных выражено очень отчетливо. Общий диапазон нормальной длительности в слогах, закрытых одним согласным, для долгих гласных колеблется в 1-м положении между 25—19с, для кратких гласных — между 15—12с; во 2-м положении: для долгих между 24—16с, для кратких между 12—8с. Такое же соотношение длительности обеих групп гласных характерно и для слов, закрытых двумя согласными: в 1-м положении диапазон типовой длительности долгих равен 25—19с, общий диапазон кратких 15—10с, во 2-м положении — для долгих 22—17с, для кратких 14—10с. Совпадений длительности долгих и кратких гласных не засвидетельствовано даже в их крайних отклонениях.

По приведенным данным какой-либо заметной разницы в длительности кратких гласных не наблюдается. Среди долгих гласных большую склонность к сокращению обнаруживают гласные *i* и *ü* и наибольшую склонность к растяжению гласные *ē* и *ö* (особенно *ö*). Большая сокращаемость фонем *i* и *ü* означает, что они менее отчетливо противополагаются по длительности кратким *i* и *u*, чем фонемы *ē*, *ē̄* и *ö*, *ō*. Это различное качественное отношение разных долгих к своим кратким

парам находит свое объяснение в различном качественном их взаимоотношении. Краткие гласные *i* и *u* в закрытых слогах сближаются по качеству с открытыми долгими гласными (с *ɛ*, *ɔ* и *ɒ*, *ə*), имея в этом положении «е»-образное и «о»-образное звучание. А раз они более четко отличаются в этом положении от *ɪ* и *ʊ* качеством, то они тем самым могут меньше отличаться длительностью. Впрочем, признак длительности даже и при противоположении *i*—*ɪ*, *u*—*ʊ* сохраняется вполне отчетливо: наибольшее схождение отмечено для *u*—*ʊ* в 1-м положении, где общий диапазон длительности *ʊ* равен 26—18 с, а *u* 17—12 с, т. е. где длительность обеих фонем хотя и сближается в своих крайних отклонениях, но не совпадает.

В целях большей наглядности при сопоставлении длительности обеих групп гласных можно пренебречь указанными незначительными расхождениями в длительности долгих гласных, и тогда общая сводка цифр дает следующую картину.

Перед одним согласным

Долгие		Краткие	
1) 22.7 (97)	2) 19.6 (41)	1) 13.7 (30)	2) 10.0 (40)
25—20	23—16	15—12	12—8
28—18	28—16	17—10	12—8

Перед двумя согласными

Долгие		Краткие	
1) 21.3 (50)	2) 19.3 (12)	1) 12.7 (8)	2) 11.8 (11)
25—17	22—17	14—10	14—10
26—17	22—16	15—10	15—8

В двусложном слове

В закрытом ударенном слоге

Первый слог

Долгие		Краткие	
1) Тип: <i>xávdām</i> , <i>tfždām</i> ,			
<i>zðxtām</i> , <i>násłām</i>			
19.9 (16)		—	
21—17		—	
24—17		—	
2) Тип: <i>rěx̚tum</i> , <i>čák̚tum</i>		2) Тип: <i>kłix̚tum</i>	
18.4 (3)		10.0 (9)	
—		12—8	
21—16		14—6	

Второй слог

Долгие	Краткие
1) Тип: <i>qat̪ɪr</i> , <i>cəmēn</i>	1) Тип: <i>küddák</i> , <i>χit̪ur</i>
19.1 (9)	13.6 (6)
21—19	14—12
21—16	14—12
2) Тип: <i>riždk</i> , <i>pacēn</i>	2) Тип: <i>pitt̪s</i>
17.2 (5)	10.2 (2)
—	—
18—16	12—9

Приведенные цифры показывают, что длительность гласных как в первом, так и во втором слогах в общем одинакова и мало отличается от их длительности в односложном слове. Для долгих отмечается лишь несколько меньшая способность к растяжению, а для кратких — несколько большая сокращаемость по сравнению с односложными словами.

Поскольку длительность гласных первого и второго слогов одинакова, то, суммируя данные обоих положений, получаем общую картину длительности гласных в закрытом ударном слоге в двусложном слове:

Долгие	Краткие
1) 19.6 (25)	1) 13.6 (6)
21—17	14—12
24—16	14—12
2) 17.7 (8)	2) 10.0 (11)
18—16	12—8
21—16	14—6

В закрытом неударенном слоге

Поскольку, как и в предыдущем положении, данные первого и второго слогов совпадают, по ним приводятся сводные цифры.

Долгие	Краткие
1) Тип: <i>səwjl</i> , <i>xāvdāt</i>	1) Тип: <i>zat̪bl</i> , <i>duslēn</i>
19.4 (10)	10.5 (7)
21—15	13—9
25—15	13—6
2) Тип: <i>nāstāt</i>	2) Тип: <i>čāχtum</i> , <i>riχt̪d</i> , <i>χit̪nē</i>
16.4 (5)	9.2 (9)
19—15	12—8
19—15	12—6

Как видно из цифр, в неударенных слогах долгие могут сокращаться, несколько больше, чем в ударенных, т. е. могут быть более краткими. Для кратких же гласных несколько сокращается предел их максималь-

ной длительности. В результате и цифра средней длительности для обеих групп гласных несколько ниже, чем для ударных слогов, но все же общее сокращение длительности незначительное. Противоположение долгих и кратких гласных по длительности и в этом положении остается вполне четким.

В открытом неударенном слоге

В этом положении в группе кратких гласных выделяется фонема *i* своей несколько большей сокращаемостью, поэтому данные по ее длительности приводятся отдельно.

Долгие

ɪ, ə, ɔ̄, ē, ʊ

1) Тип: *čidbōw, dōnōb, bīnēn*

19.4 (13)
21—17
23—17

Краткие

a, u

1) Тип: *čarōb, bacēn*

9.5 (6)
10—9
12—9

i

1) Тип: *dīslīd*

7.7 (8)
9—7
13—5

2) Тип: *pēx̄t̄n, čip̄yñ*

16.9 (11)
19—14
23—14

2) Тип: *qat̄, tučā*

7.7 (12)
8—6
10—6

2) Тип: *pitt̄š, kināt̄*

5.0 (8)
6—4
8—3

Как можно видеть из приведенных цифр, длительность долгих меняется мало по сравнению с предшествующими фонетическими положениями. Краткие же значительно сокращаются, так что в неударенном открытом слоге разница между длительностью обеих групп гласных наиболее велика. В группе кратких выделяется фонема *i* своей большей сокращаемостью. В наиболее кратких своих вариантах фонемы *a* и *i* в положении между глухими могут полностью оглушаться.

В открытом ударенном слоге

Для этого положения имеются данные только по долгим гласным и только в 1-м фонетическом положении. Средняя длительность долгих по имеющимся записям (записаны слова *tüdi* 'он сказал', *mēðat* 'днем') равна 16.8 σ (7) с типовой длительностью и общим диапазоном длительности 19—16 σ . Эти цифры, хотя они и не достаточны, все же показывают, что ударение не влияет на длительность долгих в открытом слоге: ударные гласные не длиннее безударных (по данным цифрам они даже несколько короче).

В исходе слова

В односложном слове имеются данные лишь для кратких *i* и *и* в словах *zi* 'возьми' и *či* 'он сделал'. Длительность *i* равна здесь 12.3с (4), длительность *и* 13.8с (4), т. е. равна в общем их длительности в закрытых слогах односложного слова.

Как уже говорилось при описании качества кратких гласных, они характеризуются в исходе слова, особенно односложного, резким обрывом гласной артикуляции и последующим придоыханием. По подъему же гласные *i* и *и* имеют в абсолютном исходе наиболее широкие варианты звучания («е» и «о»). Кроме того, для исходных кратких характерна тенденция к их растяжению (удлинению), что сопровождается потерей их обрывистости и придоыхания; это происходит обычно в двусложных словах, и благодаря этому создаются фонетические предпосылки для слияния кратких гласных с соответствующими долгими. Живой процесс такого перехода отмечался для фонемы *i* (*i* > *ē*) при ее описании.¹ Приводимые ниже цифровые данные выявляют пределы колебаний фонемы *i* по длительности в исходе двусложного слова и пределы ее возможного растяжения.

Длительность *i* в исходе рассматривается в соотношении с длительностью долгих, с одной стороны, и с длительностью краткого *a* — с другой, поскольку примеров на краткое *i* в исходе слова не было найдено.

Долгие

Тип: *taχā*, *χitnē*, *dōnō*

<i>ā</i>	<i>ē</i>	<i>ō</i>
17.9 (8)	14.1 (4)	20.0 (13)
20—17	—	21—17
20—15	16—12	25—17

Другие долгие гласные в исходе слова почти не встречаются, и для них данных нет. Приведенные цифры для гласных *ā* и *ō* дают примерно ту же длительность, что и в других положениях в двусложном слове. Значительно более краткой оказывается фонема *ē* при средней длительности всего в 14с. Хотя для *ē* имеется всего 4 измерения, однако зафиксированную краткость едва ли можно считать случайной: ее диапазон в пределах этих четырех произнесений узкий и охватывает всего 5с. Сравнительная краткость *ē* вполне объяснима фонологически. В исходе слова фонема *ē* не имеет противостоящего краткого звука, близкого ей по качеству. Краткий гласный переднего ряда в этом положении имеет более широкое звучание (вариант «е»),

¹ Для *i* такой переход, как уже говорилось, не характерен, поскольку оно очень редко встречается в абсолютном исходе. Для *a* этот переход (*a* > *ā*) закономерен.

поэтому признак длительности для фонемы *ē* в исходе не столь существен, как для фонем *ā* и *ō*, качественно сближающихся или совпадающих в исходе с краткими *a* и *i*. Таким образом, длительность фонемы *ē* мы можем рассматривать как предел минимальной длительности долгих в исходе.

Краткое *a*, имея противостоящей себе парой долгое *ā*, всегда отчетливо противополагается ему по длительности и не проявляет тенденции к растяжению. Поэтому длительность краткого *a* в исходе может служить как бы эталоном нормальной длительности кратких в этом положении. Засвидетельствованная его длительность в слове *aga* равна 10.7с (8) с диапазоном типовой длительности в 12—9с, т. е. равна в общем длительности *a* в других положениях в двусложном слове.

Фонема *i* в исходе (в варианте «*ε*»), не имея противополагающейся долгой пары (фонема *ē* в исходе не встречается вовсе), может сильно растягиваться. При растяжении теряется характерная для исходных гласных обрывистость и придыхательность. Имеющиеся цифровые данные (22 измерения) дают как краткие варианты звучания *i*, так и случаи растяжения, часто в один и тех же словах. Основные отмеченные варианты следующие.

1. Краткие варианты, обычно сопровождаемые особыми признаками кратких гласных (обрывистостью звучания и придыханием), встречены в следующих словах: *qatī* послелог совместности действия, *sewjī* 'бедро', *zatcī* 'квасцовский', *pīxōnī* 'лоб', *qozī* 'судья'. Средняя длительность краткого варианта *i* в этих словах равна 14.5с при 7 измерениях, с типовой длительностью в 15—14с и с диапазоном предельной длительности в 16—13с. Этот вариант относится к типу кратких гласных, поскольку он по большей части сопровождается придыханием и поскольку нормальная длительность долгих (исключая *ē*) имеет своим пределом 17с. Однако длительность в 15—14с уже ступень к тому, чтобы исходное *i* отделилось от кратких гласных. При такой длительности обрывистость звучания *i* и придыхательность часто ослабевают и могут отсутствовать. Так, из засвидетельствованных 7 случаев данного варианта, в 3 случаях *i* не имеет этих признаков. К тому же длительность в 15—14с может характеризовать и долгий гласный (длительность *ē* в исходе слова).

2. Следующий, промежуточный вариант со средней длительностью в 16с отмечен в словах *qozī* и *zatcī* (4 случая). При такой длительности уже вовсе не наблюдается характерных свойств кратких (обрывистости и придыхательности), и этот вариант уже приближается к типу долгих гласных.

3. Третий вариант — наиболее частый (11 случаев) — представляет собой отчетливо выраженный долгий гласный («*ē*») со средней длительностью в 19.5с (11) и с типовой длительностью в 21—18с. Засвидетельствован в словах *nōrī*, *γaybī*, *qōzī*, *sēwjī*, *zatcī*, *pīxōnī*, *qatī*.

В результате можно видеть, что хотя *i* в исходе слова и может переходить в долгий гласный (в фонему *ē*), но может также быть сокращен и восстановлен в *i*.

Выходы

Все приведенные цифры показывают следующее.

1. Долгие гласные мало изменяются в зависимости от фонетического положения. Нормально пределом их сокращаемости является длительность в 17 с.

2. Диапазон кратких гласных тоже не очень широк. Более сильно сокращаются они лишь в неударенном открытом слоге в соседстве с глухими. При этом *i* выделяется как гласный, более склонный к редукции. Нормальный же диапазон кратких лежит между 13—8 с.

3. Противоположение между долгими и краткими сохраняется очень отчетливо во всех фонетических положениях за исключением исхода слова.

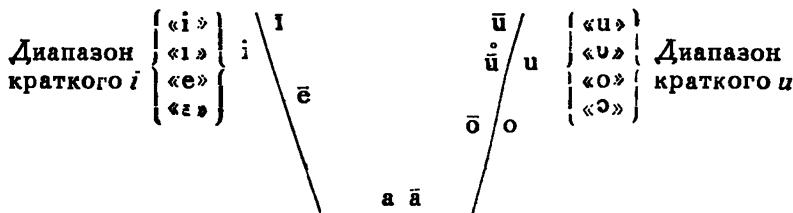
4. В исходе слова краткие гласные сильно растягиваются, что может приводить к их переходу в этом положении в соответствующие долгие. Такой переход для фонемы *a* закономерен (краткое *a* сохраняется лишь в небольшом количестве слов, где его краткость стала устойчивой); для фонемы *i* наблюдается живой процесс этого перехода, еще не приведший к закрепившимся результатам; для фонемы *u* он не получает развития, поскольку *u* в исходе очень редко встречается.

РУШАНСКИЙ ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рушанский вокализм насчитывает 10 фонем, 6 из которых долгие (*i*, *ē*, *ā*, *ō*, *ū*, *ū̄*) и 4 краткие (*i*, *a*, *o*, *u*), отличаясь от шугнанского отсутствием долгого открытого *ē* в переднем ряду и наличием второго краткого гласного *o* в заднем ряду.

Таблица рушанских гласных

Долгие гласные качественно в общем совпадают с соответствующими шугнанскими. Можно отметить лишь некоторые отличия в звучании фонем *ē* и *ū*.

Фонема *ē*, не имеющая, в отличие от шугнанского *ē*, противостоящего ей открытого долгого гласного, характеризуется несколько более широким диапазоном по подъему и может несколько больше расширяться, чем шугнанское *ē*. Но все же основное ее произношение узкое, типа шугнанского *ē*, а не *ē*. Как и шугнанское *ē*, фонема *ē* в более быстрой речи, особенно в положении перед носовыми, может произноситься настолько узко, что на русский слух может быть смешана с фонемой *i*: *rez̑ın* 'дочь' (фонологически *riz̑en*), *šag̑ın* 'телята' (фонологически *šag̑en*).

Фонема *ӣ* в общем тоже близка по звучанию к шугнанскому *ӣ*, но может несколько больше продвигаться вперед: («*pū_đ* 'нога'), особенно в соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией («*čū_r* 'муж'), но все же не доходит до смешанного ряда. Диапазон по подъему такой же, как для шугнанского *ӣ*.

Остальные долгие гласные совпадают по своему качеству с соответствующими шугнанскими.

Точно так же совпадают в основном с шугнанскими рушанские долгие в их выявлении в начале и в исходе слова. В начале слова передние долгие *i* и *ē* не встречены без предшествующего *u*: *uīw* 'один', *uīd* 'мост', *uēst* 'несет'. Однако долгое *ӣ*, в отличие от шугнанского, засвидетельствовано в начале слова и без предшествующего *w*: *ūvd* || *ūvud* 'семь'. В исходе слова долгие *i*, *ē*, *ӣ* и *ӣ* совсем или почти совсем не встречаются. Долгие *i*, *ē* и *ӣ* засвидетельствованы в исходе в тех же словах, что и в шугнанском: *sī* 'тридцать', *šambē* 'суббота', *хӯтпē* 'завтра', *kū* 'гора', *gurū* 'толпа', *jōdū* 'колдовство'. Фонема *ӣ* в исходе не засвидетельствована вовсе. Встречающиеся иногда случаи произношения долгого *i* в исходе в таджикских словах (*tayyōrī* 'подготовка') говорят лишь о таджикской манере произношения. Употребление *ō* и *ā* в исходе также вполне аналогично шугнанскому; исходное *a* в именах нормально является долгим.

Как и в шугнанском, долгие, попадающие в исход в сокращенных формах слова, переходят в соответствующие краткие: *-andi* || *sh. -andīr* 'внутри', *qatī* || *sh. qatīr* 'вместе', *zi<zēz* 'возьми', *со* || *či<čūg* 'сделал', *xo* || *xu<xūg* 'съел', *sa<saw* 'иди', *da<dād* 'дай' и т. д.

Таким образом, фонетические закономерности, действующие в группе долгих гласных, те же, что и в шугнанском вокализме.

Словарное употребление долгих гласных *ā* и *ӣ* в общем, за небольшими исключениями, совпадает с употреблением шугнанских *ā* и *ӣ*. Словарное употребление остальных долгих гласных значительно расходится с шугнанским. О шугнано-рушанских соответствиях детальнее будет сказано в специальном разделе (стр 121). Здесь же приводятся лишь примеры на употребление фонем *i*, *ē*, *ӣ* и *ō*.

Примеры на употребление *i*: *tim* 'день', *uīd* 'мост', *sīr* 'сытый', *ŷīw* 'охота', *dīg* 'котел', *pīx* 'впереди', *xīz* послелог направления, *rīd*

‘остался’, *indid* ‘вошел’, *xībit* ‘избиваю’, *pīnž* ‘пять’, *yīw* ‘один’, *xīp* ‘сизый’, ‘бурый’, *qasir* ‘мул’, *indidd* ‘входит’, *qīwd* ‘зовет’, *cīgōw* ‘делать’, *xīgōw* ‘есть’.

Примеры на употребление *ē*: *cēg* ‘нож’, *mēst* ‘луна’, *yēt* ‘рот’, *vērg* ‘кобылица’, *nēz* ‘нос’, *tēr* ‘черный’, *wēb* ‘канал’, *dēd* ‘война’, *xeuytōw* ‘читать’, *nēddōw* ‘сажать’, *zēxtōw* ‘брать’, *mīdēn* ‘среди’, *pacēn* ‘сыновья’, *dēw* ‘див’, *cēmt* ‘хочет’, *xēr* ‘камень’, *rēc* ‘лицо’, *wēz* ‘груз’, ‘выюк’, *xēz* ‘ключ’, *rizēn* ‘дочь’, *bēr* ‘низ’, ‘внизу’.

Примеры на употребление *ō*: *virōd* ‘брат’, *mōd* ‘мать’, *zōrg* ‘сердце’, *tōv* ‘раз’, *xōx* ‘рог’, *ħōj* ‘страх’, *ħōw* ‘корова’, *pōnd* ‘дорога’, *bōp* ‘борода’, *ħōt* ‘вечер’, *zōd* ‘родила’, *bōd* ‘попал’, ‘выпал’, *sipōrd* ‘вручил’.

Примеры на употребление *ă*: *uărj* ‘конь’, *rīđ* ‘нога’, *rīđ* ‘пуля’, *băb* ‘дед’, *yîc* ‘огонь’, *băd* ‘дал’, *zăxt* ‘взял’, *yăd* ‘отнес’, *căt* ‘муж’, *cauăr* ‘четыре’, *bărg* ‘палка’, *xadărj* ‘мельница’.

Гласные заимствованных слов передаются в общем так же, как в шугнанском.

Краткие гласные. Краткий гласный нижнего подъема *a* фонетически не отличается от шугнанского *a*; в исходе слова в именах, как и шугнанское *a*, закономерно переходит в *ā*.

Краткий гласный переднего ряда *i* имеет такой же широкий диапазон по подъему, как и шугнанское *i* (от «i» до «e»), но несколько отличается от последнего в звучании основного своего варианта: средний вариант рушанского *i*, т. е. не самый закрытый («i») и не самый открытый («e»), наиболее часто встречающийся в речи, является болееенным, чем средний вариант шугнанского *i*: шугнанское «*p̄id* || *p̄ed*» ‘отец’ в рушанском звучит как «*p̄ed* || *ped*». Таким образом, вариант «e» (4-я ступень подъема) нормален для рушанского *i* в закрытых слогах в соседстве со смычными.

Другая особенность рушанского *i* наблюдается в его положении в исходе слова. Не имея противостоящей близкой себе по качеству долгой фонемы, поскольку фонема *ē* в рушанском отсутствует, рушанское исходное *i* тем самым не может, даже при некотором растяжении, сближаться с каким бы то ни было долгим гласным (фонема *ē* значительно уже, чем исходный «e»-образный вариант *i*). А раз исходное *i* не сближается и не сливается с каким-либо долгим, то оно тем самым и не растягивается до таких пределов, как может растягиваться шугнанское *i*, превращающееся в *ē*, и не превышает нормально длительности в 14—16 с.

Краткий гласный заднего ряда *u* имеет несколько более узкий диапазон по подъему, по сравнению с шугнанским *u*, поскольку он противополагается другому краткому (*o*), отсутствующему в шугнанском. Общий диапазон *u* колеблется от 6-го до 4-го подъема (обычно от «u» до «o»). Впрочем, более широкие варианты звучания и для

шугнанского и характерны только в исходе слова, так что различие в степени открытости и обоих диалектов касается только этого одного положения (ш. «хэ» || р. «хо» 'съел').

Заметнее отличается рушанское и от шугнанского своим диапазоном по признаку ряда: в благоприятных фонетических условиях оно может более или менее заметно продвигаться вперед, давая акустическое впечатление мягкого и (вариант «ү_»). В соседстве с согласным со среднеязычной артикуляцией это продвижение вперед является нормальным: «ču_gu_k» 'человек', 'мужчина'. В соседстве с заднеязычными и увулярными согласными, а также в соседстве с фонемой ү продвижения и вперед не происходит: «гүх» 'свет', «čүх» 'петух', «wuf» 'их', «wurj» 'волк'. Так же никогда не продвигается вперед и в начале слова: «үт» 'ее', «үf || wuf» 'их'. В остальных случаях продвижение и вперед может наблюдаться: «lu_vd» 'сказал', «mardu_m» 'люди', но обычное, наиболее частое звучание и в этих случаях все же заднее: «mardum, luvd». Таким образом, рушанское и определяется как гласный заднего ряда, но в известных случаях способный продвигаться вперед.

В исходе слова, где и наиболее расширяется, оно легко смешивается с другим, более открытым кратким гласным — с кратким о. Поэтому исходное и в таких словах, как: чи 'сделал', хи 'съел', аий 'принес', имеет дублетное произношение с о: со, xo, ayo. Сохранение и поддерживается здесь возможностью присоединения к этим словам энклитических союзов: чи-уатā, чи-хи 'сделал и...'. В этих случаях и, попавшее в середину слова, восстанавливает свое более узкое звучание. Союз хи, за которым обычно следует пауза, нормально имеет произношение с фонемой о: xo.

Словарное употребление всех трех рассмотренных кратких гласных в общем совпадает с шугнанским.

Краткое о отличается от и своей большей открытостью и большей протяженностью. Оно вообще выделяется своей большей длительностью по сравнению с остальными краткими гласными. По степени подъема оно колеблется от закрытого «о» до открытого «э» под влиянием тех же фонетических условий, которые определяют и колебания фонем i и и по подъему. Поскольку фонема и в более открытом своем звучании тоже имеет вариант «о», то, следовательно, диапазон обеих фонем совпадает в этом варианте. Однако поскольку расширение и сужение обеих фонем происходит в одних и тех же фонетических положениях, то в тожественных фонетических положениях фонема о всегда оказывается шире фонемы и: «гох || гүх» (фонологически гүх) 'утро' и «пох || пэх» (фонолог. пох) 'нары'; «чүх» (фонолог. чих) 'петух' и «сох» (фонолог. сох) 'горький' и т. д. Благодаря этому, смешения фонем и и о обычно не наблюдается, за исключением исхода слова, где противоположение обеих фонем значительно ослабляется, поскольку

и в этом положении растягивается и расширяется, что и ведет к переходу его в фонему *o*: *ci>so* 'сделал', *xu>xo* 'съел', но с сохранением все же дублетного произношения (*ci* || *so*, *xu* || *xo*).

Аналогично фонеме *u*, фонема *o* может заметно продвигаться вперед, особенно под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией: «*čo-d*» 'дом', «*žo-z*» 'древа', «*šo-g*» 'тленок'. В соседстве с увулярными и заднеязычными фонемами *o* всегда заднего ряда: «*xog*» 'солнце', «*pəx*» 'нары', «*bəq*» 'пригород'.

Самостоятельность обеих фонем и их противоположение друг другу доказываются тем, что обе они встречаются в одних и тех же фонетических положениях, т. е. тем, что их употребление не обусловлено фонетическим положением: *ciχ* 'петух' и *soχ* 'горький', *xuš* 'приятный' и *xoχ* 'теща', *gux* 'утро' и *xog* 'солнце', *dit* 'хвост' и *dod* 'дым'. Для большей убедительности могут быть приведены и пары слов, отличающиеся только гласными: *wič* 'козел' и *boč* 'поделуй'.

Кроме качества, в противоположении обеих фонем большую роль, как уже упоминалось, играет также момент длительности: *o* в ударенных слогах (особенно в односложных словах) может быть весьма протяженным и даже может быть неотличимо на русский слух по длительности от долгих гласных. А поскольку качественно фонема *o* может совпадать в своих вариантах с долгими *ö* и *ȫ*, то важно указать также, что она не является вариантом и этих фонем, а противополагается им так же, как и фонема *u*. Это противоположение подтверждается следующими парами слов: *xog* 'солнце' и *xōg* 'ничтожный', *xoj* 'бык' и *ħōj* 'страх', *xoχ* 'теща' и *xōχ* 'рог', *zod* 'убил' и *zōd* 'родила', *rod* 'след' и *rōd* 'нога', *dod* 'дым' и *dōd* 'дал', *soχ* 'горький' и *cīχ* 'истрепанный'.

Примеры на употребление фонемы *o*: *cod* 'дом', *xog* 'солнце', *žoz* 'древа', *šog* 'тленок', *qoč* 'живот', *boq* 'пригород', *kol* 'голова', *šol* 'увечный', *tor* 'верх', *divó* 'дверь', *sifid* 'поднялся', *zod* 'убил', *pox* 'нары', *boč* 'поделуй'.

ДЛЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Главной задачей при измерении длительности рушанских гласных было выяснение длительности фонемы *o* сравнительно с долгими и остальными краткими гласными.

Для большей точности выводов запись на кимографе была произведена от двух лиц (студентов Сталинабадского педагогического института): Сайнакова и Базидова, уроженцев селения Дерзуд. Сайнаков в своем произношении дает тип обычного стиля речи, произношение же Базидова является образчиком отчетливого произношения. Запись каждого диктора производилась в один прием (в сентябре 1949 г.). Порядок расположения цифровых данных и выделяемые фонетические положения те же, как и в соответствующем разделе

шугнанского вокализма, лишь с выделением при трактовке фонемы *о* добавочного фонетического положения 1а. Данные записи Сайна-кова приводятся под буквой С., данные Базидова под буквой Б.

Отношение фонемы *о* к долгим и кратким гласным (в односложном слове)

Поскольку фонема *о* встречается чаще в односложных словах и поскольку для других положений за недостатком фонологически проверенных текстов подобрать необходимое количество примеров не представлялось возможным, длительность фонемы *о*, сравнительно с длительностью остальных гласных, рассматривается в настоящем очерке почти исключительно в односложных словах.

Перед одним согласным

Долгие гласные

С.

1) Тип: *sām, sir, sēr, bīb, būn, bōn*

<i>ā</i>	<i>ī</i>	<i>ē</i>
19.8 (5)	19.8 (16)	18.8 (3)
—	23—17	—
22—18	23—16	21—17
<i>ū</i>	<i>ū̄</i>	<i>ō</i>
21.3 (13)	23.4 (14)	23.8 (28)
22—18	27—20	27—22
25—18	27—20	27—20

2) Тип: *bāt, nāb, tōq*

<i>ā</i>	<i>ū̄</i>	<i>ō</i>
17.3 (3)	20.2 (3)	22.1 (5)
—	—	23—22
20—15	22—19	26—22

Существенно, что в 1-м положении отчетливо выделяются своей большей длительностью гласные заднего ряда, особенно *ī* и *ō*, чего не наблюдалось в шугнанском вокализме. Что большая длительность этих гласных не случайна, показывают также цифры 2-го фонетического положения, где, хотя и при малом количестве измерений, выявляется то же самое соотношение длительности долгих гласных между собой..

Краткие гласные

С.

1) Тип: *žoz, tor, ðar, vid, sir, ziv*

<i>ø</i>	<i>a</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
18.1 (5)	13.2 (11)	—	13.2 (33)
20—16	15—12	—	16—12
20—16	15—12	—	16—11

1a) Тип: *sog, toj, kol, ϑud, ḥud, pid, mis*

o	a	u	i
16.0 (26)		11.9 (21)	10.9 (14)
17—15	—	13—10	13—9
18—14		14—10	13—9

2) Тип: *pos, ϑok, sat, ḥac, ruc, čiχ, čit*

o	a	u	i
11.9 (8)	11.3 (20)	9.3 (12)	10.4 (6)
13—10	13—9	11—7	—
14—10	13—9	14—6	13—8

Приведенные цифры показывают, что *o* в положении не между глухими резко отличается от остальных кратких гласных, имея большую абсолютную длительность, особенно в 1-м фонетическом положении, — между звонкими или перед *r*, где его средняя длительность равна 18 с. Существенно отметить, что в приведенных данных пришлось выделить фонетическое положение 1a (сочетание глухого со звонким смычным), поскольку оно оказывает иное влияние на *o*, чем на остальные гласные: *o* в этом положении сокращается мало, так что по отношению к *o* фонетическое положение 1a вполне может быть объединено с 1-м положением. Напротив, на остальные гласные фонетическое положение 1a влияет так же, как и 2-е (между двумя глухими), почти одинаково сокращая гласный. В положении между глухими длительность *o* совпадает с длительностью остальных кратких.

Сравнивая длительность *o* с длительностью долгих, получаем следующую картину. (Положение 1-а приравнивается для долгих ко 2-му положению, поскольку в обоих случаях долгие сокращаются одинаково).

C.

ä, ī, ö	o	ū	ü, ð
1) 19.7 (24)	18.1 (5)	21.3 (13)	23.7 (42)
22—17	19—16	22—18	27—20
23—16	20—16	25—18	27—20
1a) 17.3 (3)	16.0 (26)	—	21.4 (8)
—	17—15	—	23—19
20—15	18—14	—	26—19
2) 17.3 (3)	11.9 (8)	—	21.4 (8)
—	13—10	—	23—19
20—15	14—10	—	26—19

Как можно видеть, в первых двух положениях гласный *o* очень слабо отличается по длительности от долгих гласных переднего ряда, несколько больше — от фонемы *ū* и вполне отчетливо противополагается близким к нему по качеству гласным заднего ряда *ü* и *ð*. Всей группе

долгих гласных фонема *о* четко противополагается по длительности только в положении между глухими, где она сильно сокращается, уравниваясь по длительности с группой кратких гласных. Таким образом, *о* занимает по долготе промежуточное положение между двумя группами гласных, в одних положениях сближаясь с одной из них, в других — с другой.

Именно наличием этой фонемы *о*, более протяженной, чем остальные краткие гласные, объясняется большая длительность рушанских долгих заднего ряда по сравнению с долгими переднего ряда. Противополагаясь фонеме *о*, близкие ей по качеству долгие гласные *ö* и *ő* должны сильнее растягиваться, чтобы не совпасть с ней.

Существенно отметить, что в тех случаях, когда имеют место парные слова, различающиеся только гласным (например, *rod* 'след' и *röd* 'нога'), то долгие *ö* и *ő* в таких словах могут растягиваться чрезвычайно сильно, даже в неблагоприятном фонетическом положении (между глухими). Так, в слове *хöх* 'рог', противостоящем слову *хöх* 'теща', засвидетельствованная длительность *ö* равна 28.6с (3), или в слове *хöj* 'страх', противостоящем слову *хöj* 'бык', длительность *ö* равна 27.0с (3). Длительность *ö* достигает здесь максимально долгих вариантов своего звучания, характерных для всех долгих гласных при более отчетливом произношении.

Такой более отчетливый тип произношения с максимальным растяжением долгих дает, как уже говорилось, другой диктор — Базидов, что можно видеть из следующих цифр (записанные слова — те же).

Б.		
<i>ä</i>	<i>í</i>	<i>ë</i>
1) 29.1 (3)	27.4 (5)	29.3 (2)
—	—	—
32—26	35—23	30—29
<i>ö</i>		
29.3 (14)	28.3 (19)	
31—27	31—26	
35—26	36—23	

Эта запись показывает пределы растяжения долгих гласных при отчетливой речи. К этим же максимальным пределам длительности стремятся долгие *ö*, *ő* и в обычном стиле речи (запись Сайнакова) при их противопоставлении краткому *o* в парных словах.

Значит, если в быстрой речи длительность долгих гласных переднего ряда *í*, *ë*, *ä* может уравниваться с длительностью краткого гласного заднего ряда *o*, то все же они не могут быть объединены в одну группу не только потому, что гласные *í*, *ë*, *ä* не могут сокращаться до такой степени, как сокращается *o* между глухими, но также и потому, что в отличие от *o*, аналогично остальным долгим гласным, фонемы

ї, *ë*, *ä* при отчетливой речи могут сильно растягиваться в любом фонетическом положении.

То, что *о* действительно не может растягиваться даже в отчетливой речи, показывает та же запись Базидова, которая дает следующие цифры длительности *о* и других кратких гласных.

Б.

1) Тип: *tor*, *vij*, *vid*

о	и
20.5 (6)	18.3 (10)
22—19	19—17
22—19	21—17

1a) Тип: *toj*, *cod*, *xor*, *χud*, *ϑud*

о	и
19.7 (20)	16.2 (18)
20—18	19—13
22—18	19—12

2) Тип: *coχ*, *ϑok*, *ruc*, *sut*, *čit*

о	и	и
15.9 (13)	12.2 (12)	11.9 (3)
16—13	13—10	13—10
21—13	16—10	13—10

Эти цифры показывают, что при отчетливом произношении краткие гласные за исключением *о* значительно удлиняются: при более быстрой речи их средняя длительность в 1-м фонетическом положении равна 13 с (запись С.), при отчетливом произношении — 18 с (запись Б.). Длительность же гласного *о* почти не меняется: при более быстрой речи средняя длительность его равна 18 с (запись С.), при отчетливом произношении — 20 с. В результате длительность *о* уравнивается с длительностью остальных кратких гласных. От долгих же гласных, сильно растягивающихся при отчетливой речи, *о* отделяется весьма резко, что можно видеть при сравнении их длительности в 1-м фонетическом положении:

Б.

ä, i, ē	ü, ö	о
1) 28.3 (10)	28.8 (33)	19.8 (24)
30—26	31—26	20—18
35—23	36—23	22—18

Таким образом, при отчетливом произношении как все долгие внутри группы долгих, так и все краткие внутри группы кратких уравниваются между собой по длительности в вариантах максимальной своей длительности: типовая длительность всех долгих в 1-м положении при отчет-

ливой речи равна 30—26 с, типовая длительность всех кратких равна 20—17 с. Для фонем *ö* и *ü*, с одной стороны, и для фонемы *o* — с другой, эти максимальные варианты длительности являются в то же время типичными и для обычного стиля речи. Таким образом, фонемы *ö* и *ü* в группе долгих, а фонема *o* в группе кратких выделяются своей устойчивостью, т. е. малой способностью к сокращению.

Перед двумя согласными

В этом положении выявление длительности всех гласных в общем такое же, как и в слоге, закрытом одним согласным, что можно видеть из следующих данных.

Б.

1) Тип: *dāxt*, *χūvd*, *zūχt*, *vost*, *Iuvd*, *čarm*

<i>ä</i> , <i>ü</i> , <i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i> , <i>a</i>
31.4 (18)	21.4 (6)	18.7 (6)
34—25	22—20	20—17
37—25	24—20	20—17

2) Тип: *čang*, *tēžd*, *cōnd*, *poxt*, *čoxt*, *čust*, *kiχt*, *zimc*, *nīd*

<i>ä</i> , <i>ē</i> , <i>ö</i>	<i>o</i>	<i>u</i> , <i>i</i>
27.0 (27)	19.3 (16)	15.0 (21)
32—22	22—17	21—12
35—22	23—14	21—10

Как можно видеть из этих цифр, при отчетливом произношении длительность гласных перед двумя согласными не сокращается — напротив, заметно даже стремление Б. к большему растягиванию гласных в этом положении; максимальный предел типовой длительности долгих гласных здесь на несколько сигм выше, чем в положении перед одним согласным. Однако, в отличие от предшествующего положения, для слога, закрытого двумя согласными, отмечается несколько больший диапазон сокращаемости долгих гласных. При явной тенденции Базидова к отчетливому произношению, все же типовая длительность долгих спускается до 22 с (во 2-м фонетическом положении). Следовательно, для положения перед двумя согласными можно констатировать большую неустойчивость длительности долгих, т. е. большую их способность и к растяжению и к сокращению. Эта неустойчивость должна еще разче выявиться в произношении Сайнакова как менее отчетливом, что в действительности и наблюдается, особенно во 2-м фонетическом положении.

С.

1)	<i>ä</i> , <i>ē</i> , <i>ü</i>	<i>o</i>	<i>u</i> , <i>a</i> , <i>i</i>
	26.4 (11)	13.2 (5)	—
	32—22	14—12	—
	32—17	14—12	—

2)	ä, ü, ö	o	i
		13.4 (9)	11.1 (3)
	28—16	15—12	—
	30—16	15—12	12—11

Характерно, что здесь задние гласные *ö* и *ü* не выделяются своей большей устойчивостью и могут почти так же сокращаться, как и долгие переднего ряда. Соответственно этому *o* является значительно более кратким, чем в положении перед одним согласным, и не может удлиняться.

Рассмотренные в этом разделе цифры показывают, что фонема *o* хотя и сильно отличается своей длительностью от кратких гласных и может совпадать в быстрой речи по длительности с долгими гласными переднего ряда, — все же она объединяется с группой кратких гласных: с одной стороны, в определенных фонетических условиях она может сокращаться до таких пределов, до которых не могут сокращаться долгие гласные, с другой стороны, она не может растягиваться в противоположность долгим свыше 22с. А поскольку при отчетливом произношении остальные краткие тоже удлиняются до 20с, то при отчетливом произношении количественная грань между *o* и остальными краткими гласными стирается при резком противоположении всей группы кратких группе долгих гласных.

Но все же наличие фонемы *o* в системе рушанского вокализма создает предпосылки для возможного изменения количественных взаимоотношений в последней. Будучи устойчивой, фонема *o* не сокращается в быстрой речи (за исключением положения между глухими) в отличие от остальных кратких и уже тем самым противопоставляется им. Долгие же гласные переднего ряда *i*, *ē* и *ä*, заметно сокращаясь в быстрой речи, тем самым сближаются по длительности с фонемой *o*, но отходят от фонем *ö* и *ü*, которые являются устойчивыми и не могут сокращаться, поскольку они при сокращении могли бы смешаться с фонемой *o*. В результате, в пределах односложного слова четкое деление на две группы с равной длительностью для гласных внутри каждой группы (*i*, *ē*, *ä*, *ü*, *ö* и *o*, *a*, *u*, *i*) существует только в отчетливом произношении. В быстрой же речи намечается отделение *i*, *ē*, *ä* от остальных долгих и *o* от остальных кратких и их взаимное сближение.

Длительность долгих и кратких гласных в двусложном слове¹

Длительность долгих и кратких гласных в двусложном слове и ее изменения в зависимости от фонетического положения в общем аналогичны рассмотренным в соответствующем разделе шугнанским гласным.

¹ Как уже говорилось, данных по фонеме *o* в двусложном слове почти нет.

Именно: все гласные несколько короче, чем в односложном слове, долгие гласные меняются по длительности при изменении фонетического положения сравнительно мало, сокращаясь наиболее заметно в неударенном закрытом слоге. В открытых слогах долгие гласные вообще более устойчивы, и отсутствие ударения в открытом слоге не меняет заметно их длительности. В отличие от шугнанских, рушанские долгие заднего ряда, как и в односложных словах, более устойчивы, чем фонемы *i*, *ē*, *d*. Краткие гласные *a*, *u*, *i* сильно сокращаются в неударенном открытом слоге, причем *u* и *i* между глухими могут полностью оглушаться. Фонема *o* в двусложных словах во всех засвидетельствованных случаях примыкает по длительности к кратким гласным. Ниже приводятся соответствующие цифровые данные.

В ударенном закрытом слоге¹

В словах: *dák̚ti*, *téždam*, *zúžti*, *nūqróz*, *digvár*, *dostén*, *lúvdi*, *pítš*, *kuddk*, *čurük*, *čák̚tum*

Б.

<i>ā, ē</i>	<i>ū</i>	<i>a, u, i</i>	<i>o</i>
21.8 (19)	26.0 (5)	12.4 (8)	15.0 (5)
25—21	28—24	14—11	—
29—16	28—24	14—10	17—13

С.

<i>ē</i>	<i>ū, ū</i>	<i>a, u, i</i>
14.8 (3)	17.9 (4)	9.1 (14)
—	20—16	12—8
16—13	20—16	13—8

В неударенном закрытом слоге

1) Тип: *sēwjl*, *zamčl*, *digvár*, *dostén*

Б.		С.		
<i>ē</i>	<i>a, i</i>	<i>o</i>	<i>ē</i>	<i>a</i>
17.7 (4)	12.2 (8)	13.7 (4)	14.2 (3)	9.6
—	13—12	—	—	11—8
20—15	13—9	15—12	17—15	11—8

2) Тип: *niqróz*, *ruχtá*

Б.	С.
<i>u</i>	<i>u</i>
7.9 (4)	7.4 (4)
—	—
11—5	11—5

¹ Данные 1-го и 2-го слогов в этом положении объединяются, поскольку длительность гласных в них заметно не расходится. Данные 1-го и 2-го фонетических положений также объединяются, поскольку для ударных слогов они тоже не дают существенных расхождений.

В ударенном открытом слоге¹2) Тип: *tári*, *χómáti*, *tári*, *máná*²

Б.	С.	
ā, ē	ō	a, u
25.5 (5)	20.3 (4)	9.9 (5)
—	—	10—9
28—22	21—20	10—9

В неударенном открытом слоге

1) Тип: *sáráy*, *dōnōb*, *sabō*, *zibō*

Б.	С.		
ā, ē	a, i	ā, ē	a
23.4 (4)	9.8 (4)	19.7 (4)	7.9 (7)
24—21	—	—	10—7
24—21	13—7	20—19	10—7

2) Тип: *miñōb*, *qōzi*, *séłōr*, *sítōw*, *pirō*, *tuxá*

Б.	С.		
ī, ū	u, i	ī, ū, ū	u, i
18.5 (4)	5.0 (13)	13.8 (10)	4.6 (21)
—	8—5	16—13	6—4
21—16	9—2	18—11	8—2

Длительность краткого i в исходе слова

Как уже говорилось при качественной характеристике гласных, рушанское *i*, удлиняясь в исходе слова и расширяясь до варианта «е», в отличие от шугнанского не сближается качественно и тем самым не ассоциируется с каким-либо долгим гласным, поскольку долгое ē в рушанском диалекте отсутствует. Таким образом, рушанское исходное *i* свободно от фонологических влияний и подчиняется исключительно фонетическим факторам. Поэтому оно дает неосложненный добавочными влияниями образец, по которому можно определить фонетические свойства кратких в исходе, в частности нормальный предел их растяжения.³ Длительность *i* рассматривается срав-

¹ В открытых слогах зафиксированная длительность долгих гласных переднего и заднего рядов одинакова, поэтому данные по ним объединяются.

² В рушанском диалекте косвенный падеж местоимения 2-го лица имеет дублетное произношение: *tā* || *ta*. В произношении Базидова представлен первый вариант: *tári* 'тебе', в произношении Сайнакова — второй: *tári*.

³ Другие краткие гласные не могут дать такого образца. Краткое *a* уже разделилось на две фонемы, перейдя в большинстве слов в долгое ā, сохранившееся же исходное *a* утеряло способность к удлинению, тем самым отделившись от типа других кратких гласных. Краткие гласные заднего ряда не свободны от фонологических влияний; для рушанского исходного и характерен переход в о как живой процесс, фонема же о вообще отличается от других кратких по длительности.

нительно с длительностью долгих гласных и сравнительно с длительностью краткого *a*, утратившего способность к удлинению в исходе; для кратких *i* и *o* в исходе цифровых данных нет.

В ударенном слоге

В словах: *zibő*, *dőnő*, *pírő*, *szambé*, *tihá*, *ruhá*, *sőjí*, *zamčí*, *tihá*, *aga*¹

С.

<i>ő</i> , <i>ē</i>	<i>i</i>	<i>a</i>
18.0 (16)	14.2 (10)	9.7 (9)
23—15	17—12	10—9
23—14	17—12	12—9

Б.

<i>ā</i> , <i>ő</i>	<i>i</i>	<i>a</i>
25.9 (19)	14.5 (11)	9.9 (6)
27—23	17—12	10—9
30—16	19—11	13—9

Характерно, что длительность *i* одинакова в обеих записях: более отчетливое произношение Базидова не удлиняет *i*, хотя долгие в его произношении сильно растягиваются. Значит, для рушанского *i* в ударенном исходе характерен сравнительно узкий и устойчивый количественный диапазон от 17 до 12с, одинаковый для любого стиля речи, частично совпадающий при быстрой речи с типовой длительностью долгих гласных. Фонема *a*, как и следовало ожидать, имеет устойчивую краткость.

В неударенном слоге

В словах: *úmri*, *lúvdi*, *zúhxí*, *máná*

С.

<i>á</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
21.3 (5)	11.1 (8)	14.3 (24)
22—20	14—9	17—9

Б.

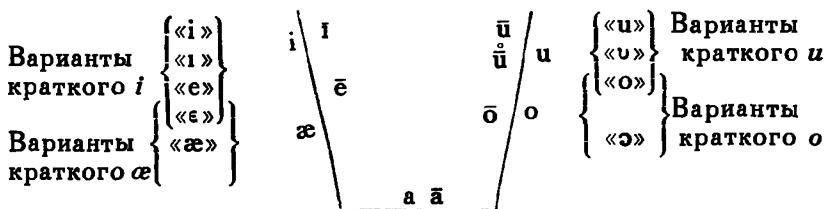
<i>á</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
22—20	14—9	17—9
22—20	14—9	20—9

Как видно из приведенных цифр, неударенное исходное *i* способно к большему сокращению, однако это сокращение необязательно, и при отчетливой речи (запись Базидова) длительность *i* в обоих положениях может быть одинаковой. Безударные долгие гласные, повидимому, вовсе не сокращаются, насколько можно судить по одной имеющейся записи. Таким образом, в безударных слогах количественное противоположение краткого *i* и долгих выражено более отчетливо.

¹ Слово *tihá* ‘дорожные припасы’ допускает параллельное произношение с кратким *a*: *tihá*. В этой форме оно и было произнесено Сайнаковым. Базидов, как и в других аналогичных случаях, дает произношение с долгим *ā*.

ХУФСКИЙ ВОКАЛИЗМ

Вокализм хуфского диалекта весьма близок к рушанскому, но существенно отличается от него тем, что имеет не только в заднем, но и в переднем ряду вторую краткую фонему, которая в дальнейшем изложении будет обозначаться знаком *æ*. В остальном составе фонем различий в рушанском и хуфском вокализме нет. Таким образом, хуфский вокализм насчитывает 11 гласных фонем, которые могут быть представлены в следующей таблице.

Фонема *æ* — очень открытый гласный, колеблющийся по подъему от 2-й до 3-й ступени (от «æ» до «ε») и нормально дифтонгойдный («¹æ»). Основным вариантом является открытый тип звучания («¹æ»), сужение же наблюдается только в быстрой речи в двусложных и многосложных словах. Сужение фонемы *æ* в быстрой речи сопровождается ослаблением ее дифтонгойдности, так что такое слово, как *fɪræpt* 'достиг', может звучать и как «fɛr'æpt» и как «fɛrəpt», в зависимости от стиля речи. В полном же стиле речи дифтонгойдность *æ* обычно всегда хорошо слышна: «r'æs» 'лицо', «wɪx'æz» 'ключ', «z̥ær» 'камень'. Фонетически дифтонгойдность *æ* представляет собой не постепенный переход от более узкого к более широкому звучанию, а резкий переход от «i» к «æ». Поэтому фонему *æ* можно было бы определить и как восходящий дифтонг, но с очень кратким и слабым первым элементом. Существенно отметить, что этот начальный элемент фонемы *æ* фонетически может реализоваться в сильной палатализации предшествующего согласного: «r'æs» 'лицо', «z̥ær» 'камень', «rɛz'æn» 'дочь'.

Поскольку противостоящий фонеме *æ* другой краткий переднего ряда *i* имеет в ударном исходе слова, как и в других диалектах, широкое звучание (вариант «ε»), то тем самым он сближается фонетически с *æ*, в результате чего противоположение фонем *i* и *æ* в исходе очень ослабляется, что ведет к переходу исходного *i* в *æ*: *ki* || *kæ* 'сделай', *sāwí* || *sāwæ* 'ты пойдешь' и др. Можно сказать, что всякое ударное исходное *i* стремится к *æ*, однако в большинстве случаев, особенно в двусложных словах, произношение с *i* при отчетливой речи восстанавливается. В общем отношение исходного *i* к фонеме *æ* аналогично отношению рушанского исходного *u* к фонеме *o*, которое рассматривалось на стр. 109.

Примеры на употребление фонемы *æ*: *ræs* 'лицо', *žær* 'камень', *wæz* 'груз', *abæ* 'низ', *rizæn* 'дочь', *wiχæz* 'ключ', *wæxt* 'упал', *firæpt* 'достиг', *zæpít* 'убью'.

Фонема *o*, соответствующая рушанскому краткому *o*, отличается от последнего фонетически, являясь, как и фонема *æ*, нормально дифтонгоидным гласным («*ɔ*», «*o*»): «*x^hɔg*» 'солнце', «*š^hog*» 'теленок', «*č^hɔd*» 'дом' и т. д. Как и у фонемы *æ*, начальный элемент дифтонга слабый, и в быстрой речи он может стираться, и тогда *o* воспринимается как однородный гласный: «*zódum*» 'я убил'. После губных согласных начальный элемент фонемы *o* никогда не слышен, так как он поглощается губной работой согласного: «*sifod*» 'поднялся', «*devɔ*» 'дверь', «*aʊɔ*» 'нашел' и т. д. Аналогично фонеме *æ*, начальный элемент фонемы *o* может фонетически реализоваться в предшествующем согласном, огубляя его: «*x^hɔg*» 'солнце', «*x^hɔ*» 'съел', «*č^hɔd*» 'дом'. В остальном хуфское *o* не имеет отличий от рушанского; так же как рушанское, оно может заметно продвигаться вперед: «*č^hɔ-d*» 'дом', «*ž^ho-z*» 'дрова' и т. д. Отношение исходного *u* к фонеме *o* также аналогично рушанскому.

В остальном хуфский вокализм не отличается от рушанского: остальные гласные фонетически совпадают с соответствующими рушанскими гласными.

ШУГНАНО-РУШАНО-ХУФСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Словарное употребление кратких гласных *a*, *i*, *u* по всем диалектам в основной массе слов совпадает. Точно так же мало различий в употреблении по диалектам долгих *ā* и *ū*. В употреблении же остальных долгих гласных между шугнанским и рушанским диалектами наблюдаются большие расхождения, а иногда и полное несовпадение. Хуфский диалект по употреблению долгих гласных примыкает почти полностью к рушанскому, некоторое различие между ними обусловливается лишь наличием в хуфском вокализме фонемы *æ*. Ниже приводятся те основные линии соответствий шугнанских долгих гласных рушано-хуфским, которые удается сейчас выделить при слабой изученности словарного состава двух последних диалектов. Заемствованные слова во внимание не принимаются, поскольку гласные в них по всем диалектам обычно передаются одинаково.

Шугнанскому *ē* в обоих диалектах закономерно соответствует фонема *ē*. Примеры:

ш.	р., х.	
<i>sēr</i>	<i>sēr</i>	обмолоченное зерно
<i>tēr</i>	<i>tēr</i>	черный
<i>mēst</i>	<i>mēst</i>	месяц
<i>yēv</i>	<i>yēt</i>	рот
<i>vērz</i>	<i>vērz</i>	кобылица

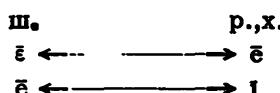
<i>zəχtōw</i>	<i>zəχtōw</i>	брать
<i>təχtōw</i>	<i>təχtōw</i>	тесать
<i>rinēs</i>	<i>rinēs</i>	забудь
<i>nēddōw</i>	<i>nēddōw</i>	сажать
<i>χēvdōw</i>	<i>χēvdōw</i>	спать
<i>wēd</i>	<i>wēd</i>	канал, арык
<i>dēd</i>	<i>dēd</i>	война, битва
<i>cēd</i>	<i>cēg</i>	нож

Лишь в отдельных словах наблюдается соответствие шугнанского ё другим гласным: ш. *nēx* || р.,х. *nox* 'нары', ш. *pēxt* || р.,х. *roxt* 'сварил'.

Шугнанскому ё в обоих диалектах соответствует в большинстве случаев фонема ī. Примеры:

ш.	р., х.	
<i>mēv</i>	<i>mīv</i>	день
<i>yēd</i>	<i>yīd</i>	мост
<i>sēr</i>	<i>sīr</i>	сытый
<i>ȳēw</i>	<i>ȳīw</i>	охота
<i>dēk</i>	<i>dīg</i>	котел
<i>pēx</i>	<i>pīx</i>	впереди
<i>xēz</i>	<i>xīz</i>	послелог места и направления
<i>rēd</i>	<i>rid</i>	остался
<i>dēd</i>	<i>indīd</i>	вошел
<i>tēzd</i>	<i>x. tīzd</i>	уходит

Таким образом, в рассмотренных пределах наблюдаются вполне четкие и фонетически ясные соответствия: фонема ё сужается в рушано-хуфском в ё, соответственно чему рушано-хуфское ё сужается в ī, т. е. имеем следующую схему соответствий:

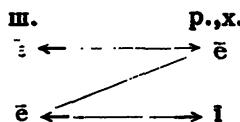
Однако эта схема усложняется тем, что не всякое шугнанское ё соответствует рушанскому ī: в ряде случаев наблюдается соответствие шугнанского ё рушано-хуфскому ё, т. е. совпадение словарного употребления ё по всем трем диалектам. Примеры:

ш.	р., х.	
-ēn (<i>pacēn</i>)	-ēn (<i>pacēn</i>)	суффикс множ. числа (‘сыновья’)
-ēn (<i>garđēnt</i>)	-ēn (<i>garđēnt</i>)	суффикс понудительности (‘повернул’)

<i>tiðēn</i>	<i>tiðēn</i>	среди
<i>añēn</i>	<i>añēn</i>	для, ради
<i>çēmb : çēmt</i>	<i>çēmb : çēmt</i>	основы глагола 'хотеть'
<i>dēw</i>	<i>dēw</i>	див

Список этих случаев должен быть в дальнейшем увеличен. Сейчас же обращает на себя внимание, что в подавляющем большинстве слов совпадение ё по диалектам наблюдается в положении перед носовыми, перед которыми открытые гласные обычно сужаются, что, повидимому, и произошло в шугнанском: ё перед носовыми перешло в ё. Это подтверждается и соответствием ё в приведенных словах исторически долгому а, которому в шугнанском соответствует именно фонема ё, а не ё. Следовательно, в рушанском и хуфском диалектах имеет место совершенно закономерное ё, такое же, как в словах *çēg* 'нож', *mēst* 'месяц' и т. д., отклонение же в соответствиях объясняется сужением шугнанского ё в ё перед носовым. Что касается других случаев, то в настоящее время отмечено только одно слово с совпадающим ё по всем диалектам (*dēw*), если не считать явных заимствований. Весьма возможно, что и слово *dēw* является в рушано-хуфском более поздним заимствованием. О заимствованном характере слова *dēw* (из таджикского языка) в рушанском и хуфском диалектах говорит смыслочный начальный, в то время как в шугнанском имеем *dēw*.

Таким образом, уточняя схему соответствий рассмотренных гласных, имеем:

Шугнанское *i* соответствует в обоих диалектах: 1) фонеме *i*, 2) краткому о. Третий случай соответствия *i* различен в рушанском и хуфском диалектах, и о нем будет сказано отдельно.

1) Примеры соответствия фонеме *i*:

Ш.	р., х.	
<i>pīñz</i>	<i>pīñz</i>	пять
<i>yīw</i>	<i>yīw</i>	один
<i>χīn</i>	<i>χīn</i>	бурый, сизый
<i>čīdōw</i>	<i>čīgōw</i>	делать
<i>xīdōw</i>	<i>xīgōw</i>	есть
<i>nīstōw</i>	<i>nīstōw</i>	сидеть
<i>qīwādōw</i>	<i>qīwādōw</i>	звать
<i>vīrt</i>	<i>x. vīrd</i>	приносит
<i>indīdōd</i>	<i>indīdōd</i>	входит
<i>χībt</i>	<i>χībt</i>	избивает

2) Примеры соответствия фонеме *o*:

ш.	р., х.	
<i>xīr</i>	<i>xor</i>	солнце
<i>čīd</i>	<i>čod</i>	дом
<i>žīz</i>	<i>žoz</i>	древа
<i>pīð</i>	<i>rod</i>	след
<i>šīg</i>	<i>šog</i>	теленок
<i>kil</i>	<i>kol</i>	голова
<i>tīr</i>	<i>tor</i>	верх
<i>zīd</i>	<i>zod</i>	убил
<i>sifīd</i>	<i>sifód</i>	поднялся
<i>cīx</i>	<i>coх</i>	горький
<i>ħīj</i>	<i>ħoј</i>	бык
<i>xīx</i>	<i>xoх</i>	теща

Можно сказать, что почти всякое рушано-хуфское краткое *o* соответствует шугнанскому долгому *i*: случаи соответствия *o* другим шугнанским гласным (*u*, *ü*, *ɛ*) очень редки: ш. *dust* || р. *đost* 'рука', ш. *build* || х. *bold* 'бранит', ш. *quć* || р., х. *qoć* 'живот', ш. *bıq* || р., х. *boq* 'пригород' (в этих случаях расширение *u* в *o* легко объясняется фонетически); ш. *nūst* || р. *nost* 'сел'; ш. *nēx* || р., х. *poх* 'нары', ш. *pēxt* || р. х. *roxt* 'сварил'.

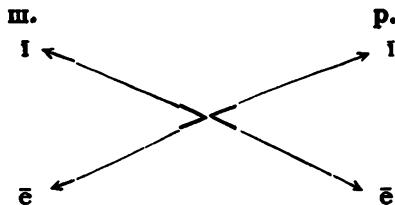
Дать фонетическое объяснение соответствию *i* || *o* без дополнительных фактов едва ли возможно: трудно найти фонетическую близость между долгим неогубленным узким передним гласным и кратким огубленным открытым задним гласным. Все же существенно отметить тот факт, что р., х. *o* может продвигаться вперед, хотя и не доходит до переднего ряда. Если к этому привлечь факт наличия *č* из старого *k* перед р., х. *o* (*čod* 'дом'), то можно заключить, что р., х. *o* когда-то имело и переднюю артикуляцию, хотя бы вариативно. Точно так же существенно отметить, что хуфское *o* не однородный гласный, а дифтонгоид или даже дифтонг «*о*» со слабым первым элементом; стяжение же дифтонга может дать гласный разной степени открытости и долготы. Важен также тот факт, что рушанское *o*, как показали кимографические данные, по своей длительности занимает промежуточное положение между долгими и краткими гласными, выделяясь из группы остальных кратких. Таким образом, различающиеся признаки длительности, ряда и подъема в корреспондирующей паре гласных ш. *i* || р., х. *o* оказываются не столь противоположными, и при дополнительных фактах, возможно, обе фонемы могут быть сведены к фонетически общему источнику.

Исторически ш. *i* || р., х. *o* соответствует краткому *a*, как можно судить по словам с ясной этимологией: *čīd* || *čod* 'дом', *xīr* || *xor* 'солнце', *pīð* || *rod* 'след', *zīd* || *zod* 'убил'.

3) Кроме указанных соответствий, шугнанское *i* в рушанском диалекте в ряде слов соответствует также фонеме *ē*. Примеры:

ш.	р.	
<i>pīc</i>	<i>pēc</i>	лицо
<i>žīr</i>	<i>žēr</i>	камень
<i>wīz</i>	<i>wēz</i>	груз, поклажа
<i>wiχīz</i>	<i>χēz</i>	ключ
<i>rizīn</i>	<i>rizēn</i>	дочь
<i>firípt</i>	<i>firépt</i>	достиг
<i>bīr</i>	<i>bēr</i>	низ

При наличии закономерного соответствия ш. *i* || р. *i* это обратное соответствие создает противоречивую и неясную на первый взгляд схему:

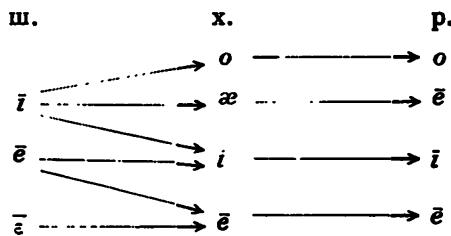
Разобраться в этой схеме помогает хуфский диалект, в котором шугнанское *i* в приведенных словах закономерно соответствует фонеме *æ*. Иначе говоря: шугнанское *i* закономерно соответствует тому рушанскому *ē*, которое соответствует хуфскому *æ*, по формуле: ш. *i* || х. *æ* || р. *ē*. Таким образом, имеем следующий ряд соответствий по трем диалектам:

ш.	х.	р.
<i>pīc</i>	<i>pæc</i>	<i>pēc</i>
<i>žīr</i>	<i>žær</i>	<i>žēr</i>
<i>wīz</i>	<i>wæz</i>	<i>wēz</i>
<i>wiχīz</i>	<i>wiχæz</i>	<i>χēz</i>
<i>rizīn</i>	<i>rizæn</i>	<i>rizēn</i>
<i>firípt</i>	<i>firæpt</i>	<i>firépt</i>
<i>bīr</i>	<i>abæ</i>	<i>bēr</i>

Поскольку хуфское *æ* представляет собой дифтонгоид или даже дифтонг '*æ*' со слабым первым элементом («*p'æc*, *ž'ær*, *w'æz*»), то шугнанское *i* и рушанское *ē* в приведенных словах могут быть без какой-либо натяжки объяснены позднейшим стяжением первоначально общего для этих диалектов дифтонгичного гласного.

Исторически ш. *i* || х. *æ* || р. *ē*, так же как и ш. *i* || х. *o*, соответствуют краткому *a*, насколько можно судить по приведенным словам.

Таким образом, для передних шугнанских долгих имеем следующую схему соответствий:

Шугнанскому *ō* в обоих диалектах соответствуют: 1) фонема *ō* и 2) фонема *ă*.

Примеры соответствия фонеме *ō*:

ш.	р., х.	
<i>virōd</i>	<i>virōd</i>	брат
<i>zōrōd</i>	<i>zōrōd</i>	сердце
<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	раз
<i>vōd</i>	<i>vōd</i>	опять
<i>xōx</i>	<i>xōx</i>	рог
<i>ħōj</i>	<i>ħōj</i>	страх
<i>žōw</i>	<i>žōw</i>	корова
<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	горло

Примеры соответствия фонеме *ă*:

ш.	р., х.	
<i>pōd</i>	<i>pūd</i>	нога
<i>pōð</i>	<i>pūð</i>	пуля
<i>vōrj</i>	<i>vūrj</i>	конь
<i>bōb</i>	<i>būb</i>	дед
<i>ðōrk</i>	<i>ðūrg</i>	палка
<i>čōr</i>	<i>čūr</i>	муж
<i>cavōr</i>	<i>cavūr</i>	четыре
<i>xadōrj</i>	<i>xadūrj</i>	мельница
<i>yōc</i>	<i>yūc</i>	огонь
<i>zōx̄t</i>	<i>zūx̄t</i>	взял
<i>yōd</i>	<i>yūd</i>	принес
<i>dōd</i>	<i>dūd</i>	дал

Таким образом, для рушанского и хуфского диалектов характерно сужение бывшего открытого гласного в закрытый также и в заднем ряду (*ō > ā*) аналогично переднему ряду (*i > ē*). Однако в какой-то части слов сужения *ō* в юшано-хуфском диалекте отражено в заднем ряду не одной, а двумя фонемами: *ō* и *ă*.

Шугнанскому $\ddot{\text{ö}}$ в обоих диалектах соответствуют: 1) фонема \bar{u}
2) фонема \bar{o} (перед носовыми), 3) сочетание $a\bar{w}$ или \bar{aw} .

1) Примеры соответствия фонеме \bar{u} :

ш.	р., х.	
<i>kür</i>	<i>kür</i>	слепой
<i>nül</i>	<i>nül</i>	клюв, вершина
<i>rüz</i>	<i>rüz</i>	окно в крыше
<i>rüpc</i>	<i>rüpc</i>	лиса
<i>püst</i>	<i>püst</i>	шкура
<i>γüz</i>	<i>γüz</i>	орех
<i>süg</i>	<i>süg</i>	сказка
<i>ðüz</i>	<i>ðüz</i>	настоящая основа глагола 'доить'
<i>rüb : rüvd</i>	<i>rüb : rüvd</i>	основы гл. 'мести', 'сгребать'
<i>γüy</i>	<i>γuw</i>	ухо
<i>küyž</i>	<i>küyž</i>	отверстие, дыра

Можно сказать, что всякое старое, т. е. не заново возникшее шугнанское $\ddot{\text{ö}}$, продолжающее обычно древний дифтонг $a\bar{w}$, закономерно соответствует рушано-хуфскому \bar{u} . Однако, как уже говорилось при описании шугнанского $\ddot{\text{ö}}$, в большинстве случаев шугнанское $\ddot{\text{ö}}$ представляет собой новообразование и дает остальные, указанные выше, соответствия. Именно: для шугнанского диалекта закономерен переход $\bar{o} > \ddot{\text{ö}}$ перед носовыми аналогично переходу $\varepsilon > \bar{e}$. А поскольку для рушанского и хуфского диалектов такого перехода не наблюдается, то всякое шугнанское $\ddot{\text{ö}}$ в положении перед носовым соответствует рушано-хуфскому \bar{o} , в том числе и во вновь заимствемых словах. Второй случай закономерного возникновения шугнанского $\ddot{\text{ö}}$ — стяжение сочетаний \bar{aw} и $a\bar{w}$, которые в рушанском и хуфском диалектах сохраняются.

2) Примеры соответствия фонеме \bar{o} :

ш.	р., х.	
<i>pünd</i>	<i>pönd</i>	дорога
<i>χütm</i>	<i>χötm</i>	вечер
<i>cünd</i>	<i>cönd</i>	сколько
<i>dünd</i>	<i>dönd</i>	столько
<i>ðün</i>	<i>ðöp</i>	поджаренные зерна
<i>bün</i>	<i>böp</i>	борода
<i>Riχüñp</i>	<i>Riχöñp</i>	Рушан
<i>Xuγünñp</i>	<i>Xuγöñp</i>	Шугнан
<i>nüm</i>	<i>nötm</i>	имя
<i>jün</i>	<i>jöp</i>	душа
<i>dëqüñp</i>	<i>diqöñp</i>	крестьянин

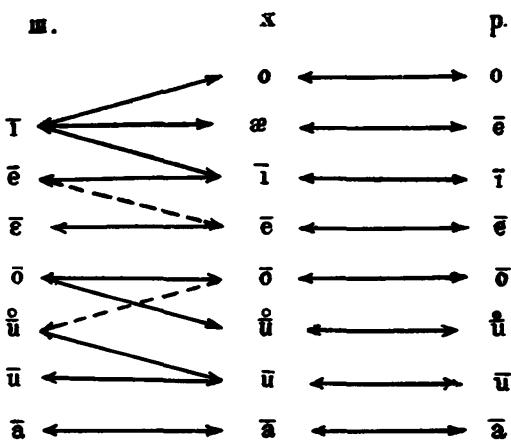
<i>ayyā̄t</i>	<i>ayyō̄t</i>	праздник
<i>dūnō̄</i>	<i>dōnō̄</i>	ученый, знающий
<i>rayā̄n</i>	<i>rayō̄n</i>	район

3) Примеры соответствия сочетанию *āw*, *aw*:

ш.	р., х.	
<i>süd</i>	<i>sawd</i> , <i>säwt</i>	идет
<i>nüd</i>	<i>nāwd</i>	плачет
<i>wā̄n</i>	<i>wā̄n</i>	шерсть
<i>nūbánd</i>	<i>pawbánd</i>	теленок
<i>nūbát</i>	<i>pawbát</i>	очередь

Шугнанское *ī* соответствует рушано-хуфскому *ī*. Употребление долгого *ā*, как уже говорилось, совпадает по всем диалектам, если не считать отдельных словарных расхождений.

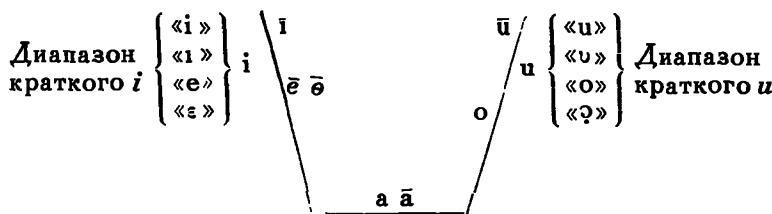
В результате, имеем следующую схему соответствий шугнанских долгих гласных по рассмотренным диалектам:

Примечание. Пунктирная линия показывает, что данное соответствие имеет место только в положении перед носовыми.

БАРТАНГСКИЙ ВОКАЛИЗМ

Бартангский вокализм существенно отличается как от шугнанского, так и от рушано-хуфского, не имея в своем составе долгих фонем *ē* и *ū*, но зато имея в переднем ряду долгий огубленный гласный *ō*. Система кратких гласных (*a*, *i*, *ē*) совпадает с шугнанским диалектом. Таким образом, бартангский вокализм насчитывает всего 9 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

Фонема *ə* — долгий гласный переднего ряда, огубленный. По признаку подъема имеет широкий диапазон от «*ʊ*» (на 5-й ступени подъема) до «*e*» (на 4-й ступени подъема). Основной тип звучания — это закрытый гласный между 5-й и 4-й ступенями подъема (вариант «*ə*» или «*ʊ*»): «*şəg*» 'тelenok', «*xəg*» 'солнце', *žyz* 'древа'. В произношении представителя кишлака Равмид, расположенного в нижнем течении Бартанга и территориально близкого к Рушану, отмечается слабость губной работы при артикуляции *ə*, особенно в начале его звучания, так что при более быстром произношении иногда на русский слух оно слышится как «*e*». В произношении представителей из кишлаков среднего течения Бартанга (Сипондж, Басид) какого-либо ослабления огубленности *ə* не наблюдается: губная работа при артикуляции *ə* здесь всегда энергична и устойчива.

В том же кишлаке Равмид отмечается отклонение в артикуляции *ə* по признаку подъема: основной тип звучания равмидского *ə* более открытый, нормально на 4-й ступени подъема (тип огубленного «*e*»). Впрочем, данные по Равмиду следует в дальнейшем проверить, поскольку они получены только от одного осведомителя.

Примеры употребления фонемы *ə*: *xət* 'солнце', *čəd* 'дом', *şəg* 'тelenok', *səx* 'горький', *xəy* 'сладкий', *tər* 'верх', *-dər* суффикс сравнительной степени, *χəj* 'бык', *zəd* 'убил', *pəx* 'нары', *xarpəj* 'лягушка', *žəwəj* 'полюбил', *vəsə* 'привязал'.

Остальные долгие гласные (*i*, *ɛ*, *ə*, *o*, *ʊ*) фонетически не отличаются сколько-нибудь заметно от соответствующих долгих гласных рассмотренных диалектов. Следует отметить только, что фонема *ə*, не имея противостоящей ей фонемы *ɨ*, может сужаться в благоприятных для этого фонетических условиях (главным образом в слогах, закрытых двумя согласными в соседстве со щелевыми, но также и в открытых слогах), имея, таким образом, диапазон по подъему от «*ə̥*» (основной вариант) до «*?*» и даже «*ō*», появляющегося в указанных условиях в быстрой речи: «*rəst*» 'прямой', «*žəst*» 'бежит', «*wəxt*» 'падает', «*vōgj*» 'конь', «*təza*» 'чистый'. Фонема *ə* вполне равна рушанскому *ə̥*, т. е. может быть несколько более открытой, чем шугнансское *ə̥*.

Особенностью бартангского диалекта является обычность употребления долгого *i* в исходе слова: *qatí* 'вместе', 'совместно', *wī*, *dī*, *mī* косв. падеж. указат. местоимений муж. рода, *čī* 'кто', *xōlī* 'пустой', *tūlī* 'попугай', *tōqī* 'тибетейка'; суффикс абстрактного имени: *qinī* 'трудность',

aωqōt̪wōrī ‘съестные припасы’, *sārī* ‘поутру’, *zindagōnī* ‘жизнь’, *xalōsī* ‘освобождение’, *kōrindigī* ‘поступок’, ‘поведение’, *xušī* ‘приятность’, ‘довольство’ и т. д.

Долгое *ī* тоже чаще, чем в других диалектах, встречается в исходе слова, иногда даже на месте краткого *u*: *tū* (ш., р., х. *tu*) ‘ты’, *γū* (р. *γūw*) ‘ухо’, *virū* ‘отмель’, *zū* (р. *zūw*) ‘рукав’, *tarū* (ш. *tarūd*) ‘здесь’, *kū* ‘гора’, *bōzī* ‘рука’ (предплечье), *jōdū* ‘колдовство’, *zōnī* ‘колени’.

В употреблении остальных долгих гласных отличий от других диалектов не наблюдается. Несмотря на обычность употребления долгих *ī* и *ē* в исходе, бартангский диалект сохранил все же общую для всех диалектов закономерность перехода долгого гласного в соответствующий краткий в сокращенной форме слова: *čūg* > *či* ‘сделал’, *xūg* > *xī* ‘съел’, *sāw* > *sa* ‘иди’.

Из кратких гласных фонема *a* не отличается от краткого *a* других диалектов. Для фонем же *i* и *u* характерен менее широкий диапазон по подъему: бартангские *i* и *u* редко расширяются до степени «е» и «э»; обычно наиболее открытыми вариантами их звучания (в исходе слова) являются вариант «е» для фонемы *i* и вариант «о» для фонемы *u*, — причем и эти варианты при более отчетливом произношении сужаются соответственно в «ё» и «ӯ» и даже в «і» и «Ӧ»: «de || dɔ || dɪ» союз подчинительный, «xo || xu || xʊ» союз соединительный. При этом ударное *i* менее способно к расширению, чем безударное: «m̄ge || m̄ḡe || m̄gi» ‘мне’, «k̄iné || k̄ini || k̄inī» ‘сделаешь’. В тех случаях, которые представляет последний пример, т. е. когда на глагольное окончание 2-го лица *-i* падает ударение, фонема *i* слабо противополагается долгому *ī*. Имея своим возможным вариантом *‘i’* и растягиваясь под ударением, она может смешиваться с фонемой *ī*, употребление которой в исходе слова нормально для бартангского диалекта, в результате чего возникает дублетное произношение: *k̄iní* || *k̄inī* ‘сделаешь’, *winí* || *winī* ‘увидишь’ и т. д. Таким образом, краткое *i* в исходе под ударением в бартангском диалекте стремится к *ī*.

Что касается исходного *u*, то оно еще реже, чем в других диалектах, встречается в исходе. В частности, общее для всех других диалектов *tu* ‘ты’, в бартангском диалекте имеет долгое *ū* (*tū*); сокращенные глагольные формы прошедшего времени 3-го лица типа *xu* < *xūg*, *či* < *čūg* встречаются реже, чем в других диалектах.

БАРТАНГО-ШУГНАНО-РУШАНО-ХУФСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Бартангские краткие гласные (*a*, *u*, *i*) в основной массе слов соответствуют кратким *a*, *u*, *i* остальных диалектов, за исключением одного случая, а именно: краткому шугнано-рушано-хуфскому *i*

в ударном исходе слова нормально соответствует в бартангском долгое *i*, о чем уже говорилось выше. В некоторых случаях в рушанском и хуфском диалектах на месте шугнанского исходного *i* находится сочетание *ay* (чаще для хуфского диалекта, где *-áy* более частая форма суффикса абстрактного имени, чем *-i*). Примеры:

ш.	р.	х.	б.	
<i>xušši</i>	<i>xušši</i>	<i>xušši</i>	<i>xuši</i>	приятность
<i>badi</i>	<i>badi</i>	<i>badi</i>	<i>badi</i>	зло
<i>qini</i>	<i>qini</i>	<i>qint</i>	<i>qiní</i>	трудность
<i>tüti</i>	<i>tüti</i>	<i>tüti</i>	<i>tüti</i>	попугай
<i>xöli</i>	<i>xöli</i>	<i>xoli</i>	<i>xañi</i>	пустой
<i>bözi</i>	<i>bözi</i>	<i>bazáy</i>	<i>bozí</i>	игра
<i>säri</i>	<i>säri</i> <i>säráy</i>	<i>säráy</i>	<i>säri</i>	поутру
<i>xušrüyi</i>	<i>xušrüyi</i>	<i>xušrügay</i>	<i>xušrüyí</i>	красота
<i>qatí</i>	<i>qatáy</i>	<i>qatáy</i>	<i>qatí</i>	вместе
<i>wi</i>	<i>way</i>	<i>way</i>	<i>wi</i>	того (далнего)
<i>di</i>	<i>day</i>	<i>day</i>	<i>dí</i>	этого (отдаленного)
<i>mi</i>	<i>may</i>	<i>may</i>	<i>mí</i>	этого (ближнего)

Из долгих гласных фонем *ä* не имеет особенностей в своем употреблении, соответствуя долгому *ä* других диалектов в основной массе слов. Что касается остальных долгих гласных, то частью они ближе по своему употреблению к рушанским гласным, частью — к шугнанским, имея наряду с этим и свою собственную специфику.

Бартангское *i* соответствует рушано-хуфскому *i*, следовательно, шугнанскому *ē* и части шугнанского *i*. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>teñ</i>	<i>teñ</i>	<i>teñ</i>	день
<i>yid</i>	<i>yid</i>	<i>yed</i>	мост
<i>sir</i>	<i>sir</i>	<i>sér</i>	сытый
<i>ÿiw</i>	<i>ÿiw</i>	<i>ÿew</i>	охота
<i>xiz</i>	<i>xiz</i>	<i>xëz</i>	прямо
<i>rid</i>	<i>rid</i>	<i>red</i>	остался
<i>indid</i>	<i>indid</i>	<i>dëd</i>	вошел
<i>yiw</i>	<i>yiw</i>	<i>yiw</i>	один
<i>indidd</i>	<i>indidd</i>	<i>indidd</i>	входит
<i>qiwddw</i>	<i>qiwddw</i>	<i>qiwddw</i>	звать
<i>nistów</i>	<i>nistów</i>	<i>nistów</i>	сидеть

Бартангское *ö* соответствует рушано-хуфскому *o*, следовательно, тому шугнанскому *i*, которое соответствует рушанскому *o*. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
čəd	čod	čid	дом
xər	xor	xir	солнце
šəg	šog	šig	тленок
tər	tor	tir	верх
žəz	žoz	žiz	древа
sifəd	sifod	sifid	поднялся
zəd	zod	zid	убил

Бартангское ē представляет собой то звено, которое связывает далеко отошедшие друг от друга шугнанское ī и рушано-хуфское o: фонетически оно близко к ним обоим. С шугнанским ī оно совпадает по признаку ряда образования, будучи передним гласным, и по признаку длительности, будучи долгим гласным. С рушанским же o оно совпадает по признаку огубленности. По признаку подъема оно занимает промежуточное положение, колеблясь от 5-й до 4-й ступени (от «ү» до «ө»). А поскольку рушанское o вариантически может сужаться до «о» и заметно продвигаться вперед при своей относительно большой длительности, то в таких словах, как žoz, šog, čod (б. žəz, šəg, čəd), где рушанское o под влиянием «š, ž, č и ġ» сильно продвигается вперед («žöz, šög, čöd»), фонетическая разница между гласными обоих диалектов очень незначительна.

Бартангское ē соответствует:

1) Тому рушанскому ē, которое соответствует хуфскому æ и шугнанскому ī. Примеры:

б.	р.	х.	ш.	
pēc	pēc	pæc	pīc	лицо
žēr	žēr	žær	žir	камень
razén	rizén	rizaén	rizín	дочь
firépt	firépt	firépt	firípt	достиг
wēz	wēz	waæz	wiz	груз
bēr	bēr	abæz	bir	низ

2) Шугнано-рушано-хуфскому ī. Примеры такого соответствия зафиксированы пока исключительно для глагольных форм 3-го лица настоящего времени и инфинитива ряда глаголов. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
xērd	x. xird ¹	xirt	ест
xēgōw	xigōw	xidōw	есть
čēgōw	čigōw	čidōw	делать

¹ В рушанском диалекте для форм 3-го лица настоящего времени характерно краткое i: xirt, virt, mirt.

<i>vēgōw</i>	<i>vīgōw</i>	<i>vidōw</i>	приносить
<i>vērd</i>	x. <i>vīrd</i>	<i>vīrt</i>	приносит
<i>mēgōw</i>	<i>mīgōw</i>	<i>mīdōw</i>	умирать
<i>mērd</i>	x. <i>mīrd</i>	<i>mīrt</i>	умирает
<i>zēdōw</i>	<i>zīdōw</i>	<i>zīdōw</i>	убивать
<i>zēnt</i>	<i>zīnt</i>	<i>zīnt</i>	убивает

3) В отдельных случаях бартангское ē соответствует р., х., ё || ш. є и ё (перед носовыми). Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>γēm</i>	<i>γēm</i>	<i>γēv</i>	рот
<i>vērz</i>	<i>vērz</i>	<i>vērž</i>	кобылица
<i>zēx̄tōw</i>	<i>zēx̄tōw</i>	<i>zēx̄.ōw</i>	брать
<i>ðēdōw</i>	<i>ðēdōw</i>	<i>ðēdōw</i>	бить
<i>ranēs</i>	<i>rinēs</i>	<i>rinēs</i>	наст. осн. глагола 'забывать'
<i>čēmb : čēmt</i>	<i>čēmb:čēmt</i>	<i>čēmb : čēmt</i>	основы глагола 'хотеть'
-ēn	-ēn	-ēn	суфф. мн. числа имен

Бартангское ō соответствует:

1) Всякому шугнанскому ō, следовательно рушано-хуфскому ō и ū.
Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>virōd</i>	<i>virōd</i>	<i>virōd</i>	брать
<i>zōrōd</i>	<i>zōrōd</i>	<i>zōrōd</i>	сердце
<i>xōx̄</i>	<i>xōx̄</i>	<i>xōx̄</i>	рог
<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	раз
<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	горло
<i>zōd</i>	<i>zōd</i>	<i>zōd</i>	родила
<i>sipōrd</i>	<i>sipōrd</i>	<i>sipōrd</i>	вручил
<i>pōd</i>	<i>pōd</i>	<i>pūd</i>	нога
<i>pōv̄</i>	<i>pōv̄</i>	<i>pūv̄</i>	пуля
<i>vōrž</i>	<i>vōrž</i>	<i>vūrž</i>	конь
<i>đōrg</i>	<i>đōrk</i>	<i>đūrg</i>	палка
<i>cavōr</i>	<i>cavōr</i>	<i>cavūr</i>	четыре
<i>yōc</i>	<i>yōc</i>	<i>yūc</i>	огонь
<i>zōx̄t</i>	<i>zōx̄t</i>	<i>zūx̄t</i>	взял
<i>yōd</i>	<i>yōd</i>	<i>yūd</i>	отнес
<i>đōd</i>	<i>đōd</i>	<i>đūd</i>	ударил

2) Шугнанскому ū перед носовыми, следовательно рушано-хуфскому ō.

Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>pōnd</i>	<i>pūnd</i>	<i>pōnd</i>	дорога
<i>ħōm</i>	<i>ħūm</i>	<i>ħōm</i>	вечер

<i>cōnd</i>	<i>cūnd</i>	<i>cōnd</i>	сколько
<i>dōnd</i>	<i>dūnd</i>	<i>dōnd</i>	столько
<i>bōn</i>	<i>bān</i>	<i>bōn</i>	борода
<i>nōm</i>	<i>nīt</i>	<i>nōt</i>	имя
<i>jōn</i>	<i>jān</i>	<i>jōn</i>	душа
<i>dōnō</i>	<i>dānō</i>	<i>dōno</i>	знающий
<i>rayōn</i>	<i>rayān</i>	<i>rayōn</i>	район

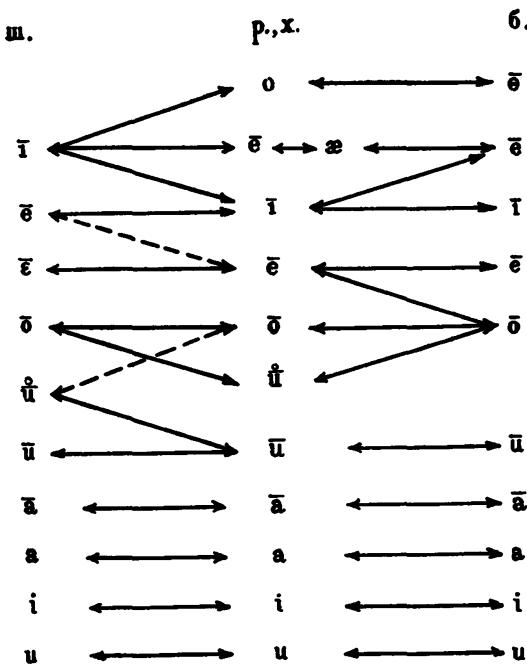
3) Шугнанскому ё, следовательно рушано-хуфскому ё. Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>tōr</i>	<i>tēr</i>	<i>tēr</i>	черный
<i>sōr</i>	<i>sēr</i>	<i>sēr</i>	умолот
<i>mōst</i>	<i>mēst</i>	<i>mēst</i>	луна
<i>nōd</i>	<i>nēd</i>	<i>nēd</i>	посадил
<i>χōyd</i>	<i>χēyt</i>	<i>χēy</i>	прочитал
<i>wōd</i>	<i>wēd</i>	<i>wēd</i>	канал
<i>čōg</i>	<i>čēd</i>	<i>čēg</i>	нож
<i>zōz</i>	<i>zēz</i>	<i>zēz</i>	возьми
<i>rōz</i>	<i>rēz</i>	<i>rēz</i>	нора
<i>nōz</i>	<i>nēz</i>	<i>nēz</i>	нос
<i>đōr</i>	<i>đēr</i>	<i>đēr</i>	настоящая основа глагола ‘иметь’

Бартангское ю соответствует рушанскому ю, следовательно, шугнанскому ю и ѹ (не перед носовыми). Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>χūz</i>	<i>χūz</i>	<i>χūz</i>	ветер
<i>sūr</i>	<i>sūr</i>	<i>sūr</i>	пир, празднество
<i>čūg</i>	<i>čūg</i>	<i>čūd</i>	сделал
<i>xūg</i>	<i>xūg</i>	<i>xūd</i>	съел
<i>mūg</i>	<i>mūg</i>	<i>mūd</i>	умер
<i>kūr</i>	<i>kūr</i>	<i>kūr</i>	слепой
<i>rūzm</i>	<i>rūz</i>	<i>rūz</i>	окно в крыше
<i>rūpc</i>	<i>rūpc</i>	<i>rūpc</i>	лиса
<i>pūst</i>	<i>pūst</i>	<i>pūst</i>	шкура
<i>γū</i>	<i>γāw</i>	<i>γūγ</i>	ухо
<i>sūg</i>	<i>sūg</i>	<i>sūg</i>	сказка

В результате, общие основные линии соответствий по всем диалектам могут быть представлены в следующей схеме:

П р и м е ч а н и е. Пунктирная линия означает, что данное соответствие наблюдается только перед носовыми.

КОНСОНАНТИЗМ

Состав согласных фонем для всех диалектов одинаков; наблюдаются лишь в некоторых случаях различия в фонетической характеристике отдельных фонем.

Характерными чертами консонантизма всей группы диалектов являются: а) наличие плоскощелевых ϑ и δ (английского типа) как самостоятельных фонем, противополагающихся круглощелевым s и z ; б) наличие заднеязычных щелевых \hat{x} и \hat{y} как самостоятельных фонем, противополагающихся увулярным x и y ; в) наличие однофокусных („свистящих“) аффрикат c и z как самостоятельных фонем, противополагающихся двухфокусным („шипящим“) аффрикатам \dot{c} и \dot{z} ; г) наличие губо-губного w как самостоятельной фонемы, противополагающейся губо-зубному v ; д) наличие как самостоятельной фонемы увулярного глухого смычного q ; е) отсутствие как самостоятельной фонемы нижне-фарингального щелевого h .

Всего консонантизм рассматриваемой группы диалектов насчитывает 29 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

				Губо-губ- ные	Губо-зуб- ные	Передне- язычные	Средне- язычные	Задне- язычные	Узуларные
Соноры	Шумные	простые		p b	t d	k g		q	
		смычные	однофокусные		c ڏ				
			двуфокусные		ڦ ڻ				
		щелевые	однофокус- ные	круглощелевые		s z		ڙ ڻ	
			плоскощелевые	f v	ڻ ڮ			x ڙ	
			двуфокусные			ڦ ڻ			
	Смычные		w			y			
		носовые		m	n				
		боковые			l				
		дрожащие			r				

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

В дополнительном описании нуждаются следующие согласные. Фонемы *k* и *g*. Шугнанские фонемы *k* и *g* являются заднеязычными во всех фонетических положениях и не имеют сколько-нибудь заметных вариантов. В остальных же диалектах фонемы *k* и *g* в соседстве с гласными переднего ряда, а в исходе слова после любого гласного являются сильно продвинутыми вперед, вплоть до среднеязычной артикуляции — р.: «cūg» 'сделал', «tāk» 'силок', «kīnūm» 'сделаю', но «dākum» 'дам' (при «dāk» 'дай'), «ikmānd» 'теперь', «kōr» 'дело'; б.: «cūg» 'сделал', «carañg» 'каким образом', «zulikēk» 'маленький', но «ki» 'гора', «ikday» 'этот самый', «sawdōgar» 'купец'.

Еще более характерна „мягкая“ артикуляция фонем *k* и *g* для хуфского диалекта и для шугнанского поддиалекта (или говора) баджу. Существенно, что говор баджу,¹ целиком совпадая с собственно шуг-

¹ Селение Баджу расположено на стыке шугнанского и рушанского диалектов, неподалеку от Хуфа.

нанским в вокализме, по трактовке фонем *k* и *g*, т. е. по единственному признаку, различающему диалекты в консонантизме, примыкает к рушанскому и бартангскому диалектам, противополагаясь собственно шугнанскому. При этом вместе с хуфским диалектом он представляет еще более ярко выраженный тип палатальных «*č*» и «*ǵ*» по сравнению с рушанскими и бартангскими «*k*» и «*g*». Во-первых, в обоих диалектах продвинутые вперед варианты фонем *k* и *g* распространяются на большее количество фонетических положений. Варианты «*č*» и «*ǵ*», помимо указанных выше фонетических положений, обычны здесь также в положении перед гласными *a* и *ā*, особенно в начале слова, а также перед *u*. Баджу: «*ǵäxt*» 'обратился', «*ǵaxt*» 'возвращение', *kā* 'та самая', «*kam*» 'этот самый', «*kand*» 'половина', «*ku*» 'тот самый'; баджу, *x*: «*kucht*» 'зарезал', *x*, «*kā*» 'где', 'куда', «*xišrūgāy*» 'красота', «*kapižäkēp*» 'служанки'. Иногда варианты «*k*» и «*g*», лишь с несколько меньшим продвижением вперед («*k-*», «*g-*»), наблюдаются даже и перед гласными «*ō*» и «*ū*»: *x*. «*k-ōg*» 'дело', «*g-ūx̥t*» 'мясо'. Во-вторых, в отличие от рушанских и бартангских *k* и *g*, хуфские и баджуйские *x* и *g* сильнее продвигаются вперед, и в более быстрой речи варианты «*č*» и «*ǵ*» имеют нормально среднеязычную артикуляцию. При этом они могут сильно аффрицироваться, давая среднеязычные «*č-*» и «*ǵ-*»-образные варианты, которые даже могут быть смешаны на русский слух с фонемами *č* и *ǵ*: баджу «*jaxt*» (*gaxt*) 'обратился', «*čam*» (*kat*) 'этот самый'; *x*: «*qustenjéráy*» (*qustingiray*) 'борьба', «*čæ*» (*ki*) 'сделай', «*čā-t rawōn?*» (*kā-t rawōn*) 'куда ты идешь?'. При более отчетливой речи аффрикация значительно ослабевает или вовсе устраняется, так что для полного стиля речи характерны чистые смычные или лишь с легкой аффрикацией среднеязычные варианты «*č*» и «*ǵ*». Заднеязычные, вовсе не продвинутые вперед варианты характерны главным образом для положения перед согласными: *x*. «*χugj*» 'съел', «*vugj*» 'принес', «*maktab*» 'школа'.

Заднеязычные щелевые *χ* и *ȝ*, одинаковые во всех диалектах, имеют особенность в своей артикуляции. Как отмечалось предшествовавшими исследователями, акустически фонемы *χ* и *ȝ* часто напоминают не только *x* и *ȝ* (русские заднеязычные щелевые), но также *š* и *ž*, имея некий «*š-*» или «*ž-*»-образный оттенок. Наблюдения показали, что артикуляция фонем *χ* и *ȝ* вполне совпадает с артикуляцией второго фокуса русских *sh* и *jh*. Если при артикуляции русских *sh* и *jh* убрать работу кончика языка, то получится типичное шугнанское *χ* или *ȝ*. От русских заднеязычных щелевых эта артикуляция отличается формой щели: русские *x* и *ȝ* — плоскощелевые, шугнанские *χ* и *ȝ* (а также и второй фокус русских *sh* и *jh*) следуют определить как круглощелевые, что и дает шипящий призвук. Примеры на употребление фонемы *χ* и *ȝ*: *χas* 'вода', *χāb* 'ночь', *χōt* 'вечер' (|| *sh*. *χāt*), *wōχ* 'трава', *χūz* 'ветер', *dāχt* 'равнина', *ȝiš* (|| *sh*. *ȝēw*) 'охота', *ȝin* (|| *sh*. *ȝan*) 'жена', *sh. ȝūχ* 'ухо', *sh. viruȝ* 'бровь', *sh. kūȝz* 'отверстие'.

Губо-губной щелевой *w* может быть и круглощелевым и плоскощелевым. Как круглощелевой *w* обычно артикулируется в соседстве с огубленными гласными, как плоскощелевой — в соседстве с неогубленными гласными переднего ряда (*ī*, *ē*, *i*, ш. *ē*, х. *æ*) и перед согласными: «wōx» 'трава', «wɔrj» 'волк', р. «yūw» 'ухо', р. «vīgūw» 'бровь', р.-х., ш. «žōw» 'корова', «wüvd» 'семь', «c̄erōw» 'светильник'; р.-х. «βēd || ш. βēd» 'канал', 'арык', ш. «βiz || р. б. βēz || х. βæz» 'груз', 'поклажа', ш. «βēv» 'их', ш. «βi || б. βi 'его', «βⁱzōp» || ш. βⁱzün» 'узнай', р. «sād» 'идет', и т. д. Фонетически оба варианта мало отличаются друг от друга, лишь большим или меньшим вытягиванием губ вперед, и при этом не обязательно: округление губ в 1-м положении может быть ослаблено и, напротив, может наблюдаться и во 2-м положении. При этом вариант «β» обычно артикулируется с некоторым вытягиванием губ вперед и с довольно широкой щелью, поэтому он не похож на так называемое щелевое *b* (слабый плоскощелевой губо-губной, произносимый без вытягивания губ вперед).

В положении перед гласными *a* и *ā* фонема *w* артикулируется с большим вытягиванием губ вперед, чем перед гласными переднего ряда, и с легким округлением губ. В общем перед *a* и *ā* одинаково часто могут употребляться оба отмеченных варианта «*w*» и «*β*» («wād || βād» 'они', «wazīr || βazīr» 'везир', «waxt || βaxt» 'восемь') со всеми промежуточными ступенями ослабления или усиления округления губ.

В большинстве случаев фонема *w* — сравнительно сильный и энергичный согласный, который может заметно ослабляться только в исходе слова. В начале слова он может быть довольно шумным и напоминает тогда на слух заднеязычное *ŷ* или увулярное *y* сонорного типа.

Остальные фонемы каких-либо существенных особенностей не представляют. Фонемы *ɸ* и *ð* являются плоскощелевыми переднеязычными и акустически близки английским. Фонема *p*, как и в других иранских языках перед заднеязычными согласными, имеет заднеязычный вариант «*r*»: ш. «ca rāŋg» 'каким образом'. В диалектах, где конечные *k* и *g* нормально среднеязычны, *p* в положении перед ними становится также среднеязычным: «ca rāŋg». Фонемы *š* и *ž* и двухфокусные аффрикаты *č* и *đ* артикулируются со вторым средним фокусом, несколько менее продвинутым назад, чем второй фокус таджикских *š* и *ž*, поэтому они несколько мягче на слух. Фонема *ž* имеет весьма широкое словарное употребление. Однофокусные аффрикаты *c* и *ȝ* имеют довольно сильную начальную смычку, но у фонемы *ȝ*, как и вообще у звонких согласных, смычка несколько слабее, и при более быстрой речи может ослабевать еще сильнее. В результате фонема *ȝ* склонна к спирантизации, и в отдельных словах наблюдается дублетное произношение *ȝ || z*: *zariz || zariz* 'куропатка'. Фонема *ȝ* вообще употребляется сравнительно редко. Увулярные согласные *q*, *x* и *y* артикуляторно и

акустически вполне совпадают с таджикскими. Сонанты *m*, *l*, *y*, *r* тоже никаких особенностей не представляют.

По характеристике отдельных групп согласных можно сказать следующее.

Щелевые шумные всегда энергичны не только глухие, но и звонкие. Звонкие обычно многошумны и не ослабевают слишком заметно даже в исходе слова: «*wāb*» 'они', «*rūz*» 'окно в крыше'. Большой слабостью, а вместе с тем и большей сонорностью в исходе слова отличается лишь фонема *ŷ*. В связи с этим существенно отметить, что в рушанском, хуфском и бартангском диалектах звонкого щелевого *ŷ* в исходе не встречается: шугнанскому исходному *ŷ* в этих диалектах соответствует *w* (в бартангском иногда полное отпадение), которое как раз и могло развиться из ослабленного и сонантизованного исходного *ŷ*: ш. *ŷâŷ* || р. х. *ŷâw* || б. *ŷâ* 'ухо', ш. *vîrŷ* || р. х. *vîrîw* 'бровь' и т. д.

С очень большой энергией и шумом может произноситься губо-зубное *v*, так что иногда оно напоминает звук «*b*». Оглушение для звонких щелевых в исходе не характерно, хотя в конечном отрезке своего звучания они все же могут оглушаться.

Смычные шумные. Глухие смычные всегда более сильны, чем звонкие. Они всегда энергичны, полносмычны и не ослабляются ни в каком фонетическом положении. Как правило, глухие смычные не придыхательны. Придыхательность может появляться факультативно и при этом в слабой степени. Звонкие смычные в исходе слова оглушаются или частично или полностью. Будучи вообще несколько слабее глухих смычных, в исходе слова они ослабляются еще больше и нормально являются в этом положении имплизивными, благодаря чему не смешиваются с соответствующими глухими, которые и в исходе слова остаются сильными взрывными. В общем выявление глухих и звонких вполне аналогично выявлению таковых в таджикском языке (но не в северо-западных говорах).

Основные междиалектные чередования согласных уже указаны в упомянутых работах И. И. Зарубица и потому здесь не приводятся.

ТЕКСТЫ

Ниже приводятся образцы фонологической записи текстов по всем четырем рассмотренным диалектам: шугнанскому (№№ 1—2), рушанскому (№№ 3—4), хуфскому (№ 5) и бартангскому (6). Последний текст (№ 7: Сказка о трех братьях) в целях сравнения дается на всех четырех диалектах и при этом в двух параллельных записях: помимо фонологической, отражающей фонемный состав слова, также и в записи, фонетически более детализированной, отражающей варианты (диапазон звучания) фонем.

Для удобства печатания долгота обозначается только над теми знаками, которые используются для обозначения как долгих, так и кратких гласных, а именно: для гласных шугнанского и бартангского диалектов долготы обозначаются только над *ā*, *ī* и *ū*, а шугнанские долгие *ē*, *ë*, *ō*, *ö* и бартангские *ē*, *ø*, *ō* печатаются без обозначения долгот; для рушанского и хуфского диалектов долготы обозначаются над *ā*, *ī*, *ū* и *ō*, поскольку в этих диалектах существует краткое *o*; остальные долгие обоих диалектов (*ē* и *ö*) также печатаются без обозначения долгот.

Варианты звучания фонем в фонологической записи не обозначаются. Поэтому при чтении текстов желательно помнить о широком диапазоне кратких гласных переднего и заднего ряда, знаки для которых (*i* и *u*) являются в значительной мере условными. Единственный случай обозначения нефонологического (вариантного) звучания касается звука «h», появляющегося в речи или как вставочный звук или как приступ гласного.

Объяснения к детализированной транскрипции текста № 7 даются непосредственно перед текстом. Приводимые тексты записаны от следующих лиц:

№ 1 от Айдаршоева, студента 1-го курса Университета, уроженца г. Хорога. Текст записан осенью 1948 г. в Сталинабаде.

№ 2 от Джавариева, студента 1-го курса Педагогического института, уроженца селения Поршнив. Текст записан в сентябре 1948 г. в Сталинабаде.

№ 3 от Базидова, студента 2-го курса Педагогического института, уроженца селения Дерзуд. Текст записан осенью 1949 г. в Сталинабаде.

№ 4 от Сайнакова, студента 1-го курса Педагогического института, уроженца селения Дерзуд. Текст записан осенью 1949 г. в Сталинабаде.

№ 5 от Кадамова, ученика 10-го класса, уроженца верхнего Хуфа. Текст записан осенью 1951 г. в г. Хороге.

№ 6 от Назариева, студента 2-го курса Университета, уроженца селения Басид. Текст записан осенью 1951 г. в Сталинабаде.

№ 7. Шугнанский вариант от Бакаева, студента 1-го курса Университета, из г. Хорога. Записан осенью 1948 г. в г. Сталинабаде. Рушанский вариант от Мергулова, студента 1-го курса Педагогического института из селения Барушан. Записан осенью 1948 г. в Сталинабаде. Хуфский вариант от Кадамова, ученика 10-го класса, из Верхнего Хуфа. Записан осенью 1951 г. в г. Хороге. Бартангский вариант от Карамхудоева, студента 2-го курса Педагогического училища из селения Равмид, записан осенью 1949 г.

ШУГНАНСКИЕ ТЕКСТЫ

1

1. Yûmj mardûm-and wev yel pi Buni-darâ. Buni-darâ as Yûmj lápað ðar. padám sišidów-ti ar Buni nûm qîslóq-að sen xu, tâm pi tîráj, pi kuta-lén-að sifánen. wâð katalén-en mis lap bilând. odám sârak-að ca siñt, maðór-ard padám firótd.

2. wi yel xéz-ard mardûm-and zamín vuðj. šic yu zamín kalkoz-ja. yid yelgá yi bazéb qîslóq dide, — mā pežc! fúka-jo wi-nd sâvz! wi mobén-va yi šarvidój tîzd. yelén kál-te-ð rûst sit wi-nd, yelén piro-ra yi saféd žác-ide, yul-yulák čažmá wam lúven. yá yik-dûnd šító yást-ide, ðindún viriyd.

3. as yelen taraf-ta wi zamín Cadakén lúven, as wi taráfi šarvidój-ta Xânarüyá lúven. as Xânarüyá taráf šic kalkoz-and yijidén-at wožjicén. zimistún yám-and fermá bar-jóy súd. padám kalkozchiyén mis kor kinén, žabajév-ta wâð tar yelčizánén-xez yáden, yelčizánén wév-ard marûb ven, pišt ven, bâd maská ven. yigûn now-ðis buná-nd mól-at sitûr padám yast. moldór pis nûbát-að poc poyd.

4. yi méð-atâ poc tar mu xolák yat. mu xolák bâd xu puc qati-yi (|| qatîr-i) mu rimód. wi piro méð-äm xu sandâlén žezd xu, xu xibðûn-äm ar xu kilwór ðod xu, yelčizánén-ard-äm túð-at mûn-at xarbûzâ zóxt xu, xu wiz-wilûm-äm vúst-xu, lâk-äm čud.

1

1. У жителей Йомджа — летовье на Буни-дара. Буни-дара от Йомджа очень далеко. Чтобы туда подняться, идут через кишлак под названием Буни, потом поднимаются вéрхом, перевалами. Эти перевалы очень высокие, — если человек отправится на рассвете, то доберется лишь после полудня.

2. При летовье у населения была земля. Сейчас эта земля колхозная. Это летовье такой красивый поселок, что и не спрашивай! — всюду зелено, а посредине течет горный ручей; над летовьем — красные породы, а перед летовьем — светлая вода, которую называют Журчаций ключ; и она такая холодная, что зубы ломит.

3. Сбоку от летовья — земля, которую называют Цадакен, а со стороны ручья — называют Ханаруя. Сбоку от Ханаруи — колхозные хлева и сараи. Зимой там будет ферма. Там тоже работают колхозники, вечером они приходят к летовщикам, и летовщицы выносят им сливки, толченый тут и масло. Там при девяти-десяти хозяйствах находится мелкий и крупный рогатый скот. Хозяева скота по очереди пасут скот.

4. Однажды очередь пришла моему дяде. Мой дядя со своим сыном послал меня. Мы накануне починили нашу обувь, сложили в кожаный мешок съестные припасы, взяли для женщин на летовье тутовых ягод, яблок и дынь, увязали свои пожитки и положили.

5. хinežákað-ām andóyd xu, pixt-at páy-ām ðikt xu, ar xu toqiyén-ām tūð čüd xu, bád-ām xu wíz-wilúm-ām kānd markáb-ti ðód-at, kánd-ām xu pi-dám čüd. as dargó-yām pi pünd sifád xu, wám čažmá-ti-yam žac biróxt xu, rawún-ām sat.

6. xír ciráx-ard-ām pi Täx-bunák firípt. yám-and-ām vo žac biróxt-at čilim-ām tižd xu, tóyd-ām. maðór-ard-ām pi yel firípt xu, dám-ām ðod. yelčizánén-en yi tóðci páy-at marúb qati (qatír) tar māš xez yat, māš-ām wev yodožtiyén wév-ard dák čüd.

7. vegá-rd-atā mół-en as puxtá vüd. yi beγ-o-beγ-at yi ūš-o-ūš! minéč-at viznéc yi jó-ra, sitúr yi jó-ra-t, gujwárg yi jó-ra-t, bačgalá-t γac bucén jeγ-jeγ, ar čay xu mol čost.

8. wev mół-en fúkað ar yi xéð weðd. kaxoyén-en xu γožcak xu mi-ðúst zoxt xu, as yúnd-að-en daraw ðiwd sat-at, γacén-en wév-ard šig anjúvd. žúm-atá daraw pixt júkt-en sat. pixt-en jukt xu, ar páy-en weðd xu, xúd-en. māš-ard-en tir as wi, maská-ga mis vüd.

9. sárák-að-at vo yi jeγ-jeγ sut. as xúðm-and-um andúyd-at xu pič-míc-um zinód xu, sárákað-ām nori čüd. māš nori kilečcák-at marúb vud. Bád-ām xu peχ-méχ pinúyd-at, xu xibðún-at xu móð-ām zoxt xu, móð-ām xu tar-piro weðd xu, pi puxtá-yām rawún čüd. xu ba-dilá-yām sifád,—wuz as piro-t, mu pitis as zibó-t, mol miðén-ard čaro kixt-at, xírt-at,—tóyd-ām.

10. maðór-ard-ām pi yi dáxti firípt. ám-ām māš mot sát-at, ám mol.

5. Рано утром мы встали, поели тутового толокна с кислым молоком, наложили тутовых ягод в свои тюбетейки, часть наших вещей погрузили на осла, а часть взяли себе на спину. Вышли со двора на дорогу, попили в ручье воды и отправились.

6. К восходу солнца добрались до Тах-Бунака. Там мы опять попили воды, покурили и отправились дальше. К полудню мы пришли к летовью и отдохнули. Женщины с летовья вышли к нам с мисками кислого молока и сливок, мы отдали им их посыпки.

7. А вечером со склонов пригнали скот, — (кругом) и блеяние и мычанье. Овцы и козы в одном месте, крупный скот — в одном, козлята и ягнята — в одном; ребятишки кричат и зовут — каждый свою скотину высматривает.

8. Весь скот загнали в загон. Женщины взяли в руки свои подойники и тотчас принялись доить, а девочки держали для них телят. Вечером принялись толочь тутовую муку; муки натолкли, положили в кислое молоко, поели. А для нас кроме того принесли и масла.

9. Утром снова поднялся шум и гам; я встал, умылся и на рассвете мы позавтракали. Нашим завтраком были просяные лепешки и сливки. Потом мы обулись, взяли свои припасы и свои палки, вперед пустили скот и двинулись на нагорье. Шли в свое удовольствие: я впереди, брат мой позади, посередине скот пасется, наедается, — так и шли.

10. К полудню вышли к одной поляне. И сами мы устали, и скот.

máš-ām yi tāx bunák-and nóst-at, mol mis aŷúyd xu, daraw niňxór sut. máš-ām mis xu ūibđún ziwóst. mu ūibđún yi nímnúná žindamín gárđá-yat saféd piňt vud. wi ūidá-nđ yi kilečák-at rüşt piňt vud.

11. dáđ-ām xu tuňá daraw xid sat. yi láv-ām xúd-at čúxt-ām-ide: māš kál-ard žarižén-and par-par sut. bád-ām as xu tuňá kál-ti andóyd xu, daraw číxt-ām sat. wúz-um sut tar yi cüđm bún-ide: yámand-en aráy tarmúrx vad. wāđ tarmurxén-en žariž-and vad. dáđ-um yat tar wi xu pitiš xez, wi-m čúxt-ide: yi žariž-i waxt anjúv. bád-ām yat tar xu tuňá xez.

12. xir mis peňín sút(t)-at, máš-ām mol qatí to xir ar žír-ard-ide ar dara yév-ām xávd. mol žáč-i biróňt-at, xir mis nüst. mól-ām dađ yikámard asob ču xu, xu tar piró-yám wi weđd, qaríbi yel-ām yát-at, baćgalá-at yácbucén-en máš-ard pirodi yat. mól-ām ar žed weđd-at vó-yám a-sarák-ađ asób čúd-ide: yi digvér mu xolák-and-at yi guj bob Andam-and nist.

13. bád-ām vo žúm-indé pi puňtá sifád. yi cüđmzór-and-ām yat-ide: yi pará-ti cüđm darún pirš-pirš sut. wúz-um bád sut pi wi cüđm xéz-ide: bob Andam guj yal ar wi cüđm darún. wi gúj-ām mis vúd-at yá digvér yal nist.

14. vó-yám sat pi tirdí. čúxt-ām-ide: pi yi nojóy piňünd žulikik pđ. dáđ-ām žáb-indé sifád. saxmóq-ām đod xu, cüđm-ām piđid-atā, zamúná riňnogí sut. bád-ām yi láv joy sát-ide: aćgá sifidów na boſt. bád-ām mođ

Мы сели у камня, скотина тоже улеглась и принялась за жвачку. Мы достали свои припасы. Мои припасы были — половина пшеничной лепешки и толокно из белого тута. У того мальчика была просянная лепешка и толокно из красного тута.

11. Мы начали есть свои припасы, немного поели, смотрим, — над нами вспорхнули куропатки, мы встали из-за еды и принялись смотреть. Я пошел к одному кусту, а там три яйца. Это были яйца куропатки.. Я вернулся к своему брату, посмотрел на него, а он уже давно поймал куропатку. Потом мы вернулись к своей еде.

12. Солнце пошло заполдень, и мы вместе со скотом к заходу солнца спустились к выходу из ущелья. Скот напился воды, и солнце село. Тогда мы пересчитали скот, пустили его вперед и подошли к летовью. Ребятишки выбежали к нам навстречу. Мы загнали скот в загон, опять заново пересчитали, — нет ягненка моего дяди и козленка дедушки Андама.

13. Тогда в сумерках мы снова поднялись на склон, подошли к кустарнику, а на одном холмике из куста послышался шорох. Я подошел к кусту, а в этом кусту — козленок дедушки Андама.. Мы отнесли козленка, а ягненка все еще нет.

14. Снова мы отправились вверх. Посмотрели: в одном глухом месте маленький след. Поднялись мы уже ночью. Я высек огонь, важег куст и кругом стало светло. Мы немного прошли, и дальше подниматься стало невозможно. Тогда мы своими палками нащупывали себе место и под-

qati xu-rd píðjóy ču xu, sifád-ām. dáð-ām wam digvér mis vūd xu, xambént-ām. dáð-ām ar yel firípt xu, dám-ām xu ðod.

15. wi ūáb-ām yél-ti ūóvd-at, tuňá-yen pext-at alyók-en māš-ard čüd xu, sárakad-ām ar xu čid toyd.

2

1. māš-ām asíd as Xaráy baróy samalót na vidów mošiná-tír-ām yat. as Xaráy-ām sawór sát-xu tóyd-ām. to Barxaráy-ec-ām yat, māš mošiná werún sat. bád-ām yakúmi sentábr-and digá mošiná-tír sawór sat xu tóyd-ām. pis púnd-að-ām soz lúd-at yát-ām. yik-wi méð-ām vegakí-rd to Jelündí-yec yat. vegakí-yām as Jelündí-ndi andóyd xu, tóyd-ām.

2. duyúm méð-ām ūáb-ard tar Marýov fir.pt. yámand ūáb yi-čáy-að na vúd. māš-ām tarám firípt xu, yámand-ām mošiná-tír-að ūovd. sáraki-yām andóyd idi: lápað šító yámand vuðj xu, māš-ām ūicóðj. bád-ām andóyd xu yámand yi yiðá as māš Xaráy vuðj, yu māš-i wint xu, tar xu číd-i yod. māš-ām fúkaki avdá nafar vad. yámand-ām čoy biróxt, bád-ām vo sawór sat mošiná-tír xu, tóyd-ām.

3. vegakí-rd-ām tar Gulša joy yat. yámand-ām awqóti vegakí čüd xu, yi-láv-ām nost xu, šofír ar mošiná-yi benzín čüd xu, azámand-ām toyd. púnd-ard-én tar māš yi qaryız-atā yiğá tatár čorik ^{“amró”} sat. qaríbi Üš-and-ām yi qisłóq-andír ūovd. as wi sárúnéð-i šofír xabár čüd māš xu,

нимались. Там мы нашли ягненка и спустились. Потом добрались до летовья и отдохнули.

15. На летовье мы переночевали, нам сварили еды, приготовили сыр, и утром мы отправились домой.

2

1. Мы в этом году ехали из Хорога машиной, так как не было самолета. Мы погрузились и выехали из Хорога. Только добрались до Верхнего Хорога, как наша машина сломалась. Тогда, первого сентября, мы сели на другую машину и поехали. По дороге мы пели песни и так ехали. В тот же день к вечеру добрались до Джелунди. Вечером выехали из Джелунди.

2. На второй день ночью добрались до Мургаба. Ночью там никого не было. Мы там остановились и спали на машине. Утром мы встали, а там было очень холодно, и мы замерзли. Когда мы встали, тут оказался один наш парень из Хорога, он нас увидел и отвел в свой дом. Всего нас было семнадцать человек. Там мы попили чаю. Потом мы снова сели на машину и поехали.

3. К вечеру добрались до Гульша. Там мы поужинали, немного посидели, шофер заправил машину бензином, и мы уехали оттуда. По дороге к нам присоединились один киргиз и один татарин. В одном кишлаке, неподалеку от Оша, мы переночевали. На рассвете шофер разбудил нас, мы оттуда выехали и к началу дня добрались до Оша.

azámand-ām toyd, widób-ard-ām tar Ūš firípt. Ūš-and as māš Xaráy yi čorík kor kišt, wi ḥóð-and-ām nost. čóy-en māš-ard čüd, čóy-ām biróxt xu, musla^hát-ām δod didi: samalót-tir, yo pójzd-tir sáwām?

4. māš-ām lúd-idi: ar-gó māš-ta pójiz-tir ca sáwām, ḥeydów-ta pirogúl kinám. bád-ām fúka^h lúd: nāy, samalót-tir sáwām. bád-ām mošinén kalún qatír musla^hát čüd-idi: māš as ḥár-and to tar ayrapórt mošiná-tir yósen, yik-dúnd-ját didi, as ḥár-and tar ayrapórt púnd lap ḫar vud. yu mošinayén katanák-i māš-ard mošiná dák čüd xu, māš-ām sawór sat xu tóyd-ām.

5. tar ayrapórt-ām firípt xu sardóri ayrapórt qatír-ām musla^hát čüd-idi: māš-ard avdá nafár-ard belát δid. sardóri ayrapórt lúd-i: „nāy, wuz vár-δim δis nafár-ard belát šíča^h tamá-rd dákum-atā, wūvd nafár-ard belát yo vegakí, yo. nay, ḥumné-ra tamá-rd dákum. māš-ām baróyi yik-di didi yakjóy-a^h sáwām, rozi-yām na sát δis belát zextów.

6. maðór-ard samalót yát-atā, yu lóčik-i lúd-idi: „dév-ard fúka^h-ard dā kin belát“. māš-ām fúka^h belát zoxt xu, maðór-ard-ām as Ūš-and sawór sat samalót-tir xu tóyd-ām. vegakí-rd-ām tar Toškánd firípt. samalót-tir-ām yi láv soz lúd, yi láv-en to yik-dúnd-ard vud-idi: raqosí-yen čüd.

7. Toškánd-andír-ām firípt, yu yi ḥári kaltá vuðj. yámand-ām wev awqotxoná-ndir awqót xud, yi láv-en māš wíz xéz-and nóst-atā, māš yi láv-ām tar ḥár tamošó sat.

8. vó-yām yat, awqót-ām xud xu, as sardóri ayrapórt-ām pešt:

Один человек из нашего Хорога работал в Оше, и мы остановились у него в доме. Он нам приготовил чай, мы попили чаю и стали советоваться: ехать ли нам самолетом или поездом?

4. Мы думали, что если поедем поездом, то пропустим занятия. Тогда все решили: „Нет, полетим самолетом“. Потом мы отправились к заведующему гаражом и попросили его отвезти нас на машине в аэропорт, потому что от города до аэропорта было очень далеко. Начальник дал нам машину, мы сели и поехали.

5. Добрались до аэропорта и сказали начальнику аэропорта, чтобы он дал нам на семнадцать человек билеты. Начальник аэропорта сказал: „Нет, я могу сейчас дать вам билеты только для десяти человек, а еще для семи человек я вам дам билеты или вечером или завтра“. Мы, — чтобы ехать вместе, — не согласились брать десять билетов.

6. В полдень прибыл самолет и летчик сказал: „Всем им выдайте билеты“. Все мы взяли билеты и после полудня сели на самолет и вылетели из Оша. На склоне дня прилетели в Ташкент. В самолете одни из нас пели, другие же так разошлись, что танцевали.

7. Так мы добрались до Ташкента, — это большой город. Там мы пообедали в столовой, и одни из нас остались возле вещей, а другие пошли осматривать город.

8. Мы вернулись, поели и спросили у начальника аэропорта, когда

ca wáxt-ta māš-ard bilát samalót-ard dā kixt. yā awalúnat qarór vad, ammó lúd-ām: māš-ām stūdént. yā fámt-idi dáð-en stūdént vic xu, lúdi: „vegárat tar mū xez yádet“. xóm-atā wúz-um tar wám xez sut. yá-yi kassír-ard lúd-idi: „yik-mev avdá nafár stūdentén-ard belát šícað dák“. yík-wi šáb-að-ām belát zoxt.

9. čorúmi sentábir-and-ām sārakí sawór sat samalót-tír xu, tóyd-ām. yík-dúnd-ard miloyím joyén tír-ām niscín vág-idi, xüðm-i mās yodj-atā, yak bórað-ām xabár sat didi: Stalinobód ayrapórt-and-ām. azámand-ām mošiná-tír sawór sát xu, pi institút-ām yat. yík-wi með ódix vud. as panjúm sentábir-and-ām tar dars ded.

РУШАНСКИЕ ТЕКСТЫ

3

1. vij na vij yi nānák-atā yi nabúsák-an vij. wúfá yi-člžgí na vij-atā, way nabúsák ták núšč-at, wiðið-i injúvј-at xúj-an. ik-dáy-ti-an xu zindagi nawzímč.

2. yi mið nabúsák suj tar xu ták-idi: ar way ták ſáž ingíxč. yā um γáž injúvd. ſáž az way lúvd-idi: „tu mu lák, az tá-atā tā nān sır na-kinúm. tu ik-mánd mu lák-atā, pa mu čod ya, az tá-ri awqót dákum“. yā nabúsák um ſáž át kixt xu, ſáž sáwt pa xu čod.

3. yā nabúsák yið tar xu nān xíz xu ik-dúf gápén úm-ri luvd. way nān

она даст нам билеты на самолет. Она сначала промолчала, но мы сказали: „Мы студенты“. И когда она узнала, что это студенты, то сказала: „Придите ко мне попозже“. Вечером я пошел к ней, и она сказала кассиру: „Этим семнадцати студентам выдай сейчас билеты“. Так в эту же ночь мы получили билеты.

9. Четвертого сентября утром мы сели на самолет и отправились. Мы сидели на таких мягких местах, что нас разобрал сон,— и вдруг мы узнаем, что мы уже в сталинабадском аэропорту. Там мы сели на машину и приехали в институт. Как раз в этот день был день отдыха. С пятого сентября мы приступили к занятиям.

3

1. Было ли не было, были одна бабушка и внучек. У них ничего не было, внучекставил силки, ловил мелких птиц,— и они ели. Так они и вели свою жизнь.

2. Однажды внучек пошел к своему силку, а в силок попалась ворона. Он взял ворону, а ворона ему сказала: „Ты меня отпусти, я тебя с твоей бабушкой сытыми не сделаю. Ты теперь отпусти меня и приходи ко мне домой, я тебе дам еды“. Внучек отпускает ворону, и ворона отправляется к себе домой.

3. Внучек возвращается к бабушке и передает ей эти слова.

lúvd-idi: „um ̄yāž tā pas fānd ̄dūd“. yā um nabūs lúvd-idi: „az ik-mánd sām pa um ̄yāž čod: um xu čod mú-ri divižt“. vay nān luvd: „xāy, sa pas“.

4. yā ̄yadá sāwt pa ̄yāž čod. ̄yāž wáy-ri yi dīg dākt xu lúvd-idi: „tu sa, pa mum dīg yūc kí-atā luv: «dīg-dīgák, bāt mu-r dāk»“. yā ̄yadá um dīg zezd xu tizd.

5. yi lāv jōy sāwt-atā, ̄xāb sāwt. yi čurúk az way lúvd-idi: „tu nur ̄xāb ar mu čod nið-atā, sāráy wal sa ar xu čod“. yā ̄yadá ̄xāb ar way čod niðt. ̄xāb yā ̄yadá ̄xófct-atā, yā čurúk way dīg zézd-atā xu dīg ribíz d wáyā ̄jóy-ti.

6. sāráy yā ̄yadá tizd ar xu čod xu, pa um dīg daráw yūc čīg kižt. ar cōnd yūc pa um dīg kížt-atā luvd: „dīg-dīgák, bāt mu-r dāk“-idi: bāt piðó nist. ik-á čurúk-idi way dīg-i ca zúxt, pa um yūc kížt-atā luvd: „dīg-dīgák, bāt mu-r dāk“, yā dīg ̄yak bāt sāwt-atā, yā čurúk xu ziryötén qatáy xirt.

7. yā nānák xu nabūs-ri lúvd-i-idi: „um ̄yāž tā fānd ̄dūd.“ yā um nabūs vō sāwt pa ̄yāž čod-atā, az (w)um ̄yāž lúvd-idi: „tā mu fānd ̄dūd“. yā ̄yāž luvd: „číz fānd-um tā ̄dūd?“. yā nabūsák lúvd-idi: „yā tā dīg bāt mú-ri na dākt“. ̄yāž wáy-ri yi čaž dākt-atā lúvd-idi: „̄xāb mum čaž ar wažjéc wūd, sāráy-ri yim way wažjéc ̄yak taxmúry kižt“.

8. yā ̄yadá vō tizd, ik-ar-way čurúk čod xíz sāwt-atā, vō ̄xāb sāwt.

Бабушка сказала: „Ворона тебя обманула“. Внучек сказал: „Я сейчас пойду к ней домой, она мне свой дом показала“. Бабушка сказала: „Ладно, иди“.

4. Парень отправляется к вороне домой. Ворона дает ему котел и говорит: „Ты иди, разведи под этим котлом огонь и скажи: «Котел-котелок, дай мне киселя»“. Парень берет котел и уходит.

5. Проходит немного пути, наступает ночь. Один мужик говорит ему: „Ты сегодня на ночь остановись в моем доме, а утром пойдешь к себе домой“. Парень останавливается на ночь в его доме. Ночью парень засыпает, а тот мужик берет его котел и на его место кладет свой котел.

6. Утром парень отправляется к себе домой и тотчас начинает разводить под котлом огонь, но сколько он ни разводит огонь и сколько ни говорит: „Котел-котелок, дай мне киселя“, — кисель не появляется. А тот мужик, который взял котел, разводит под ним огонь и говорит: „Котел-котелок, дай мне киселя“, и котел сразу наполняется киселем, и мужик вместе со своими детьми ест.

7. Бабушка сказала внучку: „Ворона тебя обманула“. Внучек снова идет к вороне в дом и говорит: „Ты меня обманула“. Ворона сказала: „Как я тебя обманула?“. Внучек сказал: „Твой котел не дает мне киселя“. Ворона дает ему курицу и говорит: „Помести эту курицу на ночь в сарай, наутро она принесет много яиц“.

8. Снова парень идет, доходит до дома того мужика, и снова

yā čurúk vō az way γadá luvd-idi: „ik-mánd ar xu čod mā sa, wurjén tā may xāb-andi xáran“. yā γadá vō xāb ar way čurúk čod ništ. x̄ib vō yā γadá x̄ofct-atā, yā čurúk xu čaž ribízد wáyā jöy-ti, at wáyā way čaž xú-ri zezd.

9. yā γadá vō sáráy indizd xu um čaž zezd xu tizd. sáwt ar xu čód-atā, xāb um čaž ar wažjéc wuđđ. sáráy sáwt ar wažjéc-idi: arám yi taxmúry mis nist. ik-á čurúk-idi way γadá čáž-i ca zúňt, wuđđ-i um xāb ar xu wažjéc-atā, sáráy čast-idi: yā wažjec žak taxmúry.

10. nánák vō az xu nabúsák lúvd-idi: „yāž idá az tā fānd đūd“. yā nabúsák vō sut pa žāž čod. az um γāž-i lúvd-idi: „tā mu fānd đūd: yā tā čaž na zayt“. žāž way γadá-ri-yi dā čúg yi xadürjžér xu lúvd-i wáy-ri-idi: „sa ar xu čod xu, mum xadürjžér ribí ar xu werđ x̄idombéđ-ti xu lāk, sáráy-ri tā werđ žak yāw̄j sáwt“.

11. yā γadá vō yidđ ik-way čurúk čod xíz-atā, vo xāb sáwt. ik-á čurúk vō lúvd-idi: „tu nur xāb ar mu čod ništ, im xāb sut, sáráy wal tey“. yā γadá vō xāb ar way čurúk čod ništ, yā čurúk vō way γadá xadürjžér zézd-atā, xúyā bīzib xadürjžér ribízد wáyā jöy-ti.

12. sáráy yā γadá um xadürjžér zézd xu tizd. sáwt ar xu čod, ribízد um ar xu werđ x̄idombéđ-ti, sáráy část-idi: i-číz-až nist. yā čurúk um xadürjžér ribízد xu werđ x̄idombéđ-ti, sáráy část-idi: way werđ žak yāw̄j.

наступает ночь. Тот мужик снова говорит парню: „Ты теперь домой не ходи, тебя в такую ночь волки съедят“. Парень снова останавливается на ночь в доме у того мужика. Ночью парень опять засыпает, и мужик кладет свою курицу вместо его (курицы), а его курицу берет себе.

9. Утром парень встает, берет курицу и уходит. Приходит домой и ночью помещает курицу в сарай. Утром идет в сарай, а там ни одного яйца нет. А тот мужик, который взял у парня курицу, поместил ее ночью в сарай, утром смотрит: в сарае полно яиц.

10. Бабушка опять сказала внучку: „Ворона тебя обманула“. Внучек снова пошел к вороне в дом, сказал вороне: „Ты меня обманула, та курица не несется“. Ворона дала парню жернов и сказала ему: „Иди к себе домой, положи этот жернов на полку в своем амбаре и оставь. Наутро твой амбар будет полон муки“.

11. Парень опять добирается до дома того мужика, и опять наступает ночь. Мужик опять говорит: „Ты сегодня на ночь остановись у меня в доме, — сейчас уже ночь наступила, а утром иди“. Парень опять останавливается на ночь в доме того мужика. Мужик опять берет жернов парня и на его место кладет свой простой жернов.

12. Утром парень берет этот жернов и уходит. Приходит домой, кладет его на полку в амбаре, утром смотрит — ничего нет. А тот мужик кладет жернов на полку своего амбара, утром смотрит — амбар полон муки.

13. im nānák nabús ik-dáy na wzónt-idi: ik-duf díg-at, čáx-at, xadúrž-
žer ýáž mú-ri ca dā čúg, ik-way čurúk, čód-andi-yum žáb ca nost, way
uf az mu cuf-tatā, luvd-idi: ýážák mu fand ðud.

14. yā nānák nabús vō sut pa ýáž xiz xu, az wum ýáž-i luvd: „tā lap
fand mu ðud. áz-ta mānd yōsum tā xu, áz-at mu nān tā káwam xu xáram“.

15. ýážák az way páwst-idi: „tú-ta azúd ca sáwi, žáb yi čód-andi niði
yō nā?“. yā ýadá luvd: „ûw, ar i čód-ta niðum: mú-ri ik-way čód xiz žáb
sawt xu, bād yā čurúk mu ar xu čod neðd“. yā ýáž bād luvd-idi: „ik-dúf
čizén pas mu tā-ri ca dā čúg, ik-wáy čurúk duf pas az tā fúkað cufc“.
ýáž bād wáy-ri ðaw kundá dākt xu luvd-idi: „tu mānd sa xu, az way
čurúk luv: «va mu díg-at, čáx-at, xadúržér!». tám-i tā-ri na dā čúg,
tu az muf kundayén luvd-idi: «tagóv kundá-at, tor kundá»“.

16. yā ýadá sawt, az way čurúk luvd-idi: „va mu mólén“. yā čurúk
wáy-ri na dākt, yā ýadá bād az uf kundayén luvd-idi: „tor kundá-at,
tagóv kunda“-atā, wað kundayén az zimāð-ti dar awó sáwan xu, ðáyan way
čurúk kól-ari, yā čurúk mírt-at, yā ýadá xu díg-at, čáx-at, xadúržér az way
čód-andi zezd xu, yōst ar xu čod.

17. um díg ribízد ardón-ti-atā luvd: „dig-dígák, bāt mu-r dāk“-atā,
yā díg žap-žap ýak bāt sawt-at, yā ýadá-at way nān xáran. um čáx wudd
ar wažjéč, sáráy sawt-idi: ýak taxmúry. um xadúržér ribízد ar werð,

13. А бабушкин внучек не знает, что те, мол, и котел и курица
и жернов, которые дала мне ворона, тот самый мужик, в чьем доме
я ночевал, он-то их у меня и украл, — и думает: ворона меня обманула.

14. Бабушкин внучек снова пошел к вороне и вороне сказал:
„Эздоро́во ты меня обманула, теперь я тебя унесу, и мы с бабушкой
тебя зарежем и съедим“.

15. Ворона спросила у него: „Когда ты отсюда уходишь, то оста-
навливаешься в каком-нибудь доме или нет?“. Парень сказал: „Да,
останавливаюсь в одном доме. Меня возле этого дома застает ночь,
и тогда тот мужик оставляет меня у себя в доме“. Тогда ворона
сказала: „Те вещи, которые я тебе дала, этот самый мужик все их
у тебя украл“. Потом ворона дает ему две дубинки и говорит:
„Ты теперь иди и тому мужику, скажи: «Верни мои котел, курицу и
жернов!». Если он тебе не даст, ты этим дубинкам скажи: «Вниз,
дубинка, вверх, дубинка!»“.

16. Парень идет, говорит тому мужику: „Верни мое добро“. Мужик
ему не отдает. Тогда парень говорит дубинкам: „Вверх, дубинка,
вниз, дубинка!“. Тогда дубинки поднимаются с земли в воздух и бьют
мужика по голове, и мужик умирает, а парень берет из его дома свой
котел, курицу и жернов и приносит к себе домой.

17. Ставит котел на очаг и говорит: „Котел-котелок, дай мне
киселя“, и тотчас котел быстро наполняется киселем, и бабушка
с внучком едят. Пускает курицу в сарай, утром идет — полно яиц.

sārāy sāwt-idi: way werð γak yāwj. ik-dáy-ti, mið tar mið bōy sāwt way nānāk-at nabūsákā uf bōyáy.

18. ik-way ḥār pōtšō-ri qār yiðd xu, bād xalq jām kixt xu, pa (w)uf ðed yiðd. ik-way wáxt-idi pōtšō xu lijkár qatáy yiðd way γadá qatáy ðed, yā γadá uf xu kundayén-ri lúvd-idi: „tor kundá-at, tagóv kundá“. wād kundayén ik-way-dón lijkár fúkað zánan-at pōtšō-gi mis zánan. mardúm bād ik-way γadá xú-ti pōtšō kinán.

4

1. vij na vij yi newák vij. úmā vij i puc. miðogí yā γulá súj-at, way mōd way yūj tar azrát Dōwút, tarám-i wáy-ri wiroxč šamšér. azandi ar miðað qad kixt. miðo vij, indawj xu, rū ba rā, rā ba biyabón.

2. dāxti maryelón činörbardór wáy-ri dučór ðūj. Mewakpúc way pawst: „tū-t kā-ji rawón?“, way luvd: „ka mu páwsi?“. Mewakpúc luvd: „az pawstów i-číz ayb nist“. way luvj: „áz-um ba dówi pálawón Mewakpúc rawón“. way lúvd idi: „agár pa mu barobár yádi, yá-ta tā ðiðd“.

3. bād Činörbardór xu činör wáy-ri dā čüg, way wum zúxt xu, ðúd-i bar-ōsmón áw. yā azám yat xoč-xapóč. ázandi Činörbardór qár-i čüg xu (|| xo) niðávdan. Mewakpúc luvd: „zür ki!“. az züráxi way way dostén-an xün xičést. karyöi Mewakpúc zür čig yat. i tóv zür-i čüg, ðúd-i tar zimáð way.

Кладет жернов в амбар, утром идет — амбар полон муки. И таким образом день за днем увеличивается богатство бабушки и孙 (внучка).

18. Царь этой страны рассердился, собрал народ и отправился на них войной. И вот, когда царь подходит со своим войском сражаться с тем парнем, парень говорит своим дубинкам: „Вверх, дубинка, вниз, дубинка!“. И дубинки тотчас разбивают все войско и убивают царя. И тогда народ делает того парня своим царем.

4

1. Было ли не было, была одна овца. У нее был сын. Однажды, когда он подрос, мать отвела его к святому Давиду (покровителю кузнецов). Там он ему выковал меч. С этих пор каждый день он рос. Наступил день, и он отправился: глаза на дорогу, дорога — куда приведет.

2. В маргеланской степи повстречался ему Корчеватель чинаров. Овцович спросил его: „Ты куда идешь?“. Тот сказал: „Зачем ты меня спрашиваешь?“. Овцович сказал: „В спросе греха нету“. Тот сказал: „Я иду на богатыря Овцовича“. Он сказал: „Если ты со мной вровень выйдешь, так он тебя победит“.

3. Тогда Корчеватель чинаров подал ему свой чинар. Тот взял его и подбросил к небу. Чинар упал оттуда, в щепки (разлетелся). Тогда Корчеватель чинаров рассердился, и они схватились. Овцович сказал: „Нападай“. У того от натуги руки в кровь растрескались.

4. way luvd: „mu ѡón mu-r bāxič kil“, azandí-yi way lā čüg. čó-yi warvént, birúxt-an xu lúvd-i: „áz-um mānd am tā-ri viród, am tā-ri nawkár“. azand-en vō indáwd: rū ba rā, rā ba biyobón.

5. yi čurúk xadúrjā way žer ar way ingášt nažént-i wáy-at yat. págst-an way: „ká-je-t rawón?“. way luvd: „áz-um Xadúrjsenúj, ba dówi pálawón Mewakpúc rawón“. way luvd: „áz-um way xögírd, agár mú az tā šart yúd, yá-ta mis yost“. azandí-atā um zúxt, dúd-i um bar-ōsmón áw. azám yá wext, sut tit-titák.

6. bád-an niðávd wād xu, Xadúrjsenúj luvd: „zür ki!“. Mewakpúc luvd: „tu zür ki!“. bád Xadúrjsenúj zür čüg. way dostén-an mis xún-andi sat. way lúvd-idi: „Mewakpúc, tu mānd zür ki!“. Mewakpúc yi zúrtéð dúd-i way tar zimáð. azandí way luvd: „mu ѡón mu-ri bāxič ki“.

7. bád wáy-i lā čüg xu awq:t-an poxt, xúg-an xu, vō indáwd rū ba rā, rā ba biyabón. yíwað užrá az piró yač. uf luvd: „máš-am lap māwž, yik-ar-dáy užrá indíðam, — xoy žindíry máš xírt-at xoy na“. bád-an wiðd xu kol xu tar-piró xu (|| xo), indáyd-an. čóxt-an: arám yi kampír. páwst-an az um: „awqót yast? máš-am lap māwž, máš qoč sır ki xo, tám paws“.

8. lúvd-i: „múnā i-číz-gi nist-atā, yíwák-að guják, váraf xu (|| xo) káwat“.

4. Пришла очередь Овцовичу нападать. С одного захвата он бросил того на землю. Тот сказал: „Пощади мою душу!“. Тогда он отпустил его. Он сварил чаю, они попили, и он сказал: „Я буду тебе теперь и братом и слугой“. Потом они отправились: глаза на дорогу, дорога — куда приведет.

5. Идет навстречу мужик, и на пальце мельничный жернов вертит. Они спросили его: „Куда ты идешь?“. Он сказал: „Я Подниматель жерновов, иду на битву с богатырем Овцовичем“. Тот сказал: „Я его ученик, если я спор с тобой выиграю, значит и он выиграет“. Тут он взял его (жернов), бросил вверх до самого неба. Он оттуда упал — вдребезги разлетелся.

6. Тогда они схватились, и Подниматель жерновов сказал: „Нападай“. Овцович сказал: „Нападай ты“. Подниматель жерновов натужился, но и у него только руки окровавились. Он сказал: „Овцович, теперь ты нападай“. Овцович одним захватом бросил его наземь. Тогда тот сказал: „Пощади мою душу“.

7. Тогда он его отпустил, они сварили еды, поели и отправились: глаза на дорогу, дорога — куда приведет. Впереди показалась какая-то лачуга. Они сказали: мы очень голодны, войдем в эту лачугу, — съест ли нас дракон, не съест ли. Потом они просунули вперед свои головы и вошли. Посмотрели, а там старуха. Спросили у нее: „Есть еда? Мы очень голодны, сначала накорми нас, а потом спрашивай“.

8. Она сказала: „У меня ничего нет, один козленок, приведите его и зарежьте“. Они пошли, а он такой громадный, что из хлева вылезти

wād-an saj: yā yi kaltá-yidi, az yūst nixtaydōw na vār-ðāyt: way ḥawéñ-an lap yulá saj. bād-an way ḥawéñ arrá ðūd xu, ziwúst-an xu kúxt-an.

9. bād um kampír wuf pawst: „tamá-f az ká-ji?“. uf luvd: „tā az xudóy nabúsák xú-ri talépt, māš-am tā-ri nabús-at puc“. um kampír lúvd-idi „tamá mū-ri nabús-döráy-at puc-döráy na vār-ðayát“. lúvj-an: „čiz šart tāyā vawt, na vār-ðayám?“.

10. lúvd-i: „mu šart yik-id-idi: ḥōm di sut, tar vař mā nixtéyat“. uf luvd: „māš ká-ndi mízam ar gōxóná-atā, tar vař ka na nixtéyam?“. lúvd-i: „tar vař ar mīš yi žindíry nixtízd, yā ȏdám xirt. nur ḥāb mānd žindíry karyō tar pōdžō. wáyā, yi xušrúy rizén, wūvd camíg gardá-yat yi ḥoj nūščín žindíry karyō“.

11. bād ḥábař Mewákpuc nuxtúyj tar vař: tar yi pec — ḥábáy, tar yi pec — nīwdōw, tar yi pec — dāfōéd. čoxt-i-yidi: zimād rawzá kixt. bād sut ba dōwi pōdžō rizén: úm-an wūvd camíg gardá, yi ḥoj qatáy vošč.

12. lúvd-i: „ey juwón, tu taráw mā ya, žindíry tā xirt“. way lúvd-i: „tā rang xušrúy xirt-atā, lāk mu mis xirt“. bād sifód pa um xiz xu dáð-an náqli ču. bād-i luvd: „tu čás-atā, žindíry ca yiðd, mu xabár ki“.

13. bād-i žindíry nixtáyd xu yat ba dōwi um yāc xo, cōxt-i: ȏdám-at, wūvd camíg gardá-at, yi ḥoj tayōrá čüj: pōdžō idá bōy ca, day dōnd

не может, — такие большие рога у него отросли. Тогда они отпилили у него рога, выволокли и зарезали.

9. Потом старуха спросила у них: „Вы откуда?“. Они сказали: „Ты у бога внука себе просила, так вот мы тебе и внуки и сыновья“. Старуха сказала: „Вы мне ни внучествовать, ни сыновничать не сумеете“. Они сказали: „Что у тебя за условие, что мы не сумеем?“.

10. Она сказала: „Мое условие такое: как наступит ночь, — чтобы вы наружу не выходили“. — „А где же мы будем мочиться, если нам не выходить наружу?“. Она сказала: „На улицу каждый день выходит дракон и поедает людей. Сегодня ночью очередь дракона у царя. На очередь дракону у него приготовлены красавица дочь, семь корзин хлеба и один бык“.

11. Ночью Овцович вышел на улицу: в одной стороне — тьма, в другой стороне — плач, в третьей стороне — барабанный бой. Смотрит: земля задрожала. Тогда он отправился за царской дочерью; а ее привязали вместе с семью корзинами хлеба и быком.

12. Она сказала: „Эй, юноша, ты не подходи сюда, тебя дракон съест“. Он сказал: „Если он такую красавицу, как ты, съест, так и меня пускай ест“. Потом он поднялся к ней, и они начали разговаривать. Потом он сказал: „Ты смотри, и когда появится дракон, дай мне знать“. Он заснул.

13. Тогда вышел дракон, пошел за девушкой и увидел: приготовлены два человека, семь корзин хлеба и один бык, — царь, ведь, богатый, — столько приготовил! А девушка не дала знать Овцовичу. Дракон

núšč. bād yā γāc xabár way Mewakpúc na kišt. žindíry firépt, um yōšk way péc-ti čikt. yā sikt, agá sút-idi: žindíry firépt. way lúvd didi: „tu mānd am mu bejóné-t am xo“.

14. bād šamšér-i ziwúst xo firépt. ðúd-i um mák-ari, um kol kinórá sut. alqisá wūvd kól-i úmā kinorá-yi čüg. az um dám-ti-yi püst kivd xo, um luvd: „ba-tarí yō ba-xužki?“. lúvd-i: „ba-tari“. bād daryó torín yíd-i yā sat. um kolén-i čég-ti piјént xo, yúd-i činór-ari-yi galwizón čo (|| ču || čüg).

15. bād yā γāc indáwd xo, sat pa xu čod. um píd-at mōd úm-ri divó át na kinán. lúvd-an: „tú-t racésl!“ um lúvd-idi: „yi juwón yat, um žindíry-i zod“. pödžó bówár na kišt, i mūsaféd-i rimúd. way luvd: „áz-um sut, ya γal nimjónák, at mu um zod“. pödžó vō bövár na kišt.

16. bād áli žár-i jām ču xo, yíwí ődám vírt-at, uf kolén sentów rimáyt. wād na bafán (|| na várðén). alqisá, yi aftá iyóraž uf kolén sentów ðaw poð na vár-ðúd. bād-an luvd: „yi kampírá yi nabúsák yast, yik-á gidi rayj“.

17. dað pödžó rimúd wáy aven ar kampír čod. bād yat xo, šamšér-i zúšt xo, ðúd-i uf kolén-andi zoq xo, ūvd pöð-i sínt-at núst-i. bād pödžó rizén luvd: „ik-íd vid“. dað pödžó xu rizén be-áq-at be-amálaž wáy-ri ðúd. wād-an ba táxt-at baxt firépt-at, áz-um mis xu šaták markáb qatáy firépt.

совсем приблизился. Ее слеза капнула ему на лицо, он вздрогнул, проснулся, — а дракон уже подошел. Он сказал: „Ты и меня и себя губишь“.

14. Он выхватил меч, подоспел, ударил дракона по шее, и у того отлетела голова. Одним словом, он снял у него семь голов, со спины вырезал у него кожу; он (дракон) сказал: „На воду или на сушу?“. Тот сказал: „На воду“. Тогда он (дракон) сделался над рекой мостом. Тогда он (юноша) нанизал на нож его головы, отнес и повесил на чинар.

15. Тогда девушка встала и пошла к себе домой, а мать с отцом ей дверь не открывают: ты убежала, мол. Она сказала: „Появился один юноша и убил дракона“. Царь не поверил, послал одного старика, тот сказал: „Я пошел, а он еще живой, и я его убил“. Царь опять не поверил.

16. Тогда он собрал население города: пропускает по одному человеку и приказывает поднять те головы. Они не могут. Одним словом, никто не смог поднять голов и двух раз. Тогда сказали: „У одной старухи есть внучек — он еще остался“.

17. Тогда царь послал за ним в дом старухи. Тот пришел, взял меч, проткнул им головы, семь раз поднял и опустил. Тогда царская дочь сказала: „Этот самый был“. И царь отдал ему свою дочь без платежа и без выкупа. Они достигли своего счастья, а я тоже подоспел со своим хромым ослом.

ХУФСКИЙ ТЕКСТ

5

1. dar wáxti qadím yi Bözingár nōm sawdōgár vuj. yaw dönd bōy vuj idi, wáyōw čil ūin, čil xaziná, čil vürj, čil qačir-an vaj.

2. mīðō vawd, yaw sawd tar bōzōr, lüvd idi: „čil mīð rōhāt-at yi mīð menát či žūj?“ yi Landawúr nōm čuruk lüvd: „mu žūj“.

3. dað Bözingár as Landawúr zezd xu yest tar xo čod. xu čil xaziná wiķež dakt wáy-ri xo, fúkaž xu injomót, xu ūinérž sipórd wáy-ri, way fórax-ti, lüvd: „idá čil mīð rohát mānd kí-at, yi mīð-ta menát taw rimáyum“. Landawúr lüvd: „bašand“.

4. dað Landawúr čil mīð-and tamómi way injóm qatay ^bayš kixt-atā, mīðō vawd idi: čil rüz (|| mīð) tayör sut. Bözingar yat xu lüvd-i as Landawúr: „xub, māš waxt tayör sut, mān(d) sáwam menát čigów“.

5. azádandi-atā Bözingár čil vürj, čil qačir zezd, yigí katá bučág zezd xu, sáwan yáw-atā Landawúr ar tilløyín ták xiz. yaw döñ(d) kaltá ták yast idi, padám-ta zangál wiqobén ödám yósan, gásad na baft. padám di odám-an zangál wiqobén yúd, ödám-ta mīrd, day aven didi xu pönd azám xavdów-ti-ta na viráyd.

6. bad Bözingár-at Landawúr firápan ar tilløyín ták xiz xo, dað Bozingár way buč káwd. way güxt zezd, aloidá lákt-at, way pust zezd xu,

5

1. Был в старые времена купец, по имени Бозингар. Он был такой богатый, что у него было сорок жен, сорок сокровищниц, сорок коней и сорок мулов.

2. Однажды он отправляется на базар и говорит: „Сорок дней без заботы, один день работы, кому любо?“. Один человек по имени Ляндевур говорит: „Мне любо!“.

3. Тогда Бозингар берет Ляндевура, ведет в свой дом, дает ему ключи от сорока своих сокровищниц, отдает ему в его распоряжение все свое добро и своих жен и говорит: „Теперь сорок дней отдыхай, а потом на один день я займу тебя работой“. Ляндевур сказал: „Хорошо“.

4. Ляндевур сорок дней наслаждается всем его добром, но наступает день, когда сорок дней кончились. Бозингар пришел и сказал Ляндевуру: „Хорошо, наш срок истек, пойдем теперь трудиться“.

5. Тут Бозингар берет сорок коней и сорок мулов, берет еще большого козла, и они с Ляндевуром отправляются к золотой горе. А это такая высокая гора, что на нее лишь большие орлы людей заносят, а так — нельзя. И когда орлы занесут туда человека, человек умирает, потому что не находит дороги спуститься оттуда.

6. Бозингар и Ляндевур достигают золотой горы, и тогда Бозингар режет козла, берет его мясо, — кладет отдельно; берет его шкуру и

as Landawúr lüvd: „čas, ca-ráng γullá püst! ar may darún ca indíði, — báfi ūo, yak bōr indíð, taw qád-ti yast-ō?“.

7. Landawúr dað indíð ar way püst-atā, Bozingár darráwað way γem xaž kixt. Landawúr arám rayst. cōnd wāyd didi, Bōzingár át na kixt. dað Bōzingár way püst yi jō-n-and läkt, way gūxt vīrd, ðit way püst-ti lāy xu läkt. xúbað dað tizd.

8. pizoríkaði ðardí-atā, zangál wiqobén az way puxtá (‘tāx) xáfcán, yádan, way gūxt xáran, at way püst zézan xo, pi way tāx nūl way yósan. Landawúr day dönd-and wāyd. dað wiqobén váran way xo, way tāx nūl-ti läkan, dawóm kinán way nūl ðed. way püst kinán coγ, čásan: azámand ðdám nixtíz, dað wāð wiqobén rawáðan, at Landawúr azáman(d) nixtíz xo, ayróñ rayst: wáz-um kándi?

9. at Bōzingár qIwd pi way: „tilló mānd ar mu xiz xub lap ki-atā, waz day pōnd tā-rd lum“. Landawúr bād tilló ar wáy xiz kixt xub lap, Bōzingár fúkað xu cil vúrj-at-qacír kixt wæz, as uf ðayd biž xu, dað pay-teyd sawd. at Landawúr ar way qIwd: „may pōnd mu-rd na lüví-yō!“. yaw lüvd: „sa mānd padád xu, ūofc“.

10. Bōzingár dað tizd-atā, Landawúr rayst padám. sawd pi tordí, čast: dönd lap murða yast didi, dalíl nist. bād lüvd: „ajáb gandá mür-um na sut“.

11. yi ūáb-at-míð rayst padám-at, bōri ðawúm sawd tar yi taráf, čast

говорит Ляндавуру: „Посмотри, какая большая шкура! Если в нее влезть попробуешь, так сумеешь, наверно. Влезь разок, — по росту ли тебе?“.

7. Тогда Ляндавур влезает в шкуру, а Бозингар тотчас накрепко закрывает отверстие; Ляндавур остается там. Сколько он ни кричит, Бозингар не открывает. Потом Бозингар кладет шкуру в одно место, приносит мясо, кладет сверх шкуры и оставляет. А сам уходит.

8. Немного позже с горы слетают орлы, съедают мясо, а шкуру берут и уносят ее на вершину горы. А Ляндавур все кричит. Орлы приносят ее, кладут на вершину горы и начинают бить клювом. Разрывают шкуру, смотрят: оттуда выходит человек. Тогда орлы улетают, Ляндавур выходит и удивляется: где я?

9. А Бозингар кричит ему: „Теперь ты набросай мне побольше золота, и я тебе укажу дорогу“. Тогда Ляндавур сбрасывает ему очень много золота, Бозингар нагружает своих сорок лошадей и сорок мулов, так что остается излишек, и собирается уезжать. А Ляндавур кричит ему: „Дорогу мне не покажешь?“. Тот говорит: „Ступай теперь вон туда и спи“.

10. Бозингар уходит, и Ляндавур остается там. Поднимается повыше, смотрит: столько трупов, что сил нет! Тогда он подумал: скверная мне смерть пришла.

11. Сутки он тут остается, а потом во второй раз идет в одну

didi: way bún-and qūl. bād fíkri kixt: as way dí pi may tāx mirúm, k-ar-dúm þac xo ca patém yáwað bedí.

12. bād xu zúw tāz̄d ar xu kāl xo, áw xo ðit. ðayd áli miðenáyi qūl xu, sawd šúš-and yarq. at niyáng sawd as šúš-and, way ziweðð dar awóð xu, tar pálaw ðýisáyað way lākt. yaw as xu xabár nist. bad Landawúr as xu xabár sawd didi: yaw kinörá-yand tōzáyað, na yi číz wáyōw zār suj. dað lüvd: ajáb tawfíq.

13. azádand dað indízd xu sawd vō tar bōzōr. čast didi: Bōzingár yal bōzōr-and lüvd: „či yi mīð menát-at, čil mīð rōhát žūj?“. Landawúr fíkri kixt: „may tōv-gi waz day fānd dām“, — xu zōrd-andi lüvd. bād lüvd: „mu žūj“. Bozingár day na fámpt-i idi k-aw γadá.

14. bād way zezd xu yest tar xu čod. vō k-uf xu tamóm injömót dar wáxti čilrüzandí sipórd wáy-ri. mīð vawd, yaw xu áyš-at-išrát tar wáxti čilrüzand tayór kixt-atā, Bōzingár vō yiðd, xu čil vúrj, qačír, xu yigi buč zezd xu, Landawúr piro kixt vō xo, tífyan ar way tillōín tāx xíz.

15. at Bōzingár faršástað way bučág kāwd, way pūst zezd xu, as Landawúr lüvd: „ku, to ar may pūst indið yak bōr, wázi-yō?“. Landawúr lüvd: „ku, to indið yakkōr, ca-ráng-ta arád indiðan?“. Bōzingár lüvd: „xay pas, waz indiðum-atā, tu bašánd čas xo, tu tām indið“.

сторону, смотрит: под ним озеро. Тогда он думает: чем мне на этой горе умирать, броситься в воду, — и то лучше.

12. Тогда он закрывает голову рукавом и бросается. Попадает в середину озера и погружается в песок. А из песка выходит рыбаки, извлекает его на волю и осторожно укладывает на берег. А он — без чувств. Потом он приходит в себя: оказывается, он на берегу, совсем здоровый, и ничто у него не повреждено. Он подумал: удивительный случай.

13. Тогда он встает и снова отправляется на базар. Смотрит, Бозингар на базаре попрежнему зазывает: „Один день работы — сорок дней без заботы, кому любо?“. Ляндавур подумал, сказал про себя: на этот раз я его обману. Потом сказал: „Мне любо!“. А Бозингар не узнал его, что он тот самый парень.

14. Тогда он его берет и ведет к себе домой. Снова отдает ему на сорок дней все свое добро. Но вот его сорокадневное блаженство кончается. Снова является Бозингар, берет сорок коней, сорок мулов и одного козла, опять пускает вперед Ляндавура и они отправляются к той золотой горе.

15. Бозингар поспешно режет козла, берет его шкуру и говорит Ляндавуру: „Ну-ка, ты влезь разок в эту шкуру, — поместишься ли?“. Ляндавур сказал: „Ну-ка ты разок влезь: как это в нее влезают?“. Бозингар сказал: „Ладно, я влезу, а ты хорошенко смотри, а потом ты полезай“.

16. bād Bōzingár indiðd ar way pūst-at, Landawúr darráwað way γem xað kixt xo, dönd xuš sawd idil lúvd-i: „ajáb mu jazó-ta mānd na tūýd“. bād way gūxt vīrd way pūst-ti lāy ðit xu, xúbað sawd ðardí xu niðt. at zangál wiqobén yádan, way gūxt xáran, at way pūst vō zézan xo yósan pi way tāx. nūl way ðáðan, čásan: arám ődám.

17. dað wāð wiqobén tíyan-atā, Bōzingár azámand nixtízd xu, Landawúr pi way qiwed: „wáz-um k-aw ődám vud. taw mo padád ca ramúd? mānd xub lap tilló aráw kí-atā, waz day pōnd tā-rd lum“. bād Bozingár xub lap tilló ar way xiz kixt-atā, lúvd idi: „may pōnd mu-r lo“. Landawúr lúvd: „yigi xāt xu ȳinérz-ard kæ, gas úm-ti nivíš idi: wáz-ta bād az cōnd mið yádum-atā, ȳzír mu jöy-ti Landawúr xu ar mu patí-atā, waz tām day pōnd tā-rd lum“.

18. bād Bōzingár xāt ar way patéwd xu lúvd: „lo mānd may pōnd“. Landawúr lúvd: „day pōnd tā-rd kā lum. sa mānd tu mis, xu ȳofc“. bād Landawúr tīzd, tamómi way injóm rayst way ðúst-and.

БАРТАНГСКИЙ ТЕКСТ

6

1. yi podxó vuj, wíyā-n aray puc vaј. mīθat wāð wí pacén-an ȳulá sád-at, wāð ðaw,—yā mādénc-at yā ȳuladér puc,—tar xu píd-an gāxt: „tū mānd, a-ráng vawd, māš-ri ȳan ða!“. podxó gāxt tar xu wazír: „ca-ráng

16. Бозингар залезает в шкуру, а Ляндавур тотчас накрепко закрывает отверстие, и уж так радуется: теперь, мол, я отомстил! Он приносит мясо, кладет на шкуру, сам отходит подальше и садится. Орлы прилетают, съедают мясо, хватают шкуру и уносят на гору, бьют по ней клювами, смотрят: там человек.

17. Тогда орлы улетают, Бозингар выходит и Ляндавур кричит ему: „Я тот самый человек. Как ты мне там приказывал? Набросай теперь сюда побольше золота, дорогу я тебе покажу“. Тогда Бозингар сбрасывает ему много золота и говорит: „Покажи мне дорогу“. Ляндавур говорит: „Напиши записку своим женам. Напиши в ней так: я, мол, приеду через несколько дней, а пока вместо меня Ляндавур,— и сбрось мне, а я тогда покажу тебе дорогу“.

18. Бозингар бросает ему записку и говорит: „Теперь покажи дорогу“. Ляндавур говорит: „Зачем я буду тебе дорогу показывать? Теперь ты тоже ступай и поспи“. Потом Ляндавур уходит, и все добро достается ему.

6

1. Был один царь, у него было три сына. Вот его сыновья выросли, и двое — средний сын и старший сын — обратились к отцу: „Ты теперь как бы там ни было, дай нам жен“. Царь обратился к везиру: „Что

kinán?“. wazír gāxt: „tū mān(d) az xu pacén luv di, dād sáwan, xúbað xu-r, ar-jo vawd, talában-at, xuš xu-r kinán-at, áz wal az tamás súr kinúm“.

2. подхó даð k-az-dí gáp tar xu pacén luvd; úf-an mis !qabúl čüg. um vigárat tuxá úf-ri čüg xu, sád-an suwór xu tóyd-an. tóyd-an-at tóyd-an-at, ar yi xár-an, pirokýað-an xu-r xuš ca čüj vud, firépt-an. um xáb-an ar yi kampír čed xu guzár čüg-at, um sáriyat kampír-an podxó at wazír čéd-an páwst xu, tóyd-an. tóyd-an-at, ar podxó čéd-an indiðd: „alaykúm bar salóm!“. podxó luvd: „waalekúm bar salóm“. xay, podxó dað xušomád az úf čüg-at, páwst-an az podxó: „máš-an tar tá-at-wazír xíz-an xíxí xu-r yat“. podxó dað luvd: „lap bašánd, podxobačayén“.

3. um sáriyat uf súr-an injúvd. wí yuládér podxó razén vüg-at, wí māðenc wazírá. súr adás tayór súd-at, podxó yi lav nawkár uf qatí čüg xu, tar xu čéd-an toyd. dād-an mānd tar xu čed firépt, taréd-an mis vo uf súr parcémt-at, wáð-an xu táxt-at báxt tér firépt.

4. yim sarzúl podxó puc Māmadshó tar xu pid gāxt: „a-pid, dif-r-at yan ðód-at, az mun mis, a-ráng vawd, súr kin!“. podxó gāxt tar xu puc: „tū mis mānd sa ar jo vawd, xuš xu-r yaníj kín-at, áz wal az tā súrum“. um sáriyat dí yaðá-yan mis tuxá čüg xu, rū bar rā, rā ba biyabón čüg xu, tüyd. tüyd-at, tüyd-at tar yi ðar xár firépt. ar wí xár indiðd, yi läv sáyli ar wí xár čüg-at, tar yi ^hark firépt di: podxó-duxtar yal ark tér nesc-at, tamoðó-ti kiðt. az wí podxobačá to wínt-at, ošíq wí tér sad xu, daráw

нам делать?“. Визирь ответил: „Ты скажи своим сыновьям, пусть они пойдут и сами себе где-нибудь поищут и выберут, а я, мол, женю вас“.

2. Царь передал эти слова сыновьям, и те согласились. С вечера им заготовили дорожные припасы, они сели верхом и поехали. Ехали они ехали, и приехали в одну страну, которую они заранее себе наметили. На ночь они остановились в доме у одной старухи, а наутро расспросили старуху про царский и про везиров дом и пошли. Пошли они, вошли в царский дом, сказали: „Мир вам!“. Царь ответил: „И вам мир!“. Тогда царь их принял, и они спросили у царя: „Мы к тебе и к везиру свататься пришли“. Царь сказал: „Очень хорошо, царевичи!“.

3. Наутро справили им свадьбу. Старший взял царскую дочь, а средний — везирову. Когда покончили с празднествами, царь отрядил с ними часть слуг, и они отправились к себе домой. Добрались домой, здесь тоже снова спрavили их свадьбу, и они достигли своего счастья.

4. Тогда младший сын царя, Мамадшо, обратился к отцу: „Отец, раз ты дал им жен, то и меня как-нибудь жени“. Царь сказал сыну: „Ты тоже отправляйся куда-нибудь, выбери себе невесту, и я тебя женю“. Наутро юноше тоже наготовили дорожных припасов, и он отправился: глаза на дорогу, дорога — куда поведет. Шел он шел, прибыл в один дальний город. Вошел в тот город, немножко погулял по городу, дошел до одного замка, а в замке царская дочь сидит, смотрит.

rubayí luvd sad. yim γadá xu pa-tér čext di: das xušrúy γac dil yā mis-dād um ter ošíq sud.

5. cond mið yoðd ik-dí ter tar um ark rabáx-at, vo tezd. y míðat yā podxó-duxtár tar wí luvd: „tū mānd az mun pid az mun taláb-at, yá-ti šari tā qatí kixt. agár wí šárt-at ijró čüg, az mún-ti bi^haq-at-amálað tā-r ðet, agár nā, mun ba-kaf čegów na várði“. um sabolát Māmadšo indiðd ar podxó xiz, podxó az wí pāwst: „e podxobačá, ca piðó-at suj, xušomadí tā-r!“. podxó-bačá (Māmadšo) gāxt tar podxó: „áz-um tā razén taleptów yač“. podxó luvd: „múnā yi šart: agar tūtiyi suxandón mū-ri-at di vüg, xu razén bi^haq-at-amálað tā-r ðām“. podxó-bačá yi lāv fíkri čüg xu luvd: „lap bašánd“.

6. um sāriat sud tar um podxó-duxtárā um ^hark bér-at, yā gāxt tar um di: „tā pið-ti ik-mi-ráng-ter šart mun qatí kixt, di ijró čeg lap qin“. yā podxó-duxtár gāxt tar wí: „tū mānd dim pónð-at zoxt xu, té-yat té-yat, yi mūysaféd čed-ti tā-r az piró yoðd, at (ijk-á mūysaféd-ti tā-ri niðón ðet“.

7. podxobačá dað k-ar-úm pond zoxt xu, tūyd. tūyd-at tūyd-at, tar mūysaféd čed firépt. wí mūysaféd wí podxobačá-ri awqót čúg-at, pāwst az wí: „e-podxobačá, tū-at tar ká-ri safár čüj?“. podxobačá luvd: „podxó mun ter šart patawj di: sa, agár tūtiyi suxandón-at mu-r vüg, áz xu razén tā-r ðām,

Едва она увидела царевича, как влюбилась в него и начала говорить стихи. Юноша взглянул вверх: уж такая красавица! Тогда он тоже в нее влюбился.

5. Несколько дней приходит он таким образом к этому дворцу и снова уходит. Однажды царская дочь говорит ему: „Теперь ты попроси меня у моего отца, и он заключит с тобой условие; если ты это условие выполнишь, он отдаст меня тебе без платежа и выкупа, если же нет, то получить ты меня не сможешь“. Наутро Мамадшо пришел к царю. Царь спросил его: „О царевич, если ты явился, так добро пожаловать!“. Царевич (Мамадшо) обратился к царю: „Я пришел просить твоей дочери“. Царь сказал: „У меня одно условие: если ты добудешь мне говорящего попугая, я отда姆 тебе дочь без платежа и выкупа“. Царевич немного подумал и сказал: „Очень хорошо“.

6. Наутро он пошел ко дворцу царевны и сказал ей: „Твой отец заключил со мной вот какое условие, его очень трудно выполнить“. Царевна сказала ему: „Сейчас ты ступай вот по той дороге; иди и иди, и тебе встретится дом одного старика, и тот старик даст тебе указание“.

7. Царевич выбрал этот самый путь и пошел. Шел он шел, дошел до дома старика. Старик приготовил царевичу еды и спросил у него: „Куда ты, царевич, странствовать пустился?“. Царевич сказал: „Царь поставил передо мной условие: иди, мол; если добудешь мне говорящего попугая, я отда姆 тебе свою дочь, а если не сумеешь, то я тебе

agár na vār-ðí, xu razén tā-ri-ti na ðám“. mūysaféd gāxt tar wí podžobačá: „tüt’yi suxandónā um avegów lap qín, at digár wal tā qismat wizónt“.

8. mūysaféd dað podžobačá-ri yi šamšér dā čüg xu luvd: „az mim zoz, pond tər tā-r ba-kór yoðd“. luvd wi-ri: „tū mānd té-yat, té-yat, yi jingál-ti tā-ri az piró yoðd. az um jingál nawžis-at, déwi saféd čéd-ti tā-r az piró yoðd. agár wí zedów-at di vār-ðód, vó-ti té-yat té-yat, déwi siyó čéd tā-r az piró yoðd, az-i (|| az wí)-at di mis zed vo té-yat, té-yat oxirón-ti tā déwi zard čéd az piro yoðd. az-i-at di mis zed, té-yat, té-yat, yi jingál tā-r az piró yoðd. az um jingál nažtéy-at, yi bilánd kú-ti yoðd. az-i (|| az wí) kū ar wiýár nawžis-at, dūs digér téy-at, yi mālā-ti yoðd. ar wí mālā ik-id dond parandá jām sán-at, ^bar čizað náqli kinán, tū wal joy az xu kin. fúkað náqli kinán-at, to tüt’yi suxandón daraw náqli čeg sáwd-at, tā-at az um ðod qāp xu, dāð-at tūyd“.

9. podžobačá dað šamšér ðod ar xu með, yi kudbúc žoxt xu, tūyd. tūyd-at tūyd-at, az um jingál nawžéd-at, vo cond digér tūyd-at tūyd-at, tar déwi saféd čéd firépt. indiðd ar wí čéd: yi xušrúy yāc yal ar wí čéd nesc. at yā yāc tar podžobačá gāxt: „e-podžobačá, tū jáldér nažte xu, tūyd-at. déwi saféd mānd ca yoðd, firú az tā tāžd“. podžobačá gāxt tar um: „tū-at di mun qatí čoq vad, wiýā wí kor pa mun lak“. podžobačá dað xu kāl čüg tar um domán at luvd: „yā dew to yoðd-at, tū az mun agá kin“.

своей дочери не отдам“. Старик сказал царевичу: „Добыть говорящего попугая очень трудно, об остальном же судьба твоя ведает“.

8. Потом старик дал царевичу меч и сказал: „Возьми его, по дороге тебе пригодится“. И сказал ему: „Ты иди и иди, и встретится тебе лес; перейди через лес, и тебе встретится дом белого дива. Если ты сумеешь его убить, то снова иди и иди, пока тебе не встретится дом черного дива. Как только и его убьешь, снова иди и иди, и, наконец, тебе встретится дом рыжего дива. Когда и того тоже убьешь, то иди, иди, и тебе встретится лес. Пройди через лес, и покажется высокая гора. Перевали через ту гору, пройди немного еще, и покажется одно строение. В этом строении соберется много птиц, и они будут рассказывать о разных вещах, — ты же спрячься. Все они будут рассказывать, и как только примется рассказывать говорящий попугай, ты его хватай и уходи“.

9. Царевич опоясался мечом, взял с собой одного щенка и пошел. Шел он шел — перешел через лес; прошел немного еще — добрался до дома белого дива. Вошел в дом, а в доме сидит красивая девушка. Девушка сказала царевичу: „Скорее выйди, царевич, и уходи. Если сейчас придет белый див, он тебя проглотит“. Царевич сказал ей: „Только бы ты была со мной заодно, а дела его мне предоставь“. Потом царевич положил голову ей на колени и сказал: „Как только див придет, ты меня разбуди“.

10. yā podžobačā ðod tar um domán tar xūðm, yi soat digérat ramb-a-rámb sud. yā yāc mānd podžobačā agá čeg dal na viríd-at, um yožk wí péc tər čikt-at, yā agá sud. xu šamšér biranā čüg xu, tar kunj nest. dew qıwt: „e-baytalmolí, yed, mun vorj injáv“. podžobačā luvd az um yāc: „tū luv idi: doy baytalmolí-at tū xúbað, tā vorj na injávum“. yā dew dað divér ðod bár-at, indiðd. podžobačā šamšér qatí wí kel zibont, at wí dew luvd: „in sári man na bud, sári digar bud“. podžobačā luvd: „in šamšéri man na bud, šamšéri digár bud“. alqisá ūvd kel wiyā zibónt-at, yā dew mūg. yā yāc mis xalós sad.

11. um sáriyat yā podžobačā vo tūyd. tūyd-at tūyd-at tar déwi siyó čed firépt. indiðd ar um idi: ar um mis yi xušrûy yāc nesc. dí déwā mis ūvd kel zibont-at, yā dew mūg.

12. sáriyat vo tūyd. tūyd-at tūyd-at, tar déwi zard čed firépt. indiðd ar um idi ar um mis yi xušrûy yāc nesc. wiyā mis ūvd kel zibónt-at, wí jon naxtúyd. um sáriyat vo tūyd.

13. tūyd-at tūyd-at, az um jingál-at kū naxtúyd-at, tar wí parandáyén mälá firépt. indiðd arúm xu, joy az xu čüg, at wáð-an jām arúm sád-at, ar čidúm-ti xu ikoyát kišt. tūtiyi suxandón to daraw náqli čeg sád-at, podžobačá qáp az um ðod xu, tūyd. tūyd-at tūyd-at, tar déwi zard čed firépt. ar-číz mol, uf dewénā ca vud, yi lāv zožt xú-r-at, az-í digér pa uf yācgón lā čüg. tūyd-at tūyd-at tar xu xár qaríb sud.

10. Царевич заснул у нее на коленях, а через час поднялся гул и сотрясенье. Девушка не нашла силы разбудить царевича, но ее слеза капнула ему на лицо, и он проснулся. Он обнажил меч и сел в проходе. Див закричал: „Эй, кобылье отродье, иди, прими моего коня!“. Царевич сказал девушке: „Ты скажи: сам ты, мол, кобылье отродье, не приму я твоего коня!“. Тогда див толкнул дверь и вошел. Царевич снял мечом ему голову, а див сказал: „Это не моя была голова, это была другая голова“. Царевич сказал: „Это не мой был меч, это другой был меч“. Одним словом, он снял у него семь голов, и див умер. И девушка тоже освободилась.

11. Наутро царевич снова пошел. Шел, шел — добрался до дома черного дива. Вошел в него, а там тоже сидит красивая девушка. У этого дива он тоже снял семь голов, и див умер.

12. Наутро он снова пошел. Шел, шел, добрался до дома рыжего дива. Вошел в него, а там тоже сидит красивая девушка. У того тоже он снял семь голов, и тот испустил дух. Наутро он снова пошел.

13. Шел он шел, перешел лес и гору и добрался до жилища птиц. Вошел туда и спрятался. А они туда собирались, и каждая свой рассказ рассказывает. Как только принялся рассказывать говорящий попугай, царевич схватил его и пошел. Шел, шел, добрался до дома рыжего дива. И всякого добра, которое было у тех дивов, немного взял себе, а другое оставил тем девушкам. Шел он шел, и приблизился к своей стране.

14. wí viradár-an dí xabár žud xu, paradér-an dí-r toyd. firépt-an tar dí xíz-at, yid mānd ik-dónd tužnā suj di. ar xu virodár luvd: „ay virodár, yi čeb žac mu-r dákat, áz xu jon tar xu várumb“. wí virodár-an luvd: „yi cem xúyá māš-ri dákat, žac tár-ri dákan, agar nā, na dákan“. úf-an dað az um yi cem wíyá pakíd-at, yi čeb nül tér žác-an wí zív tér čakond. dús digér-an tóyd-an, yā γadá vo tar xu virodár gáxt: „daróyi xudóy, lap tužná-um súj-at, pizór žac mu-r dákat di, áz xu noy xistum“. wāð wí virodár-an vo gáxt: „az dim yi cem digér māš-ri dákat, žac tár-ri dákan“. az um yi cem digér-an pakíd-at, vó-an čeb nül tér žac wí zív tér čakond. alqisá várðað cérm-an wíyá pakid xu, wí mól, at tütíyi suxandón-an zožt xu, tóyd-an tar xu čed.

15. díyá dað yā dí kudbúc zožt az dí (ar wí ðum injúvd) xu, tar yi kéná xadórj ayód. arúm-an žáb ažóvd-at, žáb dí podžobačá xúðm wínt di: xadórj zabó yi činór, agar az dim činór tér párk zózd-at, tar xu cem ca molt, dað dí cem várðað tozá sáwan. sáriyat xu pec zinód xu sud. az um činór talépt-at talépt-at, avúg. párk zožt, tar xu cem molt, várðað-an tozá sad. dað tüyd, tüyd-at tüyd-at tar xu pid čed firépt.

16. dí mobáyn ðus sol nawžéd di, pid az dí ranéxč. wí virodár misazí na w(i)zónan. wí pid gáxt tar wí: „e muzofír, náqli kin!“ wí puc dað xu ikoyát zožt, ba oxír firópt-at, az podžo (az xu pid) páwst: „ik-á tütíyi suxan-

14. Его братья прослышали о нем и отправились к нему навстречу. Добрались до него, а он совсем истомился от жажды. Он сказал братьям: „Братья, дайте мне ковш воды, чтобы мне вернуть себе свою душу“. Братья сказали: „Дай нам один свой глаз, и мы дадим тебе воды, а иначе не дадим“. Они вырвали у него один глаз, и капнули ему на язык воды с краешка ковша. Прошли еще немного, и юноша снова обратился к братьям: „Ради бога, меня очень томит жажда, дайте мне немножко воды, я горло себе смочу“. Братья снова сказали: „Дай нам еще этот глаз, и мы дадим тебе воды“. Они вырвали второй его глаз и опять капнули ему на язык воды с самого краешка ковша. Одним словом, они вырвали у него оба глаза и, забрав его добро и говорящего попугая, отправились домой.

15. Тогда его щенок взял его (он схватился за его хвост) и привел к какой-то старой мельнице. Там они ночью заснули, и царевич увидел сон, будто за мельницей — чинар, и если он сорвет листок с макушки этого чинара и потрет себе глаза, то оба его глаза станут здоровыми. Утром он вымыл себе лицо и пошел. Поискал, поискал тот чинар и нашел. Взял лист, потер себе глаза, и оба они стали здоровыми. Тогда он пустился в путь. Шел, шел, добрался до дома своего отца.

16. Между тем прошло десять лет, так что отец запамятовал его. Братья тоже его не узнают. Отец сказал ему: „Рассказывай, странник!“. Тогда его сын приступил к своей повести, довел ее до конца и спро-

dón čidúm viród-ri firápt?“. podxó gáxt: „ik-wí sarzúl-ri“. yā γadā dað gáxt tar xu pid: „áz-um yimá ik-á tā sarzúl púc-at, dāð-an, mun cem ca pakid, γulá puc tágā“. podxó dað az dif xu pacén čüg dif γan qatí hág-at, yā žul puc az um tütíyi suxandón zoxt, ayód tar wí podxó xár-at, dif sūr bar-póy sud. sūr adás tayór sud, yid sarzúl puc podxóyā (Mamadšó)-xu pid qatí xu táxt-at-báxt ter firépt.

сил у царя (своего отца): „Какому брату достанется этот попугай?“. Царь сказал: „Младшему“. Юноша тогда сказал отцу: „Я и есть тот младший сын, а те, что вырвали у меня глаза, твои старшие сыновья“. Тогда царь прогнал тех своих сыновей вместе с их женами. Младший же сын взял говорящего попугая, привез в город того царя, и состоялась их свадьба. Празднества кончились, и младший сын царя (Мамадшо) вместе со своим отцом достиг своего счастья.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ ПО ВСЕМ ДИАЛЕКТАМ (СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ)

7

Ниже приводится сравнительный текст по всем диалектам. Этот текст в качестве сравнительного был применен И. И. Зарубиным в его памирских публикациях (шугнанский вариант в „Двух язгулямских текстах“, рушанский и бартангский варианты в „Бартангских и рушанских текстах“ и орошорский вариант в „Орошорских текстах“). Вполне фонологическая запись была дана в публикациях только для шугнанского варианта, по недостаточной разработанности остальных диалектов. Настоящая публикация уточняет этот текст, давая фонологическую запись по всем диалектам, а также добавляет еще хуфский вариант. Параллельно к фонологическому тексту дается фонетически более детализованная транскрипция, которая передает главные варианты фонем и, следовательно, диапазон их звучания.

Фонологическая запись дается курсивом, детализованная фонетическая транскрипция — прямым шрифтом.

Замечание к фонологической записи текста. Поскольку шугнанский и бартангский варианты даются в непосредственном сравнении с рушанским и хуфским, где налицаует краткое *o*, то в них долгое *ö*, так же как в хуфском и рушанском, снабжается знаком долготы.

Замечания к детализированной транскрипции.

1. Транскрипция передает лишь основные варианты фонем, не доходя до очень большой детализации и до обозначения каждого оттенка звучания. А поскольку долгие гласные имеют лишь незначительные колебания в своем качестве, то эти колебания в транскрипции обозначаются редко. Не обозначаются также, во избежание перегруженности транскрипции, и варианты краткого *a* («*a*» и «*a'*»), как не слиш-

ком сильно расходящиеся между собой. Также не обозначаются необязательные (нестойкие) варианты согласных фонем (придыхательность глухих смычных, оглушаемость звонких, колебания по форме щели согласных *χ* и *ӯ* и др.).

2. В транскрипции сохраняются для удобства печатания некоторые условности, свойственные фонологической записи. Например: долгое *ō*, являющееся всегда открытым во всех диалектах и не имеющее существенных качественных колебаний, обозначается, как и в фонологической транскрипции, тем же знаком *ō*, а не *ə*. В известной мере условным является в транскрипции и обозначение долгот одним и тем же значком. Между тем длительность долгих гласных может заметно варьировать. Но попытка передать все варианты долгот в потоке речи привела бы к чрезмерной перегруженности транскрипции.

3. Транскрипция передает основные моменты ритмики фразы: ударение, слитное произношение слов внутри фразы и паузы.

Шугнанский

1. *vudj na vudj, aráy vrōd-en vadj.*
vudj na vudj | aráj vrōdēn vadj ||
2. *diūn vrōd-en as yi nān,*
ðeyū-n vrōdēn as yē nān |
3. *yīw as yi nān.*
yīw | as yē nān ||
4. *wév-and-ēn aráy šig vic.*
wévandēn | aráj šig vec ||
5. *yu zulik xund pōyd,*
yu zulik | xōnd pōjd |
6. *wād katanakén xund na pōyen.*
wād katanakēn | xōnd na pōyēn ||
7. *yi mēdat yu mis xünd-i na péyd.*
ye mēdat | yú mēs | xóndē na péjd ||
8. *wād wi virōdārén-en wi šig zid.*
wād wē v'rōdārēn-ēn | wi šig zid ||
9. *yu yat didē: wi šig nist.*
yu yát didē | wē šig nēst ||
10. *dað-i ik-ám-ard xikúd,*
dáðē | yík ámard xikúd |
11. *wi murðá-yi vüd.*
wi mürðáyē | vüd ||

Рушанский

1. *vīj na vīj, aráy virōd-an vīj.*
vej na vej | aráj v'rōdan vej ||
2. *ðaw virōd az yi mód-an vid,*
ðaw v'rōd | az yé módan ved |
3. *yi virōd az yi mód-andi vid.*
ye v'rōd | az yé módandę ved ||
4. *(w)úfā-n aráy šog vīj.*
wúfan | aráj šo-g vej ||
5. *šuvdī xu šog pōyt,*
šovdī | xu šo-g pōjt |
6. *wād katadiyén xúyā na pōyán.*
wād katadiyen | xúyā na pōyán ||
7. *yi mīð way mis xúyā na peyt.*
yi mīð | wáy mēs | xúyā na péjt ||
8. *way virodár-an way šog zod.*
wał v'rōdāran | way šo-g zod
9. *yā yat: way šog nist.*
yā yat | wał šo-g nēst ||
10. *way dað ikámari way talébt-i,*
wał dað | ikámarę way talébtı |
11. *way murðá-yi avüg.*
wał mürðáyę avüg ||

4. В транскрипции применяются следующие дополнительные знаки: \cdot сужение гласного («е»); ϖ (e) расширение гласного; $=$ (u-) продвижение артикуляции вперед; $=$ (e-) продвижение артикуляции назад; \cdot («e°») огубленность; \cdot среднеязычная артикуляция согласных ($\cdot k$; $\cdot g$); \cdot (k') палатализация. Условные обозначения следующие: || конечная пауза с понижением тона; | внутрифразовая пауза; ! полупауза; ω слитное произношение.

Перевод ко всем вариантам текста дается один — по шугнанскому варианту, — поскольку расхождение между всеми вариантами незначительны, и любой вариант может быть вполне понят из приведенного перевода. Расхождения сводятся к такого рода отступлениям, как, например, замена слова *pōd̥xō* ‘царь’ в одном варианте, словом *qōzí* ‘судья’ в другом варианте, в такой фразе, как: „ты убил мою мать, я пойду к царю (к судье), пожалуюсь“, что не может затруднить понимания текста специалистом.

Хуфский

Бартангский

1. <i>vuj na vuj, aráy virōd-an vaj.</i>
<i>vuj na_vuj aráj v'ródan vaj </i> 2. <i>daw virōd-an as yi mōd-and vaj.</i>
<i>daw v'ródan'as_yé módand vaj</i> 3. <i>atā, yi virōd as yi mōd-and vuj.</i>
<i>atā yi viród'as_yé módand vuj </i> 4. <i>úfōw aráy šog vaj.</i>
<i>úfów! aráj š<u>o</u>-g vaj </i> 5. <i>šuvdí xu šog pōyd,</i>
<i>šuvdé! xu š<u>o</u>-g pōjd </i> 6. <i>wāð katayén xúyōw na pōyan.</i>
<i>wāð katayén! xúyōw na pōyan </i> 7. <i>yi míð way mis xúyōw na ped.</i>
<i>yi míð! wai mēs! xúyōw na péd </i> 8. <i>way virōdár-an way šog zod.</i>
<i>way v'ródáran'wai š<u>o</u>g z<u>o</u>d </i> 9. <i>yaw yat: way šog nist.</i>
<i>yaw yat wai š<u>o</u>-g nēst </i> 10. <i>way dað wáy-ard way talépt,</i>
<i>wai dað! wáyard'wai talépt </i> 11. <i>way murðá-yi avúg.</i>
<i>wai murðáy<u>e</u>! avúg </i> | <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>vud na vud, aráy virōdár-an vad.</i>
<i>vud na_vud aráy v'ródáran vad </i> 2. <i>daw virōdár-an! az yi nän,</i>
<i>daw v'ródáran'az_yé nän </i> 3. <i>yīw az yi nän.</i>
<i>yīw'az_yé nän </i> 4. <i>úfā aráy šég-an vad.</i>
<i>ófā! aráj šēgan vad </i> 5. <i>zulikik xúyā čext,</i>
<i>zulikék! xúyā čext </i> 6. <i>uf kattadér-af xúyā na čext.</i>
<i>óf kattadéraf! xúyā na čext </i> 7. <i>yi míðat wí mis xúyā na cœxt.</i>
<i>ye míðat wí mis! xúyā na čext,</i> 8. <i>wí virōdár-af wí šeg zod.</i>
<i>wí v'ródáraf! wí šeǵ z<u>o</u>d </i> 9. <i>yā yat di: wí šeg nist.</i>
<i>yā y<u>at</u>de wí šeǵ nēst </i> 10. <i>dáð-i ik-wí jöy-ter talépt,</i>
<i>dáðe! ekwí jöy_t<u>er</u> talépt </i> 11. <i>wí murðá-yi avúg.</i>
<i>wí murðáy<u>e</u>! avúg </i> |
|---|--|

Шугнанский

12. *zō̄xt-i xu, sut tar dāxt.*
zō̄xte x? | sut tar dáxt ||
13. *tamōšō-i cūd:* *yī xitúr as pirō yat.*
tamōšōe cū-d | yī xitúr as pirō yat ||
14. *yu dað wám-i anjúvd-i xu, šig wixin-at wi γáð-ríš mólt-i wam xitúr γēv-ard.*
yu dað | wám-i anjúvdé xo | šig wixénat wé γáð ríš mólti | wam xitúr γēvard ||
15. *cúxt-i: wam xitúr sōyib yat.*
cúxtē | wam xitur söyeb yat ||
16. *yam šigdōr daráw níwd sut,*
yam šigdōr | daráw níwd sot ||
17. *lúd-i: „e v(i)rōd, tu xitúr mu šig-i xūd“.*
lú-dí | ē vród | tu xitúr | mo šig-e xūd ||
18. *yu lúd-i: „e v(i)rōd, dis mā lúv, xitúr-ta as šig na xirt“.*
yu lú-dí | ē vród | dës mā lú-v | xitúrta | as šig na xirt ||
19. *yu lúd: „dam γēv čis; wixin-at γáð-ríšin.*
yu lú-d | dam γēv | čes | wexénat γáðrešin ||
20. *wuz pōdšō-xez sām, dōð kinúm“.*
wuz | pōdšōxēz sām | dōð kēnum ||
21. *yu xiturdōr lúd-i: „e virōd, dōð mā sa, mu xitúr tu šig qárz-andi“.*
yu xiturdōr lú-dí | ē vród | dōð mā sá | mu xitúr | tu šig | qárzandē ||

Рушанский

12. *zú̄xt-i xu, sut tar dāxt.*
zú̄xte xo | sut tar dáxt ||
13. *tamoħō-i cūg didi: yī uxtúr az pirō yat.*
tamoħōyı cūg dide | ye uxtúr | az pirō yat ||
14. *way dað um uxtúr-i injivd xu, šog wixin, way γáð-at-ríš mólt-i uxčtúr γém-ard.*
way dað | om uxtúre enjivd xo | šo-g wexén | way γáðat ríš | mólti | uxtúr γémard ||
15. *cóxt-i didi: uxtúrā um xōvānd yat.*
cóxti dide | uxtúrā um xōwānd yat ||
16. *yim šogdōr daráw níwd sut,*
yem šo-gdōr | daráw níwd sut |
17. *lúvd-i: „ey virōd, tā uxtúr mu šog-i xūg“.*
lúvdı | ē vród | ta uxtúr | mu šo-gě xūg ||
18. *way luvd: „ey virōd, das mā luv, uxtúr-ta az šog na xirt“.*
way lóvd | ē vród | das mā lúv | uxtúr | ta az šo-g na xí-rt ||
19. *way lúvd-i: „dum γem čas, wixin-at γáð-at-ríš.*
way lúvde | du-m γem čas | we-xénat γáðat ríš ||
20. *az pōdšō-xiz sām, dōð kinúm“.*
az | pōdšōxiz sām | dōð kinum ||
21. *way uxturdōr lúvd-i: „ey virōd, dōð mā sa: mu uxtúr tā šog qárz-andi“.*
wai uxturdōr lúvdę | ē vród | dōð mā sá | mu uxtúr | tā šo-g | qárzandę ||

Хуфский

12. *zúxt-i xo, sut tar dáxt.*
<sub>zú-
xte x^uo | sut tar_dáxt ||</sub>
13. *tamōxóyi čüg didi: yi uxtúr as
piró yat.*
<sub>tamōxóye čüg díde | ye ęxtúr |
as p^ró yat ||</sub>
14. *way dað um injúvd xo, šog
wixin way γáð-at-riš mólt-i
uxtúr γém-ard.*
<sub>waj dað| um injúvd x^uo | šu-
wěxén waj γáðat reš mólté ęxtúr
γémard ||</sub>
15. *čúxt-i didi: uxtúrōw um xawánd
yat.*
<sub>čúxt-e díde | ęxtúrōw om xawánd
yat ||</sub>
16. *yam šogdór daráw níwd sut,*
<sub>yam šu-
gdór| daráw níwd sot |</sub>
17. *lúvd-i: „ey viród, taw uxtúr mu
šog-i xúg“.*
<sub>lúvde || ej v^ród | taw uxtúr | mu
šu-
ge xúg ||</sub>
18. *way lúvd: „ey viród, gas mā lo,
uxtúrta as šog na xírd“.*
<sub>waj lúvd || ej v^ród | gas mā lo |
ęxtúrta | as šu-
g na xírd ||</sub>
19. *way lúvd-i: „dum γem čas:
wixin-at γáð-at-riš-andi.*
<sub>waj lúvdē || dom γem čas | wěxé-
nat γáðat reš ande ||</sub>
20. *waz pōdžó-xíz sám, dōð kinúm“.*
_{waz | pōdžó_xíz sám | dōð_kinum ||}
21. *way uxturdór lúvd-i: „ey viród,
dōð mā sa, mu uxtúr taw šog
qárz-andi nixtízد“.*
<sub>waj uxturdór lúvdē || ej v^ród |
dōð mā sa | mu uxtúr | taw šu-
g qárz ande nextízد ||</sub>

Бартангский

12. *zóxt-i xu, sut tar dáxt.*
_{zóxtē xo | sut tar_dáxt ||}
13. *tamōšóyi čüg: yl axtúr az pírō
yat.*
<sub>tamōšóye čüg | yl axtór | as_p^ró
yat ||</sub>
14. *wi dað az úm injúvd-i, šégā wi
xún-at wi γáð-a-riš tar axtúr
γém-i mólt.*
<sub>wi dað| az óm injúvd | sygā wi
xúnat | wi γáð a_rēš | tar_axtór
γémē | mólt ||</sub>
15. *čoxt di: um axtúr sōyb yat.*
_{čoxt dē | om axtúr sōeb yat ||}
16. *yim šegdór daráw níwdów sut,*
_{yem šegdór| daráw níwdów sut ||}
17. *lúvd-i: „a viród, tā axtúr-i mun
šog xúg“.*
<sub>lúvde: a v^ród, | tā axtúre | mun
šog xúg ||</sub>
18. *wi-yi luvd: „a-ló, das mā luv:
axtúr-ti az šog na xerd“.*
<sub>wi luvd || a_ló | das mā luv | axtúr-
tē | az šyğ na_xérd ||</sub>
19. *wi lúvd-i: „dim γem čas, wi xún
at γáð-a-riš.*
<sub>wi lúvdē || tar_dém γem čas | wi
xúnat | γáð a_reš ||</sub>
20. *az tar pōdžó-xíz sám, dōð ki-
núm“.*
<sub>az | tar_pōtžó_xíz sám | dōð_ki-
num ||</sub>
21. *yā axturdór noilój sut xu lúvd-i:
„tū tar pōtžó xíz mā sāw: mun
axtúr tā šog qárz-indeř“.*
<sub>yā axturdór noilój sut_xo | lúvdē ||
tū tar_pōtžó_xíz mā_sáw || mun
axtúr | tā šog qárz_endeř ||</sub>

Шугнанский

22. *yu γιδά wam ҳitúr-i sawóř sut xu, tūyđ.*
yo γēdā | wam ҳ̄itúri sawóř sut xu tūyđ ||
23. *wi virōdár-en čūxt dide: wev virōd ҳitúr sawóř-at yat.*
wē v̄rōdárēn | čūxt dēdē | wēv vrōd | ҳ̄itúr sawórat yat ||
24. *lūd-en: „ε badbáxt, dam ҳitúr-at as kā vūd?.*
lū-dēn | ē badbáxt | dam ҳ̄itúrat as kā vū-d? ||
25. *yid čind?“.*
yēd | čind? ||
26. *yu lūd-i: „mu šig-et zīd,*
yu lū-dı | mu šigēt zīd |
27. *wúz-um wi murđá parđód,*
wúzum | wē murđá parđód |
28. *ҳitúr-um zōx̄t“.*
ҳ̄itúrum zōx̄t ||
29. *wāđ-en mis xu šagén zīd xu,*
wev murđá-yen yōđ tar bōzōr.
wāđēn mēs | xu šagén zīd xo | wēv
murđáyēn | yōđ tar bōzōr ||
30. *mardúm-en peħst: „yid čiz?“.*
mardúmēn pēħst | yēd čiz?
31. *wāđ-en lūd: „yam šig murđá ҳitúr-ti đāđām“.*
wāđēn lū-d || yam šig murđá | ҳ̄itúr te đāđām
32. *mardúm-en lūd: „ε beaqliyén,*
šig murđá-ta iyōř ҳitúr-ti na zezd“.
mardúmēn lū-d | ē b̄eaqléñ |
šig murđá ta | iyōř | ҳ̄itúr ti na zezd
33. *wāđ-en as xu kōr sat ҳarmindá xu tōyden.*

Рушанский

22. *yā γadá um uxtúr-ti suwóř sut xu tuyđ.*
yā γadā | om үxtúr te sʷwóř sut xo tūyđ ||
23. *way virōdár čoħt-an didi:uf virōd uxtúr-ti suwóř-at yat.*
waj v̄rōdár | čoħtan dēdē | uf v̄rōd | үxtúr te sʷwórat yat ||
24. *lúvd-an: „ey badbáxt, dum uxtúr-at az kā avūg?*
lúvdan || ej badbáxt | du-m үxtúrat az kā avūg
25. *yid či(y)ā?“.*
yēd | čiyā ||
26. *way lúvd-i: „mu šóg-af zod,*
waj lū-vdē || mu šó-ǵaf zōd |
27. *áz-um way murđá par-đūd,*
ázum | waj murđá parđū-d |
28. *uxtúr-um zuħt“.*
uxtúrum zu-ħt ||
29. *uf mis xu šagén-an zod xo,*
uf murđá-yen zuħt xo, yūđ-an tar bōzōr.
óf mis | xu šagénan zōd xo | óf murđáyan zuħt xo | yūđan tar bōzōr ||
30. *mardúm pawst: „dāđ-an čiz?“.*
mardú-m pawst | dāđan čiz? ||
31. *(w)uf luvd didi: „muf šagén murđá uxtúr-ti đāđām“.*
wuf lū-vđidē | moř šagén murđá | үxtúr te đāđām ||
32. *mardúm luvd didi: „ey biaqlén,*
šog murđá-ti uxtúr iyōř na zezd“.
mardú-m lu-vđidē | ey b̄aqléñ |
šo-g murđá ta | iyōř | үxtúr | eyōř na z̄ezd
33. *wāđ-an sat az xu kor ҳarmindá xu, tāyđ-an.*

Хуфский

22. *yaw γαδá um uxtúr-ti suwór sut xu tuyd.*
yaw γαδá! ὁμ uxtúrte s"wór sut xo tuyd
23. *way virōdár čúxt-an didi: uf viród uxtúr-ti suvór-at yat.*
waj v'ródár čúxtan dide | of v'ród! uxtúr te súvórat yat ||
24. *lúvd-an: „ey badbáxt, dum uxtúr-at as kā avúg?*
lúvdan || ej badbáxt | dum uxtúrat as kā avúg? |
25. *yid čiyōw?“.*
yed čiyōw? ||
26. *way lúvd-i: „mu šog-af zod,*
waj lúvde || mu š"o-ğaf z"o-d |
27. *wáz-um way murđá¹ par-đúd,*
wázum | waj murđá par_đú_d |
28. *uxtúr-um zúxt“.*
uxtúrum zú_xt ||
29. *uf mis xu šagén-an zod xo, uf murđáyan zúxt xo, yúd-an tar bōzör.*
of mēs | xü šagénan z"o_d x"o | of murđáyan zúxt_x"o | yü_dan tar bōzör ||
30. *mardúm pāwst: „dáð-an čiz?“.*
mardúm pāwst || dáðan! čiz? ||
31. *uf lúvd didi: „muf šagén murđá, uxtúr-ti đáðam“.*
of lúvd dide | muf šagén murđá || uxtúr_te đáðam ||
32. *mardúm lúvd didi: „ey biaqliyén, šog murđá-ti uxtúr iyör na zezd“.*
mardúm lúvd dide || ej beaqlién | šog murđá_tē | uxtúr iyör na zezd.
33. *wáð-an sat as xu kōr žarmindá xu tóyd-an.*

Бартангский

22. *yä γαδá lap xuš sut, bäd um axtúr-ter siwór sut xu, tūyd.*
yä γαδá! lap xuš sot | bäd! ὁμ axtúr_tyr s'wór sot xo | tūjd.
23. *wi virōdár-af čəxt di: uf viród axtúr-ter siwór-at yat.*
wi v'ródáraf! čəxt de | of v'ród! axtúr_tör sewórat yat ||
24. *lúvd-af: „a badbáxt, az dím axtúr-at az kā vüg?*
lúvdaf || a badbáxt || az dím axtúrat! az kā vüg? ||
25. *yid čiyā?“.*
id čiyā? ||
26. *wi lúvd-i: „mun šeg-af zed,*
wi lúvdë || mun šegaf zed |
27. *áz-um wi murđá par-đód-at,*
ázum | wi murđá par_đódat |
28. *axtúr-um zóxt“.*
axtúrum zóxt ||
29. *úf-af mis xu šegén zéd xu, zóxt-af xu tar bōzör-an sat.*
ófaf mis | xu šegén zéd xo | zóxt_af xo | tar bōzóran sat ||
30. *mardúm-af pāwst: „yid čiz?“.*
mardúmaf pāwst || yed čez? ||
31. *úf-af luvd: „yim šeg murđá, axtúr-ter đáðán“.*
ófaf luvd || yem! šyg murđá || axtúr_tyr đáðan ||
32. *marđúm-af luvd: „a biaqlén, šeg murđá-tor iyör axtúr na đet“.*
marđúmaf lovd || a beaqlén | šeg murđá_tör! yeyör axtúr na đet ||
33. *wáð-an az xu kōr sat žarmindá xu tóyd-an.*

Шуганский

- wáðen' as xó kór' sat xarmen-dá xó' tójdén ||
34. xu šagén-en zid, ná-yen xítür vüd, na šig.
xó šagénen zid | náyén xítür vüd | na šig
35. dáð-en tar yakdigár muslát čüd dide: „yid badbáxt māš-i abrát ðöd,
dáðen tar yakdigár muslát ču_d díde | yed badbáxt' māše abrát ðöd |
36. māš di nán zínäm".
māš' dē nán zínäm ||
37. dáð-en wi nán zid.
dáðen' wé nán zid ||
38. yu sayirá sut.
yu' sayi_rá sut ||
39. xu nán murðá-i markáb-ti sawór čüd,
xó nán muroáyę | markáb_te sawór čüd |
40. níwd-i xu, yat yi jö-ndir.
níwdé xó' yat yé jöndir ||
41. yi čorik ser zezd.
yé čorik' ser zézd ||
42. yu nūst,
yu' nū_st |
43. markáb sat tar ser.
markáb sat tar sér ||
44. yu čorik markáb-i ðöd qimb.
yu čorik' markábě ðöd qimb ||
45. yu murðá as wám-tir wext.
yu murðá' as wám_tir wext ||
46. yam yíðá yat, daráw níwd sut,
yam yéðá yat | daráw níwd sot ||

Рушанский

- wáðan' sat az xó kór xarmen-dá xó' tájdan ||
34. xu šagén-an zod, ná-yan uxítür na avúg, ná-yan šagén avúg.
xó šagénan zod | náyan uxítür na avúg | náyan šagén avúg ||
35. dáð-an tar yakdigár muslaát čüg:
„day badbáxt māš-i abrát ðüd,
dáðan' tar yakdigár muslaát čü-g || daj badbáxt' māši abrát ðü_d ||
36. māš day mōd zánam".
māš dæ' mōd zánam
37. uf dað way mōd zod.
úf dað' waj mōd zod ||
38. yā sayirá sut.
yā' sayi_rá su_t ||
39. xu mōd murðá-i šar-ti siwór ču,
xó mōd muroáyę' šar_te s'wór čo ||
40. náwt-at yat yi jón-andi.
náwtat yat yi jónandi ||
41. yi čurúk ser zezd.
yé ču_rú_k' sér zézd ||
42. yā nost,
yā' no_st ||
43. šar sat tar ser.
šar sat tar sér ||
44. yā čurúk um šár-i ðüd qumb.
yā ču_rú_k' om šári' ðü_d qomb ||
45. yā murðá az um tór-ti wext.
yā murðá' az um tór_te' wext ||
46. yim yadá yat, daráw níwd sut,
yem yadá yat | daráw níwd su_t ||

Хүфский

- wāðan sat as xu kór ḫarmendá xó
tōjdan ||
34. xu šagén-an zod, ná-yan uxtúr
avúg, ná-yan šagén avúg.
xu šagénan zo-d | náyan uxtúr
avúg | náyan šagén avúg ||
35. dáð-an tar yakdigár muslát čüg:
„day badbáxt māš-i abrát ðöd,
dáðan tar yakdiǵár muslát čüg |
daī badbáxt māši abrát ðu-d |
36. māš day mōd zənam“.
māš | daī mōd zənam ||
37. uf dað way mōd zod.
of dað | waī mōd zod ||
38. yaw saγirá sut.
yaw | saγirá sut ||
39. xu mōd murðáyi šár-ti siwór
čüg,
xu mōd murðáyę | šár_tę s̄wór
čüg |
40. náwt-at yat yi jöy-andi.
náwtat | yat ye jöyandę ||
41. yi čurük ser zezd.
ye ču_rú_k | sér zezd ||
42. yaw nūst,
yaw | nūst ||
43. šár sat tar ser.
šár | sat tar sér ||
44. yaw čurük um šár-i ðöd qumb.
yaw ču_rú_k | um šárę | ðu-d qumb ||
45. yaw murðá as um tórti wæxt.
yaw murðá | as_om_tórtę | w'æxt ||
46. yim γadá yat, daráw níwd sut,
yem γadá yat | daráw níwd sut ||

Бартангский

- wāðan | az xó kór | sat ḫar-
mindá xó | tōjdan.
34. úf-af xu šegén zed, na axtúr-af
avúg-at na šeg.
ófaf xu šegén zed | na axtúr-af
avúgat | na šeg.
35. dáð-af tar yakdigár muslát čüg:
„dī badbáxt az māš abrát ðöd,
dáðaf | tar yakdiǵár muslát čüg ||
dī badbáxt | az māš abrát ðöd |
36. māš dī nān zānan“.
māš | dī nān zānan ||
37. dáð-af wī nān zed.
dáðaf | wī nān zed ||
38. yā sayirá sut.
yā | sayirá su-t ||
39. xu nān murðáyi markáb-ter
siwór čüg,
xó nān murðáyę | markáb_tyr
s̄wór čüg |
40. níwd-i xu, yat yi jö-indēr.
níwdę xó | yat ye jö_ındēr ||
41. yi čurük sōr zōzd.
ye čurú_k | sōr zōzd ||
42. yā nəst,
yā | nəst |
43. markáb sat tar sōr.
markáb sat tar sōr.
44. wī čurük az-úm markáb-i qumb
ðöd.
wī čurú_k | az_úm markábę | qumb
ðöd ||
45. yim murðá az um markáb dám-
ter wext.
yem murðá | az_úm markáb
dám_tyr | wéxt ||
46. yā γadá yat, daráw níwd sut,
yā γadá yat | daráw níwd sut ||

Шугнанский

Рушанский

47. *lúd-i*: „mu nán-at zíd,
lu_-di || mə nānat zíd |
48. *wuz sám pōdžō-xez, dōd kinúm*“.
wuz sám pōdžó_xēz | dōd kēnum ||
49. *yu čorík lúd-i*: „mú-nđ-en ḍu
rizín,
yu čorík lū_-de || múnđen!đo re-
zín |
50. *yīw xuš ki [xu, zez xu qárz-
andır*“.
yīw xóš_ké xō!zez xo_qárz_andır ||
51. *yu yiđá wi xadár rizín-i zōxt
xu, tūyd, yat tar xu čid.*
yu γeđá!wə xadár rezínę zōxt_xō
tūjd || yat tar xo čid ||
52. *wi virōdár-en lüd*: „dám-at as
kā vūd?“.
we v̄rōdárēn lū_d || dámat as_kā
vūd? ||
53. *yu lúd-i*: „xu nān murđá-m ḍod
mám-um zōxt“.
yu lū_di || xō nān murđám ḍod
mámum zōxt ||
54. *wáđ-en mis xu nān zíd, wam
murđá-yen yōd tar bōzōr.*
wáđen_mis!xō nān zíd | wam
murđáyen yōd tar bōzōr ||
55. *mardúm-en peħst*: „dam murđá
ca kinét?“.
mardúmēn pēħst || dam murđá
cá_kinét? ||
56. *wáđ-en lüd*: „mam bašánd γáč-
tir par-đáđam“.
wáđen lū_d || mam ! bašánd γáč_té!
parđáđam ||
47. *lúvd-i*: „mu móđ-at zod,||
lú_vde || mu módat zod ||
48. *az sám tar pōdžō-xiz, dōd ki-
núm*“.
az sám tar pōdžó_xiz | dōd kinúm ||
49. *way lúvd-i*: „múnā-yan ḍaw ri-
zén,
way lú_vd || múnāyan!đaw rezín |
50. *yīw xu-r xuš kin, zez xu
qárz-andır*“.
yīw !xōr xūš_kēn | zēz! xu qárz-
andē ||
51. *way γađá way xaydi rizén
zúxt-i xu tuyd, yat tar xu čod.*
way γađá!waj xajđé rezín
zúxti_xō! tuyd || yát tar xo čod
52. *way virōdár-an luvd*: „dúm-at
as kā avúg?“.
waj v̄rōdárān!lu_vd || dū_-mat!
as_kā avúg ||
53. *way luvd*: „xu móđ murđá-yum
đúđ-at, mún-um zúxt“.
waj luvd || xu móđ murđáyum
đú_-dat | mún-um zúxt ||
54. *uf mis xu móđ zod, um murđá-
yan yúd tar bōzōr.*
uf mēs!xu móđ zō_d | om mur-
đáyan!yū_d tar bōzōr ||
55. *mardúm-an pawst*: „dum murđá
ca kinát?“.
mardú_-man pawst || du_m murđá
cá_kinát? ||
56. *(w)uf luvd*: „mum bašánd γáč-
tir par-đáđam“.
wuf lu_vd || mum!bašánd γáč_té!
parđáđam ||

Хүфский

Бартангский

47. *lúvd-i*: „*mu mód-at zod,*
lúvdı || mu módat zó_d |
48. *waz sám tar pódxó xiz, dód kinúm*“.
waz sám tar pódxó xiz | dód ki-nym ||
49. *way lúvd-i*: „*múyow-yan daw rizén,*
waj lúvdı || múyow_an | daw rizén |
50. *yiw xurd xuš kin, zez xu qárz-andi*“.
yiw xord xóš kēn | zez xu qárz-ande ||
51. *way yađá way xaydí rizén zuxt xu tuyd, yat tar xu čod.*
waj yađá! waj xajdé rizén zuxt xo-tujd || yat tar xu čo_d ||
52. *way virödár-an lúvd*: „*dúm-at as ká-jo vüg?*“.
waj v'rödäran lúvd || dýmat as kájo vüg? ||
53. *way lúvd*: „*xu mód murðáyum ðúd-at, mím-um zuxt*“.
waj lúvd || xu mód murðáyum ðúdat | mýmum zuxt ||
54. *uf mis xu mód zod, um murðáyan yüd tar bözör.*
óf mës xu mód z"od | um murðáyan' yü_d tar bözör ||
55. *mardúm-an pāwst*: „*dum murðácav kinát?*“.
mardúman pāwst || dum murðácav kinát? ||
56. *uf lúvd*: „*mum bašand yáč-ti par-ðáðam*“.
óf lúvd || mum! bašand yáč_té par_ðáðam ||
47. *lúvd-i*: „*mu nán-at zed,*
lúvde | mo nánat zed |
48. *az tar qōzí xiz sám, arz kinúm*“.
áz! tar qōzí xiz sám | árz kēnum
49. *wi lúvd-i*: „*tar qōzí-xiz az mun mā ayōs, múnā-an daw razén,*
wi lúvdę || tar qōzí xiz! az móñ mā ayōs || múnā an! daw razén |
50. *yiw xuš kin, xu qárz-inde zōz*“.
yiw xóš kēn | xo qárz_inde zōz ||
51. *wi yađá az um xaydár razén xuš-i čüg xu, zóxt-i xu, tūyd, yat tar xu čod.*
wi yađá! az um xaydár räžin xuše čüg_xó | zóxt_xó | tūjd || yat tar xu čod.
52. *wi virödár-af luvd*: „*az dím-at az kā vüg?*“.
wi v'rödäraf lóvd || az dímat' as ká vüg ||
53. *wi lúvd-i*: „*xu nán murðá-um ðdd-at, az mím-um zóxt*“.
wi lóvdę || xu nán murðáum ðddat | az mímum zóxt ||
54. *úf-af mis xu nán zed, um murðá-af tar bözör ayōd.*
ófaf mis! xu nán zed | om murðá_af! tar bözör ayōd ||
55. *mardúm-af pāwst*: „*az dim murðá ca-ráng kinát?*“.
mardúmaf pāwst || az dém murðá! ca_ráng kinát ||
56. *úf-af luvd*: „*az mim bašand yáč-ter par-ðáðan*“.
ófaf luvd || az mém! bašand yáč_tér par_ðáðan ||

57. *mardúm-en wēv ðōd izzō xu, wāð-en tōyđ.* 57. *mardúm-an ðād ufi zō xo, wāð-an tāyđ.*
mardúmēn ! wēv ðōd izzō xə! *mardú-mān ! ðū-d of izō xə !*
wāðēn tōjđ. *wāðan tājđ.*
-

1. Было ли не было, было три брата. 2. Два брата от одной матери, 3. один — от другой матери. 4. У них было три теленка. 5. Младший за своим следил, 6. старшие за своими не следили. 7. Однажды он тоже за своим не доглядел. 8. Его братья его теленка убили. 9. Он пришел, а его теленка нет. 10. Тогда он поискал там, 11. нашел его труп. 12. Взял и отправился в поле. 13. Посмотрел — спереди подошел верблюд. 14. Тогда он взял его и кровью теленка и его испражнениями вымазал верблюду пасть. 15. Посмотрел: подошел хозяин верблюда. 16. Владелец теленка тотчас принялся плакать, 17. сказал: „Брат, твой верблюд съел моего теленка“. 18. Тот сказал: „Брат, не говори так, верблюд телят не ест“. 19. Тот сказал: „Посмотри на его пасть — она в крови и в испражнениях. 20. Я пойду к царю, пожалуюсь“. 21. Владелец верблюда сказал: „Брат, не ходи жаловаться, мой верблюд — возмездие за твоего теленка“. 22. Парень сел верхом на верблюда и отправился. 23. Его братья посмотрели: их брат верхом на верблюде приехал. 24. Они сказали: „Эй негодный, откуда ты достал этого верблюда? 25. чей он?“. 26. Тот сказал: „Вы моего теленка убили, 27. я его труп продал, 28. получил верблюда“. 29. Те тоже своих телят убили, отвезли их трупы на базар. 30. Люди спросили: „Это что?“. 31. Они сказали:

Хуфский

Бартангский

57. *mardúm-an ðüd uf izzó xo, wáð-an tóyd.* 57. *mardúm-af az uf izó ðöd xu, wáð-an tóyd.*
mardúman ! ðü-d uf izzó xó | mardúmaf! az óf əzó ðöd xó! wádan tójd.
-

„Это трупы телят, продаем за верблюда“. 32. Люди сказали: „Э, глупцы, труп теленка за верблюда никто не возьмет“. 33. Они устыдились своего поступка и ушли. 34. Своих телят убили, ни верблюда не получили, ни теленка. 35. Тогда они посовещались друг с другом: „Этот негодник обманул нас, 36. мы его мать убьем“. 37. Тогда они его мать убили. 38. Он стал сиротой. 39. Труп своей матери он погрузил на осла, 40. заплакал и пришел в одно место. 41. Один человек убирал там ворох (зерна). 42. Он (парень) сел, 43. осел пошел в ворох. 44. Тот человек удариł осла камнем; 45. труп свалился со спины осла. 46. Парень подошел, принял плакать, 47. сказал: „Ты убил мою мать, 48. я пойду к царю, пожалуюсь“. 49. Тот человек сказал: „У меня две дочери, 50. выбери одну и возьми себе в возмездие“. 51. Парень взял старшую дочь и пошел, пришел домой. 52. Его братья сказали: „Откуда ты ее привел?“. 53. Он сказал: „Я продал труп моей матери и ее получил“. 54. Они тоже свою мать убили, отвезли ее труп на базар. 55. Люди спросили: „Что вы с этим трупом делаете?“. 56. Они сказали: „Продаем его за красивую девушку“.. 57. Люди их пристыдили, и они ушли.

ЯЗГУЛЯМСКИЙ ЯЗЫК

Язгулямцы численностью около 2 тысяч человек живут по долине реки Язгулям — притока Пянджа. Несмотря на свою малочисленность, язгулямцы хорошо сохранили свой язык, поскольку до последнего времени, пока по Памиру не были проведены автомобильные дороги, они сравнительно мало общались с окружающим населением. В настоящее время язгулямский сельсовет входит в состав таджикского Ванчского района Горно-Бадахшанской автономной области, так что язгулямцы имеют с таджиками более тесную связь, чем с памироязычным населением. Язгулямский язык каких-либо резких диалектных различий не имеет.

Язгулямский язык стал изучаться значительно позже остальных памирских языков: о его существовании стало известно лишь в 1908 г., и до настоящего времени изданных материалов по нему почти нет: имеются лишь два прозаических текста (на $1\frac{1}{2}$ страницах), опубликованных И. И. Зарубиным¹ в 1936 г., и один стихотворный текст, состоящий из 10 строк, опубликованный Лентцем в 1933 г.² Остальное, что имеется по язгулямскому языку, это различного типа списки слов: около 160 слов, записанных Р. Готио,³ таблица глаголов М. С. Андреева⁴ и десятка два слов секретной лексики, изданных С. И. Климчицким.⁵

Эти материалы не дают достаточного представления о составе фонем язгулямского языка, что особенно относится к вокализму. Более точное представление о консонантизме можно было получить из опубликованных И. И. Зарубиным двух язгулямских текстов,¹ в частности в консонантизме им был установлен ряд огубленных согласных. Однако отдельные вопросы были неясны и в консонантизме: значение и характер палатализации заднеязычных смычных, более точный состав и употребление огубленного ряда согласных.

¹ „Two Yazghulamī Texts“ Bulletin of the School of Oriental Studies, vol. VIII, parts 2—3, 1936, London.

² W. Lenz. Pamir-Dialekte. Göttingen, 1933, стр. 105.

³ Journal Asiatique VII, № 2, 1916, Paris.

⁴ М. С. Андреев. Язгулямский язык. Таблица глаголов. Л., 1930.

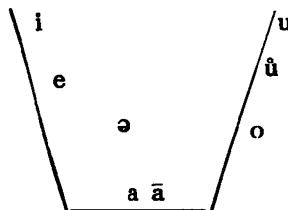
⁵ С. И. Климчицкий. Секретный язык у ягнобцев и язгулямцев. Тр. Тадж. базы Ак. Наук СССР, т. IX, 1940.

Проведенное исследование позволило установить состав фонем в вокализме и уточнить его в консонантизме. Осведомителями при исследовании были язгулямцы: Аязов, студент педучилища из селения Мотраун (в нижнем течении Язгуляма), и Бабаев, слушатель партшколы из селения Джамак (в среднем течении Язгуляма). Для определения длительности гласных применялся кимограф.

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Язгулямский вокализм насчитывает 8 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

Основной тип противоположения язгулямских гласных — противоположение по качеству. Однако признак длительности тоже имеет фонологическое значение, что проявляется: 1) в наличии пары *ä*—*a*, противополагающейся по признаку длительности, и 2) в наличии краткой или сверхкраткой фонемы *ə*,¹ которая противополагается остальным фонемам не только по качеству, но и по длительности. Остальные пять фонем *i*, *e*, *o*, *ü*, *u* в отношении длительности могут быть определены как нейтральные, поскольку они хотя и отличаются длительностью как от *a*, так и в еще большей степени от *ä*, но все же не противополагаются им по этому признаку.

ФОНЕМЫ *a*, *ä*

Обе фонемы в основном варианте своего звучания качественно близки фонемам *a* и *ä* шугнано-рушанской группы, т. е. представляют собой гласные нижнего подъема при горизонтальном положении спинки языка. Однако язгулямское *a* может более часто и более заметно продвигаться вперед в благоприятных условиях (рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией), становясь вполне передним «*a*», не доходящим, однако, до типа «*æ*»: «ža-pín» 'я убью', «ža-pa-u» 'ты убьешь', «aǵa-g» 'если', «az tıra žarın» 'я тебе дам'. Противоположение *a* и *ä*, представляю-

¹ В дальнейшем изложении значок краткости над *ə* опускается, поскольку *ə* всегда краток.

щее для язгулямского вокализма единственный случай противоположения по долготе и краткости, можно видеть на следующих примерах, где обе фонемы употребляются в одних и тех же фонетических положениях: *χāp* 'корова' и *χān* 'кровь', *bad* 'потом' и *bad* 'иди', *kas* 'смотри' и *kaš* 'горячий', *nāp* 'мать' и *mad* 'стал', 'сделался', *kāl* 'голова' и *lap* 'много', *kār* 'дело' и *jar* 'дай'. Главным моментом при противоположении *a* и *ā* является различие в долготе. Как дополнительный момент в отдельных (указанных выше) фонетических положениях может выявиться и качественное их различие, поскольку краткое *a* может заметно продвигаться вперед. Краткое *a* по своей абсолютной длительности примыкает к группе нейтральных гласных, т. е. не является очень кратким и всегда имеет четкую, а под ударением — даже напряженную артикуляцию.

Противоположение обеих фонем является, однако, ограниченным и актуально оно, по существу, лишь для одного фонетического положения: для односложного слова перед одним согласным, как и показывают приведенные выше примеры. Но даже и в этом положении в отдельных случаях возможно безразличное произношение: *yāt* || *yat* 'пришел'. В остальных же фонетических положениях противоположение долгого *ā* и краткого *a* стирается, фонологичность признака длительности исчезает, и длительность гласного попадает в зависимость от фонетического положения. Так, для двухсложных слов, исключая ударный исход слова, благодаря меньшей абсолютной длительности гласных в этом положении, унификация обеих фонем ведет к краткому *a*. Если, например, в слове *nāp* 'мать' имеет место долгое напряженное *ā*, то при осложнении этого слова суффиксом (*nápje* 'у матери') его напряженность ослабевает, длительность сокращается и оно уже не противополагается краткому *a*. Для двухсложных слов, таким образом, вообще можно было бы не говорить о двух разных фонемах *a* и *ā*, но поскольку их противоположение существует в односложных словах и за ними, таким образом, закреплен определенный звуковой образ, то «а» двухсложных слов фонетически, а вместе с тем и фонологически, примыкает к одному из них, именно — к краткому. Явно долгое и обязательное *ā* в двухсложных словах засвидетельствовано только в случаях заменительной долготы, компенсирующей не произносимые язгулямцами фарингальные в заимствованных словах: *tādi* 'наставление', *malā* 'дворец'.

В односложных словах, закрытых двумя согласными, напротив, любое «а» растягивается, как растягиваются и другие (нейтральные) гласные в этом положении, особенно перед щелевыми. Это свойство язгулямских гласных растягиваться в слогах, закрытых двумя согласными, связано, повидимому, с противоположением их сверхкраткому *ə*, которое в этом положении имеет наибольшую длительность.¹ В резуль-

¹ Детальнее этот вопрос разбирается при описании Фонемы *ə* и в разделе длительности гласных.

тате и в этом положении противоположение фонем *ä* и *a* стирается: во всех словах с исходом на две согласных возникающий здесь вариант «*ä*» тяготеет к фонеме *a* (перед щелевыми закономерно): *laft* 'сказал', *dayd* 'вошел', *däxt* 'степь', *rak^ət* 'сосет', *razg* 'правый', *zayd* 'придет', *x^əant* 'читал', *zäwd* 'сердце', *warg* 'волк', *käf^əx* 'туфли', *x^əäck* 'малый', *sawd* 'год', *täwd* 'сделает', *mäst* 'месяц', *pänd* 'дорога', *wäst* 'двадцать', *zgäpt* 'схватил' и т. д. Долгота *ä* перед двумя согласными может сохраняться и в двухсложных словах при отчетливом произношении, особенно если гласным первого слога является редуцированный *ä*: *wäräyd* 'прошло', *xeràxt* 'затянул'. Растижение всякого «*a*», а следовательно и восприятие его как долгого *ä*, нормально также для ударного исхода слова: «*mälä*» 'дворец', «*zändä*» 'живой', «*jurä*» 'друг'.

В итоге взаимоотношения *a* и *ä* в зависимости от фонетического положения можно суммировать следующим образом.

1. Противоположение обеих фонем актуально, главным образом, для односложных слов перед одним согласным. Но даже и в этом положении возможно безразличное произношение: *bad* || *bad* 'потом', *yaχ* || *yaχ* 'рот', *yät* || *yat* 'пришел', *laf* || *laf* 'скажи'. При этом долгое *ä* может чаще терять свою долготу и таким образом превращаться в *a* (*bad* > *bud*), чем краткое *a* — удлиняться (*yar* > *yär* 'камень').

2. В односложных словах, закрытых двумя согласными, как правило, возникает долгое *a*, поскольку в отчетливой речи каждое «*a*» в этом положении может растягиваться. Но в обычной речи и в зависимости от фразового ударения длительность *a* может иногда сокращаться: *zgäpt* | *zgapt* 'схватил', *rak^ət* || *rak^ət* 'сосет'.

3. В двухсложных словах, за исключением ударного исхода, как правило, долгого *ä* нет: *x^əal* 'читай', но *x^əanip* 'я читаю', *käs* 'смотри', но *käsit* 'смотрите', *x^əal* 'корова', но *x^əanéžg* 'коровы', *laft* 'сказал', но *läftay* 'он сказал', *käf^əx* 'туфли', но *käf^əxay* (-*ay* местоименный суффикс) и т. д. В ударенных закрытых слогах при отчетливом произношении *ä* может восстанавливаться: *läftay* 'он сказал', *käf^əxay* (*lay keg*) 'туфли (она положила)'. В неударенных же слогах долгота *ä* засвидетельствована только как заменительная: *tadí* 'наставление', *säräy* 'утром', *mälä* 'дворец'.

4. В ударном исходе слова всякое «*a*» может растягиваться, поэтому при отчетливой речи почти всякое исходное «*a*» под ударением является долгим: *xazinä* 'казна', *podä* 'стадо', *mälä* 'дворец', *jurä* 'друг' и т. д. Однако при быстрой речи исходное «*a*» может и сокращаться: *podä*, *mälä* и т. д. В редких случаях, когда имеют место противополагающиеся парные слова, исходное *a* не может растягиваться: *agä* 'если' при наличии *agå* 'бодрствующий'.

5. Следовательно, для большинства случаев долгота или краткость гласного «*a*» связаны с влиянием фонетического положения, и фонологическая его принадлежность к долгому *ä* или краткому *a* выявляется лишь при отчетливой речи.

ФОНЕМЫ *i*, *e*, *o*, *ü*, *u*

Будучи нейтральными в отношении длительности и имея широкий количественный диапазон почти для каждого фонетического положения, фонемы *i*, *e*, *o*, *ü*, *u*, однако, не сокращаются, как правило, очень сильно, являясь всегда отчетливыми по своей артикуляции, а под ударением также и напряженными. Только две фонемы — *i* и *e*, и при этом лишь в одном фонетическом положении (в безударном исходе слова) — могут сокращаться сильнее и, становясь вялыми, несколько теряют свою качественную определенность. Остальные три гласных (*o*, *ü*, *u*) в безударном исходе не встречены.

Фонема *i* — гласный переднего ряда, неогубленный. Под ударением колеблется по подъему от узкого до открытого *i* (от «*i*» до «*I*»), что зависит от влияния окружающих согласных и от положения в слове: в закрытых слогах при прочих равных условиях гласный *i* шире, чем в открытых. Сужающее влияние оказывают согласные со среднеязычной артикуляцией, а также щелевые. Расширяющее влияние оказывают увулярные согласные, согласные *w* и *g*, а также смычные. Примеры: «ímra» ‘ей’, «xí’ ‘свой’, «ъđím» ‘ее’, «wíntay» ‘он увидел’, «kí’ союз подчинительный, «míð» ‘день’, «yasít» ‘возьмите’. При отчетливом произношении *i* во всех случаях стремится к узкому варианту и под ударением может сильно удлиняться, приближаясь по своей полнозвучности к долгому *ī* шугнано-рушанской группы: «míð», «ríg», что особенно характерно для ударного исхода в односложных словах: «rí’ ‘лицо’, «sí’ ‘тридать’, «bí’ ‘запах’, «kí’ ‘кто’.

В неударенном положении язгулямское *i* всегда несколько короче и склонно к большему расширению, вплоть до варианта «*e*». Впрочем, расширению *i* часто препятствует возможная палатализация предшествующего согласного, при которой *i* остается узким: «läft kí’ || läft kē’ ‘он сказал, что...’. Наибольшего расширения достигает неударенное *i* в исходе слова, где оно в обычном стиле речи нормально имеет «*e*»-образное звучание: «yačágé хъšgí’ (фонологически *yačági* xəšgí) ‘красивая девушка’, «tē xatépn’ (фонолог. *ti xatépn*) ‘твоя жена’, «robóę rós’ (фонолог. *roścói rōs*) ‘царский сын’, «xę varág’ (фонолог. *xi varág*) ‘свою лошадь’. Вариант «*e*» может возникать в быстрой речи также в середине слова в закрытых слогах, особенно рядом с сонантами *w*, *n*, *t*, *l*, *r*: «ъđem’ ‘ее’, «varét’ ‘принесите’, «wëđd’ ‘бросил’. Однако этот «*e*»-образный вариант не является обязательным и в отчетливой речи восстанавливается в более узкое «*i*» или «*I*» во всех положениях.

По признаку ряда фонема *i* весьма устойчива, она ни в каких положениях не продвигается назад, всегда оставаясь в пределах переднего ряда.

Примеры употребления фонемы *i*: *ri* ‘лицо’, *bi* ‘запах’, *bil* ‘лопата’, *juš* ‘охота’, *míð* ‘день’, *wint* ‘увидел’, *-it* глагольное окончание 2-го л. мн.

числа наст. времени, *xi* 'свой', *ti* 'твой', *ni* 'мой', *im* 'ее', *if* 'их', *pist* 'спросил', *nist* 'сел', *migá* 'умерший', *majlís* 'собрание'.

Фонема *e* — неогубленный гласный переднего ряда, колеблющийся по подъему от довольно открытого «е» до очень закрытого «ё» или даже «и». Основным типом звучания является вариант «е» (на 4-й ступени подъема), близкий к русскому *e* в слове „дед“. Узкое звучание фонемы *e* характерно для положения рядом с согласными со средненязычной артикуляцией, а также перед носовыми: «*k̥eg*» 'сделал', «*qaraq-čép*» || «*qaraqčíp*» 'разбойники'. Наиболее характерен узкий вариант фонемы *e* для неударенного исхода слова: «*wáy-me*» (фонологически *wáy-me*) 'у него', «*na maktáb-ji*» (фонолог. *na maktáb-je*) 'из] школы'. В этом положении фонема *e* весьма близка по звучанию к фонеме *i*, которая расширяется в аналогичном положении до такого же варианта: «*láft-kı*» и даже «*láft-kę*» 'сказал, что'. Поэтому в быстрой речи *i* и *e* в безударном исходе различить очень трудно, но при усилении четкости произношения обе фонемы восстанавливаются в свои основные варианты: фонема *i* сужается, а фонема *e* расширяется. Такое сближение обеих фонем через сужение *e* и расширение *i* наблюдается и в других неударенных слогах, хотя и реже. В результате создаются предпосылки для их смешения, что иногда и наблюдается в возможности дублетного произношения: *bemór* || *bimór* 'больной'. По признаку ряда фонема *e*, как и *i*, очень устойчива.

Примеры употребления фонемы *e*: *vred* 'брат', *čer* 'четыре', *derk* 'дерево', *reb* 'нога', *gew* 'бык', *jep* 'душа', *je* 'место', *xeh* 'вода', *ded* 'отец', *beł* 'борода', *reñ* 'пуля', *ue* 'снова', *repj* 'пять', *dərmén* 'лекарство', *sawér* 'всадник', *zejt* 'схватил', *bed* 'ударил', *χaméd* 'послав', *k̥eg* 'сделал', *muysaféd* 'старик'.

Фонема *o* — огубленный гласный заднего ряда, открытого типа, образующийся на 3-й ступени подъема («о»), т. е. совпадающий по подъему с русским *o*, но отличающийся от него отсутствием дифтонгидности. Вполне совпадает по качеству с таджикским *o*, но отличается от него своей несколько меньшей напряженностью и большей способностью к сокращению. Качественно меняется очень мало, так что не имеет сколько-нибудь заметных вариантов.

Примеры употребления фонемы *o*: *ros* 'сын', *doȝd* 'дочь', *šod* 'ушел', *axiðr* 'верблюд', *bos* 'коваленок', *tow* 'ты', *toх* 'мы', *k̥od* 'собака', *dot* 'хвост', *doš* 'два', *gəjóp* 'окно в крыше', *ažbtı* 'послал', *rəxóyd* 'заснул', *əndóyd* 'поднялся', *k̥oxt* 'зарезал (скотину)'. В словах, общих с таджикскими, передает таджикское *o*: *bitór* 'больной', *awqót* 'пища', *bozór* 'базар', *qišlóq* 'кишлак', *odát* 'человек', *boz* 'сокол', *dawót* 'продолжение', *xərók* 'еда', *ozır* 'сейчас'.

Фонемы *ü*, *u*. Фонема *u* — очень закрытый (верхнего подъема) сильно огубленный гласный заднего ряда. Ни в каких положениях вперед не продвигается. Сколько-нибудь заметных вариантов не имеет

Противополагается фонеме *ü*, которую можно характеризовать как открытое *u*, образующееся обычно на 2-й ступени подъема (вариант «*u*»), так что на русский слух без тренировки фонему *ü* очень трудно отличить от *u*. Кроме большей открытости по сравнению с *u*, фонема *ü* имеет добавочный признак — оставаясь в пределах заднего ряда, она может несколько продвигаться вперед: «*bü-g*» ‘грудь’. То, что обе гласные являются разными фонемами, показывают следующие примеры, где обе фонемы употребляются в одинаковых фонетических положениях: *büs* ‘десять’ и *bis* ‘шерсть’, *bür* ‘грудь’ и *bir* ‘мел’, *vüst* ‘заяздал’ и *xidt* ‘сон’, *üi* ‘один’ и *du* ‘тот’, *pul* ‘деньги’ и *-dür* суффикс сравнительной степени, *bil* ‘горсть муки’ и *tümt* ‘бабка’, *dusł* ‘друг’ и *büst* ‘рука’. Фонема *ü* встречается сравнительно редко, фонема *ü* значительно употребительнее. Обе фонемы очень устойчивы как в качественном, так и количественном отношении и сколько-нибудь заметных вариантов не имеют. Примеры на употребление фонемы *ü*: *büs* ‘десять’, *cü* ‘три’, *üi* ‘один’, *büst* ‘рука’, *bür* ‘грудь’, *tüł* ‘я’ (косв. пад.), *xüd* ‘сам’, *küd* ‘дом’, *xǖr* ‘солнце’, *tümt* ‘бабка’, *rüst* ‘низкий’, *-dür* суффикс сравнительной степени, *bədū* ‘ружье’, *küxt* ‘посмотрел’, *vüst* ‘привязал’, *xüg* ‘съел’. В словах, общих с таджикскими, передает таджикское (дарвазское) *ü*: *müzä* ‘сапоги’, *tüy* ‘свадьба’.

ФОНЕМА Ә

Фонема *ә* принадлежит к типу редуцирующихся гласных. В этом отношении она противостоит всем остальным гласным, не способным редуцироваться. Качественный диапазон фонемы *ә* весьма широк: это всегда краткий гласный, неогубленный, образующийся в пределах от передне-смешанного до задне-смешанного ряда, что определяется влиянием окружающих согласных. Огубленность иногда появляется под влиянием огубленных согласных, но слабая и не стойкая, исчезающая при отчетливом произношении. По подъему диапазон *ә* колеблется от открытого «*ɛ/ə*» (на 2-й и 3-й ступени) до закрытого «*ъ*» (на 5-й ступени). Основной тип звучания — гласный смешанного ряда, с возможным продвижением либо вперед, либо назад («*ъ-ɛ-*», «*ɛ-ə-*», «*ə-ъ-*»): «*ɛ-ш*» предлог местонахождения, «*kə-mpír*» ‘старуха’, «*də-ł||dəł* | *də-ł*» ‘сердце’. В соседстве с заднеязычными и увулярными тяготеет к заднему ряду и в этом варианте легче огубляется: «*gъ-χt*» ‘мясо’, «*qъl*» ‘весь’, «*səndъq*» ‘сундук’. Напротив, рядом со среднеязычными может сильно продвигаться вперед: «*jı-gag*» ‘печень’, ‘сердце’, «*žı-dáy*» ‘его’ (|| «*jıgag*, *žıdáy* »).

Для фонемы *ә* характерна редукция в неударенных открытых слогах в беглой речи: «*x^ogrók*» ‘еда’, «*s^ovér*» ‘всадник’, «*f^orápt*» ‘достиг’, «*s^odá*» ‘стал’.

Корневое неударенное *ә* может чередоваться с ударенным кратким *a*, а также с *o* и *i*: *šod* ‘ушел’, но *šədá* ‘ушедший’, *wint* ‘увидел’, но *wəntá*

'увидевший', *tar* 'умри', но *tərín* 'я умру', *rað* 'беги', но *ræðíð* 'я убегаю', *yar* 'камень', но *yərāð* (|| *yərāð*) 'камни'.

Можно полагать, что наличие в язгулямском языке редуцированного гласного *ə*, обладающего чрезвычайно широким качественным диапазоном, объясняет характерную для язгулямского вокализма фонетическую черту: растяжение остальных гласных в закрытых слогах перед двумя согласными. В словах *boyd* 'дочь' и *derk* 'дерево' гласные *o* и *e* могут быть более протяженными, чем в словах *dot* 'хвост' и *red* 'нога'. Растягиваться их заставляет противоположение фонеме *ə*, которая как раз в этом положении имеет наибольшую длительность, поскольку сильное ее сокращение здесь фонетически невозможно: нужен определенный минимум длительности гласного, чтобы такое слово, как *kəxt*, вообще могло бы быть произнесено. Поэтому для *ə* перед двумя согласными, как показывают измерения, характерной является длительность в 14—12 с. А такая длительность уже нормальна для краткого *a* и нейтральных гласных. Совпадение же по длительности может повлечь за собой их смешение с *ə*, поскольку *ə* качественно может сближаться с любым гласным. Так, если бы *ý* в слове *kýkt* 'посмотрел' сократилось бы до 14—12 с, то оно, совпав с фонемой *ə* по длительности, могло бы совпасть с ней и качественно, поскольку для *ə* в этом положении характерен задний и слегка огубленный вариант «*ъ*[°] || *υ-*», который наблюдается, например, в слове *kəxt* (фонетически «*kъxt*» || «*kъxт*») 'делает', что могло бы привести к смешению обеих фонем. Поэтому все нейтральные гласные, а также краткое *a* при своем широком диапазоне длительности, выявляются в этом положении в максимальных своих вариантах.

Примеры употребления фонемы *ə*: *gər* 'могила', *gəxt* 'мясо', *nət* 'имя', *vəg* 'привел', *gəl* 'горло', *xəs* 'приятный', *tək* 'умер', *sər* 'свадьба', *ləv* 'голос', *raj* 'отверстие в крыше', *xaɪðn* 'жена', *kəl* 'весь', *kəxt* 'делает', *kən* 'делай', *səwér* 'всадник', *nəxán* 'знак', *fərápt* 'достиг', *vəréð* 'брать', *qəlá* 'дворец', 'крепость', *gəðéu* 'водоворот', *dəwírt* 'дверь', *təmox* 'вы', *ət* предлог места.

Кроме того, фонема *ə*, как ударная, так и безударная, употребляется в словах, заимствованных из таджикского на месте близкого по артикуляции таджикского редуцированного гласного *ə* юго-восточных говоров: *çəl* 'сорок', *dəl* 'сердце', *gəl* 'цветок', *šəkr* 'благодарность', *xəb* 'хороший', *xəs* 'приятный', *təlk* 'добро', 'имущество', *xəsúsi ci?* 'ради чего?', *sərōq* 'поиски' и т. д.

ДЛЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе производилась в Сталинабаде в октябре 1949 г., по произношению Н. Азибова, студента 1-го курса Сталинабадского учительского института, уроженца селения Мотраун, только что при-

ехавшего в Сталинабад. Цифровые данные излагаются по типу, принятому в „Очерках“: цифра первой строки столбца означает среднюю длительность (в скобках дается число измерений, из которых выведена средняя); цифры средней строки означают диапазон типовой (нормальной, типичной) длительности; цифры последней строки означают крайние пределы отклонения длительности.

В односложном слове перед одним согласным

По влиянию на длительность гласных выделяются следующие фонетические положения: а) положение максимальной длительности — в позиции перед *r*; б) положение минимальной длительности — в позиции перед глухим смычным после любого согласного, а также после глухого смычного или носового перед смычным; в) положение средней или нейтральной длительности — во всех остальных позициях. В изложении первым дается положение максимальной длительности (под цифрой 1), вторым — положение нейтральной длительности (под цифрой 2), третьим — положение минимальной длительности (под цифрой 3).

Фонемы *a*, *ä*

1) Тип: *kär*, *x^oär*, *dar*, *yar*

<i>ä</i>	<i>a</i>
27.9 (7)	21.5 (4)
30—26	—
30—26	23—18

2) Тип: *x^oän*, *bäd*, *käl*, *fäg*, *x^oan*, *vad*, *mad*, *kaß*

<i>ä</i>	<i>a</i>
22.8 (25)	14.6 (19)
26—20	16—12
28—20	19—12

3) Тип: *lap*

<i>ä</i>	<i>a</i>
—	13.3 (5)
—	15—12
—	16—12

Как можно видеть из приведенных цифр, диапазон обеих гласных очень широк, и их длительность сильно меняется в зависимости от влияния окружающих согласных. Краткое *a* перед *r* сильно растягивается, приобретая длительность, типичную для долгого *ä* в других положениях. Однако в каждом отдельном фонетическом положении обе фонемы вполне четко противополагаются друг другу, не совпадая даже в крайних отклонениях своей длительности. Сравнение длительности *ä*

и *a* в абсолютно тожественном фонетическом положении (в паре *χ̄ān* 'читай' и *χ̄ap* 'кровь') показывает, насколько четким является их противоположение:

<i>χ̄ān</i>	<i>χ̄an</i>
23.6 (5)	14.1 (8)
26—21	15—12
26—21	18—12

Фонемы *i*, *e*, *o*, *ü*, *u*

1) Тип: *gir*, *sir*, *čer*, *bür*, *bur*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ü</i>	<i>u</i>
20.8 (6)	17.9 (8)	—	21.1 (6)	21.7 (6)
23—17	21—16	—	22—16	24—19
27—17	21—16	—	25—16	24—19

2) Тип: *bil*, *vin*, *ben*, *jen*, *dom*, *dot*, *g^ool*, *dūs*, *mīt*, *ðus*, *sum*, *buŋ*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ü</i>	<i>u</i>
15.4 (21)	18.0 (7)	21.4 (10)	15.7 (8)	14.3 (9)
21—12	22—14	24—18	21—12	17—13
25—12	22—14	24—18	21—12	17—11

3) Тип: *miθ*, *reð*, *keg*, *jet*, *mot*, *k^ood*, *kūd*, *kūχ*, *pug*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ü</i>	<i>u</i>
11.3 (5)	13.4 (8)	14.8 (14)	12.6 (8)	11.2 (5)
12—11	15—11	16—13	15—11	—
12—11	18—11	20—11	15—10	14—9

Приведенные данные показывают, что диапазон длительности фонем *i*, *e*, *o*, *ü*, *u*, в зависимости от фонетического положения, тоже очень широк и колеблется по данным типовой длительности почти в тех же пределах, что и для *a*: от 24 до 11 σ (для *a* от 23 до 12 σ). В 1-м фонетическом положении, максимально удлиняющем гласные, и в 3-м фонетическом положении, максимально сокращающем гласные, длительность рассматриваемых фонем совпадает с длительностью *a*, без существенных отклонений: типовая длительность *i*, *e*, *o*, *ü*, *u* в 1-м положении колеблется между 24—16 σ, диапазон *a* равен 23—18 σ; типовая длительность *i*, *e*, *o*, *ü*, *u* в 3-м фонетическом положении колеблется между 15—11 σ, типовая длительность *a* равна 15—12 σ. Во 2-м же фонетическом положении, в котором нет ни сильно удлиняющих, ни сильно сокращающих влияний, т. е. в положении, нейтральном по влиянию согласных, наблюдается существенное расхождение в длительности рассматриваемых гласных и краткого *a*. Для фонемы *a* в этом положении характерны: устойчивая краткость, узкий диапазон типовой длительности в 16—12 σ и неспособность к растяжению. Фонема *a* не может растягиваться здесь потому, что она противополагается долгому *ā*, которое в этом положении короче, чем в 1-м, и имеет типовую длительность в 26—20 σ. Фонемы же

i, e, o, ѫ, u, не противополагаясь по длительности каким-либо другим фонемам, могут растягиваться здесь до тех же пределов, что и в 1-м фонетическом положении. В то же время они одинаково часто могут произноситься здесь и с той краткостью, какая характерна для *a*, т. е. предел сокращаемости фонем *i, e, o, ѫ, u* и фонемы *a* одинаков (13—12 с). В результате в данном фонетическом положении наблюдается известное фонологическое безразличие фонем *i, e, o, ѫ, u* к длительности, что выявляется в чрезвычайно широком диапазоне их типовой длительности: длительность в 21 с для них так же типична и характерна, как и длительность в 13 с. Именно этим, т. е. крайне широким диапазоном их типовой длительности, и объясняются те сильные отклонения, которые дают цифры средней длительности по отдельным гласным, колеблющиеся между 21 и 14 с. То, что эти расхождения в средней длительности не означают фонологического противоположения по долготе отдельных гласных друг другу, показывает диапазон их типовой длительности, в общем совпадающей для всех фонем. Фонема *o* резко выделяется своей длительностью, но пределы ее максимальной длительности не превышают общего предела длительности, характерного для всей группы гласных (так, типовая длительность *u* в 1-м положении равна 24—19 с). Иначе говоря, все гласные могут иметь такую же длительность, как *o* (крайние отклонения *i* даже превышают по длительности крайние отклонения *o*), но отличие *o* заключается в том, что оно в данной записи не имеет таких же кратких вариантов, какие имеют остальные гласные. Случайные ли это результаты данной записи, когда диктор примеры с *o* произнес с большей четкостью, или для *o* вообще характерна большая устойчивость по сравнению с другими гласными,— это могут показать в дальнейшем цифровые данные по другим положениям.

Поскольку рассматриваемые гласные не противополагаются друг другу по длительности и среди них может быть выделено (предположительно) только *o* как более устойчивое, то для большей наглядности данные всех гласных могут быть суммированы. Тогда сравнительная длительность долгого *ä*, краткого *a* и гласных *i, e, o, ѫ, u* может быть представлена в следующем виде.

	<i>ä</i>	<i>a</i>	<i>i, e, o, ѫ, u</i>
1)	27.9 (7)	21.5 (4)	20.2 (26)
	30—26	—	22—16
	30—26	23—18	27—16
2)	22.8 (25)	14.6 (19)	16.6 (55)
	26—20	16—12	21—13
	26—20	18—12	25—11
3)	—	13.3 (5)	13.3 (40)
	—	15—12	16—11
	—	16—12	20—9

Фонема ə

Положение перед *r* не удлиняет фонемы ə. На ее длительности заметно сказывается влияние глухих и в особенности глухих смычных. В соответствии с этим выделяются следующие три фонетических положения: 1) в соседстве со звонкими и в соседстве с глухим щелевым при втором звонком, 2) в соседстве с глухим смычным, 3) между глухими.

1) Тип: <i>dər, nər,</i> <i>dəl, gəl</i>	2) Тип: <i>kəl, kəm,</i> <i>mək, qəl</i>	3) Тип: <i>kər</i>
10.5 (19)	8.6 (12)	7.1 (3)
11—9	10—7	—
14—9	11—7	9—4

Как видно из этих цифр, фонема ə всегда очень кратка и по длительности очень четко противополагается остальным гласным, совпадая иногда с ними лишь в крайних своих отклонениях. По своей краткости (между глухими нормально 7с) фонема ə может быть определена как редуцированная или сверхкраткая.

В односложном слове перед двумя согласными

Гласный «а»

Как уже говорилось при описании гласных, в слоге, закрытом двумя согласными, противоположения фонем ə и а не наблюдается. Указывалось, что в этом положении всякое «а» может растягиваться и фонологически восприниматься как долгое ə. Имеющиеся цифровые данные вполне подтверждают это положение. На кимографе были записаны следующие слова: «grazg» 'правда', «laft» 'сказал', «daxt» 'степь', «mast» 'месяц', «rak^ot» 'сосет', «kagj» 'курица', «zgapt» 'вязл', «mald» 'натер'.

Общая картина, которую дают результаты записей, такова: «а» имеет очень широкий диапазон, колеблющийся по данным средней длительности отдельных слов от 24 до 14с. Перед щелевым или сонантом при предшествующем звонком (тип: «daxt», «mald») «а» нормально тяготеет к верхнему пределу длительности, но может и сокращаться. Одно и то же слово, записанное дважды или трижды, дает часто разную длительность «а». Так, «а» в слове «mast» в одной записи дает среднюю длительность в 23.6с(2), в другой записи — 16.9с(2). Или «а» в слове «daxt» дает по двум записям среднюю в 22.1(4), а в третьей записи — 16.9(2). В соседстве с глухими смычными (тип «rak^ot, zgapt») «а» нормально тяготеет к нижнему пределу длительности, но может и растягиваться. Так, «а» в слове «zgapt» по двум записям дает среднюю в 14.1(4), а в третьей записи — 18.9(2). Именно потому, что всякое «а» может растягиваться, оно фонологически и воспринимается в этом положении скорее как долгое ə.

Ниже приводятся цифровые данные по длительности «а» (*ā*) в рассматриваемом положении.

1) Тип: <i>rāg̊t, māst,</i> <i>māld, lāft</i>	2) Тип: <i>kār̊j,</i> <i>rāk̊t, zgāpt</i>
20.4 (17)	15.4 (10)
24—16	19—13
24—16	19—13

Фонемы i, e, o, ī, u

Фонема *o* не выделяется среди других гласных своей большей длительностью или устойчивостью: средняя длительность *o* в слове *kºoxt* 'зарезал' равна 14.5 с, а средняя длительность *i* в аналогичном положении (в слове *küxt* 'посмотрел') равна 19.5 с. Следовательно, большая длительность *o*, которая отмечалась по данным односложного слова, закрытого одним согласным, являлась лишь единичным результатом данной записи, а не показателем большей устойчивости *o*.

Поскольку все гласные выявляются одинаково, приводятся сводные цифры по всей группе гласных.

1) Тип: <i>zeχt, derk,</i> <i>düst, dust</i>	2) Тип: <i>kºoxt,</i> <i>küxt, püst</i>
16.5 (28)	17.0 (14)
21—14	21—12
21—12	22—12

Сравнивая длительность рассматриваемых гласных с длительностью *ā* можно видеть, что в 1-м фонетическом положении *ā* более длительно: оно более способно к растяжению и менее способно к сокращению (центр типовой длительности *ā* лежит между 24—20 с, в то время как центр типовой длительности рассматриваемых гласных лежит, напротив, в пределах минимальной длительности, между 18—14 с). Во 2-м же фонетическом положении длительность *ā* и рассматриваемых гласных уравнивается, поскольку растяжению *ā* здесь препятствуют фонетические условия. В результате в положении перед двумя согласными *ā* и нейтральные гласные весьма близки друг к другу по длительности, и *ā* отличается от них только большей способностью к растяжению в благоприятных фонетических условиях. Таким образом, определение «а» в этом положении как долгого *ā* диктуется главным образом фонологическими причинами: «а», способное сильно растягиваться, воспринимается как долгое *ā*, которое в других фонетических положениях существует как четкая фонема, противостоящая краткому *a*. Если бы не было четкого противоположения *ā* и *a* в других положениях, то тогда для данного фонетического положения не было бы оснований выделять «а» из группы нейтральных гласных как долгое.

Существенно, что по своей абсолютной длительности гласные *i*, *e*, *o*, *ü*, и в положении перед двумя согласными не сокращаются. Напротив, в соседстве с глухими смычными и между глухими они более длительны, чем в положении перед одним согласным, что можно видеть из сравнения следующих цифр.

Перед одним согласным (в соседстве с глухими смычными или между глухими)	Перед двумя согласными (в том же положении)
13.3 (40)	17.0 (14)
16—11	20—12
20—9	22—12

Фонема *ə*

1) Тип: <i>gəχt</i>	2) Тип: <i>kəχt</i>
13.9 (6)	13.7 (4)
14—12	14—12
17—12	14—12

Очень существенно, что фонема *ə* в положении перед двумя согласными более протяжenna, чем перед одним согласным, и не имеет очень кратких вариантов даже между глухими. В связи с этим получает объяснение и большая протяженность остальных гласных в этом положении, которая отмечалась выше. Если бы остальные гласные не растягивались в этом положении, то они могли бы совпасть по длительности с фонемой *ə*, что могло бы привести к качественному их смешению, поскольку фонема *ə* может быть качественно близка любому гласному. Таким образом, признак длительности играет существенную фонологическую роль при противоположении *ə* остальным гласным.

В неударенном открытом слоге двусложного слова

Фонемы *ä*, *a*

В этом положении, как уже говорилось при описании гласных, фонемы *ä* и *a* различаются. Но фонема *ä* встречается очень редко, исключительно при заменительной долготе в заимствованных словах: *tädi* 'наказ', 'наставление', *mälä* 'дворец'. Все же остальные *ä*, попадая в неударенный открытый слог, сокращаются, отожествляясь, таким образом, с кратким *a*: *χän* 'читай', но *χanän* 'я читаю' и т. д. На кимографе было записано 5 слов, осложненных суффиксами, имеющих в неосложненной форме долгое *ä*, и 5 слов с несомненным кратким *a*. Длительность «*a*» в обоих случаях оказалась одинаковой, что можно видеть из следующих цифр:

<i>a</i> , корреспондирующее долгому <i>ä</i>	<i>ä</i> , корреспондирующее краткому <i>a</i>
<i>χapəžg</i> 'коровы'	(<i>χəän</i> 'корова')
<i>χapän</i> 'читаю'	(<i>χəän</i> 'читай')

<i>x^oarln</i>	'ем'	(<i>x^oär</i> 'ешь')
<i>x^oarit</i>	'ешьте'	(<i>x^oär</i> 'ешь')
<i>laſin</i>	'говорю'	(<i>laſ</i> 'говори')

Средняя длительность *a* = 9.9 (19)

<i>sadó</i>	'голос'
<i>žaméd</i>	'он приказал'
<i>falón</i>	'такой-то'

Средняя длительность *a* = 10.2 (12)

Ниже приводятся все имеющиеся цифровые данные длительности *ä* и *a* в рассматриваемом положении.

- 1) Тип: *mäld*, *laſin*, *ž^oanin*, *x^oarln*,
bardin, *žaddá*, *sadó*, *falón*

<i>ä</i>	<i>a</i>
18.8 (4)	10.0 (31)
—	13—8
20—18	13—7

- 2) Тип: *tädl*, *tadím*

<i>ä</i>	<i>a</i>
15.3 (8)	7.4 (6)
16—14	9—6
16—14	9—6

Фонемы *i*, *e*, *o*, *ü*, *u*

Поскольку длительность всех гласных очень близка друг к другу, в изложении приводятся сводные цифры по всей группе.

- 1) Тип: *biláð*, *benáð*,
donó, *muldt*

13.7 (15)	11.8 (5)
14—11	12—10
18—11	12—10

При сравнении этих данных с данными фонем *ä* и *a* видно, что рассматриваемые гласные ближе по длительности к краткому *a*, чем к долгому *ä*. Однако все же они заметно отличаются от *a* своей большей длительностью, что выявляется в их большей способности к растяжению и, напротив, в меньшей способности к сокращению. Более постоянная и более стойкая краткость фонемы *a* обусловливается, как и в односложном слове перед одним согласным, противоположением ее долгому *ä*, в то время как остальные гласные не имеют противостоящих пар и поэтому могут иметь большую длительность.

Фонема *ø*

- 1) Тип: *bædán*, *mæráj*
- 2) Тип: *tæráng*, *tæmðóx*,
kænlín, *tælí*

7.8 (6)	4.3 (10)
9—6	6—3
9—6	8—2

Фонема *ə*, как и в других фонетических положениях, отчетливо противополагается своей длительностью всем остальным гласным, выявляясь, особенно в соседстве с глухими смычными, как редуцированный (сверхкраткий) гласный. В положении между глухими (в слове *tət̪i* 'попугай') *ə* полностью оглушается.

Для остальных фонетических положений имеется слишком мало данных, чтобы можно было сделать определенные выводы. Можно лишь предположительно сказать следующее.

В исходе слова гласный «*a*» удлиняется и, таким образом, фонологически является долгим *ə*, о чём говорят следующие цифры..

1) Тип: *žadā, žwđ, tādī, sadō, donō*

<i>ā</i>	<i>i, o</i>
22.0 (3)	17.4 (13)
—	20—15
25—19	21—13

2) Тип: *baćā, poćō, tət̪i*

<i>ā</i>	<i>i, o</i>
19.3 (2)	14.6 (5)
—	16—13
20—19	16—13

В закрытом ударном слоге двусложного слова «*a*» в отдельных случаях может растягиваться, т. е. в этом положении возможно, повидимому, противоположение *ā* и *a*, но не обязательное, с возможным дублетным произношением. О том, что противоположение *ā* и *a* не характерно для этого положения, говорит сравнительно большая длительность и устойчивость всякого «*a*», которая, в общем совпадая с длительностью нейтральных гласных, имеет тенденцию к несколько большему растяжению по сравнению с ними: типовая длительность «*a*» равна 17—13 σ , а типовая длительность нейтральных гласных равна 17—10 σ . Таким образом, «*a*» в этой позиции не выявляется как отчетливо выраженный краткий гласный. Абсолютная же его длительность в этом положении (17—13 σ) слишком мала, чтобы «*a*» воспринималось как долгое *ā*. Таким образом, в этом положении «*a*» больше всего, повидимому, отрывается от фонологических связей с *ā* или *a* и выявляется как нейтральный гласный. Однако в отдельных случаях фонологические связи «*a*» могут оживать, что сказывается в возможном растяжении «*a*» до длительности долгого *ā*. Такое растяжение, и при этом стойкое, зафиксировано в суффиксе мн. числа «-аф», где «*a*» имеет типовую длительность 21—16 σ . Однако хотя это растяжение для данного случая и устойчиво (суффикс «-аф» записан в сочетании с разными словами), оно все же не обязательно, так как в одном случае из

7 измерений зафиксировано весьма краткое звучание в 11 с. Ниже приводятся все имеющиеся цифровые данные для ударенного закрытого слога двусложного слова.

1) Тип: *bədáń, tərásj, badín, jarín, tadím, xamééd, falón*

ā	«а»	i, e, o
	14.7 (9)	13.8 (22)
—	17—13	17—10
	17—12	18—10

2) Тип: *kúdáð, benáð, biláð, mulðít, rakθín, xºarít*

ā	«а»	i
18.0 (7)	14.2 (3)	11.8 (5)
21—16	—	—
21—11	15—14	14—9

Выводы

Рассмотренные в этом разделе цифровые данные позволяют выделить следующие основные моменты соотношения язгулямских гласных по признаку длительности.

1) Гласные делятся по признаку длительности на четыре группы: а) долгое ā, б) краткое a, в) нейтральные гласные i, e, o, ѫ, и и г) редуцированный гласный э.

2) Противоположение фонем ā и a выявляется вполне четко только в одном фонетическом положении: в односложном слове, закрытом одним согласным. В остальных фонетических положениях их противоположение или очень ограниченно (в неударенном открытом слоге ā сохраняется только при заменительной долготе), или его вовсе нет.

3) В тех случаях, когда противоположения ā и a не наблюдается, всякое «а» либо растягивается, либо сокращается в зависимости от фонетического положения. Растяжение «а» наблюдается в односложном слове, закрытом двумя согласными, и в ударном исходе слова. Напротив, во всех неударенных слогах «а» сокращается (исключая лишь случаи заменительной долготы). За недостатком данных неясным остается выявление «а» в ударных закрытых слогах двусложного слова. Повидимому, здесь могут иметь место случаи растяжения обычно краткого нейтрального a, т. е. случаи противоположения ā и a, но не обязательные, с возможным дублетным произношением.

4) Долгое ā имеет общий диапазон типовой длительности по рассмотренным положениям от 30 до 14 с; нейтральные гласные — от 22 до 10 с. Краткое a примыкает по своей длительности к группе нейтральных гласных, имея общим своим диапазоном длительность от 22 до 6 с. Однако краткое a не может быть объединено в одну группу с нейтральными глас-

ными по следующим причинам. Краткое *a* может иметь длительность до 22 σ только в одном фонетическом положении: в односложном слове перед *r*, поскольку и *ä* в этом положении имеет очень большую длительность (нормально 30—26 σ). В остальных случаях, где *ä* короче, краткое *a* не может растягиваться, не переходя в *ä*. Нейтральные же гласные могут растягиваться в любом ударном слоге, сближаясь или даже совпадая с длительностью *ä*. Для нейтральных гласных под ударением характерен, таким образом, очень широкий диапазон, т. е. известное фонологическое безразличие к длительности. В неударенном же положении, где для нейтральных гласных растяжение, как и для *a*, не характерно, они заметно отличаются от *a* меньшим пределом сокращаемости. Так, если в неударенном открытом слоге общий диапазон типовой длительности нейтральных гласных равен 14—10 σ , т. е. для *a*, в отличие от нейтральных гласных, возможны очень краткие, даже редуцированные варианты.

5) Всем гласным, т. е. долгому *ä*, краткому *a* и нейтральным гласным, противополагается по длительности фонема *ə*, которая в большинстве фонетических положений выявляется как редуцированный гласный, сокращающийся в неударенных слогах до 3—2 σ .

6) Наибольшую длительность фонема *ə* имеет в односложном слове перед двумя согласными, где типовая ее длительность равна 14—12 σ даже между глухими. А поскольку фонема *ə* имеет очень широкий качественный диапазон и может качественно сближаться почти со всеми гласными, то ее совпадение с ними по длительности могло бы привести к их смешению. Поэтому для нейтральных гласных в этом положении характерна большая склонность к растяжению, чем в односложном слове перед одним согласным. Этим же противоположением фонеме *ə* следует объяснять и растяжение в этом положении всякого «а» в долгое *ä*.

КОНСОНАНТИЗМ

Язгулямский консонантизм содержит в себе все фонемы, наличествующие в шугнано-рушанской группе, и сверх того следующие фонемы, составляющие специфику язгулямского консонантизма.

1. Увулярные и заднеязычные огубленные согласные *x^o*, *y^o*, *ħ^o*, *k^o*, *g^o*, противостоящие своим неогубленным парам: *x^o*—*x*; *y^o*—*y*; *ħ^o*—*ħ*; *k^o*—*k* и *g^o*—*g*. Для увулярного смычного *q* и заднеязычного щелевого *ȝ* огубленных пар не засвидетельствовано. Из перечисленных пяти огубленных согласных звонкие *g^o* и *y^o* встречаются редко, глухие же огубленные *ħ^o*, *x^o* и *k^o* более употребительны. Огубленные согласные могут находиться в позиции перед любым гласным, за исключением *u* и *ä*, поглощающих в себе губную работу, а также перед согласными. Примеры:

Для *χ^o*: *χ^oān* 'читай', *χ^oan* 'кровь', *χ^oət̪n* 'я открою', *χ^oið* 'пот', *χ^oovd* 'молоко'.

Для *x^o*: *x^oär* 'ешь', *tāx^ot̪* 'сгорел', *x^oäčk* 'малый', 'младший', *x^oorn* 'ворона', *x^oer* 'племянник', *x^oəvanaj* 'усыплять'.

Для *k^o*: *k^ood* 'собака', *k^oəpn̪* (Джамак) 'делаю', *cik^ot̪* 'просочится', *rak^ot̪* 'сосет', *k^oox̪t̪* 'зарезал (скотину)', *rak^oin̪* 'сосу'.

Для *γ^o*: *γ^oafs* 'вернись', *γ^orgfeg* 'козленок', *γ^orag* 'клевер'.

Для *g^o*: *g^ool* 'цветок', *g^oərag* 'палка для размешивания в очаге', *g^oið* 'перепел'.

2. Среднеязычные *k̄* и *ḡ* как самостоятельные фонемы, противополагающиеся заднеязычным смычным *k* и *g*. Заднеязычные *k* и *g* — очень задние и твердые; фонемы *k̄* и *ḡ* можно определить как среднеязычные, продвинутые назад, причем *k̄* может заметно аффрицироваться. Фонологическое различие среднеязычных и заднеязычных доказывается употреблением и тех и других согласных в одинаковой фонетической позиции: они одинаково употребляются, а следовательно и противополагаются а) в исходе слова после любого гласного и б) в начале слога перед гласными заднего ряда, а также перед *a* и *ä*. Примеры:

В исходе слова: *niág* 'новый' и *wiág* 'один', *varag* 'лошадь' и *wadaǵ* 'ягненок', *yak* 'один' и *čak* 'крепкий', 'запертый', *cəgag* 'маленький' и *yačag* 'девушка'.

В начале слога: *ənko* 'такой' и *kont̪* 'вырыл', *kas* 'посмотри' и *kaš* 'жаркий', *kud* 'дом' и *čak-i* 'запертый', *kär* 'работа' и *kar* 'глухой'.

В остальных фонетических положениях противоположение среднеязычных и заднеязычных выражено слабо или отсутствует вовсе.

Перед гласными переднего ряда (*i*, *e*) употребление *k̄*, *ḡ* или *k*, *g* по существу фонологически безразлично. В этом положении заднеязычные *k* и *g* несколько продвигаются вперед, а иногда и палатализуются, сближаясь, таким образом, со звучанием фонем *k̄* и *ḡ*. Когда нет этимологических связей, препятствующих смешению обеих фонем, то возникают дублеты: *ki || ki* («*ki || k'i*») союз подчинительный, *keg || keg* («*keg || k'eg*») 'сделал'. При этом, как показывает фонетическая транскрипция, разница в артикуляции обеих фонем незначительна. В тех случаях, когда фонемы *k* и *g* поддерживаются живыми морфологическими связями, то они не подвергаются в этом положении заметной палатализации и сохраняют свой более задний характер: «*varág-*» 'лошадь' и «*varági*» (но не «*varág'i*» — косв. падеж от *varag*), «*fág-*» 'сестра' и «*fági*» (но не «*fág'i*»).

Перед гласным смешанного ряда *ə*. В этом положении засвидетельствованы лишь заднеязычные *k* и *g*: *kəmpír* 'старуха', *gər* 'могила', *vəg-əf* 'они принесли', *kər* 'камень', *kən* (Мотр.) 'сделай' и т. д.

В исходе слова после согласного противоположения заднеязычных и среднеязычных, повидимому, нет: здесь, как правило,

всегда слышится мягкое *k*, колеблющееся по артикуляции от среднеязычного до заднего, в разной степени продвинутого вперед. Однако при более отчетливом произношении, насколько позволяют судить имеющиеся данные, всякое *k* и *g* в исходе может смягчаться до пределов среднеязычного: «*x^oāčk_ || x^oāčk'* 'маленький'. Нормальным для исхода слова после согласного являются среднеязычные или задние, сильно продвинутые вперед *k* и *g*: *räzg* 'правда', *kifk* 'лист', *zäng* 'подбородок', *wärk* 'волк', *yapk* 'колыбель' и т. д.

Из других особенностей язгулямского консонантизма следует отметить малую употребляемость звонкого однофокусного аффриката *ž*. Эта фонема зафиксирована всего лишь в нескольких словах: *zarir* название птицы (обитающей в садах), *žip* название птицы (обитающей в садах и в горах), *žinbowiz* 'качели', *žiwák* 'прибедняющийся', 'плакивый' (*žiw-žiw na kən* 'не прибедняйся').

В остальном фонемный состав язгулямского консонантизма не отличается от шугнано-рушанской группы.

Из фонетических особенностей, отличающих язгулямский консонантизм от шугнано-рушанского, следует отметить следующее. Для язгулямских глухих смычных характерна заметная придыхательность, особенно в ударенных слогах, т. е. при более энергичной артикуляции: «*χat'ēp*» 'жена', «*r'os*» 'сын', «*t'ādī*» 'наказ', 'наставление', «*k'ūxt*» 'посмотрел', «*kəmp'rīg*» 'старуха', «*t'u*» 'ты', «*t'illo*» 'золото' и т. д.

Язгулямские глухие смычные вообще более сильны, чем шугнано-рушанские, и сохраняют большую энергичность артикуляции и придыхательность также и в исходе слова. Соответственно этому и звонкие смычные более сильны, чем в шугнано-рушанской группе, что при их почти полном или совсем полном оглушении в исходе слова может приводить при быстрой речи к восприятию на русский слух язгулямских звонких в исходе как глухих. При более отчетливом произношении разница между глухими и звонкими в исходе всегда слышна. В остальном в язгулямском консонантизме заметных отличий от шугнано-рушанской группы нет.

ТЕКСТЫ

В качестве образцов фонологической записи приводятся три текста. Текст № 3 представляет собой язгулямский вариант текста № 7 шугнано-рушанской группы („Сказка о трех братьях“) и сопровождается детализованной транскрипцией, отражающей варианты фонем.

Долгота *ä* в фонологической записи согласно выводам, сделанным в очерке, обозначается лишь в тех случаях, когда она не зависит от фонетического положения, т. е. когда она несомненно является фонологичной, а именно: в односложных словах перед одним согласным и в неударенном открытом слоге (случаи заменительной долготы).

Долгота же позиционно долгого *a* (в односложных словах перед двумя согласными и в ударном исходе слова) не обозначается, за исключением единичных случаев, когда и в этих положениях встречается противоположение *a* и *ā* (*aga* 'если' и *agā* 'бодрствующий').

Тексты №№ 1—2 записаны от Азизова (студента 1-го курса учительского института, уроженца селения Мотраун) осенью 1949 г.

Текст № 3 записан от Бабаева (слушателя Партийной школы, уроженца селения Джамак) осенью 1948 г.

1

1. vad yo na vad, wū počó vad. wáy-me wū ðoýd, wū vəréd vad. xúd-xo ki šod (y)i wū je, ma xi jayán-ay xi ðoýd keg. way vəréd-xo qár mad. wū nav počó šod ūiw, ma xi jayán-ay xi ðoýd tain keg. way vəréd daráw xi vərédi ðoýd ajárd jalodén-ra, jalodén-ra-ay laft ki: „yasít, žanít žé-dím“. dáraw jalodén zéxt-at, waðow-ef ím-ra ðed, awád-ef ž-im əm wū səndéq, ayéd-ef gér-ef keg.

2. Méló Miršakár ma wū yézi pəréd-ay-xo ūant. wínt-ay ki wū səndéq-ef na počóyi málá vég-ata gér-ef keg. daráw Méló Miršakár šod xi múm-ra, laft ki: „o múm, za badám: na počóyi málá-ef wū səndéq mol vég-ef, gér-ef keg. dagamá ki áz-a-tów-an zéndá, — móx-ra u bas“.

3. daráw-an šod, géri yáx ow keg, səndéq-ef nəmášt, way yáx-ef ki ow zeg, wū yačágí xəsrí ya əndaráni səndéq. daráw-ay kəmpir xi ðüst ma mi kawð ayéd ki: u-da ya nafás xərákt. daráw-ef ž-im Méló Miršakár-a way múm ayéd i kúd, yačág-ra-ef darów-a-dərmén keg: u mad siyát. ž-im-ay Méló Miršakár west.

1

1. Было ли не было, был один царь. У него была дочь и брат. Когда сам он отправлялся куда-нибудь, то вместо себя оставлял дочь, и брат его вознегодовал. Однажды царь отправился на охоту и на свое место назначил дочь. Тогда его брат отдал дочь своего брата палачам, сказал палачам: „Возьмите, убейте ее“. Тогда палачи схватили ее, побили, бросили в сундук, отнесли и закопали.

2. Как раз Мулло Миршакар читал подле одного орехового дерева. Он заметил, что из царского двора вынесли какой-то сундук и закопали. Тогда Мулло Миршакар пошел к своей бабушке и сказал: „Пойдем-ка, бабушка, — из царского двора вынесли целый сундук добра и закопали; пока мы с тобой живы, нам этого хватит“.

3. Тотчас они отправились, раскрыли могилу, вытащили сундук, открыли его, а в сундуке красивая девушка. Тотчас старуха положила руку ей на сердце, а она еще дышит. Мулло Миршакар и его бабушка тотчас отнесли ее в дом, дали девушке снадобий и лекарств, и она поправилась. Мулло Миршакар взял ее в жены.

4. wáqtı ki émi ded na ſ̄iw yāt, kúxt-ay ki: ni ðoyd na yást. daraw laft ki: „ni ðoyd ká mad?“. way vred laft ki: „ž-im-ay warǵ xúg“. réð-ay počó laft ki: „ar šetú kiyá ki ni ðoyd-at tu nobéd kiyá“.

5. way ðoyd daraw wú dáxti suxtá wāð wáy-ra néměstá, ži-wáy-ay gélégelzór keg. endár-ay em du daxt qəlá-ay biréd ki, na xi dédi qəlá xidardúr.

6. wáxti ki émi ded du daxt šetú šod ſ̄iw, du daxt suxtá vad, na-ž-endá ki yāt, kúxt-ay: na way obodiyáð-ay xidardúr. yāt xi kúd-je, láft-ay ki: „e wazirén, waziráy kənít, e awsaqolén, awsaqoláy kənít, ki du dáxti xabúr-da mó-ra varí?“. daraw wú kampír laft ki: „az!“. kempír daraw še-xúd fesón keg, ma varág-ef ž-im səwér k̄sg-a yat i yu dáxt-je.

7. yāt, frapt ta Məlo Miršakári kúd. daraw-ay Məllo Miršakár šod, émi avðén-ay nəyúd ki: fəndanín. way xatón laft ki: „im kempír xer wayrón-da kəxt“. way xatón daraw ž-im ma baytál čap səwér k̄ég-a vúst-ay, vərgáð-ay ow keg pəšá baytál. kempír šod, nimjén pətá počó fərápt.

8. počó laft ki: „aná, u yóga yačág vədál kempíri bečorá-ay šetú keg!“. daraw počó Məlo Miršakár-ra xát-ay ažomt ki: „ti xatón-u jaláb“. Məlo Miršakár daraw ž-im déri xex wiðd. yačág yāt ba-qádi xex, daraw wú musafédi xaskás ž-im pəxeýd ki, kúxt-ay: zindá u ya. daraw-ay émi kāl kəlapé keg: xex na-ž-im bəxtóyd, — wəxýér mad.

4. Когда ее отец вернулся с охоты, посмотрел: нет моей дочери. Тогда он сказал: „Куда девалась моя дочь?“. Его брат сказал: „Ее волк съел“. Царь сказал: „Как бы там ни случилось, а дочь мою ты погубил“.

5. Его дочь провела на одну из голых (выжженных) степей канал и сделала из нее цветущий сад. В этой степи построила такой дворец, что лучше отцовского дворца.

6. Когда ее отец ехал этой степью на охоту, эта степь была голая, а когда возвращался, — посмотрел: она лучше его владений. Вернулся он к себе домой, сказал: „Эй везиры, везирствуите, эй старшины, старшинствуите! Кто об этой степи мне весть принесет?“. Тогда одна старуха сказала: „Я!“. Старуха тотчас принарядилась, ее посадили на лошадь, и она отправилась в ту степь.

7. Добралась до дома Мулло Миршакара. Мулло Миршакар тотчас пошел, принял поводья: помогу, мол, сойти. Его жена сказала: „Эта старуха селения разрушает“. И тогда его жена посадила ее задом наперед на кобылу и привязала, а за кобылой пустила жеребцов. Старуха полуживая добралась к царю.

8. Царь сказал: „Вон она какая оказалась, эта девушка! С бедной старухой что сделал!“. И царь послал Мулло Миршакару письмо: твоя-де жена — распутница. Тогда Мулло Миршакар бросил ее в воду. Девушка поплыла по воде. Один старик-дровосек ее вытащил, посмотрел, а она живая. Тотчас он запрокинул ей голову, — вода из нее вылилась, и она очнулась.

9. Məllo Miršakár dar áqqi im xi xatén qalandár mad. daráw kəlóyi qalandaráy-ay awád ma xi kál, andóyd-at, déri ḫer ḫed.

10. daráw wú počói poc yat i píri xaskáš kúd ki wint-ay ki: píri xaskáš-me wú dóydí xəsrí. daráw šod xi déd-je, láft-ay ki: „o ded, tow mó-ra xatén ǵad“. way ded laft ki: „xədó-ra šəkr ki, ni poc qatól mədá. ki-at ki tu yu, az tí-ra ǵadın!“. daráw-ay way poc laft ki: „mó-ra tow píri xaskáši dóyd-a ǵadáy“. počó laft ki: „mún yu-déðama píri xaskáš-me dóyd na wintá“. way poc laft ki: „mún wintá píri xaskáš-me dóyd“.

11. daráw-ay počó odám ažóm̄ i píri xaskáš-je ki: xi ǵoýd ǵad̄d ni póc-ra. píri xaskáš laft ki: „ow, ǵadın-da“. du γačág laft ki: „ba yu xárt-a wex kənín ki ənkó səndéq mó-ra tawd ki, xex na čik°t“. daráw-ay wústaðén vəg, wú səndéq text-əf ki, xéx-xo na čak°t. daráw-ay xojá ažóm̄ ki sér-da dawóm̄ kənít.

12. cûy šáb-at cûy mið sér-əf nəyúd, γačág-əf vəg émi wex kúd; ðow šáb-at ðow míði dəgé-əf du γačág kúd sér niyúd. šabi cûyém éfi xúðm-ay γačág vúst. șərəkáð-ay du γačág əm səndéq awád, bərobári šab səndéq-ay zext, yát i xéx-je. xi káfš-ay ma kópi kál lây ǵeg, səndéq-əndá dayd, səndéq-ay fərsábd, səndéq qatáy ǵed əm xex.

13. sāráy-yan podžó bədiyó əndóyd-an ki: γačág na yást. počói poc dar áqi im qalandár mad. déri ḫer ǵéd-at səróq kənárm šod.

9. Мулло Миршакар из-за своей жены стал каландаром (странником), надел на свою голову каландарскую шапку, отправился странствовать.

10. Вскоре один царевич попал к дому дровосека и увидел, что у старика-дровосека красивая дочь. Тотчас отправился он к своему отцу, сказал: „Отец, дай мне жену“. Его отец сказал: „Благодарение Богу, мой сын стал уже взрослым! Какая тебе понравится, ту я тебе дам“. Тогда его сын сказал: „Ты мне дашь дочь старика-дровосека“. Царь сказал: „До сих пор я не видел дочери у старика-дровосека“. Его сын сказал: „Я видел“.

11. Тогда царь послал людей к старику-дровосеку: пусть, мол, отдаст свою дочь за моего сына. Старик-дровосек сказал: „Хорошо, отдам“. Девушка сказала: „Я вот с каким условием выйду замуж; пусть он мне такой сундук сделает, чтобы вода не просочилась“. Тотчас он привел мастеров, они такой сундук вытесали, что и вода не просочится. Тотчас послал ходжу, чтобы начинали свадьбу.

12. Три дня и три ночи праздновали свадьбу, и девушку привели в дом мужа. Еще два дня и две ночи праздновали свадьбу в доме юноши. На третью ночь девушка наслала на них сон (связала их сон). Девушка положила в сундук лепешек, в полночь взяла сундук и пошла к реке, положила свои туфли на камень, вошла в сундук, сундук закрыла и вместе с сундуком бросилась в воду.

13. Наутро царь со свитой встали, а девушки нет. Царский сын стал из-за нее каландаром, отправился на поиски, странствовать.

14. yačáǵ ba qádi xex šod ém səndéq. əm wú gərdév mān mad, gərdánt-ay-xo du səndéq. Məlo-bačá na maktáb-je yāt ba-qádi səkaxlav ki: wú səndéq-da ya əm xex gərdint. daráw-ay xi varág vúst, yāt səndéq-ay nəyúd, kép-ay zext ki: səndéq-ra dayín ki, əm dáy-ay čig? daráw na səndéq ləv nəmóxt ki: „qarí, az xºəín!“. xºád-ay, nəmóxt. Məlo-bačá ki ž-im wint, na xi uš bi-úš mad.

15. yačáǵ daráw way mūzá-ay nəyóst, way xəftén-ay na way taná awád, nəyóst-ay; way dəstér-ay awád ma xi kál, ma way varág mad səwér, way bədú wiðd dər xi gərdán-a šod. Məlo-bačá ki əndóyd: na-u way mūzá, ná-u way varág, na way dəstér, na way bədú. Məlo-bačá mad dar áqi im qalandár.

16. daráw yačáǵ səwér mad, šod dər wú žéri digé. šód-a-šód ki: wú jəndá ya čel qaraqčí. fəraptá if, láft-ay ki: „təmox-ta wandá či kár kənit?“. if laft ki: „móx-an Məlo Miršakári xatén žəkərém“. daráw-ay im laft ki: „áz-əm Məlo Miršakári xatén. áz-a təmox čəltán-ra-da na fəripín. wú nəxaná niðanít, kási ki na yuryá ma xex i dūryá peñ wiðd, xi pačáq-ay mó-ra vəg, áz-a wáy-ra wex kənín“.

17. daráw-əf čel qaraqčí nəxaná niðant, peñád-əf wiðd, šód-an ki: xi pačáq varém; zəbód-an déri xex. yu yačáǵ xi varági xaláq lāy keg, if-me wú warági xəb səwér mād-ata, šod. čel qaraqčiyád-an na dūryá ki yat: na u éfi varág, na du yačáǵ. if-an-ja mad dar áqi im qalandár.

14. Девушка плыла по воде в сундуке, но в одном водовороте задержало, закрутило сундук. Мулло-бача возвращался из школы берегом: какой-то сундук по воде крутится. Он тотчас привязал свою лошадь, пошел, вытащил сундук, взял камень: разобью, мол, сундук, — что в нем? Тогда из сундука послышался голос: „Постой, я открою“. Открыла, вышла. Мулло-бача, как только ее увидел, лишился чувств.

15. Девушка тотчас надела его сапоги, сняла с него кафтан и надела на себя, надела себе на голову его чалму, села на его коня, повесила на шею его ружье и поехала. Когда Мулло-бача поднялся — ни сапог, ни коня, ни чалмы, ни ружья нет. Мулло-бача стал из-за нее каландаром.

16. Девушка тотчас села верхом, отправилась в другую страну. Ехала-ехала, а в одном месте сорок разбойников. Она подъехала к ним, спросила: „Вы здесь что делаете?“. Они сказали: „Мы ищем жену Мулло Миршакара“. Тогда она сказала: „Я — жена Мулло Миршакара, я за вас за сорок человек не пойду. Вы наметьте цель, и кто с этой стороны на ту сторону через реку выстрелит и пулю свою принесет мне, за того я выйду замуж“.

17. Тотчас сорок разбойников наметили цель, выстрелили и пустились: принесем, мол, свою пулю. Бросились в воду. Девушка оставила свою плохую лошадь, села на их хорошего коня и уехала. Сорок разбойников вернулись с той стороны: ни коня нет, ни девушки. И они тоже стали из-за нее каландарами.

18. γačág ki šod, əm ðow-cüy qıslóq wəráyd, šod dər wù šár ki: əm du šár ya wù počó migá, xéróki počó-da ðadán. daráw xérók ðed, bād na xérók-əf počó-xo niyúd. odamén jám keg, xºačk to qatól jám keg. bózi dawlát-əf ki wiðd, šod, na du γačági kál nøyúst. daráw ž-im je keg na-ž-əndá ki: məzofír, — awqót ki xúg, i wù jəndá bāt.

19. γačág šod əm wù kəmpíri kúd. vé-əf bózi dawlát wiðd ki šod rəjón pān, ma du γačági kál nøyúst. vé-əf na-ž-əndá ž-im nəmést. ve šod wù jəndá, əm wù daxt, əm wù kúd dayd. vé-əf wiðd bózi dawlát, ve šod ma émi kál nøyúst. yu səfár-əf ž-im vəg, počó-əf niyúd.

20. im laft ki: „ba yu xárt-a počoáy kənín ki gápi ki mún ðed, təmóx gápi digé na ðadít“. if qabúl keg, ž-im-əf majlis qabúl keg. počó (im) ve laft ki: „wù nasihát təmóx-ra kənín: agár odámi begoná dər yu šár yát, varít ta mún, búda áz wáy-ra ruqsat ðadín“. qabúl-əf émi gap keg.

21. yaǵon ðow-cüy mast wəráyd, kúxt-ay ki Məlo Miršakár-əf vəg, daráw-ay žə-wáy ayéd, bánd-ay keg. bād na-ž-wáy xilák wáxti digé, kúxt-ay ki počoyi póc-əf vəg. žə-wáy-ay-ja vəg, áps-ay keg. wù másti dəgé wəráyd, vé-əf vəg Məlo-bačá, bād na Məlo-bačá čəl qaraqči-əf vəg, čəl qaraqči-ay-ja ayéd áps-ay keg.

22. wù sawð wəráyd, nəmést-ay ž-if, pisáj-ay rikór awád. ðow wást-

18. Девушка же поехала, проехала два-три селения, прибыла в один город, а в этом городе царь умер: подают царское угощенье. Подали угощенье, а после угощенья царя выбирали. Люди собрались от мала до велика. Как только выпустили царского сокола, он полетел и сел на голову девушки. Тотчас ее прогнали оттуда: странник, мол, — угощенья поел, пусть теперь в другое место идет.

19. Девушка пошла в дом к одной старухе. Опять выпустили царского сокола, он пролетел через окошко в крыше и сел на голову к девушке. Опять ее прогнали оттуда. Отошла она в одно место в степи. Опять выпустили царского сокола, снова он полетел и сел на голову девушки. На этот раз ее привели, назначили царем.

20. Она сказала: „Я с тем условием буду царствовать, что какое бы слово я ни сказала, вы бы мне не перечили“. Они согласились, и все собрание ее признало (царем). Царь (она) сказала еще: „Я даю вам одно поручение: если какой-нибудь чужой человек появится в этом городе, ведите ко мне, а потом я отпущу его“. С этими словами согласились.

21. Прошло два-три месяца, смотрит: привели Мулло Миршакара. Тотчас она его отвела в заключение. Потом через некоторое время смотрит: привели царского сына. Его она тоже отвела в заключение. Прошел еще месяц, привели Мулло-бачу, а после Мулло-бачи привели сорок разбойников.

22. Прошел год, она их вывела, приступила к допросу. Всех сорока

ata-cúy tán-ay néméšt, katír-ay niðánt. awál-ay na Mělo Miršakár pist ki: „tów-at číg bi qalandár mad?“.

23. way laft ki: „áz-əm xi mům qatáy wú jéndá vad ki na počóyi ada-wél wú səndéq vég-əf jalodén, ata gér-əf keg. áz-əm xi mům qatáy šod ki, kúkt-əm wú yačág-u əm way. daráw-əm xi ðúst ma mi záwd awád ki: ámi záwd-da ya zébánd. ayéd-əm tabibáy-yəm keg: siyát mad. penj — xu mið im qatáy zindagonáy keg, počó xat ažomt ki: ti xatén-u jaláb. mún daráw ž-im déri xex wiðd. dar áqi ím-əm mad qalandár“.

24. du yačág pist: „xi ðúst ma im na awád?“. láft-ay ki: „mó-ra u ba-jójí nán-a-žárğ“. láy-ay keg pétá if.

25. vég-ay ve počóyi poc. láft-ay ki: „tów-at dar xəsúsi či qalandár mad?“. počóyi poc laft ki: „áz-əm šod i píri xaskáši kúd ki: wáy-me-u ya wú ðoyd. yát-əm i kúd, xi déd-ra-əm laft ki: «mó-ra wú xatén ðád». odamén-ay jám keg ni ded, awrát-o-wexén, láft-ay ž-e-mún ki: «xəš kən kadím ki yú-at, áz-a tí-ra ðádín». mún laft ki: «mún píri xaskáši ðoyd-əm γu». počó laft ki: «mún píri xaskás-me ðoyd na wintá». mún laft ki yast. ni ded šod, píst-ay mó-ra, túy-an keg cùy mið-at cùy šab. ni xatén šabi čorém móxi xuðm vúst, də səndéq qatáy bid. áz-əm mad qalandár“.

26. Mělo-bačá-ay vég. žə-wáy-ay-ja pist ki: „tów-at číg bi qalandár mad?“. way laft ki: „áz-əm na žanáj yát səkaxláv ki: wú səndéq-da ya

трех человек вывела, усадила в ряд. Сначала она спросила Мулло-Миршакара: „Ты почему стал каландаром?“.

23. Тот сказал: „Я был со своей бабушкой в одном месте, когда из царского двора палачи вынесли сундук и закопали. Я со своей бабушкой пошел, посмотрел, — в нем красивая девушка. Тогда я подожил руку на ее сердце, а сердце у нее еще бьется. Я ее взял, полечил ее, она поправилась. Прожил я с ней дней пять-шесть, как царь прислал мне письмо: твоя, мол, жена распутница. Тогда я тотчас бросил ее в воду. Из-за нее я стал каландаром“.

24. Девушка спросила: „Ты не посягнул на нее?“. Он сказал: „Она у меня вместо матери и сестры“. Она отпустила его к остальным.

25. Тогда она вызвала царского сына, сказала: „Ты почему стал каландаром?“. Царский сын сказал: „Я зашел в дом к старику-древосеку, а у него—дочь. Я вернулся домой, сказал своему отцу: «Дай мне жену». Мой отец собрал людей, женщин и мужчин, сказал: «Выбирай, какая тебе понравится, ту я тебе дам». Я сказал: «Я хочу дочь старика-древосека». Царь сказал: «Я не видал у старика-древосека дочери». Я сказал, что есть. Мой отец отправился, попросил за меня; свадьбу играли три дня и три ночи. На четвертую ночь моя жена наслала на нас сон и вместе с сундуком исчезла. Я стал каландаром“.

26. Вызвала Мулло-бачу. Спросила у него: „Ты почему стал каландаром?“. Тот сказал: „Я возвращался с ученья берегом, а по воде-

ba-qádi xex gardínt-a zayd-a. daráw-əm šod, səndéq-əm nəmést, kúxt-əm ki čák-u. réð-əm kəp zext ki: daín wáy-ra,—ləv nəmóxt ki: «qarí, áz ҳоéinl». ҳоád-ay, mún ki ž-im wint, na yód-əm bi-yód mad. ni varág zext, ni múzá, ni gúj nəyóst-a bid. áz-əm dar áqi im qalandár mad».

27. čel qaraqčí-ay vəg ki: „təmox-əf čiǵ bi qalandár mad?“. if laft ki: „móx-an wú jəndá nistá-an vad ki wú səwér yát. mox pist ki: «tów-at ki?». im laft ki «áz-əm Məllo Miršakári xatén». mox laft ki: «móx-ra-da wex kənáy?». im láft ki: «áz-a agár wex kənín, wúg yorá. agar təmox na yúryái xex i dúryá peð wiðit, kadím yoki xi pačaq mó-ra vəg, áz-a wáy-ra wex kənín». mox peð wiðd, šód-an i dúryá. im xi varági nobób lāy kiyá, móxi varági tiz zextá-at šédá. móx-an dar áqi im qalandár mad».

28. Mellobačá, počoi poc, čel qaraqčí-ra-ay počó ruqsát Əed. Məllo Miršakár-ay zext-at šod xi jayán-je. əndaréni xilwatxoná-ay ayéd, píst-ay ki: „tu dəmbá šäráð tūyd, xi xaténi monánd-at na wint?“. way laft ki: „na“. vé-ay pist počó ki: „əč-ki-da monándi xi xatén na wənáy?“. Məllo Miršakár laft ki: „agár žanáy žə-mún, počó, ni xaténi monánd-at tu yast“. daráw-ay im xand, láft-ay ki: „ti xatén-əm nak-áz“ daráw əndá if kanor-giráy keg.

29. odamén-ay way xatén jám keg, láft-ay ki: „penj — ҳu sáwð-əm təmox-ra počoáy keg, ozır mó-ra ruqsát Əadít, áz-a xi wex qatáy i kùd badín“.

какой-то сундук крутится. Я тотчас пошел, вытащил сундук, посмотрел: он заперт. Тогда я взял камень: разобью, мол, его, как послышался голос: «Постой, я открою». Открыла, и как только я ее увидел, лишился чувств. Она взяла мою лошадь, надела мои сапоги и мое платье и исчезла. Из-за нее я стал каландаром».

27. Вызвала сорок разбойников: «Вы почему стали каландарами?». Они сказали: «Мы расположились в одном месте, как подъехал один всадник. Мы спросили: «Ты кто?». Он ответил: «Я жена Мулло Миршакара». Мы сказали: «Выйдешь за нас замуж?». Она сказала: «Если я пойду замуж, то за одного; вы с этой стороны реки на ту сторону выстрелите, кто мне принесет свою пушку, за того я и выйду». Мы выстрелили, отправились на ту сторону. Она оставила свою плохую лошадь, взяла нашего быстрого коня и уехала. Из-за нее мы стали каландарами».

28. Мулло-бачу, царского сына и сорок разбойников царь (т. е. она) отпустила. Мулло Миршакара взяла и отправилась к себе. Ввела в покой, спросила: «Ты все страны прошел, не видел ли похожей на свою жену?». Он сказал: «Нет». Царь (она) опять спросила: «И никого похожего на свою жену не видишь?». Тот сказал: «Если ты и убьешь меня, царь, на мою жену ты похож». Тогда она рассмеялась, сказала: «Я и есть твоя жена». Тогда они обнялись.

29. Его жена собрала людей, сказала: «Пять или шесть лет я царствовала, теперь меня отпустите, я со своим мужем отправлюсь домой».

mardém-əf laft ki: „tów-at móx-ra bisyór počóyi xéb-at vad“. im laft ki: „ar kár-da mit ki, mó-ra ruqsat ədít, āz xi wex qətay badín“. dəréw-əf if im-ra ruqsat əd.

30. Məllo Miršakár xi xatén qatáy déri pand əd. wū mast bə-qádi pand ráyd-an, şod, kúd-je-yan fərápt. Məllo Miršakár xi kúd-ay ki kúxt: verón-valód. way mûm migagín wa árči gáði way bidagín, daráw if xi obo-dáy soz keg, mól-ə-mélk obód keg, əndá-əf zindagonéy keg, ba muród-a-maqsád-a fərápt.

2

1. vad yo na vad, wū podšó vad. wáy-me vad əow wazír. wazíri əústi razg Alqaš wazír, wazíri əústi čap Xoja-bizanjabili akím. if-an lap jurá vad. wu mif-an şod sayl i wū daxt. wazíri əústi razg pəxóvd, wazíri əústi čap agá vad. Xoja-bizanjabili akím kúxt-ay kí wú yawák na wú diwél sadó kənárm yát i way əevón-je. cüy nav ənkó sadó kənárm yát.

2. u əndóyd, şod i du diwél-je; əow-cüy yár-ay zext, wū dəvür ót mad. dəvür-ay ki x°ad, wū kúd qatol čer-räzay vad. ma wū räz tiló, ma wū räz tangá, ma wu räz lal, ma wū räz jowoír. yát, xi vəradig Alqaš wazír-ay agá keg. ar-əow-an şod dər du kúd.

3. Alqaš wazír ki wint, láft-ay ki: „áz-a še-tú žanín“. — „čér-da žanáy?“.

Люди сказали: „Ты для нас очень хорошим царем была“. Она сказала: „Как бы то ни было, а меня отпустите, я ухожу со своим мужем“. Тогда они их отпустили.

30. Мулло Миршакар со своей женой пустились в путь. Месяц находились в дороге, шли и добрались до дома. Мулло Миршакар посмотрел на свой дом, а он разрушен; бабушка его умерла и все добро пропало. Тогда они хозяйство свое восстановили, владенья благоустроили, и жили там, и цели и стремлений своих достигли.

2

1. Было ли не было, был один царь. У него было два везира. Везир правой руки — Алькаш-везир, везир левой руки — Ходжа-бизанджабиль-хаким. Они были большими друзьями. Однажды они отправились на прогулку в одну степь. Везир правой руки заснул, везир левой руки — Ходжа-бизанджабиль-хаким — бодрствовал. Ходжа-бизанджабиль посмотрел: со стены, жужжа, подлетела оса к его уху. Три раза она так, жужжа, прилетала.

2. Он встал, пошел к этой стене, вынул два-три камня; показалась какая-то дверь. Когда он открыл дверь, там оказался большой дом с четырьмя отделениями: в одном отделении — золото, в одном отделении — серебро, в одном отделении — драгоценные камни, в одном отделении — всякие драгоценности. Он пошел, разбудил своего побратима Алькаш-везира. Оба они пошли в то помещение.

3. Алькаш-везир, как только увидел, сказал: „Я тебя убью“.

láft-ay ki: „tów-da yu xazináyi γow(?) nəməcáy“. Xoja-bizanjabíli akím laft ki: „áy-u ki xaziná kél-ra bas“. Alqaš wazír laft ki: „ar-kár-da mit ki áz-a še-tú žanín“.

4. Xoja-bizanjabíli akím láft-ay ki: „agár žə-mún-at žūd, ðow taqáy tilló-a-tangá ni xatén-ra ayás, laf ki: ti wex áj šod“. bād yóγ-ay laft ki agár poc mad, way nəm Ləqmóni-akím kěxt, agár ðoyd mad, či ki kég-ay. Bād Álqaš wazir way kāl γarn zext.

5. bād na nu mast, nu mið way xatén-je mad poc. way tādī Xoja-bizanjabíli akím way nān way nəm keg Ləqmóni-akím. u čanón bačáyi ba-áql-a-serqád vad ki, way wū mast qádi wū sawd bacá vad.

6. bād qatól mad, way nān laft ki: „poc, ti ded mó-ra wū taçáy tilló, wū taqáy nəqrá ažóm̄t-ay. bad, mó-ra na bóy-je ðoyún var“. u šod non bóy-je, láft-ay ki: „ðoyún mó-ra ajár!“. boy laft ki: „āy ajab ðoyúni arzón ki, áz jámi sayír-kabír-a jarín“. Ləqmóni akím laft ki: „áz-a badín pətá počó, laſín-da ki ti ðoyún-da kélra bùx kěxt“. nonbóy γád-ay žə-wáy, láft-ay ki: „za, čon ki γú-at, áz tí-ra jarín“. ajárd-ay wáy-ra xu ðoyún, zéxt-a šod xi nán-je.

7. way nān ve láft ki: „o poc, dáy-ra gəxt darkór“. ve šod qasób-je, láft-ay ki: „o qasob, mó-ra gəxt ajár!“. qasób laft ki: „āy ajáb gəxti arzón ki, áz jámi sayír-a-kabír-a jarín“. Ləqmóni akím laft ki: „áz-a badin

„Почему убьешь?“. Тот сказал: „Ты эту казну выдашь“. Ходжа-бизанджабиль-хаким сказал: „Это такая казна, что на всех хватит“. Алькаш-везир сказал: „Как бы то ни было, а я тебя убью“.

4. Ходжа-бизанджабиль-хаким сказал: „Если ты меня убьешь, то снеси две тюбетейки золота и денег моей жене и скажи, что твой муж отправился в паломничество“. И еще он сказал: „Если родится сын, пусть она даст ему имя Лукмон-хаким, а если родится дочь, то как бы ни называла“. Тогда Алькаш-везир снял с него голову.

5. Через девять месяцев и девять дней у его жены родился сын. По завещанию Ходжа-бизанджабиля его мать дала ему имя Лукмон-хаким. И такой это был умный и рослый мальчик, что уже в месяц он был как годовалый.

6. Потом он вырос, мать ему сказала: „Сын, твой отец прислал мне одну тюбетейку золота и одну тюбетейку серебра; поди, принеси мне от купца хлеба“. Он пошел к хлебнику, сказал: „Дай мне хлеба“. Купец сказал: „Какой это дешевый хлеб, только мне и раздавать всем и каждому!“. Лукмон-хаким сказал: „Вот я пойду к царю, скажу, чтобы он разделил на всех твой хлеб“. Хлебник вернул его, сказал: „Иди сюда, я дам тебе сколько ты хочешь“. Дал ему шесть хлебов, (тот) взял и пошел к своей матери.

7. Мать сказала: „Сын, к нему мясо нужно“. Он пошел к мяснику, сказал: „Мясник, дай мне мяса“. Мясник сказал: „Какое это дешевое мясо, — только мне и раздавать всем и каждому“. Лукмон-хаким ска-

ta počó-da, laſín ki ti géxt-ay kél-ra bùx keg“. qasób laſt ki: „γ°afs, čon ki yú-at, záz“. zéxt-a šod xi nán-je.

8. way nân laſt ki: „dáy-ra sawzí darkór“. šod ki wu kempír peta sawzí. láft-ay ki: „mó-ra sawzí darkór“. kempír šod dér sawzí. Lèqmóni akim wint ki: wù maw. mex ów-ay keg, maw šod dér sawzí. kempír ve vég ž-im, méx-ay ðed. vé-ay ow keg Lèqmóni akim. maw ve šod, əm sawzí dayd. cûy náv-ay ow keg, kempír wù kěp zext ðéd-ay máw-ra,—mék.

9. Lèqmóni akim laſt ki: „cûy móli alól-at aróm keg!“. Alqaš wazír na ark fûd, láft-ay ki: „ay šetú cûy móli alól aróm mad?“. Lèqmóni akim laſt ki: „ay-ay xûd wûg maw, əndé mi šam ðow boc: wûg-u nar,—xûd-u wûyn, émi maðén-u roxn; wûg-u mayá: xûd-u wûyn, émi kál-u roxn“. Alqaš wazír laſt ki: „ay-ay bisyó γadagi donó, ay-da xi dédi méráj way žanaj axir-a wzant“.

10. daráw-ay že-wáy jalodén-ra ajárd ki: „že-dáy žanít, day děl-jegár pajít, mó-ra varit, az x°arín, bi děxmán-da vin“. jalodén zéxt-a šod dér wû daxt ki: žaném na-ž-wáy. wû kempír láft-ay ki: „že-dáy na žanít, mû-me wû wadág na xi nân mědá, ma mûn-da rak°t. émi géxt-u na-ž-dáy gěxt či mazadúrl!“. daráw jaladén du wadág k°oxt, émi děl-jegár-əf əm royén dey keg, ayéd-əf, Álqaš wazír-a-f ðed. way laſt ki: „áz-əm bi děxmán mad“.

вал: „Вот я пойду к царю, расскажу, он и разделит на всех твое мясо“. Мясник сказал: „Вернись, возьми сколько хочешь“. Он взял и пошел к матери.

8. Мать сказала: „К нему морковь нужна“. Он пошел, а как раз одна старуха вовле моркови. Он сказал: „Мне морковь нужна“. Старуха пошла в морковь. Лукмон-хаким смотрит: какая-то овца. Он выдернул колышек, она пошла в морковь. Старуха привела ее обратно, вбила колышек. Снова он вытащил. Овца опять пошла, забралась в морковь. Три раза он высвобождал (колышек). Старуха взяла камень, ударила овцу, — (та) околела.

9. Лукмон-хаким сказал: „Ты трех чистых животных погаными сделала“. А Алькаш-везир шел из дворца; он сказал: „Это почему стали погаными три животных?“. Лукмон-хаким сказал: „Одна — сама овца, а в утробе у нее два детеныша: один самец — сам черный, а по поясу белый, и одна самка — сама черная, голова белая“. Алькаш-везир подумал: „Этот парень очень умный, он в конце концов о смерти своего отца, об его убийстве узнает“.

10. Он тотчас отдал его палачам: „Убейте его, сердце и печень его сварите, принесите мне, я съем, без врага стану“. Палачи схватили его, направились в степь: убьем, мол, его. Одна старуха сказала: „Не убивайте его, у меня один ягненок от матери остался, меня сосет. Его мясо куда вкуснее, чем мясо этого“. Тогда палачи зарезали того ягненка, зажарили на масле его сердце и печень, принесли, дали Алькаш-везиру. Тот сказал: „Я стал без врага“.

11. wū mīdi vad ki počó xuðm wint ki alwó-yay xi yáx-je ayéd, wū k°ódi wūyn na wi yač zgapt. roxn ðed, počó xi xuðm anúxt. xi waziráš-ra, awsaqolén-ra láft-ay ki: „čel ruz témox-ra mulát, agár ni xuðm-ef na veyúg, áz-a témoxi kāl yarñ zazín“. ar čón-ef keg ki na vneyúg-ef.

12. Álqaš wazír jalodén-ra laft ki: „agár témox du yaðág na žadá, ú-da počóyi xuðm vəzánt“. jalodén laft ki: „na žadá-an“. odamén-ef xaméd ki ú-da počóyi xuðm vəzánt, laft ki: „ažamít wū varág ki zayd“. way laft ki: „áz-a ma varág səwér na vin: áy-da žə-mún wiðd“.

13. vé-ef wáy-ra ažóm̄t wū axtór, ma im-ja səwér na mad, láft-ay ki: „áz-a ma Álqaš wazír səwér vin“. Álqaš wazír šod, láft-ay ki: „za, səwér wax“. Ləqmóni akím laft ki: „bi bəðán-da səwér na vin“. daraw bəðán ðed, təráng-ef xərákt, avdén ðéd-ef əm yač, səwér mad, qamčayáž da^barm yát. wask kayza-ay keg, láft-ay ki: „bi mún ni varág weč na kənít“.

14. šod pətá počó, láft-ay ki: „ti xuðm yoγ ay ki: alwói sérx-at xi yáx-je ayéd, k°ódi wūyn zəgapt“. počó laft ki: „ni xuðm-ay nak-āy“. Ləqmóni akím laft ki: „way təbili xuðm yóγ ay ki: tu xatén wastá, ti xatén-u əm daréni səndéq, íme wū wexúg“. počó šod, kūxt-ay: razg.

15. bát-ra-n if šod, Álqaš wazír-ef ki kūxt: bar-wáxt way jen šədá. počó laft ki: „tu ž-day šətú keg?“. way laft ki: „day ni ded əm falón:

11. Однажды царь увидел сон, что он поднес к своему рту халву, а какая-то черная собака выхватила (ее) у него изо рта. Настало утро, царь забыл свой сон. Он сказал своим везирам и старшинам: „Сорок дней вам сроку; если не узнаете моего сна, я сниму с вас головы“. Как они ни старались — не отгадали.

12. Алькаш-везир сказал палачам: „Если бы вы того парня не убили, он бы узнал сон царя“. Палачи сказали: „Мы не убили“. Послали (к нему) людей, чтобы он отгадал сон царя. (Алькаш-везир) сказал: „Пошли коня — пусть он приедет“. Тот сказал: „Я на коня не сяду, он меня сбросит“.

13. Тогда ему послали верблюда, он и на него не сел, сказал: „Я только на Алькаш-везира сяду“. Алькаш-везир пошел, сказал: „Давай, садись“. Лукмон-хаким сказал: „Без седла я не сяду“. Тогда надели седло, затянули подпругу, вдели в рот удила, он сел верхом, и погоняя плетьми, приехал. Привязал его высоко, сказал: „Без меня моему коню сена не давайте“.

14. Пошел к царю, сказал: „Твой сон такой: ты поднес ко рту красную халву, а черная собака выхватила“. Царь сказал: „Мой сон именно такой“. Лукмон-хаким сказал: „Значение же сна таково: ты взял жену, твоя жена в сундуке, у нее мужчина“. Царь пошел, посмотрел, — правда.

15. Потом они пошли, посмотрели Алькаш-везира, а из него давно душа вышла. Царь сказал: „Что ты с ним сделал?“. Тот сказал: „Он моему отцу в такой-то сокровищнице голову снял“. Он сказал царю: „Давай

xaziná-ay way kāl γarn ze᷑t". pod᷑ó-ra-ay laft ki: „ta᷑, badém, tí-ra du xaziná a᷑awín“. počoč šod way qatáy ki kúxt-ef: way dédi kāl γarn ze᷑tagin. du xazináyi tilló-tangá zéxt-ata, vág-ef dər počoyi kūd. počoč daráw Lékmóni akím xi wazíri ðústi razg̑ keg.

пойдем, я тебе ту сокровищницу покажу“. Царь пошел с ним, посмотрели: у его (Лукмон-хакима) отца голова снята. Они забрали из той сокровищницы золото и деньги, принесли в дом к царю. Царь тотчас сделал Лукмон-хакима своим везиром правой руки.

3

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

Фонологическая запись

1. vág-an yo na vág-an ki cûy vréd-an vad. 2. ðow váréd-an na wûnán, 3. wûg na wûnán. 4. if-me-an cûy wûs vad. 5. cégág-da xi wûs payd. 6. qætæláð-ta xud na payán. 7. wû mið éfi cældúri vred xi wûs na payd. 8. way vêradár way wûs žûd. 9. u yât ki: ni wûs na yast 10. bát-ra ay xi wûs xækárd, 11. xi wûsi mérðá-ay veyúg. 12. zéxt-a šod i daxt. 13. tamokó-ay keg ki: wû axtór še-préd yât. 14. γadág axtór niyûd, wûsi xºán-at émi γoð axtóri γáx-ra mald. 15. kúxt-ay ki axtóri soib yât. 16. wûsi soib (γadág) dər γerawáj ðed. 17. láft-ay ki: „o vréd, ti axtór ni wûs xûg“. 18. láft-ay ki: „o vréd, dæréy na lâf, axtór-da na wûs na xºard“. 19. láft-ay ki: „émi γáx kas ki xºenán-u. 20. áz-da badín pétá qozí-da arz kºenin“. 21. axtóri soib laft ki: „arz na bad, ni axtór ti wûsi qórz-ay“. 22. du γadág ma axtór sêwér mäd-a šod. 23. way vêradár kúxt ki: éfi vêred-u ma axtór sêwér-at yât. 24. láft-ef ki: „e badbáxt, tu yi axtór naš-kºore-at vég? 25. áy ki-me?“. 26. way laft ki: „ni wûs-ef žûd, 27. mún émi mérðá vašt, 28. axtór-əm ze᷑t“. 29. if-ja xi wasáð žadá-ef, éfi mérðá-ef déri bozór ayéd. 30. odamén-da pisán ki: „áy-ay čig?“. 31. if laft ki: „áy-ay ni wûsi mérðá, wûsi mérðá-da axtóri-tû ðadém“. 32. odamén laft ki: „e bœaqláð, wûsi mérðá-da axtóri-tû ki nøyást?“. 33. if-an na xi kár pækimén mäd-at šód-an. 34. xi wûs-ef žûd, ná-ef axtór vég-at na wûs. 35. bát-ra-ef masliát keg ki: „day badbáxt žæ mox ibrát ðed (|| bâs yât)“. 36. móx-ta day nân žaném. 37. bát-ra-ef way nân žûd. 38. áy sayirá mad. 39. way xi náni mérðá ma xûr sêwér keg-at, 40. γerawárm yât wû jendá. 41. wû wixúg-da ya na pigág kaxtá zazd. 42. u nøyust. 43. xûr šod dər(i) kaxtá. 44. kaxtáyi soib γár ðed xûr. 45. émi mérðá na xûr wob ðed. 46. du γadág yât-at, pay γerawáj mad. 47. láft-ay ki: „ni nán-at žûd, 48. áz-da pétá qozí badín, árz-a kºenin“. 49. láft-ay ki: „mû-me ðow ðoyd, 50. wûg xuš kén-at zâz əm xi qarz“. 51. du γadág way kældúri ðoyd zéxt-at šod i kûd. 52. way vradár laft ki: „naš-kºore-at vég?“. 53. láft-ay ki: xi

¹ Перевод см. при вариантах шугнано-рушанской группы, стр. 174.

náni mérđá-əm δéd-at, yu γačág-əm nəyūd (|| zeħt). 54. if-ja xi nān žúd-at, ayéd-əf déri bozór. 55. odamén ž-if pist ki: „yu mérđá-da šetü k'ənít?“. 56. if laft ki: „xasá γačagi-tú-da δadém“. 57. odamén vez if-ra izzó δéd-at šód-an i kúd.

Детализованная запись

1. vádan yo na vádan k'i' cuy vrédan vad || 2. δow vrédan na wú nán
 3. wug¹ na wú nán || 4. ifmí àn cuy wús vad || 5. c'gág da xí wús páiđ |
 6. k'tsláš ta' xud na payán || 7. wu miš l'éfi c'oldóri vred¹ xí wús na páiđ
 8. waj wradár¹ waj wús žúđ || 9. u yát¹ ki¹ ni wús na yást || 10. bátra ay¹
 xí wús x'kérd | 11. xí wús i m'rđá ay v'yúg || 12. zéxta šod i dák̄t ||
 13. taməx̄ai keg ki¹ wu axtór š'pred yat || 14. γadág axtór ntyúd | wús
 x'ánat¹ émi γ'ɔđ¹ axtór γáxra māit | 15. kóxtai ki¹ axtór¹ soib yát || 16. wús
 soib (γadág)¹ där γ'raváj ded | 17. láftai ki | o vréd | ti axtór¹ ni wús xug. ||
 18. láftai ki | o vréd | d'rby na láf || axtór¹ da¹ na wús na x'árd || 19. láftai
 ki | émi γáx kæs k'i¹ x'ənánu || 20. áz¹ da badín p'tá qozí da¹ árz
 k'ünín || 21. axtór¹ soib láft k'i¹ arz na bád | ni axtór¹ ti wús
 q'orzař || 22. du γadág¹ ma axtór s'wér mādat¹ šöđ || 23. waj vradár kužt ki¹
 éfi vréd u¹ ma axtór s'wérat yát || 24. láftef ki¹ | e badbáxt | tu yi axtór¹
 na šk'óreyat wëg? || 25. áyaj kiři¹ || 26. waj láft k'i¹ ni wúséf žú-d |
 27. mun¹ émi m'rđá vás̄t | 28. axtórém zeħt || 29. if ja¹ xi wasáv žadáəf |
 éfi m'rđá déri bozór ayéd-əf || 30. odamén da pisán ki¹ áyaj čig? || 31. if
 láft ki¹ áyaj ni wús mérđá || wúsí m'rđá da¹ axtórity¹ δadém || 32. odamén
 iáft ki | e biaqláš | wúsí m'rđá da¹ axtórity¹ k'i¹ n'yást? || 33. ifan¹ na xí kár¹
 pežimén mādat | šöđan || 34. xi wúséf žúd | na axtór végat | na wús ||
 35. bátra ūf masli¹ át keg ki¹ daj badbáxt¹ móx bäs yát || 36. móx ta¹
 daj nān žáném || 37. bátra ūf¹ daj nān žud || 38. áy¹ saŷirá mad || 39. waj
 xi ná¹ ní m'rđá¹ ma xúr s'wér kígat¹ || 40. γ'rawárm yat wu jindá || 41. wu
 wexúg da γá¹ na pigág kaxtá zäzd || 42. u¹ n'yóst || 43. xur¹ šod d'ri kaxtá¹
 || 44. kaxtai soib¹ γár δed xur¹ || 45. émē m'rđá¹ na xur¹ wób δed || 46. du γadág
 yátat | pay γ'rawáj mad || 47. láftai ki¹ | ni nánat žú-d | 48. áz¹ da p'tá qozí
 badín | árz a k'ünín || 49. láftai ki¹ | m'vñi¹ | δow δoyd¹ || 50. wuk xëš kénat¹
 zäz əm xé qárz || 51. du γadág waj qoldúri δoyd zéxtat¹ šöđ i kúd || 52. waj
 v'radár laft k'i¹ | na šk'óreyat vëg? || 53. láftay¹ ki¹ | xé nání m'rđá əm δed
 | yu γačagi-m n'yúd || 54. if ja¹ xi nān žúdat | ayéd ūf d'ri bozór || 55. odamén
 ūf pist ki¹ | yu m'rđá da¹ š'to k'ənij? || 56. if láft ki¹ xasá γačagétu¹ da δadém¹
 || 57. odamén ifra izó δédat¹ | šöđan i kúd.

ВАХАНСКИЙ ЯЗЫК

Ваханцы, численностью около 6—7 тысяч человек, сосредоточены в пределах Советского Союза в одном — Ишкашимском — районе, расположеннем в верховьях Пянджа в южной части Горно-Бадахшанской автономной области. Будучи, как и все памирцы, двуязычными, многие ваханцы, кроме своего и таджикского языка, пользуются также и шугнанским языком. Но, живя компактной массой, они до настоящего времени хорошо сохраняют свой язык, который, как и язгулямский, является сравнительно монолитным и имеет лишь незначительные говорные отличия.

Ваханским языком занимались больше и дольше, чем язгулямским, однако и по нему опубликованные материалы (начиная с записей Шоу 80-летней давности и кончая последними по времени записями Моргеншерна и Климчицкого)¹ давали возможность составить представление лишь о консонантизме. О составе же гласных фонем по записям названных исследователей судить было нельзя.

Состав гласных фонем в ваханском языке был установлен И. И. Зарубиным.² И. И. Зарубин пришел к выводу, что долгота в ваханском языке не имеет фонологического значения. Кроме того, он определил многообразные и качественно трудно определимые звуки, обозначавшиеся исследователями в их записях многочисленными знаками, как варианты двух фонем смешанного ряда. В результате, ваханский вокализм определяется им как состоящий из 6 фонем, против обычно употреблявшихся другими исследователями 13—14 гласных (в записях Климчицкого, Моргеншерна, Шоу). Эти фонемы следующие: *i*, *a*, *o*, *u*, *ъ*, *ә*. Две последние характеризованы И. И. Зарубиным как гласные смешанного ряда с очень широким диапазоном.

¹ R. Show. On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli), Journal of the As. Soc. Beng., vol. 45, 1876. — G. Morgenstierne. Indo-iranian frontier Languages, vol. II, 1938, Oslo. — С. И. Климчицкий. Ваханские тексты. Тр. Тадж. базы Ак. Наук СССР, т. III, 1936.

² Система ваханского вокализма, разработанная И. И. Зарубиным, отражена в его подготовленных к печати ваханских текстах, записанных фонологической транскрипцией, а также была изложена им в курсе памирских языков в 1936/37 учебном году в Ленинградском университете.

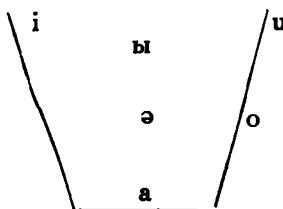
Однако более точной фонетической характеристики, которая выявила бы основной тип артикуляции этих фонем, пределы их диапазона и признаки, противополагающие их друг другу, дано не было. Также требовалось уточнение роли длительности гласных и проверка вывода о ее нефонологичности. Не совсем ясным оставался вопрос о наличии фонемы *e*, для выделения которой И. И. Зарубин не видел оснований, но которая обозначалась в записях всех предшествующих исследователей. Таким образом, основная задача по ваханской фонетике сводилась к более детальной характеристике фонем, что в вокализме особенно важно было для гласных *ъ* и *э*, а в консонантизме для так называемого ретрофлексного ряда согласных.

Осведомителями при исследовании были ваханцы — студенты Сталинабадского педагогического училища из селений Зунг (Шаджанов) и Птуп (Оламхонов). В работе для определения длительности гласных применялся кимограф и для определения артикуляции согласных — искусственное нёбо.

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проведенное исследование целиком подтвердило состав вокализма из 6 указанных фонем, которые по качественной их характеристике могут быть размещены в классификационной таблице следующим образом:¹

Все гласные, в том числе и гласные смешанного ряда *ы* и *э*, под ударением могут быть протяжными, напряженными и полновзвучными (особенно в односложных словах): «číz» ‘нечто’, «pān» ‘мать’, «třúy» ‘три’, «sōr» ‘ворох зерна’, «výg» ‘груз’, «éť» ‘открытый’. Наиболее полновзвучной и способной к растяжению фонемой является гласный *a*, который может очень сильно удлиняться в благоприятных фонетических положениях, т. е. не перед глухими смычными. Наиболее удлиненным оно бывает в положении перед *r*: «ŷār» ‘камень’, «cār» ‘делай’, «bār» ‘дверь’, «sār» ‘голова’ и т. д. Впрочем, в этом положении до такой же степени могут растягиваться и другие фонемы, но реже. В быстрой речи такого сильного растяжения гласных не наблюдается.

¹ Знак *ы* соответствует в транскрипции И. И. Зарубина знаку *ъ*.

Во всяком случае ясно, что в ударенном положении какого-либо фонологического противоположения гласных друг другу по признаку длительности нет: в каждом отдельном случае длительность того или иного гласного определяется его фонетическим положением и отчетливостью произношения.

В неударенных же слогах выявление гласных не одинаково: гласные смешанного ряда *ы* и *э* сильно сокращаются, — в открытых слогах вплоть до редукции, — в то время как остальные гласные даже в открытых неударенных слогах не сокращаются слишком сильно. Таким образом, ваханские гласные при их рассмотрении могут быть разделены на устойчивые (гласные *i*, *a*, *o*, *u*) и неустойчивые (*ы*, *э*), характеризующиеся способностью редуцироваться.

Качественная характеристика ваханских гласных следующая.

Устойчивые гласные *i*, *a*, *o*, *u*

Фонема *i* всегда переднего ряда, назад совсем не продвигается. По подъему ее диапазон колеблется от верхней до 5-й и несколько ниже ступени, т. е. от закрытого «*i*» до открытого «*ɪ*». Первый вариант встречается обычно в соседстве с согласными среднеязычной артикуляции: «*zindá*» 'сказка', «*ui*» 'один'; второй, более открытый, — в остальных положениях: «*vittə_uy*» 'сделался', «*ti*» 'твой' и т. д. В отдельных случаях может возникать и еще более открытый вариант фонемы *i* — закрытое «*ə*», что происходит в соседстве с увулярными: «*qəc̪i*» 'ножницы'. Но обычно в таких случаях заметно расширяется лишь начало гласного, конец же его попрежнему остается узким, так что получается дифтонгоидное звучание: «*qə̚ci*». К тому же при тщательности произношения в таких случаях однородное, более узкое звучание фонемы *i* восстанавливается («*ciči*»). Таким образом, основной диапазон фонемы *i* по подъему не слишком широк (от «*i*» до «*ɪ*»), несмотря на то что ей не противостоит какая-либо другая фонема переднего ряда. При таком сравнительно узком диапазоне фонемы *i*, редко имеющей «*е*»-образное звучание, к тому же устранимое при полном стиле речи, кажется странным обозначение гласного «*е*» в ваханских текстах почти всеми исследователями. Этому появлению «*е*» в их записях можно дать два объяснения. 1) Стремление ваханцев в беседе с пришлыми, чужими людьми давать заимствованные слова не в своем, а в образцовом, т. е. таджикском, произношении (примеры из Климчицкого): *bel* 'лопата', *deqon* 'дехканин'. Во втором примере появлению *e*, кроме подражания, способствует расширяющее влияние *q*. То, что в ряде случаев имеет место именно стремление к образцовому произношению, показывает следующий пример (из записей Климчицкого): *soheb* 'хозяин'. В этом случае ваханец произнес слово на таджикский манер, с не свойственной ему артикуляцией нижнефарингального *h*, под влиянием которого возник

широкий вариант фонемы *i*, обозначенный Климчицким знаком *e*. Принесение «soheb» было лишь не вполне удачной попыткой передать таджикское *sohib* при своем привычном образе этого слова: «soib». 2) Один из вариантов фонемы смешанного ряда *ə* может быть очень передним, давая впечатление открытого «е»: «xättey» 'он сказал'. Это звучание и могло быть принято за *e* (что постоянно встречается в записях Шоу).

Фонема *a* по преимуществу нейтрального ряда, равная русскому ударенному *a* между твердыми (*дал*): «pan» 'мать', «tъrdá» 'труп', «kaš» 'парень', «xättey» 'он сказал' и т. д. В соседстве с согласными со средненязычной артикуляцией может заметно продвигаться вперед, становясь гласным переднего ряда (вариант «а» или «ə»): «jäy» 'место', «ua ðäy» 'тот человек'.

Фонема *o* — гласный заднего ряда, огубленный, открытого типа, образующийся на 3-й ступени подъема. Качественно устойчив и каких-либо заметных вариантов не имеет. Употребляется преимущественно в заимствованных словах: *soib* 'хозяин', *bozöt* 'базар', *wäskdör* 'владелец теленка', *tatošó* 'зрелице' и т. д. В ваханских словах употребляется чаще всего в глагольных формах: *göttay* 'взял', *pöydäy* 'охранял', *pöwdäy* 'заплакал', *wögötday* 'привел'. В других случаях оно встречается сравнительно редко: *sor* 'ворох зерна', *gändös* 'труп', *tor* 'орех', *šou* 'тихо', *gъwöt* 'день'.

Фонема *u* — гласный заднего ряда, верхнего подъема, сильно огубленный. Качественно устойчив и заметных вариантов не имеет. Примеры на употребление фонемы *u*: *xir* 'осел', *tri(y)* 'три', *lup* 'большой', (*w)uz* 'я', *dur* 'живот', 'сердце', *əc kui* 'никто', *bi* 'два', *rük* 'лоб'.

Неустойчивые гласные *ы*, *ə*

Обе фонемы в основном варианте своего звучания являются типичными гласными смешанного ряда, представленными в таблице Л. В. Щербы знаками *ы* и *ə*. Оба гласных неогублены. Основным противополагающим признаком для этих фонем является степень подъема. Фонема *ы* — закрытый гласный смешанного ряда, образующийся при отчетливой речи на 5-й ступени подъема или немного ниже, примерно там же, где русское *ы*. От русского *ы* ваханская *ы* отличается тем, что представляет более типичный гласный смешанного ряда, а именно: при артикуляции ваханского *ы* поднимается к нёбу горизонтально вся масса языка вместе с кончиком, русское же *ы* артикулируется с опущенным книзу кончиком языка. Ближе всего по типу артикуляции ваханская *ы* подходит, пожалуй, к долгому туркменскому *ы*, которое тоже представляет типичный смешанный гласный, но несколько более узкий по подъему, чем ваханская *ы*, и обычно дифтонгоидный (от «ы» к «i»: «ыⁱ»), в противоположность монофтонгичному ваханскому *ы*.

Под ударением, особенно в односложных словах, ваханская *ы* может быть весьма напряженным, полнозвучным и протяжным: «*ryd*» 'нога', «*ы́в*» 'семь', «*vыg*» 'груз' и т. д., не только не отличаясь в этом отношении от остальных, несмешанных, гласных, но и превосходя иногда некоторые из них (например фонемы *i* и *o*) по напряженности и длительности. При отчетливом произношении ударенное *ы* не является огубленным и артикулируется с растянутыми углами губ. Диапазон ударенного *ы* не очень широк: оно может продвигаться назад или вперед под влиянием окружающих согласных, а также несколько расширяться под влиянием увулярных, а также согласных *r* и *w*. В результате возникают два крайних варианта ударенного *ы*: 1) продвинутый вперед вариант, напоминающий закрытое «*ё*» (*kyldé-w* 'тыква', фонологически *kыdыш*) и 2) продвинутый назад вариант «*ъ*» (*къ* 'все'). Однако сильное продвижение вперед и назад не характерно для фонемы *ы*, чаще встречаются лишь слабо продвинутое *ы* в вариантах «*ъ*» (*ы*, продвинутое вперед) и «*ы-*» или «*ъ-*» (*ы*, продвинутое назад): «*ъw*» 'черный', «*хы-**у*» 'сестра'.

Быстрой речи фонема *ы* под влиянием губных согласных может огубляться. Огубленность эта обычно слаба и нестойка, однако для русского уха, очень чуткого ко всякой огубленности, она дает повод воспринимать этот вариант *ы* как «*Ӧ*». Так, в записях Климчицкого¹ имеем в соседстве с губными: *cäb̥ir* 'четыре', *prüf* 'перед', *bülbüł* 'оловей', *kädīç* 'тыква' и т. д.

В безударном положении фонема *ы* сильно сокращается, особенно в открытых слогах, где она может редуцироваться: «*k^ädыш*» 'тыква', «*pr^äтыт*» 'перед', «*d^äгэг*» 'ноготь', «*w^äхэн*» 'кровь' и т. д. Сокращаясь, неударенное *ы* может расширяться сильнее, чем ударенное, и имеет обычно открытые варианты: более заднего типа — «*ъ*», «*ʌ*», более переднего типа — «*ъ*», «*ə*». В результате, фонема *ы* в безударных открытых слогах может сближаться или отожествляться по звучанию с редуцированным вариантом второго, открытого гласного смешанного ряда — *ə*, так что для их различия в этом положении часто приходится прибегать к отчетливому произношению, где качество обеих фонем восстанавливается.

Примеры на употребление фонемы *ы*: *ryd* 'нога', *vыg* 'груз', *wыg* 'дождь', *vrыt* 'брат', *stыu* 'встань', *ұыш* 'корова', *сыbýr* 'четыре', *тыu* 'месяц', *хы* 'свой', *шыbýr* 'верблюд', *хы* союз послелагольный, *rygt* 'перед', *тыslyát* 'совет' и т. д.

Фонема *ə* — открытый гласный смешанного ряда, образуемый примерно на 3-й ступени подъема и ниже («*ə*»). В ударенном положении — это вполне отчетливый и не краткий гласный, но по

¹ С. И. Климчицкий. Ваханские тексты. Труды Тадж. базы Ак. Наук СССР, вып. III, 1936. Транскрипция в примерах принадлежит Климчицкому.

сравнению с ы несколько менее напряжен и менее способен к сильному растяжению. С качественной стороны имеет весьма широкий диапазон. В зависимости от окружающих согласных э может, как и ы, продвигаться или вперед или назад. Но в отличие от ы, для э характерно более сильное продвижение вперед и большая устойчивость продвинутого вперед варианта. Фонема э закономерно перед среднеязычным у дает в быстрой речи очень передние варианты «е_» или «э_», лишь слегка продвинутые или вовсе не продвинутые назад: «šíttej || šíttej» 'убил', «xáttæj || xáttæj» 'сказал', «yəm || yəm» 'этот', «ey» 'эй!'. При более отчетливом произношении в этих случаях восстанавливается смешанное «э», но все же несколько продвинутое вперед, открытое (немного выше 2-го подъема): «xáttəy» и т. д. Этот основной вариант фонемы («э»), характерный для отчетливой речи во всех фонетических положениях, в соседстве с переднеязычными смычными является обычным и при быстрой речи: «gæk» 'иди', «i^owət^k» 'было', «bət» 'другой', «ət» 'открытый'. Другой тип звучания этой фонемы — более узкий, на 3-й ступени подъема и выше («^ə») с возможной большей или меньшей продвинутостью назад («^ə_»), близкий к английскому смешанному гласному в слове *girl*. Встречается обычно рядом со щелевыми, а продвинутый назад его вариант рядом с заднеязычными и увулярными: «w^əzdæ_y» 'пришел', «d^ə-yd» 'дочь'. Этот вариант под влиянием окружающих согласных (губных, а также согласных չ, ʂ, ڇ и ڦ, артикулирующихся с участием губ) может слегка огубляться, как и рассматривавшиеся варианты фонемы ы: «w^əšk» 'тленок', «w^əzdzæ_y» 'пришел', «d^əڇdæy» 'взял' и т. д. Эта огубленность, как и для фонемы ы, слаба и нестойка, но для русского уха дает повод слышать здесь ö, что опять-таки имеем в записях Климчицкого: čöžt 'глаз', röts 'спроси', wözd(əy) 'пришел' и др.

В результате, как видно из описания, качественный диапазон фонемы э более широк, чем фонемы ы: она колеблется от открытого гласного переднего ряда («e||æ») до довольно закрытого гласного смешанного ряда, продвинутого назад, с возможным огублением («^ə_»).

С количественной стороны фонема э тоже несколько более неустойчива, чем ы. Она может заметно сокращаться даже в ударенных слогах (в закрытых слогах двусложного слова) в соседстве с глухими смычными и r: «kértə_y» 'сделал', «prérstə_y» 'спросил'. В неударенном положении э сокращается, как и ы, очень сильно, редуцируясь в открытых слогах: «t'rā» предлог места и направления, «s*wóг» 'верховой'. Как уже говорилось, при сильном сокращении обоих неустойчивых гласных в этом положении звучание их сближается или совпадает, противоположение же их поддерживается полным стилем речи, где они достаточно хорошо различаются. Однако это качественное совпадение обеих фонем в быстрой речи создает возможность их смешения и взаимозамены, что и сказывается в частом возникновении дублетов:

bərət || *bırgət* 'локоть', *şytýr* || *şetýr* 'верблюд', *şybýn* || *şebýn* 'пастух',
tıysləát || *təsləát* 'совещание', *ryrýt* || *rərýt* 'перед'.

Примеры на употребление фонемы *ə*: *kərtəy* 'он сделал', *rəng* 'род', 'вид', *wıxən* 'кровь', *bən* 'низ', 'корень', *pətr* 'сын', *kətpir* 'старуха', *bət* 'одежда', -*ət* энклитический союз, *dəyd* 'дочь', *çəzət* 'глаз', *zət* 'снег'.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе производилась в октябре 1949 г. по произношению Шаджанова, студента Сталинабадского учительского института, уроженца ваханского селения Зунг.

Цифровые данные излагаются в порядке, принятом в „Очерках“: 1-я строка в столбце означает среднюю длительность, 2-я — типовую, 3-я — крайние отклонения длительности.

В односложном слове

Перед одним согласным

Длительность гласных, не будучи фонологической, заметно меняется под влиянием соседних согласных и имеет очень широкий диапазон. По влиянию на длительность гласного выделяются три основных фонетических положения: 1) перед *r* после любого звонкого или глухого щелевого, где гласные имеют максимальную длительность, 2) перед *r* после глухого смычного или носового и перед любым щелевым после звонкого, где гласные имеют среднюю длительность, 3) перед глухим смычным после любого согласного и между глухими, где гласные имеют минимальную длительность.

Цифровые данные приводятся в соответствии с выделенными положениями.

1) Тип: *çır*, *dir*, *car*, *ðar*, *sar*, *bar*, *gar*, *zar*, *γar*, *sor*, *gur*, *dır*, *ðır*, *sıg*, *vyg*

i	a	o	u	ы	ə
24.8 (8)	26.3 (25)	26.3 (2)	26.7 (11)	26.3 (6)	—
—	29—24	—	—	—	—
27—20	30—22	28—24	31—21	28—25	—

Хотя типовая длительность из-за небольшого числа измерений для большинства гласных не определена, однако совпадение средней длительности всех гласных, а также малые расхождения в общем диапазоне длительности (крайние отклонения) позволяют заключить с несомненностью, что все гласные в данном положении не различаются по длительности. Это дает возможность суммировать данные по всем гласным. Тогда имеем:

26.2 (52)
28—24
31—20

2) Тип: *čil, par, baf, t'as, xig, b'is, ter, bəč*

i	a	o	u	y	e
22.1 (3)	21.9 (15)	—	20.1 (2)	21.9 (4)	20.7 (9)
— 24—21	— 27—17	—	— 23—19	— 24—19	— 23—17

В этом положении абсолютная длительность всех гласных заметно короче, но между собой все гласные, как и в 1-м положении, равны по длительности. Суммирование данных дает следующие цифры:

21.6 (33)
25—19
27—17

3) Тип: *čit, čak, tat, qat, ḍok, čuk, kuč, kui, gyi, kyi, tui, bət, bəč, set*

i	a	o	u	y	e
19.2 (3)	18.9 (12)	22.1 (4)	18.7 (15)	17.2 (9)	15.3 (8)
— 21—16	22—16	— 24—20	21—16 23—14	16—14 24—14	16—14 19—14

В этом положении, наиболее неблагоприятном для сохранения длительности, гласные ы и э хотя и не противополагаются остальным гласным (общий диапазон и частично типовая длительность всех гласных совпадают), однако выявляются как более неустойчивые, способные к наибольшему сокращению, что сказывается как на их средней, так и на их типовой длительности. То, что приведенные данные для ы и э не случайны, показывает отчетливая концентрация почти всех измерений обоих гласных на отрезке 16—14 с: из 17 измерений зафиксировано всего 4 случая длительности ы и э выше 16 с, остальные 13 случаев падают на отрезок длительности в 16—14 с. Таким образом, для данного фонетического положения при сводке цифр приходится выделить две группы гласных.

i, a, o, u	ы, э
19.3 (34)	16.3 (17)
22—16	16—14
24—14	24—14

Перед двумя согласными

Здесь по влиянию согласных выделяются два положения: 1) после звонкого, 2) после глухого смычного. Последующий согласный во всех записанных словах — это или глухой щелевой, или т. Будучи шумным в этом положении, т не удлиняет сильно гласные и по своему влиянию равно глухим щелевым.

В 1-м положении длительность всех записанных гласных одинакова, фонемы *ы* и *э* совершенно не отличаются от других гласных. Поэтому данные по всем гласным суммируются.

1) Тип: *bist*, *dašt*, *dyzrd*, *dəst*

22.4 (19)

25—20

26—19

2) Тип: *past*, *cart*, *park*, *kart*, *yirt*, *pojt*, *ryxt*, *tıxtm*, *rərz*

<i>i</i> , <i>a</i> , <i>o</i> , <i>ы</i>	•
20.4 (44)	17.7 (6)
23—17	—
24—16	21—13

2-е положение фонетически мало отличается от предшествующего, поскольку щелевые *и r* противостоят сокращающему влиянию предшествующего глухого смычного. Однако гласные здесь все же несколько короче, чем в 1-м положении. Эта, даже небольшая, разница в абсолютной длительности уже сказывается на фонеме *э*, которая оказывается более неустойчивой и сокращается больше, чем другие гласные. Фонема *ы* при данной абсолютной длительности примыкает к остальным гласным. Значит, в данном положении большая неустойчивость фонем *ы* и *э* сказывается слабо, и выявились она только для фонемы *э*, которая и выделена из группы остальных гласных.

В двусложном слове

В неударенном открытом слоге

В этом положении все гласные могут значительно сокращаться, в зависимости от четкости произношения и влияния соседних согласных, причем фонемы *ы* и *э* выявляются как более неустойчивые. Влияние согласных очень разнообразно, но основные типы влияний все же можно выявить следующие. Гласные, что особенно относится к *ы* и *э* как к неустойчивым, менее способны к сокращению в положении между смычными, особенно если оба или один из них являются звонкими. В соседстве с глухими щелевыми гласные больше сокращаются, особенно если щелевым является первый согласный. Аффрикаты в положении перед гласным равны по своему влиянию щелевым, после гласного — смычным. Носовые *i l* в положении перед гласным близки по влиянию на него к глухим смычным, т. е. несколько сокращают гласный. Положение перед сонантами, и особенно перед *r*, является благоприятным для сокращения *ы* и *э*. Впрочем, и здесь сокращение гласного зависит также от предшествующего согласного: после звонкого перед *r* гласный сокращается мало, после же глухого может сокращаться очень сильно. Фонема *u*, редко встречающаяся в неударенном открытом слоге,,

в кимографических записях не засвидетельствована. Ниже приводятся имеющиеся цифровые данные.

1) Между смычными в соседстве со звонким. Тип: *nojir, podd, býnd, qədim*

о	ы	э
20.3 (6)	14.0 (4)	13.2 (4)
—	—	—
22—17	16—10	16—12

2) Между глухими смычными (=носовые и *l*) или перед звонким щелевым и *r* после звонкого. Тип: *daráw, liqob, qimít, qicí, taxt, bərik*

а	и	ы	э
15.9 (4)	15.3 (10)	12.0 (4)	11.7 (11)
—	16—12	—	13—10
18—14	18—12	16—8	15—9

3) В соседстве с глухими щелевыми или перед *r* после глухого. Тип: *salbm, šoni, nisit, šidbır, býrgú, šytóár, cərdx, yelbʃ, dəlék, rəyñ*

а	о	и	ы	э
13.1 (4)	13.9 (6)	12.5 (8)	7.5 (8)	9.1 (18)
—	—	13—12	—	11—?
14—12	16—13	15—10	10—4	13—4

Сводные цифры

1)	о	ы, э
	20.3 (6)	13.6 (8)
	—	16—12
	22—17	16—10
2)	а, и	ы, э
	15.5 (14)	11.6 (15)
	18—12	13—10
	18—12	16—8
3)	а, и, о	ы, э
	13.1 (18)	8.5 (26)
	14—10	11—4
	16—10	13—4

Как видно из приведенных цифр, фонемы *ы* и *э* в неударенном открытом слоге могут очень сильно сокращаться, а в 3-м положении редуцироваться, в то время как для остальных гласных сокращение ниже 10 с не засвидетельствовано даже для 3-го фонетического положения. Фонемы *ы* и *э* в наиболее кратких своих вариантах в положении между глухими могут целиком оглушаться.

В ударенном закрытом слоге двусложного слова

В этом положении главное влияние на длительность гласного оказывает закрывающий слог согласный: звонкие удлиняют гласный, глухие сокращают. Согласный *r* при первом звонком удлиняет гласный, при первом глухом является нейтральным. Соответственно этому цифровые данные приводятся по следующим фонетическим положениям.

- 1) Перед звонким. Тип: *codır*, *pəjir*, *qədım*, *pəşin*, *şidör*, *sırgıp*, *salót*, *lıqób*,
şıbón, *şıtór*

i	o	ы	ə
17.6 (10)	17.5 (15)	15.2 (5)	—
19—15	19—14	17—14	—
23—12	22—14	17—11	—

- 2) Перед глухим. Тип: *cərdıx*, *nıslıt*, *kımit*, *γelöf*, *cərək*, *cərək*, *cələk*

a	i	o	ы	ə
12.7 (6)	13.4 (11)	12.3 (2)	12.7 (4)	11.6 (7)
16—10	16—11	—	—	12—11
16—10	18—9	15—10	13—12	12—11

Сводные цифры

1)	i, o	ы
	17.5 (25)	15.2 (5)
	19—14	17—14
	23—12	17—11
2)	a, i, o	ы, ə
	13.1 (19)	12.0 (11)
	16—10	13—11
	18—9	13—11

В обоих положениях гласные ы и ə лишь незначительно отличаются от других гласных своей меньшей способностью к растяжению.

В исходе слова

В этом положении имеются данные только для первой группы гласных, поскольку фонемы ы и ə в исходе слова в полнозначных словах не встречены.

Характерно, что гласные в ударенном исходе не растягиваются заметно по сравнению с положением в других слогах двусложного слова, и их абсолютная длительность значительно меньше, чем в односложном слове.

- 1) После звонкого или глухого щелевого. Тип: *ʃonf*, *qıbı*, *podd*, *ğıxıd*

i	a
14.9 (5)	17.5 (5)
18—13	18—17
18—13	18—17

2) После глухого смычного. Тип: *tыти*, *лкб*

и	о
13.2 (4)	18.4 (3)
—	—
16—10	20—17

Безударное исходное *i* сильно сокращается, как можно судить по длительности *i* в слове *ҳати* 'сказал', равной 9.0 с (3), при диапазоне 10—8 с. Других данных по безударным гласным в исходе не имеется.

Выводы

Приведенные в этом разделе цифровые данные позволяют сделать следующие выводы относительно длительности ваханских гласных.

1. Ваханские гласные не противополагаются друг другу по длительности. Поскольку, таким образом, длительность ваханских гласных не является фонологической (во всяком случае, в большинстве фонетических положений), то она чрезвычайно мутабильна и может сильно меняться под влиянием разнообразных фонетических условий. В связи с этим диапазон длительности всех гласных очень широк: в благоприятных положениях они могут сильно удлиняться, в неблагоприятных — сильно сокращаться.

2. Фонемы *ы* и *э* выделяются среди других гласных своей большей способностью к сокращению в соответствующих фонетических положениях (в соседстве с глухими и в неударных слогах). В результате, как общий, так и по отдельным фонетическим положениям, диапазон длительности *ы* и *э* и остальных гласных совпадает не полностью. А именно: общий диапазон типовой длительности для *а*, *и*, *о*, *у* равен 28—10 с, для *ы*, *э* 28—4 с; диапазон длительности в односложных словах для *а*, *и*, *о*, *у* равен 28—16 с, для *ы*, *э* 28—14 с; диапазон длительности в двусложных словах для *а*, *и*, *о*, *у* равен 20—10 с, для *ы*, *э* 17—4 с.

3. Наибольшая неустойчивость фонем *ы*, *э* и вместе с тем наибольшее их отличие по длительности от остальных гласных выявляется в неударном открытом слоге, где фонемы *ы*, *э* могут редуцироваться, в то время как остальные гласные не сокращаются ниже 10 с, т. е. всегда сохраняют длительность, достаточную для сохранения их качественной определенности. В этом положении длительность гласных получает фонологическое значение: гласные *а*, *и*, *о*, *у* не могут сильно сокращаться, так как при дальнейшем сокращении (ниже 10 с) они, потеряв четкость артикуляции, смешались бы качественно: гласные верхнего подъема *и* и *у* — с *ы*, а гласные нижнего и среднего подъема *а* и *о* — с *э*. Иначе говоря, предел длительности в 10 с является для фонем *а*, *и*, *о*, *у* фонологичным.

4. Таким образом, количественные отношения ваханских гласных близки к типу устойчивых и неустойчивых таджикских гласных, и соот-

ветственно этому фонемы *ы* и *э* могут быть определены как неустойчивые, а фонемы *а*, *и*, *о*, *у* как устойчивые. Однако аналогия с таджикской системой не полная, поскольку противоположение обеих групп гласных в неударенном открытом слоге в таджикском языке выражено резче и поскольку таджикские устойчивые гласные несколько устойчивее ваханских *а*, *и*, *о*, *у*.

КОНСОНАНТИЗМ

Ваханский консонантизм, как и язгулямский, содержит в себе все фонемы, наличествующие в шугнано-рушанской группе, но сверх того располагает еще шестью согласными так называемого церебрального, или ретрофлексного, ряда — *ť*, *d*, *š*, *ž*, *č*, *j*, противостоящими фонемам *t*, *d*, *š*, *ž*, *č*, *j*. Детальное изучение артикуляции обоих рядов переднеязычных согласных, проводившееся с применением искусственного нёба, позволило выявить их произносительный диапазон и определить их противополагающие признаки.

Фонемы *t*, *d*, *ť*, *d*. Фонемы *t* и *d* являются дорсальными смычными, артикулирующимися смыканием всей передней части языка с альвеолами и зубами, и равны русским *т* и *д*, а также *t* и *d* других рассматривавшихся уже памирских языков. Однако, не отличаясь артикуляторно от шугнанских, ваханские *t* и *d* не вполне равны им фонологически, имея значительно более узкий диапазон возможного звучания. Шугнано-рушанские, или язгулямские, или таджикские *t* и *d* артикулируются нормально как дорсальные, но в некоторых фонетических положениях они могут быть и апикальными без какого бы то ни было нарушения их фонологического единства. В этих языках при апикально-какуминальных *t* и *d* можно говорить лишь о не-привычном произношении, так как фонологическая сущность *t* и *d* в этих языках заключается в их переднеязычности, а возможные артикуляционные разновидности фонологически несущественны.

Ваханские же *t* и *d* могут артикулироваться только дорсально, за пределами дорсальной артикуляции лежит фонологическая грань: остальные типы переднеязычной артикуляции — апикальная, какуминальная и ретрофлексная — дадут уже фонемы *ť* и *d*. Таким образом, грань между обоими рядами смычных лежит в дорсальной артикуляции: *t* и *d* могут быть только дорсальными, *ť* и *d* могут иметь любую переднеязычную артикуляцию за исключением дорсальной. Основной артикуляторный тип ваханских *ť* и *d* определяется из палатограмм (см. №№ 2,5): кончик языка смыкается с твердым нёбом повыше альвеол, примерно в том же месте, где артикулируется русское (какуминальное) *p*, но с большей площадью соприкосновения языка с нёбом. Чаще всего ваханские *ť* и *d* артикулируются при какуминальном и апикальном положении кончика языка, но могут иметь и ретрофлексную артикуляцию.

Примеры употребления фонем *t* и *d*: *bət* 'платье', *gəndəs* 'труп', *rənədək* 'абрикос', *ət* 'открытый', *taz* 'плешивый', *cič* 'маленький', *tor* 'орех'.

В связи с изложенным следует указать на то, что для ваханских переднеязычных сонантов *l* и *l̥* характерен апикально-какуминальный, а не дорсальный тип артикуляции, что хорошо узнается на слух и легко определяется по палатограммам¹ (см. №№ 25—27). Однако обе фонемы, а также и какуминальное *r*, несмотря на артикуляторную близость, едва ли можно объединять с группой ретрофлексных,¹ поскольку они не противополагаются каким-либо дорсальным сонантам. Иначе говоря, ваханские переднеязычные сонанты *l*, *l̥*, *r* выделяются в особую группу, характеризуемую, в отличие от остальных переднеязычных согласных, фонологическим безразличием к типу переднеязычной артикуляции.

Фонемы *š*, *ž* и *š̥*, *ž̥* являются двухфокусными щелевыми. У фонем *š* и *ž* переднеязычный фокус по преимуществу дорсальный, но может быть и апикальным, что фонологически несущественно. Второй их фокус — среднеязычный, и этот признак является основным при их противоположении фонемам *š* и *ž*, второй фокус которых, как и у русских *ш* и *ж*, — заднеязычный. Положение кончика языка при артикуляции *š* и *ž* — по преимуществу какуминальное, так что ваханские *š* и *ž* вполне можно сблизить с русскими *ш* и *ж*. В отличие от последних, ваханские *š* и *ž* несколько тверже, что обусловливается большим подъемом кончика языка над альвеолами и более выдержаным какуминальным его положением, чем при артикуляции русских *ш* и *ж*. Ретрофлексное положение кончика языка при артикуляции *š* и *ž* мало характерно. Таким образом, ваханские *š*, *ž* и *š̥*, *ž̥* противополагаются друг другу по обоим фокусам образования: первый фокус фонем *š*, *ž* — апикально-дорсальный, фонем *š̥*, *ž̥* — какуминально-ретрофлексный. Второй фокус *š* и *ž* — среднеязычный, *š̥* и *ž̥* — заднеязычный. Главным и определяющим из этих двух признаков является второй фокус: фонемы *š* и *ž* могут артикулироваться и при апикальном положении кончика языка, если будет сохранена заднеязычная артикуляция второго фокуса; какуминальная артикуляция кончика языка закреплена за фонемами *š* и *ž* как физиологически наиболее естественная при втором заднеязычном фокусе, точно так же как апикально-дорсальная артикуляция кончика языка физиологически наиболее естественна при втором среднеязычном фокусе фонем *š̥* и *ž̥* (при среднеязычном фокусе какуминальная артикуляция кончика языка вообще едва ли возможна). Существенно отметить, что для фонем *š* и *ž* передний фокус вообще фонологически не обязателен: в отдельных случаях (при вялой артикуляции) кончик языка вовсе не участвует в работе, оставаясь опущенным к основанию нижних

¹ Термин «ретрофлексный», если ему придавать фонологический, а не фонетический смысл, т. е. смысл названия определенного фонологического ряда согласных, может быть сохранен как более привычный.

зубов. В этих случаях возникают среднеязычные круглощелевые согласные «š» и «ž», которые воспринимаются на слух как очень мягкие «š̈» и «ž̈».

Примеры на употребление фонем š и ž: *wyšik* 'ключ', *dašt* 'поле', *yaš* 'рот', *kaš* 'парень', *yiš* 'ухо', *dəžday* 'взял', *žy* 'мой', *šytyr* 'верблюд'. Фонема š употребляется часто, ž — сравнительно реже. (Артикуляцию рассмотренных двухфокусных см. на палатограммах №№ 11—16).

Двухфокусные аффрикаты č, j и č̈, ž̈, сочетая в себе артикуляцию рассмотренных переднеязычных смычных и двухфокусных щелевых, сочетают и их противополагающие признаки. Именно: артикуляция аффрикат č и j состоит из дорсальной смычки («t»- или «d»-образное начало), переходящей постепенно в двухфокусную щель со вторым среднеязычным фокусом («š»- или «ž»-образный исход), что графически можно изобразить как: *tš* (аффрикат č) и *dž* (аффрикат j). Артикуляция же аффрикат č̈ и ž̈ соответственно состоит из переднеязычной недорсальной смычки («f»- или «v»-образная смычка выше альвеол), постепенно переходящей в двухфокусную щель со вторым заднеязычным фокусом («š»- или «ž»-образный исход). Графически: *tš̈* (аффрикат č̈) и *fž̈* (аффрикат ž̈). Таким образом, противоположение пар č, j и č̈, ž̈ идет по целому комплексу признаков: по месту смычки, по первому фокусу щели (различное положение кончика языка), по второму фокусу щели (заднеязычная и среднеязычная щель). Наиболее фонологически существенным из них (доминантным), аналогично противоположению š, ž и š̈, ž̈, является второй фокус щели: фонема č может быть и апикальной, если сохраняется заднеязычный фокус. Так же, аналогично особенностям фонем š и ž, переднеязычная артикуляция вообще не обязательна для фонем č и j: начальная смычка может быть осуществлена и средней частью языка (*kš* и *gž*), т. е. аффрикаты č и j, как и щелевые š и ž, могут быть однофокусными среднеязычными.

Примеры на употребление č и j: *čəžt* 'глаз', *rəč* 'иди', *čətk* 'паровое поле', *wič* 'пуля'. В общем фонема č употребляется сравнительно редко. Еще реже встречается звонкое j: *jam(ak)* 'распялка (палочка)', *jak* 'углубление в луке (место захвата)'. (Артикуляцию двухфокусных аффрикат см. на палатограммах №№ 17—22).

Как видно из описания, противоположение простых и ретрофлексных согласных основывается не на каком-то одном, общем для всех противополагаемых пар признаке, а на нескольких признаках в разных их сочетаниях. Для противоположения t, d и f, d важно положение кончика языка и место смычки; для противоположения щелевых и аффрикат решающим является наличие среднеязычной и заднеязычной артикуляции, положение же кончика языка играет вспомогательную роль, и его работа при артикуляции простых щелевых и аффрикат даже вовсе может отсутствовать.

Из фонетических особенностей ваханского консонантизма важно отметить следующее. В отличие от соответствующих согласных в других иранских языках, ваханские *r*, *l* и *y* могут в быстрой речи полностью оглушаться перед глухими смычными: «*dəħt*», «*dəħtəy*» 'ударил', «*šykəħt*» 'разбивается', «*rəzəħt*» 'разрывается', «*rısyħt*» 'рассыпает', 'сеет', «*loħt*» 'топтал', 'уминал' и т. д. Это оглушение происходит чаще в соседстве с редуцирующимися гласными, в особенности *ə*, который даже под ударением может быть шумным, а также в положении перед двумя глухими согласными: «*təħtək*» 'умер'. Оглушенное *y* («*dəħtəy*») фонетически совпадает с немецким *ich-laut*. При отчетливом произношении звонкость всех трех сонантов восстанавливается, так что хотя их оглушение и обычно, но не обязательно, и в полном стиле речи его не наблюдается.

В остальном ваханский консонантизм существенных особенностей не представляет. Фонемы *k* и *g* всегда заднеязычны и вперед не про-двигаются.

ТЕКСТЫ

1

(Записан от студента Оламхонова из селения Птуп)

1. tu nə tu, i day tu. 2. ya ðáy-ən tu bu pətr. 3. ya iw pətr tu šékori, ya iw tu šybýn. 4. ya šékori pətr pak riywór šékör cart, jənwári dýyt-ət, wylzýmd žy xúnər, 5. də žy tátən-ət dý žy vrñtən yáwən. 6. ya šybýn pətr šybýní cárt-ət, dý žátən žuz bə dýyt-ət wizít. 7. i riywór ya bu v(ы)rñtiš mísleá̄t-əv kártey ki: „s(ы)po tat yýček yark nə cart, wézey sak yáwəy áy cárén“. 8. yán-əv wézdəy žy, žy tát-əv áy kértey. 9. yárək yýček bət nə rétey. 10. i xur pəndán yárək-əv rétey, bət i čiz nəy. 11. yan yav tat tə i wənér buy-truy myu áldi žy, yán-i myrtəy. 12. yəm bu v(ы)rñtiš, cə žy tat cə básən, sýbýr myu dý yomán-əv áldi žy, yan jýdá-əv vítey. 13. kýfç-əv kənd yútəy, yávən ar kýfç-ən pətr vítey. 14. yəm záis lup vítey. 15. yəm vi (!) tátis xiyár vítey.

1. Было ли не было, был один человек. 2. У того человека было два сына. 3. Один сын был охотник, один был пастух. 4. Сын-охотник каждый день охотится, убивает дичь и приносит домой, 5. и со своим отцом и со своим братом едят. 6. Сын-пастух пасет, рубит дрова и приносит. 7. Однажды эти два брата стали совещаться: „Наш отец никакой работы не делает, давай, мы его прогоним“. 8. Они взяли и прогнали своего отца. 9. Никакой одежды ему не дали, 10. дали ему только осинную попону, и больше ничего. 11. Так их отец находился два-три месяца в какой-то конюшне, а потом умер. 12. Те два брата после отца прожили четыре месяца вместе, а потом разделились. 13. Оба они привели жен, и обе жены родили сыновей. 14. Дети выросли. 15. Их

16. yan yəm záyiš ḫy tátər ḫátti ki: „saiš ki ḫy tátı áy cə kértev, sak bý sávi áy cárən“. 17. kərdá-ət kištá: yan ya ḫy tát-əv cə ḫy xúnən áy kərt. 18. dídiýd-əv ki: yav tat ya šak-awól vítəy, yán-əv réýdəy, ḫy tátəv wózomd-əv.

отцы стали старыми. 16. Тогда дети сказали своим отцам: „Вы прогнали своего отца, мы вас тоже прогоним“. 17. Каков посев, такова и жатва. Своих отцов они выгнали из дома. 18. Потом увидели, что их отцы совсем стали плохи; они пошли и взяли своих отцов обратно.

2

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

(Записан от студента Шаджанова из селения Эуны)

Фонологическая запись

1. t̄ywétk n̄e t̄ywétk, tru v̄ytl̄ t̄ywétk. 2. bu v̄ytl̄ cə i nánən, 3. i v̄ytl̄ cə i nánən. 4. yávən tru w̄esk t̄ywótk. 5. ȝyqláy v̄ytl̄ ḫy w̄esk r̄ydy, 6. ya lúpiš ḫyln n̄e r̄yuyən. 7. i ȝywór yaw bý ḫy w̄esk n̄e p̄oydəy. 8. ya bu v̄ytl̄iš yaw w̄éski šítəy. 9—11. yaw w̄ezdəy ki yaw ḡyndosi góttəy, 12. d̄éždəy ḫy, réýdəy t̄er i dašt. 13. t̄ymošó kértey ki: i šytár cə r̄yrbítən w̄ezdəy. 14. yaw yan yáw-i w̄odordəy, ya w̄esk w̄ykhén t̄er-á šytár ȝáši sóxtey. 15. yaw dídiýdəy: ya šytár soib w̄ozdəy. 16. ya w̄esk-d̄ór daráw d̄yr p̄ywn v̄ittəy, 17. ḫáttəy ki: „e v̄ytl̄, ti šytár ḫy w̄eski yittəy“. 18. yaw ḫáttəy: „e v̄ytl̄, áži m̄e ḫan, šytár əp w̄esk-i n̄e yit“. 19. yaw ḫáttəy: „t̄er et ȝáš w̄ykhén-ət x̄yrdéx. 20. uz réçəm podšo šiš, arz cárəm“. 21. ya šytárdór ḫáttəy: „e v̄ytl̄, arz m̄e r̄eç, yəm ḫy šytár p̄e ti w̄esk qárzən“. 22. ya kaš ya šytár-əy s̄ywór v̄ittəy ḫy, réýdəy. 23. yaw v̄ytl̄iš dídiýdəy ki: yav v̄ytl̄ šytár-i s̄ewór v̄itk-ət w̄ezdəy. 24. ḫátt-əv: „e badbáxt, yəm šytár-ət cə kámən w̄ozomdəy? 25. yət kínən?“. 26. yaw ḫáttəy: „ȝy w̄esk-əv šítəy, 27. úz-əm yaw ḡyndós p̄orotəy, 28. šytár-əm d̄ežd“. 29. yáwišt ḫy w̄esk-əv šítəy, yav ḡyndós yútt-əv t̄er bozór. 30. xálgıšt p̄erstəy: „yət čiz?“. 31. yáwišt ḫáttəy: „yəm w̄esk ḡyndós, s̄yk šytár yəm r̄andən“. 32. myrdámiš ḫáttəy: „e biáqlıñvəy, w̄esk ḡyndósəy eč-kuy s̄yk šytár n̄e d̄yrrzd“. 33. yáwišt cə ḫy yárkən šyrmindá v̄ittəy ḫy, táýd-əv. 34. ḫy w̄esk-əv šítəy, — n̄e šytár góttəy, n̄e w̄esk. 35. yáwišt t̄er yomán myslát kértey ki: „ya badbáxt sáki fand d̄áttəy, 36. sak yaw náni šáyən“. 37. yáwišt yaw náni šítəy. 38. yaw saýrá v̄ittəy. 39. ḫy nan myrdáyi s̄yk xur s̄ywór góxtəy, 40. nów-dəy ḫy, w̄ezdəy i jay ki: 41. i d̄ay ȝe ḫy sor d̄yrrzd. 42. yaw nýyneý, 43. xur réýdəy t̄er-á sor. 44. ya d̄ay ya xur d̄eytəy r̄y ȝar. 45. ya myrdá c-ánən wáštəy. 46. yəm kaš w̄ezdəy, daráw d̄yr p̄ywn v̄ittəy, 47. ḫáttəy: „ȝy nán-ət šítəy, 48. uz réçəm podšo šiš, arz cárəm“. 49. yaw

¹ Перевод дан при вариантах шугнано-рушанской группы.

хáttéy: „žýnén bu ðeýd, 50. yiw c-ávén xuš car, dýrz ry ḫy qárzén“. 51. ya kaš yaw lup ðeýdi déždøy, réýdøy, wózomdøy tér ḫy xun. 52. yaw vrátiš kháttéy: „yám-ét cě kúmén wózomdøy?“. 53. yaw kháttéy: „᳚ы nan myurdá-əm ðéttéy, yém-əm déždøy“. 54. yáwišt ḫy náney šíttey, yaw myurdáey yúttéy tér bozór. 55. myrdámiš pérstéy: „yém myrdáey sítár góxev?“. 56. yáwišt kháttéy: „sak sýk baf pyrčod yém pyrgindén“. 57. myrdámiš yav ðet izo, yáwišt táýdøy.

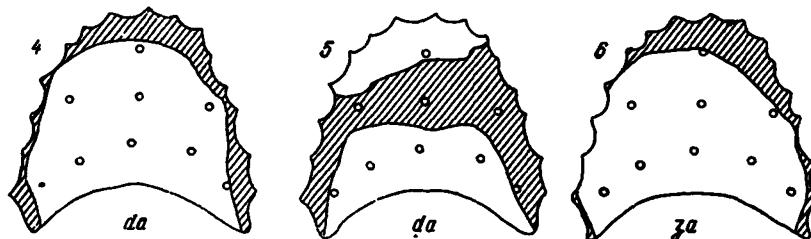
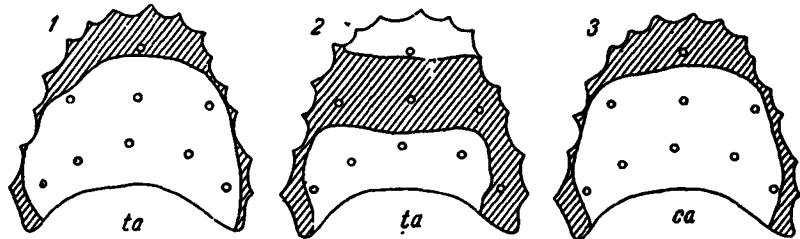
Детализованная запись

1. tūwétk nə tūwétk! tru vryt tūwétk || 2. bu vryt¹ c² i náne-n | 3. yi vryt¹ c² i náne-n || 4. yávén tru wəšk tūwe-tk || 5. ž³qlay vryt¹ ḫy wəšk
ryyd | 6. ya lúpiš⁴ ḫy nə pryán || 7. yi r⁵wór⁶ yau⁷ b⁸ ḫy wəšk nə pöydey ||
8. ya bu vrátiš⁹ ya wəšk¹⁰ i šíttey || 9—11. yaw wə¹¹zde-y ki¹² yaw gə-ndósi
góttéy¹³ dəždøy ḫy | 12. réydz¹⁴ y tör¹⁵ yi dáشت || 13. t¹⁶mōš¹⁷ k¹⁸zrtéy ki | yi š¹⁹týr
cě prýtén wə²⁰zdøy. || 14. yaw yan²¹ yawi wóðortéy | ya wə²²šk w²³xén²⁴ tra
š²⁵týr ūaši s²⁶xtéy | 15. yaw dídi²⁷døy k²⁸i²⁹ ya š³⁰týr soib wézde-y || 16. ya wə³¹škdórdaraw
d³²r n³³wn vittéy | 17. kháttéy ki | ē vryt³⁴ | ti š³⁵týr³⁶ ž³⁷ və³⁸ski yítte-y ||
18. yaw kháttéy || ē vryt³⁹ | ázi m⁴⁰ ḫán | š⁴¹týr ap⁴² wə⁴³ski nə yít || 19. yaw
kháttéy || t⁴⁴r et⁴⁵ yaš⁴⁶ w⁴⁷xén⁴⁸et⁴⁹ xýrdéx || 20. wuz ré-čəm pödšo⁵⁰ ši⁵¹ | arz cárëm ||
21. ya š⁵²týrdórd⁵³ kháttéy || ē vryt⁵⁴ | arz m⁵⁵ réč⁵⁶ | yém ž⁵⁷ š⁵⁸týr⁵⁹ p⁶⁰ tí wə⁶¹šk⁶²
qárzén | 22. ya kaš⁶³ ya š⁶⁴týri s⁶⁵wór vitté-y ḫy⁶⁶ r⁶⁷yde-y || 23. yaw vrátiš
didižd⁶⁸ y k⁶⁹i⁷⁰ yaw vryt⁷¹ š⁷²týri s⁷³wór wítket⁷⁴ wə⁷⁵zdøy || 24. kháttéy || ē badbáxt⁷⁶
ye-m⁷⁷ š⁷⁸týr⁷⁹ cě kúm wózomdøy? || 25. ye-t⁸⁰ k⁸¹ínén? || 26. yaw khátté-y ||
ž⁸² wə⁸³šk⁸⁴ v⁸⁵šíttey | 27. wúzém yaw g⁸⁶ndós⁸⁷ poroté-y | 28. š⁸⁸týr⁸⁹ d⁹⁰žd. ||
29. yáwišt⁹¹ ḫy w⁹²šk⁹³ v⁹⁴šítte-y | yav g⁹⁵ndós⁹⁶ yútæv⁹⁷ tör⁹⁸ bozór || 30. xálgiš⁹⁹
pö¹⁰⁰rste-y || yet čiz? || 31. yáwišt¹⁰¹ khátté-y | yém wəšk g¹⁰²ndós¹⁰³ s¹⁰⁴š¹⁰⁵bir yém
rándén || 32. m¹⁰⁶rdámiš¹⁰⁷ khátté-y || ē beaq¹⁰⁸l¹⁰⁹væj¹¹⁰ | wə¹¹¹šk g¹¹²ndóse¹¹³ hæc¹¹⁴ kuy¹¹⁵
s¹¹⁶š¹¹⁷týr nə dýrzd¹¹⁸ || 33. yáwišt¹¹⁹ c¹²⁰ ḫy yárkən¹²¹ š¹²²rmindá vitté-y ḫy¹²³ t¹²⁴yd¹²⁵ ||
34. ḫy wə¹²⁶šk¹²⁷ v¹²⁸šíttey | nə š¹²⁹týr¹³⁰ góttéy | nə wə¹³¹šk || 35. yáwišt¹³² t¹³³ yóman¹³⁴
m¹³⁵sl¹³⁶át k¹³⁷zrtéy ki | ya badbáxt¹³⁸ sáki fand¹³⁹ ðéttéy || . 36. sak¹⁴⁰ yaw náne-i¹⁴¹
šáye-n || 37. yáwišt¹⁴² yaw ná¹⁴³né¹⁴⁴ v¹⁴⁵šíttey || 38. yaw¹⁴⁶ sayurá vittéy || 39. ḫy
ná¹⁴⁷n murdáyi s¹⁴⁸k xúr s¹⁴⁹wór góxtæ-y | 40. nówdæ-y ḫy wózda¹⁵⁰ y i jay
ki | 41. yi ðay¹⁵¹ ſ¹⁵² ḫy s¹⁵³or dýrzd¹⁵⁴ || 42. yaw náynæy || 43. xúr réy¹⁵⁵døy¹⁵⁶ t¹⁵⁷ra
s¹⁵⁸or || 44. ya ðay¹⁵⁹ ya xur déhtéy p¹⁶⁰yár || 45. ya m¹⁶¹rdá¹⁶²cánen wašte-y ||
46. ē-m kaš wózdey | daraw d¹⁶³r n¹⁶⁴ñiwa¹⁶⁵ vittéy || 47. kháttéy || ž¹⁶⁶ nánət¹⁶⁷ v¹⁶⁸šíttey ||
48. wuz ré-čəm pödšo¹⁶⁹ ši¹⁷⁰ | árz¹⁷¹ t¹⁷²sárem || . 49. yaw khátté-y | ž¹⁷³ne-n b¹⁷⁴
ð¹⁷⁵yd || 50. yiw t¹⁷⁶sávén xúš¹⁷⁷tsar | dýrz p¹⁷⁸ ḫy qárzén || 51. ya kāš¹⁷⁹ yaw lup ð¹⁸⁰ýd¹⁸¹
déžday | wózomdæ-y tör¹⁸² ḫy xun || 52. yaw vrátiš¹⁸³ kháttæ-y || ye-m¹⁸⁴ m¹⁸⁵c¹⁸⁶ kúmén
wózomdæ-y? || 53. yaw khátté-y ki | ḫy ná¹⁸⁷n m¹⁸⁸rdá¹⁸⁹žm¹⁹⁰ ðéttéy | yé¹⁹¹m¹⁹²
déžd¹⁹³ y || 54. yáwišt¹⁹⁴ ḫy ná¹⁹⁵né-y¹⁹⁶ v¹⁹⁷šítte-y | yaw m¹⁹⁸rdáey yúttéy¹⁹⁹
tör²⁰⁰ bozór || 55. m²⁰¹rdámiš²⁰² pö²⁰³rste-y | yém m²⁰⁴rdáe-y s²⁰⁵tar²⁰⁶ góxev? || 56. yáwišt²⁰⁷
kháttéy || sak²⁰⁸ s²⁰⁹bk baf p²¹⁰rčod²¹¹m²¹² p²¹³rñndén || 57. m²¹⁴rdámiš²¹⁵ yav ðet izo²¹⁶ |
yáwišt²¹⁷ táýdøy.

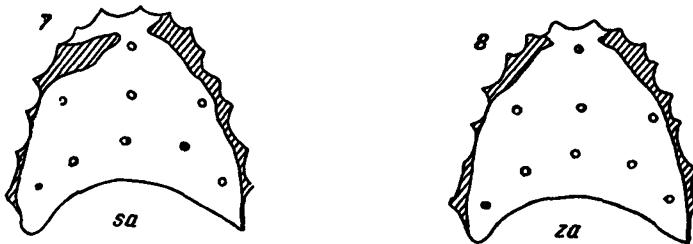
ПАЛАТОГРАММЫ ВАХАНСКИХ СОГЛАСНЫХ

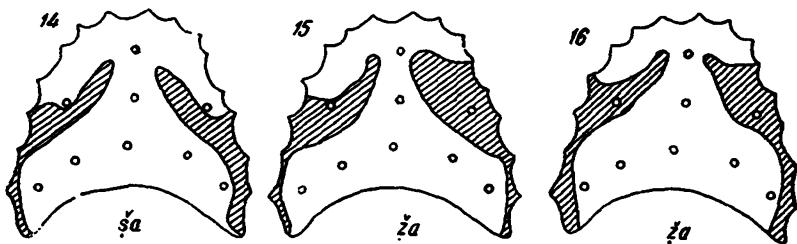
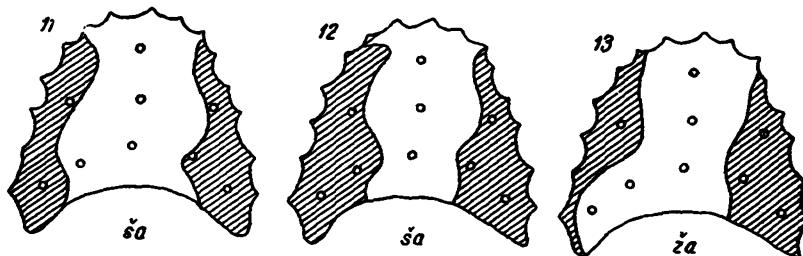
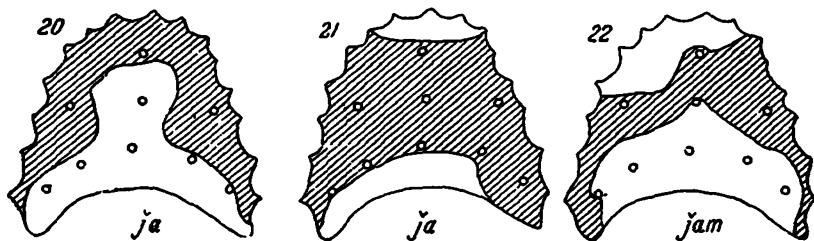
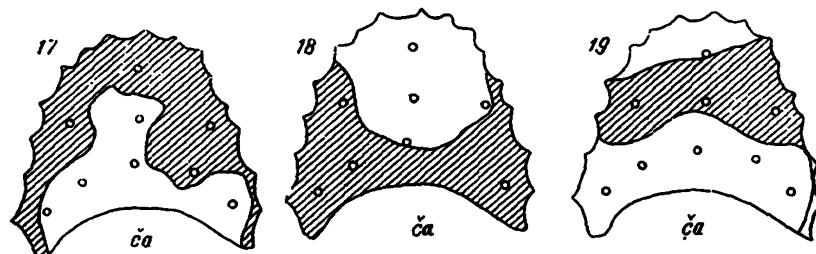
Переднеязычные

Смычные и аффрикаты

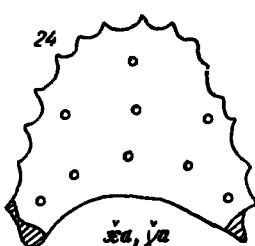
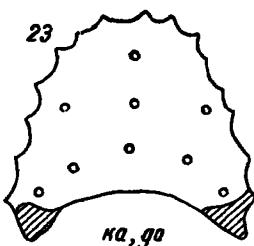

Щелевые

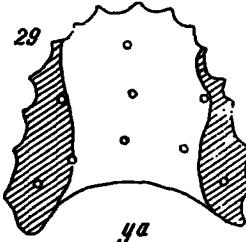
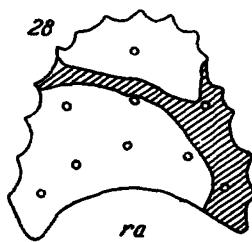
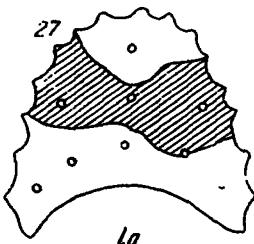
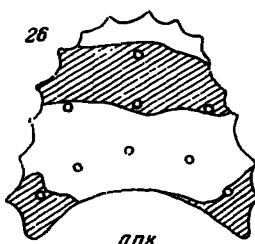
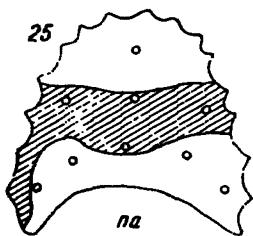

Двухфокусные**Щелевые****Аффрикаты**

Заднеязычные

Сонанты

ИШКАШИМСКИЙ ЯЗЫК

Ишкашимцы в пределах Советского Союза живут лишь в одном кишлаке Рын Ишкашимского района, численностью около 400 человек. Общее число ишкашимцев вместе с зарубежными составляет около 2 тысяч человек. Несмотря на малочисленность говорящих, ишкашимский язык не однороден и складывается из трех разновидностей, или диалектов: собственно ишкашимского, зебакского и сангличского. На территории Советского Союза представлен ишкашимский диалект.

Ишкашимский язык явно отступает перед таджикским и сохраняет сейчас значение, по существу, лишь домашнего языка.

Ишкашимский язык изучался, как и язгулямский, очень мало. Имеющиеся немногочисленные тексты¹ записаны фонетической транскрипцией, не могущей дать достаточного представления о составе гласных фонем. Как и для других языков, фонемный состав консонантизма выявляется более ясно. Значительно более четкое понимание ишкашимского вокализма дал И. И. Зарубин, который, как и в других случаях, подошел в своих исследованиях к ишкашимскому языку фонологически и дал провизорное определение его гласных фонем.² Предположительно состав гласных определялся им в следующем виде: *i*, *e(?)*, *a*, *o*, *u*, *ü(?)*. Вопрос после *e* означает неуверенность в наличии фонемы *e*, а вопрос после *ü*, определяемого как гласный смешанного ряда с широким диапазоном, означает неясность того, одна или две фонемы скрываются за многообразными звуковыми вариантами смешанного ряда. Таким образом, основной задачей исследования явилось уточнение состава фонем ишкашимского вокализма.

Осведомителями при исследовании были ишкашимцы из селения Рын: Юсуфбеков, преподаватель Сталинабадской партийной школы; Раматов, студент 4-го курса Педагогического института, и Камардинов, студент 1-го курса Мединститута. Ишкашимскому языку удалось уделить при исследовании меньше времени, чем другим языкам. Поэтому в дальнейшем весьма желательно более углубленное исследование

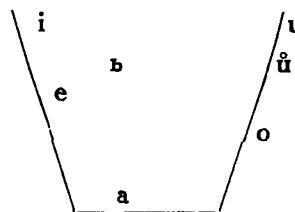
¹ См. указанную на стр. 209 работу Моргеншерна, также: G. A. Grierson. Linguistic survey of India, vol. X. Calcutta, 1921; его же: Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami. London, 1920.

² Ишкашимские тексты И. И. Зарубина в настоящее время готовятся к изданию.

ишкашимской фонетики, в частности применение аппаратов для определения длительности гласных и артикуляции ретрофлексных согласных.

ВОКАЛИЗМ

Ишкашимский вокализм насчитывает 7 фонем: *i, e, a, o, ū, u, ь*. Фонема *ь* — редуцирующийся гласный смешанного ряда, отличающийся от остальных, нередуцирующихся гласных. Из группы нередуцирующихся гласных наибольшей устойчивостью, насколько можно судить по слуховым впечатлениям, выделяются фонемы *o* и *e*. Ишкашимские гласные могут быть представлены в следующей таблице:

ФОНЕМЫ *i, e, a, u, ū, o*

Фонема *i* является неогубленным гласным переднего ряда верхнего подъема и при отчетливой речи имеет узкий диапазон звучания, лишь незначительно расширяясь под влиянием сонантов *m, n, r, l, w*, увулярных *q* и *x* и в меньшей степени смычных *t* и *d*. Расширяющее влияние перечисленных согласных сказывается заметнее в неударенном исходе слова. Но и в этом положении при отчетливой речи фонема *i* не расширяется ниже 5-го подъема (вариант «1»), так что ее диапазон колеблется между «*i*» и «*ɪ*», причем узкий вариант «*i*» является для нее более характерным. Примеры: «*fri*» 'хорошо', «*mind || mind*» 'заснула', «*digár*» 'другой', «*šidúk*» 'плакать', «*i*» 'его', «*áwɪ || áwɪ*» 'он', «*nópɪ || nópɪ*» 'мать' (косв. падеж), «*xɪ || xɪ*» 'свой' (*xi šytər* 'свой верблюд').

В быстрой речи в неударенном исходе слова фонема *i* может расширяться сильнее — до «*e*» и даже иногда до «*е*», т. е. несколько ниже 5-го подъема: «*nópɪ || nópē || nópe*», «*áwɪ || áw₁ áwe*», «*xɪ || x₁ || xə*». Возможность такого расширения *i* в безударном исходе обеспечивается тем обстоятельством, что противополагающаяся *i* фонема *e*, насколько можно судить, не встречается в этом положении. При более отчетливой речи фонема *i*, как уже говорилось, всегда восстанавливает свое узкое звучание.

Примеры на употребление фонемы *i*: *dir* 'далеко', *did* 'дымя', *fri* 'хорошо', *víš* 'подстилка', 'постель', *mid* 'сливки', *vin* 'борода', *níc* 'нос', *vríc* 'брюх', *lip* 'много', *jík* 'все', *ti* 'твой', *i* 'его', *xi* 'свой', *kadi* 'когда', *tiká* 'кусок', *šidúk* 'плакать', *misúk* 'спать', *nidúk* 'сидеть', *dirú* 'он имеет',

digdón 'очаг', *bibi* 'бабушка', *ciz* 'что', *digár* 'другой', *sykít* 'чилим' 'кальян'.

Фонема *e* — неогубленный гласный переднего ряда с широким диапазоном по подъему: от открытого «*е*» до закрытого «*ё*» (от 3-го до 4-го и несколько выше подъема). Более широкое «*е*»-образное звучание фонемы *e* характерно для ее положения между смычными, а также в соседстве с увулярными и с сонантами *r* и *w*: *geýn* 'масло', *nér* 'сегодня', *dér* 'живот', *ded* 'он ударил', *wéł* 'он положил'.

Более узкий вариант («*е*» или «*ё*») возникает в соседстве со щелевыми и носовыми: *méñd* 'яблоко', *wénd* 'он увидел', *nézu* 'он выходит', *wén* 'кровь', *ref* 'веник', *frest* 'она полоскала'.

Как сужение, так и расширение *e* не является обязательным, и при более четком произношении почти во всех фонетических положениях восстанавливается основной вариант фонемы, образующийся на 4-й или несколько ниже ступени подъема («*е*, *ё*»). Так, при отчетливом произношении вышеприведенные слова имеют следующее звучание *nér || ner*, *dér || der*, *déł || ded*, *wéł || wéł*, *nézú*, *wén || wen*, *ref || ref*, *frest*. Более широкие и более узкие варианты сохраняются в полном стиле речи лишь в тех фонетических положениях, где наиболее сильно выражено влияние согласного окружения. Так, если оба согласных оказывают расширяющее влияние, то широкое звучание *e* сохраняется и в полном стиле речи: *geýn* 'масло', а в положении между двумя носовыми, напротив, сохраняется узкое звучание *e*: *méñd* 'яблоко'.

Противоположение фонем *e* и *i* доказывается тем, что обе они могут встречаться в одних и тех же фонетических положениях: *píc* 'нос' и *dec* 'мех', 'бурдюк', *digár* 'другой' и *dedük* 'бил', *vric* 'брюх' и *sreš* 'клей', *wen* 'кровь' и *vin* 'борода', *mind* 'он заснул' и *med* 'яблоко'. Кроме того, могут быть найдены и пары слов, различающихся только гласными *i* и *e*: *mid* 'сливки' и *med* 'середина', 'поясница', *dir* 'далеко' и *der* 'живот', *did* 'дым' и *ded* 'ударил'.

Как говорилось при описании фонемы *i*, в неударенном исходе слова она может расширяться вплоть до варианта «*ё*», заходя тем самым в произносительный диапазон фонемы *e*. В результате в тех словах, где расширение *i* в «*ё*» появляется не спорадично, при более нечеткой речи, а более или менее закономерно, благодаря влиянию того или иного расширяющего согласного, имеются предпосылки для перехода *i* > *e*. Случай такого осуществившегося перехода зафиксирован в слове *xi* 'свой', имеющем дублетное произношение с *e*: *xi || xe*.

Примеры на употребление фонемы *e*: *med* 'поясница', *der* 'живот', *werá* 'десна', *vek* 'вода', *vžer* 'вечер', *ner* 'сегодня', *ref* 'веник', *wen* 'кровь', *kel* 'нож', *med* 'яблоко', *rež* 'нары', *mel* 'овца', *ded* 'бил', *wedu* 'кладет', *deši* 'доит', *fredu* 'полощет', *nézu* 'выходит', *ave-ru* 'находит', *bedór* 'бодрствующий', *jebъk* 'карман', *teyъk* 'лезвие', *sexčá* 'палочка'.

Фонема а — по преимуществу гласный нейтрального ряда нижнего подъема, равный русскому ударному *a* между твердыми. Под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией может продвигаться вперед, давая переднее «*a*» таджикского типа: «šart» ‘условие’, «šab» ‘ночь’, «kýndáyí» ‘бревно’, ‘колода’ (в косв. пад.), «žanón» ‘мы убьем’. Рядом с увулярными, напротив, может несколько отодвигаться назад: «hágym» ‘съем’, «rahx» ‘давление’, «býad» ‘пришел’.

Примеры на употребление фонемы *a*: *zas* ‘сын’, *az* ‘я’, *ať* ‘открытый’, *dam* ‘спина’, *šak* ‘плохой’, *katá* ‘большой’, *var* ‘дверь’, *kadi* ‘когда’, *karóš* ‘горох’, *šax* ‘спитой чай’, *tika* ‘кусок’, *werá* ‘десна’, *mak* ‘меня’, *fak* ‘тебя’, *wan* ‘его’, *averú* ‘находит’, *yažük* ‘говорить’, *óyad* ‘он пришел’, *day* ‘дай’, *sadük* ‘поднялся’.

Фонема и — огубленный гласный верхнего подъема, с очень узким произносительным диапазоном, каких-либо заметных вариантов не имеет и может лишь незначительно расширяться при сокращении, что происходит в неударенном положении при быстрой речи: «díru» ‘он имеет’ *‘wédq* ‘он кладет’, «mísük» ‘спать’.

Примеры на употребление фонемы *i*: *dur* ‘серп’, *kič* ‘жена’, *vru* ‘брат’, *xusá* ‘колос’, *kýruš* ‘грязный’, *sung* ‘камень’, *vur* ‘груз’, *kiu* ‘кто’, *ši* ‘черный’, *dud* ‘дал’, *id* ‘принес’, *diru* ‘он имеет’, *kadú* ‘тыква’, *jubór* ‘арык’, *pušök* ‘одежда’, *xib* ‘хорошо’, *darún* ‘внутри’.

Фонема ё — огубленный гласный заднего ряда с диапазоном по подъему от 4-й до 5-й и даже немного выше 5-й ступени (от «о» до закрытого «у»). Таким образом, фонему ё можно определить как очень закрытое *o*. Для полного стиля речи характерно ее более открытое звучание в пределах вариантов «*o*, *ø*, *u*»: «toyd || toýd» ‘он пошел’, «zoýd || zoýd» ‘он взял’, «øk || ük» ‘один’, «köt || kut» ‘он посмотрел’, «usük» ‘теленок’, «go || gó» ‘три’.

Расширение или сужение ё происходит в тех же фонетических условиях, которые указывались для фонемы *e*. При более быстрой речи ё во всех положениях склонно к сужению, так что его иногда трудно бывает отличить на русский слух от фонемы *u*. В быстрой речи приведенные выше слова звучат соответственно следующим образом: «toyd || tuýd», «zoýd || zuýd», «ük || ük», «köt || kut», «usük», «go || ru».

Перед носовыми согласными фонема ё, повидимому, не встречается.

Противоположение фонем *ё* и *u* доказывается фактом употребления их в одних и тех же фонетических позициях: *vru* ‘брат’ и *ru* ‘три’, *wedu* ‘кладет’ и *dü* ‘побьет’, *id* ‘принес’ и *ük* ‘один’, *ših* ‘закрытый’ и *ših* ‘шаловливый’, *kysku* ‘крыша’ и *šyk* ‘хлев’. Так же могут быть найдены и пары слов и морфем, различающихся только фонемами ё и *u*: *gül* послелог совместности, *gul* ‘немой’, *wüsük* ‘теленок’, *wusuk* ‘нести’, *ru* ‘три’, -*gi* послелог нахождения на поверхности, *šü* ‘он пойдет’, *ši* ‘черный’.

Примеры на употребление фонемы *ü*: *ük* 'один', *rü* 'три', *xǖr* 'осел', *vǖxs* 'амея', *pǖk* 'мышь', *ǖsük* 'теленок', *şǖx* 'закрытый', *ǖdýyd* 'дочь', *vǖş* 'веревка', *zǖydiük* 'он взял', *tǖydiük* 'ушел', *şǖ* 'пойдет', *dǖ* 'побьет', *kǖl* 'он посмотрел', *kǖvd* род обуви, *gül* послелог совместности.

Фонема *o* в основном своем звучании — открытый огубленный гласный заднего ряда, равный или близкий по подъему русскому *o*, артикулирующийся на 3-й ступени подъема (вариант «Э»). Однако в положении перед носовыми согласными *t* и *l*, особенно в закрытом слоге, фонема *o* может заметно сужаться, вплоть до 4-й ступени, давая закрытый вариант «о»: *vruon* 'братья', *non* 'мать', *awondon* 'они', *žanop* 'мы убьем'. Таким образом, диапазон фонем *o* и *ü* совпадает в варианте «о». Однако, насколько можно судить по имеющимся словарным данным, фонема *ü* в положении перед носовыми не встречается, благодаря чему устраниется и возможность совпадения обеих фонем. К тому же указанное сужение *o* характерно только для быстрой речи: при отчетливом произношении восстанавливается основной вариант «Э».

Примеры на употребление фонемы *o*: *to(t)* 'отец', *pop* 'мать', *zotap* 'мальчик', 'парень', *štok* 'девочка', *sot* 'глаз', *jot* 'кружка', *gola* 'лепешка', *čoki* 'нож', *kylö* 'тюбетейка', *xot* 'дом', *bvforü* 'хочет', *goxik* 'делать', 'производить', *sómbbd* 'он натер', *óyad* 'он пришел', *sot* 'сейчас', *boj* 'сад', *sodá* 'простой', *bodrýng* 'огурец', *pošná* 'пятка'.

Из общих свойств рассмотренных гласных можно указать следующие. Для гласных, как передних (*i*, *e*), так и задних (*ü*, *ö*, *o*), характерна большая устойчивость по признаку ряда: передние гласные ни в каких условиях не отодвигаются назад, задние — не продвигаются вперед. Эта их устойчивость находится в связи с наличием редуцированной фонемы *ü*, имеющей широкий качественный диапазон от заднего до переднего ряда.

Для гласных *i*, *ü* и *ö* характерно усиление в начале слова соответствующим их качеству согласным элементом: перед *i* появляется «у», перед *ü* и *ö* — «w»: *uyi || i* 'один', *uyivno || ivno* 'у них', *üud || ud* 'принес', *üük || ük* 'один', *üsük || üsük* 'теленок'. Поскольку *u* и *w* в других случаях являются самостоятельными фонемами, то и начальные «у» и «w», возникающие сперва лишь как компоненты начального гласного, в некоторых словах могут фонологизоваться, отчего возникают такие дублетные формы, как *wüdýyd || üdýyd* 'дочь', *wüstük || üstük* 'косточка от абрикоса'. Фонема *e* в начале слова не засвидетельствована. Начальное *o* всегда является чистым и не сопровождается каким-либо согласным призвуком.

Со стороны длительности все гласные могут быть под ударением довольно долгими и достаточно напряженными. В неударенном же положении, особенно в быстрой речи, рассмотренные гласные могут заметно сокращаться, теряя свою напряженность. Однако очень сильного сокращения, которое доходило бы до степени редукции, для

рассмотренной группы гласных не наблюдается: все гласные в любом положении нормально не сокращаются ниже той длительности, которая необходима для сохранения их качественной определенности.

ФОНЕМА ь

Фонема ь — гласный смешанного ряда, очень широкого диапазона как по ряду, так и по подъему. По подъему она охватывает четыре ступени, не доходя только до самого нижнего и до самого верхнего. Более закрытый тип звучания характерен для положения ь в открытых слогах и в соседстве со щелевыми («ъ, ɪ-»): «ší-d» 'стал', «пъшт» 'вышел', «кі-nən» 'сделаю'; более открытый («ɛ-, e-, ə») — в закрытых слогах рядом со смычными и щелевыми увулярными, а также в исходе слова: «сɛ-» предлог исхода, «хɛ- bo» (фонологически хь bo) 'к себе', «šíde-t ɣažd» (фонолог. šídłt ɣažd) 'заплакал и сказал', «хáre-v» 'ешьте'. Основными вариантами для фонемы ь являются варианты более закрытого типа (от 5-й до 4-й ступени подъема), которые в полном стиле речи характерны для всех фонетических положений: «сь» предлог исхода, «šydi» 'он ушел', «хáre-v» 'ешьте'.

По признаку ряда фонема ь охватывает диапазон от переднего продвинутого назад до заднего продвинутого вперед ряда. Основным типом звучания является смешанный, продвинутый вперед, гласный (вариант «ъ» с указанными выше пределами расширения до «ɛ-»): «тъs» 'также', «vъd» 'был', «пъst» 'нет' и т. д. Сильное продвижение вперед, почти до переднего ряда, происходит под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией, а в беглой речи также в соседстве с переднеязычными согласными: «ší-d» 'стал', «dayɛ-v» 'дайте', «ižɛ-m» 'принеси', «сé-lím» 'чилим'. Продвижение назад наблюдается в соседстве с заднеязычными, а в особенности с увулярными: «къndá» 'колода', 'бревно', «тъх» 'мы', «тъхтъг» 'яйдо', «къп» 'сделай' и т. д.

Во всех указанных вариантах в беглой речи в соседстве с губными согласными, а также переднеязычными щелевыми s, z, ʃ, ʐ, фонема ь может огубляться, давая впечатление «й»- и «и»-образного звучания: «šy'd» 'стал', «тъ'x» 'мы', «пъ's» 'не', 'нет', «хáгъ'v» 'ешьте'.

В количественном отношении фонема ь относится к типу редуцирующихся. Будучи более краткой даже в ударенном положении, в неударенных слогах, особенно открытых, фонема ь в обычной речи может редуцироваться, превращаясь в качественно неопределенный призвук, иногда полностью оглушающийся между глухими: «masl̩át» 'совещание', «m̩t̩y» 'умрет', «t̩rosnók» 'трус', «c̩fúr» 'четыре', «t̩t̩xh» 'вы', «m̩xón» 'мы', «s̩t̩yr» 'верблюд'.

Примеры на употребление фонемы ь: vъd 'был', пъs 'не', 'нет', съt 'маленький', тъs 'также', ɬyt̩r 'верблюд', fъs 'лицо', тъ 'мой', kъpъt 'сделаю', тъх 'мы', тъrdá 'труп', mardb̩t 'люди', tъxтъrx 'куриное

яйцо', *tъrbъs* 'кислый', *šyt* 'глина', *kъd* 'собака', *dъs* 'поздно', *dъrъm* 'хворост', *gugъrd* 'спички', *xyt* 'он встал', *šъxsu* 'он проходит', 'переходит'.

КОНСОНАНТИЗМ

Ишкашимский консонантизм значительно отличается от консонантизма остальных памирских языков. Именно: ишкашимский язык не имеет в своем составе 1) плоскощелевых переднеязычных ڶ и ڸ и 2) заднеязычных щелевых ڇ и ڻ. Наряду с этим отличием, ишкашимский язык сближается с ваханским наличием в нем ретрофлексного ряда согласных. И. И. Зарубин отмечает в ишкашимском следующие ретрофлексные: смычные *t* и *d*, аффрикат *č* и боковой *l*. Последняя фонема — ретрофлексное *l*, отсутствующая в ваханском, составляет специфику ишкашимского языка. Она закономерно соответствует сочетанию *rd/rt* в других иранских языках и встречается в таких словах, как *küł* 'сделал', *avüł* 'нашел', *xüł* 'съел' и т. д.

Для настоящего времени в ишкашимском языке, во всяком случае для молодого поколения, существенно отметить постепенную утрату ретрофлексных. Учащаяся ишкашимская молодежь, живущая среди таджиков или других памирцев, уже утеряла часть ретрофлексных звуков, вполне характерных для ишкашимцев еще 30 лет тому назад. Из трех ишкашимцев, с которыми пришлось работать в Сталинабаде, один утерял все ретрофлексные за исключением *t*: *ćyb* 'маленький', 'младший', а второй — за исключением *t* и *š* (последнее особо не отмечалось И. И. Зарубиным): *ćyb* 'младший', *ař* 'открытый', *šab* 'ночь', *pъšt* 'вышел', *šüh* 'закрытый', 'запертый'.

Характерно, что все три ишкашимца наиболее радикально утратили чисто ишкашимскую специфику — ретрофлексное *l* как черту, вовсе не имеющую поддержки в языковом окружении. Все три ишкашимца произносят приведенные выше слова (*küł*, *xüł*, *avüł*) и т. д. с простым, не ретрофлексным, переднеязычным *l*: *küł*, *xüł*, *avüł*.

Фонемы *t*, *d* и *š* артикуляторно и акустически совпадают с соответствующими фонемами ваханского языка и могут быть названы ретрофлексными лишь в применении к фонологическому ряду, в том же смысле, в каком понимаются ваханские ретрофлексные (стр. 221 и след.).

Следует отметить для ишкашимского консонантизма очень редкое употребление звонкого однофокусного аффриката *z*, которое зафиксировано только в двух словах: *zonz* 'возьми' и *zi* 'так', 'такой'. Подчинительный союз, записанный И. И. Зарубиным через аффрикат *za* 'что' (*küł za...* 'увидел, что...'), встречен только в виде *za*: *küł za*, *küł za*, *yažd za* и т. д.

К тому же ишкашимский язык, находящийся под сильным влиянием таджикского языка, быстрее, чем другие памирские языки, воспринимает в свою систему консонантизма таджикские элементы. Например,

в ишкашимский язык вместе с суффиксом множественности *-ho* начинает проникать и фонема *h*, которая, являясь компонентом морфемы, приобретает и фонологическую значимость: *vrighó* 'братья', *katahó* 'старшие', *lewħó* 'дивы' (*lewħó yážd-on* 'дивы сказали'). В связи с этим ишкашимцы легче сохраняют *h* в общих с таджикскими корневых морфемах: *sohib* 'хозяин', *tyslahát* 'совещание' и т. д. Впрочем, сохранение *h* в такого рода случаях зависит от навыков говорящего: из трех осведомителей ишкашимцев один предпочитал форму *sohib* и *tyslahát*, а два *soib* и *tyslát*.

Таким образом, с одной стороны, отсутствие некоторых специфических признаков консонантизма, характерных для других памирских языков (отсутствие *ϑ*, *ð* и *χ*, *ȝ*), а также потеря и стирание некоторых специфических черт (постепенная потеря ретрофлексных, малое употребление аффриката *ȝ*), с другой стороны — усвоение элементов таджикского консонантизма (проникновение фонемы *h*) — начинают сближать ишкашимский консонантизм с таджикским. Устойчивыми признаками ишкашимского консонантизма, отличающими его от таджикского и сближающими с памирским, остается в настоящее время: 1) противоположение *v* — *w* и 2) наличие активного (часто употребляемого) аффриката *c*.

ТЕКСТЫ

Оба текста записаны от преподавателя Партийной школы Юсуфбекова из селения Рын

1

1. vbd ūk t(ь)rosnók. f-no dь kuč vbd. agár aw сь xón-Ьs tar var пьšt, xi kučn mls xi-gül zúyd, сь-rúi-za fay trosnók vbd. i kučn sof сь wán-on bezór šbd, awónd-on bvxóst-za сь xe mol xalós š्यón. ūk šab iv mol tar var šük-bo šbd, awónd-on amdigár-gül maslát kúl-za: „nér-za mág-on tar-vár пьšt, wáni la kbnón pь vár-Ьt, xak jiýón xón-bo, var šúx kbnón, aw lak pь vár alú, nogáim a kb mán mbrú-t, mх сь wan xalós š्यón“. awónd-on xi mól-gül tar var něšt-Ьt, bad xák-on jyst xón-bo-t, vár-on tar xi mol šúx kúl. tъrosnók k-iv dьm γyžd-Ьt, vár-i čykúk nad, a var šúx

1. Был один трусишка. У него было две жены. Если он выходил из дома, он брал с собой и своих жен, потому что был большой трус. Его женам от него нестерпимо стало, и они захотели избавиться от своего мужа. Однажды ночью, когда их муж собрался выйти наружу, они посовещались между собой: „Когда мы сегодня выйдем, оставим его снаружи, а сами побежим домой, дверь запрем, а он пусть остается снаружи, может быть, он умрет от этого, и мы от него избавимся“. Они вышли с мужем наружу, потом сами убежали в дом и дверь от своего мужа заперли. Трусишка вслед за ними побежал, начал коло-

vbd. съмнd-za ce šíd-Ьt, zorí ce kül: „aṭ kópny var!“, awónd-on aṭ n̄s kül. ba aw šid-Ьt γažd: „bóri mén-bo d̄b t̄xmb̄y dáyv!“. awónd-on i-bo d̄b t̄xmb̄y k̄ s̄mbúk dud, aw wánv-vi zúyd-Ьt t̄ȳd.

2. рь ūk dášt-i óyad-za съfúr léw-on d̄cór šbd. lewhó γázd-on: „тых fak xáron!“ aw γažd: „t̄m̄x mák-bi zi na xársv, aúl šárt k̄nón, agár šárti úsuv, inga mak(i) xársv, m̄s-za fril“. lewhó γázd-on: „fri, ar šárti-za ti-no ce vuní тых-on a k̄ wán rizol!“. t(ь)rosnók γažd: „zónžv sung, wáni yak digár-gúl sómbvv-Ьt, сь wan reyn p̄várv, bá mak xársv. agár-za áz сь sung reyn p̄várv, inga az t̄m̄x xársv!“.

3. awónd-on γažd: „fri!“. bad súng-on zúyd, съmnd-za súng-on tar yak digár ce sómbvd, reyn n̄s p̄št. ūga t̄brosák zúyd t̄xmb̄y-Ьt, paxš kül wán-za: сь darún reyn p̄št. lew(h)o сь wán-on t̄brós kül-Ьt, i-bo-n γažd: „agá-za t̄b m̄c̄v ce xarí, тых-on rozí, agá-za ce na xári, тых t̄bo fay mól-Ьt hol dáyon!“. aw γažd: „fri“. ív-gúl xón-bo šbd. awónd-on amdigár-bo γázd-za: „ner šab тых man xáron“. aw p̄zínd man. šab šéd-Ьt, aw γažd: „ner šab ть viši míruk-bo tar var wédyv“. aw ilá mínd-Ьt, bat xyt, šbd k̄ndá-yi zúyd-Ьt, рь xi xob-jogá-yi wét-Ьt, xak xysár poš kül. barobár šab, lewhó óyad-on-Ьt, k̄ndá-on tabár-gúl dük nad. xúb-on déd-Ьt, ba xák-on šbd míruk. awónd-on mínd-Ьt, bá aw óyad, k̄ndá-yi zúyd-Ьt, xak mind.

тиль в дверь, а дверь заперта. Сколько он ни плакал, сколько ни просил: „Откройте дверь!“ — они не открыли. Тогда он заплакал и сказал: „Дайте мне хоть два яйца“. Они дали ему два яйца через отверстие; он взял их и пошел.

2. Пришел в одну степь — встретил четырех дивов. Дивы сказали: „Мы тебя съедим“. Он сказал: „Вы меня не ешьте, заключим сначала одно условие; если вы его выполните, то тогда ладно, — ешьте меня“. Дивы сказали: „Хорошо, какое бы у тебя условие ни было, мы на него согласны“. Трусишка сказал: „Возьмите камни и трите их друг об друга, пока из них масло выжмете, а потом ешьте меня. Если же я из камня масло выжму, то я вас съем“.

3. Они сказали: „Хорошо“. Тогда они взяли камни, но сколько они ни терли камни друг о друга, — масло не выходило. Тогда трусишка взял яйцо, раздавил его и изнутри потекла жидкость. Дивы испугались его и сказали ему: „Если ты нас съешь, то мы согласны, а если не съешь, мы тебе много имущества и добра дадим“. Он сказал: „Хорошо“. Он вместе с ними пошел (к ним) домой. Они сказали друг другу: „Сегодня ночью мы его съедим“. Он понял это. Наступила ночь, и он сказал: „Сегодня ночью постелите мне постель снаружи“. Он притворно лег, потом встал, пошел, взял чурбан, положил на свою постель, а сам спрятался. В полночь пришли дивы и начали бить по чурбану топором. Хорошенько побили, а сами пошли спать. Они легли. Тогда он пришел, взял чурбан и лег сам.

4. sári pigá aw xélt-Ьt wayúk nad: „čylím mén-bo ižymyv!“. awónd-ón hamdigár-bo ýázd-za: „aw mísčv dú“. awónd-on týrós kúl-Ьt, i-bó-n čylím óyad. ba сь man aw ýažd: „ner az tácsym!“. awónd-on i-bo fay lip tilló-t-dawlát-on óyad. aw ýažd: „úgyona máni pъ xi dam zónzv-Ьt úsv“. úk lew máni zúyд pъ xi dám-Ьt, i-bo xón-bo ud. a pi xón i-no iči pъst. ba áw-i ilakorí kúl-Ьt, ýažd xi kučán-bo: „kuč, léw-noy sar myn vru léw-bo ižym!“. lew týrós kúl-Ьt, júk nad. aw сь wan xalós šéd-Ьt, a davlát i-bo frind.

4. Утром он встал и принялся кричать: „Принесите мне чилим!“. Тогда они сказали друг другу: „Он убьет нас“. Они испугались и принесли ему чилим. Потом он сказал: „Теперь я пойду“. Они принесли ему много золота и добра. Он сказал: „Кто-нибудь один возьмите это себе на спину инесите“. Тогда один див взял это на спину и понес к нему домой. А дома у него ничего нет. Тогда он скитрил и сказал своим женам: „Жена, принеси голову дива моему брату диву“. Див испугался, пустился бежать, он от него избавился, и добро ему досталось.

2

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

Фонологическая запись

1. vbd пъс vbd rú vrú-on vbd. 2. dь vru сь úk non. 3. úk vru сь úk nóni digár. 4. ív-no rú úsúk vbd. 5. čyt xí-no kút. 6. katahó-s пъs kút-on. 7. úk-pa áw myn xí-no пъs kút. 8. a i vrughó i úsúk-on ded. 9. aw óyad za: i úsúk пъst. 10. aw xi úsúk škuruk nád-Ьt. 11. i myrdá-yi avúl. 12. zúyд-i, dásht-bo šed. 13. kút-za: štýr óyad. 14. aw bad zúyд wán-Ьt, p-i fíc-i wen sómbvd. 15. kút-za: štýrbdór óyad. 16. úsúkdór šidük nád-Ьt, 17. ýažd: „o-vrú, ti štýr my úsúk-i xúlük“. 18. aw ýažd: „o-vrú, zi na ýáž, štýr úsúk na xarú“. 19. aw ýažd: „p-i pъsér kas, aw sof pъ wen. 20. az šbm podšo-jo, arz kbnym“. 21. „my štýr pъ ti úsúk-noy qárz-Ьta, tъ árzi na šu“. 22. zomán štýr suwór šéd-Ьt, tûyд. 23. i vrudarán-on wénd-za: aw kъ štýr-ru suwór oyád-Ьt, 24. ýážd-on: „o-badbáxt, сь kénjo-t ma štýr óyad? 25. kúy-no aw?“. 26. aw ýažd: „tъmýx my úsúk-Ьv ded. 27. áz-Ьm i myrdá pará-dúd-Ьt, 28. štýr zúyд“. 29. awónd myn xi úsúk-on žád-Ьt i myrdá-on bozór-bo ud. 30. mardóm-on frút: „čiz am?“. 31. awónd-on ýažd: „am úsúk-noy myrdá, myn man kъ štýr pará-dayón“. 32. mardóm-on ýažd: „o-ablá, oxír (|| oxer) myrdá úsúk ič-ku kъ štýr na zúydk“. 33. awónd-on сь xi ári izó xúl-Ьt, tûyд-on. 34. xe úsúk-on ded-Ьt, na štýr-on zúyд na úsúk. 35. bad awónd-on pъ xi bayn maslaát kúl-za: 36. xi čyt vrú-noy nóni žánon. 37. awónd-on i nóni žad. 38. aw sayír šed. 39. xi non myrdá-yi kъ xúr vur kúl-Ьt, 40. pъ úk jo óyad. 41. úk odám

¹ Перевод дан при вариантах шумано-руманской группы на стр. 174.

рь хърмáн-ьс usír zúyd. 42. aw нылуст, 43. xûr рь yaw šьд. 44. a odám xûr-i súng-gûl déd za, 45. мърдá сь xûr wat. 46. a zomán óyad šidük nadyt, 47. yažd: „тъ-т мь non ded, 48. az podšó-jo árzi šb'm“. 49. aw yažd: „má-no дь údúyd, 50. úkyona jídó kén-ьт, рь xi non qárzi zonž“. 51. a zoman i kata údúyd-i zúyd-ьт, xi xón-bo óyad. 52. i vrudarñ-on fyrút: „mán-ьт сь kénjo óyad?“. 53. aw yažd: „áz-ьт xi non mъrdá dûd-ьт, mán-ьт zúyd“. 54. awónd mbs agzi xi non žad-ьт, i mъrdá-on bozór-bo ud. 55. mardémon fyrút: „tъmх ma mъrdá-gûl číz-ьс góxv?“. 56. awónd-on yažd: „méх-ьс wáni кь хъсрú š(b)tók parà-dayón“. 57. mardémon wánhv-on vbrónd-ьт, awónd-on tûyd.

Детализованная запись

1. vъd n s vъd | ru vrúon vъd || 2. d  vru | c  w k non 3. uk vru | c  wuk n ni dig r || 4. ívno | ru wus k vъd || 5. c -t x no kot | 6. katah s | n -s k ton || 7. úkpa | áu m s | x no n -s k t | 8. a i vruh  | yi wus kon ded || 9. aw óyad za | ye "os k n st | 10. aw | xi "us k šk ur k n d t | 11. yi m rdai av l || 12. z ydi | d st bo š d || 13. k t za | št r óyad || 14. aw bat | zuyd w n t | pi f -ci wen s mb t || 15. k t za | št r d r óyad || 16. wus kd r | šid t | 17. ya d | o vr  | ti št r | m  "us ki x lop k || 18. aw ya d | o vr  | zi na ya z | št r "us k na xar  | 19. aw ya d | pi p s r kas | aw sof p  w n | 20. az š m p d s j  | árz k -n m | 21. m s | št r | p  t  wus k noi | q rz ta | te- árzi na š u | 22. zom n | št r | r s w r š d -t | to d | 23. yi vrudar non wend za | aw | k  | št r ru s w r  y d t | 24. ya don | o badb xt | c  | k n | j t | ma št r | óyad? | 25. k j no aw? | 26. aw ya d | t m x | m  "us k v d d | 27. áz m | i m rd  par  d d t | 28. št r z y d | 29. awónd m s xe "us kon ž d t | i m rd on boz r bo "ut | 30. mard mon frut | č z | am? | 31. aw ndon ya d | am | "us kn i m rd  | m x | man | k  | št r par  day n | 32. mard mon ya d | o abl  | ox r | m rd  "us k | l c k  | k  št r na z y duk | 33. aw ndon | c -xe ar  | iz  x l t | t y don | 34. xe "us kon d d t | na št ron z y d | na "us k | 35. bad aw ndon | p x r b  n masla t k l za | 36. xi | c -vr noi n n  | ž en n | 37. aw ndon | i n ni ž ed | 38. aw | sa r | š d | 39. xi non m rd ay  | k  x r v r k l -t | 40. p wuk jo  y d t | 41. wuk od m | p x rm n s "us r z y d | 42. aw n l st | 43. x r | p y w š d | 44. a od m x ri s ng_gul d d za | 45. m rd  | c  x r wat | 46. a zom n óyad | šid t nad -t | 47. ya d | t -t | m  n n  d d | 48. az p d s j  | jo árzi šb'm | 49. aw ya d | m n  | de- w d y d | 50. "ok ona j d  k n -t | p x e n n  q r zi zon . | 51. a z m n | yi kat  w d y d z y d t | xi x n-bo óy t | 52. yi vrudar non frut | m n t | c  k n j   y d t? | 53. aw ya d | áz m | xi non m rd  d d -t | m n m z y d | 54. aw nd m s agzi xe non ž ed -t | yi m rd on boz r bo w d | 55. mard mon frut | t m x | ma m rd  g l | č z t góx v? | 56. aw ndon ya d | m x s w n  | k -x -sr  št k par  day n | 57. mard m | w n v-on v r ond -t | aw nd n t y d |

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Осетинский язык	5—58
Вокализм	10
Состав фонем и их характеристика	10
Дигорский диалект	10
Иронский диалект	14
Длительность гласных	18
Дигорский диалект	18
Долгие (сильные) гласные <i>e</i> , <i>a</i> , <i>o</i>	18
Краткие (слабые) гласные <i>a</i> , <i>i</i> , <i>u</i>	20
Фонема <i>ə</i>	21
Фонемы <i>i</i> , <i>u</i>	22
Выводы	23
Иронский диалект	25
Сильные гласные <i>i</i> , <i>e</i> , <i>a</i> , <i>o</i> , <i>u</i>	25
Слабые гласные <i>ə</i> , <i>ъ</i>	28
Фонема <i>ə</i>	28
Фонема <i>ъ</i>	30
Общие выводы	32
Консонантизм	34
Общие сведения	34
Смычные согласные	36
Щелевые согласные <i>z</i> (<i>š</i>), <i>z</i> (<i>ž</i>)	42
Огубленные согласные	48
Кимограммы осетинских согласных	49
Японский язык	59—79
Вокализм	64
Долгие гласные <i>ɪ</i> , <i>ē</i> , <i>ō</i> , <i>ū</i> , <i>ӯ</i>	64
Краткие гласные <i>a</i> , <i>i</i> , <i>u</i>	66
Противоположение кратких <i>i</i> и <i>u</i> соответствующим долгим парам (<i>ɪ</i> , <i>ē</i> и <i>ū</i> , <i>ӯ</i>)	69
Консонантизм	70
Тексты (в фонологической и в детализированной записи)	72
Список слов в фонологической записи	75

	Стр.
Памирские языки	81—240
Шугнано-рушанская группа	84—175
Вокализм	85
Шугнанский вокализм	86
Состав фонем и их характеристика	86
Долгие гласные	86
Краткие гласные	92
Длительность гласных	98
В односложном слове	99
В двухсложном слове	101
В исходе слова	104
Выводы	106
Рушанский вокализм	106
Состав фонем и их характеристика	106
Длительность гласных	110
Отношение фонемы о к долгим и кратким гласным (в односложном слове)	111
Длительность долгих и кратких гласных в двухсложном слове	116
Длительность краткого i в исходе слова	118
Хуфский вокализм	120
Шугнано-рушано-хуфские соответствия	121
Бартангский вокализм	128
Бартанго-шугнано-рушано-хуфские соответствия	130
Консонантизм	135
Тексты	139
Шугнанские тексты	141
Рушанские тексты	146
Хуфский текст	154
Бартангский текст	157
Сравнительный текст по всем диалектам (Сказка о трех братьях в фонологической и в детализованной записи).	163
Язгуляйский язык	176—208
Вокализм	177
Состав фонем и их характеристика	177
Фонемы а, ă	177
Фонемы i, е, о, ѹ, и	180
Фонема э	182
Длительность гласных	183
В односложном слове перед одним согласным	184
В односложном слове перед двумя согласными	187
В неударенном открытом слоге двухсложного слова	189
Выводы	192
Консонантизм	193
Тексты	195
№№ 1—2 (в фонологической записи)	196
№ 3. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализированной записи)	207
Ваханский язык	209—229
Вокализм	210
Состав фонем и их характеристика	210

	Стр.
Устойчивые гласные <i>i, a, o, u</i>	211
Неустойчивые гласные <i>ы, э</i>	212
Длительность гласных	215
В односложном слове	215
В двусложном слове	217
Выводы	220
Консонантизм	221
Тексты	224
№ 1 (в фонологической записи)	224
№ 2. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализованной записи)	225
Палатограммы ваханских согласных	227
 Ингушский язык	230—240
Вокализм	231
Фонемы <i>i, e, a, u, ы, о</i>	231
Фонема <i>ь</i>	235
Консонантизм	236
Тексты	237
№ 1 (в фонологической записи)	237
№ 2. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализированной записи)	239

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства Г. М. Ибрагимова

Технический редактор Р. А. Аронс

Корректоры Л. А. Ратнер и Н. И. Тарноградская

*

РИСО АН СССР № 4947.

Пл. 24—72 В. М-41652. Подписано
к печати 19/IX 1953 г. Бумага
 $70 \times 108/16$. Бум. л. 78/а. Печ.
л. 20,89. Уч.-изд. л. 15,53. Ти-
раж 2000. Зак. № 727.

Номинал по прейскуранту 1952 г.
10 р. 30 к.

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
16	22 снизу	šøverdta	«søverdta»
41	13 "	см. на рис. 4	см. на рис. 3
45	21 сверху	«k'izg»	«k'izge»
71	6 снизу	«γo»	«γo»
88	5 сверху	ay clidow	ay clidow
89	6 "	mā luv	mā lāv
93	20 "	«ē»	ē
226	1 "	ðəγd	ððγd
233	10 "	'спитой чай'	'скала'
233	19 "	kay 'кто'	gul 'немой'
234	14 снизу	'один'	'его'
235	10 сверху	«k1 - пун»	«k1 - пун»

В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков.

10 p. 30 K.